
**ЭТНИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ
В СТРАНАХ
ЮЖНОЙ
АЗИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

Ответственный редактор
Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

Монография посвящена процессам этнической истории и национальной консолидации народов Индии, Пакистана, Шри Ланка и других народов Южноазиатского субконтинента. Особое внимание в монографии уделено сложностям национального строительства и межнациональных отношений в независимых странах этого региона.

Э $\frac{10602-120}{013(02)-76}$ 55-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1976.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга — третья коллективная монография, подготовленная Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР по проблемам современных этнических процессов в странах зарубежной Азии (той же проблеме посвящены книги: «Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока», М., 1970, и «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии», М., 1974). Основная задача настоящей работы — познакомить читателей с особенностями этнических процессов народов Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала, Бутана, Шри Ланка и Мальдивской республики.

Вопросы происхождения, этнической истории, национального развития и взаимоотношений народов этих стран имеют огромное политическое и научное значение. Последнее особенно усиливается в наши дни ввиду острой политической борьбы, которая разворачивается в Южной Азии в связи со сложностью процессов взаимоотношений как внутри отдельных государств этого региона, так и в пределах Южной Азии в целом. Как известно, отношения эти в послевоенное время нередко принимали конфликтный характер, а в отдельных случаях сопровождалась вооруженными столкновениями.

Книга открывается введением, в котором дается общая характеристика Южноазиатского историко-этнографического района, природной среды, в которой протекали этнические процессы, и основных этапов этнической истории (автор Н. Н. Чебоксаров). Затем идут глава об этнических процессах в Индостане до 1947 г. (автор Н. Р. Гусева) и глава, посвященная этническим процессам в Индийской республике после завоевания независимости в 1947 г. и характеристике основных крупных народов Индии (авторы С. А. Арутюнов и С. И. Королев, раздел о Сиккиме Н. Р. Гусева). Разделы о малых народах Индии (включая Андаманские и Никобарские острова) подготовлены А. Н. Седловской и И. М. Семашко, о Лаккадивах и Аминдивах — В. И. Кочневым.

Дальнейшие главы посвящены этническим процессам в других южноазиатских странах — в Пакистане, Бангладеш, Шри Ланка и на Мальдивских островах (автор В. И. Кочнев), в Непале и Бутане (автор Н. Р. Гусева).

При подготовке издания кроме данных специальной научной литературы использованы оригинальные материалы, собранные С. А. Арутюновым, Н. Р. Гусевой, С. И. Королевым, А. Н. Седловской, И. М. Семашко и Н. Н. Чебоксаровым — в Индии, В. И. Кочневым — в Шри Ланка.

Работа по подготовке книги проводилась под руководством Н. Н. Чебоксарова.

ЮЖНОАЗИАТСКАЯ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ПРОВИНЦИЯ(ПРИРОДНАЯ СРЕДА И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)*

РЕЛЬЕФ И КЛИМАТ

Южная Азия, включающая Индию, Бангладеш, Пакистан, Непал, Бутан, Шри Ланка (Цейлон) и Мальдивские острова, представляет собой одну из наиболее четко выраженных историко-этнографических провинций первого порядка. По сравнению с большинством других аналогичных единиц историко-этнографической систематики Южноазиатский район отличается наибольшей определенностью своих внешних физико-географических рубежей. С севера он ограничен самой высокой в мире горной системой Гималаев и Каракорума, с северо-запада — Гиндукушем и Белуджистанским нагорьем, с северо-востока — Бирмано-Ассамскими горами. На юге Индостан огромным полуостровом далеко выдается в море, омываясь водами Индийского океана, в котором разбросаны несколько групп мелких островов, принадлежащих к этому же субконтиненту. К ним относятся Лаккадивы, Аминдивы и атолл Миникой в Аравийском море, Андаманы и Никобары в Бенгальском заливе (все они входят в состав Индийской республики). Мальдивы с 1965 г. стали самостоятельным государством. Население всех перечисленных островов, так же как и флора и фауна, по происхождению тесно связаны с материком.

Природная среда Южной Азии, хотя и отличается значительным разнообразием, обладает вместе с тем многими общими чертами. Большая часть этой историко-этнографической про-

* Введение написано в значительной степени на основе материалов, собранных автором во время пребывания в Индии в 1964 и 1966 гг. Широко использованы оригинальные данные других советских этнографов и антропологов, в разное время работавших в Южной Азии. Кроме исследователей, указанных в предисловии, необходимо упомянуть еще антропологов М. Г. Абдушелишвили, А. А. Зубова, В. П. Волкова-Дубровина, А. А. Воронова и этнографа М. К. Кудрявцева. Литературу по специальным вопросам читатели найдут в примечаниях к отдельным главам. Необходимо указать еще на книгу И. В. Сахарова «Индия. Рекомендательный список литературы», М., 1974.

винции расположена в тропиках; только на севере Индо-Гангской низменности, особенно же в предгорьях Гималаев, наблюдается постепенный переход к субтропическому поясу с выраженной вертикальной климатической зональностью. Осадков в большинстве районов Южной Азии выпадает много, в Черрапунджи (Ассам) выпадает их мировой максимум — свыше 12 тыс. мм в год. Сезонное и территориальное распределение осадков тесно связано с направлением ветров и рельефом местности. Отчетливо выделяются три периода: *прохладный* с преобладанием северо-восточных ветров, наиболее удобный для сельскохозяйственных работ (октябрь/ноябрь — март); *жаркий*, когда наступает относительное затишье, осадки почти отсутствуют, пересыхают многие реки, выгорают травы, деревья сбрасывают листву, часто наблюдается падеж скота, резко снижается активность человеческой деятельности (конец марта — начало июня), и *дождливый*, во время которого с моря дует юго-западный муссон, часты длительные, иногда почти непрерывные, ливни, местами вызывающие сильные наводнения, деревянные вещи разбухают, кожаные — покрываются плесенью, железные — ржавеют, нередко вспыхивают эпидемии чумы, холеры и других болезней (начало июня — конец сентября). Иногда выделяют еще четвертый период — переходный от дождливого к прохладному.

Продолжительность указанных периодов, сроки их начала и окончания, географическое распределение осадков, а также среднегодовые и сезонные температуры колеблются в разных частях Южной Азии, но определяющая роль муссонов ощущается здесь повсеместно — от снежных вершин Гималаев до мелких коралловых островов Индийского океана и от засушливого Белуджистана до предельно влажного Ассама.

Средняя годовая температура колеблется от $+24$ до $+30^{\circ}$, только в некоторых горных районах она падает до $+12$ — 15° . Летом почти везде очень жарко (до $+30^{\circ}$, а местами до $+45^{\circ}$ и выше); зимой (декабрь — январь) на севере Индостана ночью температура падает иногда ниже $+10^{\circ}$, а в Панджабе и Раджастане — почти до 0° , днем же она и здесь редко опускается ниже $+15^{\circ}$. В тропиках Южной Индии, за исключением возвышенных районов (например, Нильгирийского нагорья), температура и зимой, как правило, выше $+20^{\circ}$. В Шри Ланка и особенно на мелких островах Индийского океана зима почти не ощущается. В распределении осадков, имеющих огромное хозяйственно-культурное значение, большую роль играют горы. Первое препятствие на пути юго-западного муссона — Западные Гхаты, на склонах которых осадков выпадает особенно много. Пронесаясь над Деканом, муссон оставляет здесь часть влаги, основная же ее масса достигает долины Ганга и Брахмапутры и после отражения от Гималаев изливается на их склоны, междуречье Ганга — Джамны и Панджаб. До низовьев Инда эта лавина не

достигает, и здесь образуются засушливые районы. В Западном Раджастанхане, в Синде и Белуджистане есть места, где количество годовых осадков измеряется десятками миллиметров, а в некоторые годы падает до нуля.

ФЛОРА. КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ

Растительность Южной Азии чрезвычайно богата и разнообразна. Почти вся материковая часть этой историко-этнографической провинции (кроме крайнего северо-запада), а также Шри Ланка и мелкие острова Индийского океана относятся к Индийской подобласти Палеотропической области ботанико-географического районирования суши земного шара. Значительные площади Индостана были покрыты в прошлом листопадными (на сухое время года) лесами, в которых произрастали такие ценные древесные породы, как тик и сал. В настоящее время эти зимнезеленые леса во многих районах Южной Азии уничтожены в связи с хозяйственной деятельностью человека. Кое-где на Малабарском побережье, в Западных Гхатах, у подножия Гималаев, в низовьях Ганга и Брахмапутры, а также на юге Шри Ланка сохранились влажнотропические, или «дождевые», леса (гилен), состоящие из вечнозеленых высоких деревьев с крупными, большей частью блестящими листьями, массы эпифитов, разнообразных лиан, включая пальмовые (в первую очередь ротанг), древовидных папоротников и всевозможных других растений. Для влажных тропических лесов Индостана очень характерны фикусы, в особенности баньян с воздушными корнями (*Ficus religiosa*), пользующийся почитанием у многих южноазиатских народов. Имея различную высоту, растения в таких лесах располагаются в несколько ярусов, из которых нижний образуют кустарники. Травянистый покров развит главным образом на опушках, где травы часто поднимаются выше человеческого роста. Широко распространены разные виды семейства имбирных, нередко выделяющиеся своими яркими оригинальными цветами.

К сохранившимся в более засушливых районах Южной Азии естественным ландшафтам кроме лесов принадлежат индийские саванны (батта), состоящие из насаждений дикого сахарного тростника, аланг-аланга и других трав, среди которых разбросаны различные пальмы (кокосовые, сахарные, масличные, пальмировые, арековые и др.), а также всевозможные бамбуки и отдельные листопадные деревья, например гвоздичные и сандаловые. Очень характерны для данной провинции джунгли (на языках хинди и маратхи «джангал» — густой лес; англ. *jungle*) — труднопроходимые, часто болотистые заросли бамбуков и разных кустарников, переплетенных ползучими пальмами и другими лианами. Джунгли часто образуются на зем-

лях, занятых ранее различными сельскохозяйственными культурами, а также на лесных пожарищах, являясь, таким образом, производными («вторичными») растительными сообществами. В наиболее сырых местах, в дельтах рек и у морских берегов растут древовидные или кустарниковые панданусы с поддерживающими «ходульными» корнями, образующими пучки мечевидных узких, но длинных листьев с зубчатыми, режущими краями. Подобные корни часто с дыхательными отверстиями встречаются у типично приморских мангров, приспособленных к жизни в бедной кислородом илистой почве, заливаемой во время приливов соленой водой.

Многие фитогеографы крайний северо-запад Южной Азии с расположенной здесь пустыней Тар относят к Сахаро-Синдской или Североафриканско-Индийской подобласти, которая характеризуется бедной флорой с преобладанием ксерофильных палеотропических, а также средиземноморских и переднеазиатских элементов, в особенности разных видов акаций, тамариска и всевозможных колючих кустарников. Из пальм для этих мест наиболее типична финиковая. Вертикальная климатическая зональность, ярко выраженная в горных районах Южной Азии, обуславливает аналогичную зональность растительности. На южных склонах Гималаев она выступает наиболее ярко: здесь можно наблюдать постепенные переходы от заболоченных джунглей через «дождевые», широколиственные и хвойные леса к альпийским лугам и еще выше к вечным снегам. Менее ясно, но все же отчетливо вертикальная зональность флоры прослеживается в менее высоких и расположенных южнее горных районах Южной Азии, например в Нильгирийских горах или на Шри Ланка. Общее количество растительных видов Южноазиатского историко-этнографического района огромно — свыше 21 тыс. в Индостане и свыше 3 тыс. на Шри Ланка; оно значительно превышает число видов во всех других подобластях флористической Палеотропической области. Естественно, что во все периоды истории, начиная с эпохи первоначального расселения человека в раннем палеолите, Индостан всегда привлекал к себе людей из других частей ойкумены.

Огромное значение для хозяйственно-культурной, а следовательно, и для этнической истории Южной Азии имеет то, что эта область ойкумены относится к одному из основных центров происхождения и многообразия культурных растений, выделенных еще Н. И. Вавиловым. Растения эти, очень различные по своей систематической принадлежности, со времени возникновения земледелия и до наших дней играли очень большую экономическую роль в жизни не только южноазиатских, но и многих других народов земного шара.

По мнению многих исследователей, в Индии у предков народов мунда и родственных им мон-кхмеров, а возможно, и у древних тибето-бирманцев, обитавших в предгорьях Восточных

Гималаев, уже в III—II тысячелетиях до н. э., если не раньше, культивировался рис, ставший впоследствии одной из основных продовольственных культур во многих странах Старого и Нового Света. В Южной Азии находятся также первоначальные генцентры шарозерной пшеницы, дагуссы, сахарного тростника, разных видов фасоли (в том числе маша), баклажана, огурца, многих citrusовых, манго, кунжута, индийской редьки, цейлонской корицы, азиатского хлопчатника, джута, индийской конопли, люффы, черного перца, моркови, разных бамбуков и других растений, игравших большую роль в сельском хозяйстве. Многие растения, возделывание которых началось в других флористических областях, издавна получили широкое распространение на юге Азии, где возникли их крупные вторичные генцентры. К числу таких растений принадлежат происходящие из Африки просяные — сорго, известное в Индии под названием «джовар» (в Средней Азии — «джугара»), и негритянское просо (баджра), кокосовая и сахарная пальмы, разные виды бананов. На северо-востоке Индии (Ассам, Дарджилинг) и на Шри Ланка возникли вторичные центры ценных генотипов чая, происходящего из южных районов Восточной Азии.

ФАУНА ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Животный мир Южной Азии, как и ее растительность, отличается большим многообразием, что обусловлено господством тропического или субтропического климата, разнородностью природных ландшафтов и интенсивным обменом видами в третичную и четвертичную эпохи с соседними регионами, в особенности с Передней Азией и Африкой на западе, с Индокитаем, Южным Китаем и Индонезией на востоке. Большинство зоогеографов рассматривают Южную Азию как особую Индийскую подобласть Индо-Малайской фаунистической области. На севере эта подобласть ограничена Гималаями, на востоке простирается до общей дельты Ганга и Брахмапутры. Наиболее трудно определить ее западные границы, поскольку здесь индийская фауна постепенно сменяется переднеазиатской, проникающей из соседней палеарктической области. Промежуточную зону составляет пустыня Тар, тогда как расположенные к северу от нее Пенджаб и Кашмир заселены главным образом индийскими видами животных, что, несомненно, связано с субтропическим, мягким и влажным климатом этих областей.

Богато представлены на юге Азии различные хищники, причем одни из них имеют местное происхождение, другие же переселились из соседних фаунистических областей. Повсеместно распространены пантеры или леопарды; среди них нередки меланистические формы, раньше неправильно считавшиеся отдельным видом (так называемые черные пантеры). Знаменитые бен-

гальские тигры сохранились почти исключительно в лесах и джунглях Северного Индостана; в настоящее время они взяты под охрану правительствами Индии и Бангладеш. На крайнем западе Южной Азии (главным образом в штате Гуджарат) встречаются в небольшом количестве львы, также охраняемые законом. Из других хищников надо упомянуть разных медведей, в частности лохматого губача, разнообразных виверр, включая широкоизвестного мангуста, или мунго,—бесстрашного охотника на ядовитых змей. В гималайских лесах живет панда — представитель семейства енотов. Пришельцами из Передней Азии и Африки являются быстроногий гепард, издавна используемый на охоте, степная рысь (каракал), полосатая гиена, шакал, волк и похожий на барсука медоед.

Везде в Южной Азии, где есть леса, живет индийский слон, который легко приручается и широко используется для различных работ. Он почти не размножается в неволе. В джунглях Бенгалии и в гилеях гималайских предгорий живут находящиеся под угрозой вымирания индийский однорогий носорог и огромный дикий бык — гаур, одомашненная форма которого — гаял — распространена восточнее Брахмапутры. К типичным для Южной Азии копытным относятся также индийский буйвол — родоначальник домашнего, разные антилопы (в том числе эндемичные для Индийской подобласти крупная нильгао, величиной с лошадь, гарна с прямыми закрученными рогами и четырехрогая), индийский оленёк, или пятнистый канчиль, часто упоминаемый в фольклоре, разные олени (мунтжаки, аксисы и др.) и дикий полосатый кабан — предок местной домашней свиньи. Мигрантами с северо-запада являются, по-видимому, полукозлы, отличающиеся от настоящих козлов отсутствием бороды и небольшими рогами. Из грызунов многочисленны зайцы, белки, летяги, различные крысы и мыши; встречается настоящий дикобраз. Весьма своеобразны ящеры — панголины, покрытые на спинной стороне роговыми чешуями. Насекомоядные представлены ежами, кротами и землеройками. Повсеместно живут разные виды летучих мышей.

Особого внимания заслуживают живущие на деревьях, внешне несколько сходные с белками тупайи, которых многие зоологи и антропологи относят к приматам. К полуобезьянам принадлежат также ведущие ночной образ жизни обитатели тропических лесов, лориевые лемуры (тонкий лори обычен для Южной Индии и Шри Ланка, толстый лори встречается в пределах Южной Азии, главным образом в Ассаме). Узконосые обезьяны представлены на юге Азии различными макаками и тонкотелами, или лангурами, они очень разнообразны и многочисленны, почти везде считаются священными животными и мало боятся людей. Целые группы обезьян в Индостане и на Шри Ланка живут в деревнях и даже в городах, пользуясь съедобными подачками населения. Из макак наиболее извест-

ны резусы, которые в большом количестве экспортируются из Индии в зоопарки, медицинские и научные учреждения всего мира. Обитают макаки-резусы главным образом в Гималаях — от Непала до Северной Бирмы. К тонкотелам относится несколько видов, живущих в материковой части Южной Азии и на Шри Ланка. Эндемичен в Индии, Бангладеш и Пакистане крупный тонкотел гульман, почитаемый здесь как священное животное под названием гануман. Все южноазиатские обезьяны — типично стадные животные.

Из местных птиц для Индийской подобласти характерны своеобразные эндемичные фазаны, павлин, несколько видов диких кур, из которых банкивские хорошо приручаются и являются предками домашних, крупные дрозды и близкие к скворцам майны, которых учат в неволе произносить целые фразы на различных языках. С запада в Южную Азию распространились степные птицы: дрофы, франколины (турачи), рябки, хохлатые жаворонки и др.

Мир рептилий этой области чрезвычайно богат. Эндемичны длиннорылые крокодилы, или гавиалы, живущие преимущественно в бассейне Ганга; довольно обычны и гребенчатые крокодилы, достигающие 8—9 м длины. Повсеместно распространена очень ядовитая очковая змея, или кобра. Из пресмыкающихся следует упомянуть еще грозу обезьян — крупного удава (питона) длиной до 10 м. Из рыб богато представлены карпы и сомы. Исключительно разнообразны на юге Азии беспозвоночные, в особенности паукообразные (в частности, огромные пауки-птицееды) и насекомые (гигантские бабочки самых разнообразных расцветок). Индийская медоносная дикая пчела является родоначальницей местной одомашненной породы.

Если количество культурных растений, происходящих из Южной Азии, как мы видели, очень велико, то число одомашненных животных гораздо менее значительно. Наибольшую хозяйственную и культурную роль из этих животных играет индийский горбатый зебу, который произошел, вероятно, от одной из форм вымершего дикого быка — тура. Для зебу характерен мускульно-жировой горб в области холки, что связано с приспособлением к жаркому сухому климату. Зебувидный рогатый скот распространился на юг Азии, по-видимому, с запада и северо-запада, так как ближайшие к нему породы встречаются в Африке (включая Мадагаскар), в Передней и Средней Азии. Гораздо меньшую экономическую роль играет уже упомянутый гаял, который используется большей частью на мясо (иногда в качестве жертвенного животного), реже употребляется как тягловая сила. Очень велико хозяйственно-культурное значение индийского буйвола, одомашненного еще в III тысячелетии до н. э. и распространившегося по Южной Азии скорее всего с востока, возможно в связи с заливным рисоводством. Козы и овцы здесь сравнительно немногочисленны, лошадей и

ослов еще меньше, и используют их преимущественно в городах. В засушливых полупустынях для транспорта держат одnogорбых верблюдов (дромадеров), происходящих из Аравии, а в Гималаях — яков и цзо — помесь яков с коровами. Повсюду в Южной Азии живут собаки, одомашненные еще в мезолите.

ЗАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОЙ АЗИИ ГОМИНИДАМИ

В нашем распоряжении пока нет достаточных палеонтологических материалов для прямого ответа на вопрос: «Входила ли Южная Азия в состав прародины человека?» Несомненно, однако, что этот регион нашей планеты играл не последнюю роль в процессах антропогенеза и первоначального расселения людей по поверхности земли. В Сиваликских холмах у подножия Гималаев в миоценовых и раннеплиоценовых слоях древностью от 27 млн. до 12 млн. лет найдены зубы и костные остатки дриопитеков (древесных обезьян), которых почти все советские и зарубежные специалисты считают общими предками понгид (человекообразных обезьян) и гоминид. Там же обнаружены остатки живших несколько позднее — 14—8 млн. лет назад — рамапитеков, получивших свое наименование от легендарного принца Рамы — героя индийского эпоса «Рамаяна». Многие антропологи относят рамапитеков (вместе с восточноафриканскими кенияпитеками) к человеческой ветви эволюционного древа приматов. Возможно, что развитие от рамапитеков к древнейшим людям (архантропам) шло через наиболее прогрессивных австралопитеков (южных обезьян Африки).

Скелетные остатки австралопитеков, архантропов, а также их потомков — палеоантропов (древних людей) в Южной Азии до настоящего времени не обнаружены, но находки орудий раннего (нижнего и среднего) палеолита в Индостане и на Цейлоне многочисленны. Самые ранние из этих орудий, особенно найденные в долине р. Нармады в районе Махадео — Пипариа, очень сходны с наиболее древними олдовайскими орудиями Африки и позволяют предполагать, что юг Азиатского материка если и не входил непосредственно в область становления человека, то был им освоен уже в самом начале древнего каменного века не менее 1 млн. лет назад.

Палеоантропологические материалы по позднему (верхнему) палеолиту Индостана и Шри Ланка (примерно 40—10 тыс. лет назад) почти отсутствуют, а археологические представлены только небольшим количеством находок, в первую очередь орудиями, обнаруженными у Ренигунты в штате Андхра-Прадеш, очень сходными по технике изготовления и форме с изделиями того же периода из стоянок Передней Азии, особенно Ирака. Известны позднепалеолитические местонахождения и в других районах Андхра-Прадеша на юге Бихара, в Махараштре.

Сравнительная близость Южной Азии к вероятной зоне сапиентации, где в пещерах Кафзех и Схул (Палестина) были найдены знаменитые костные остатки наиболее прогрессивных палеоантропов, позволяет поставить вопрос о вхождении Индостана (хотя бы частично) в ареал формирования и первоначального расселения людей современного вида (*Homo sapiens*), которые, как и в других регионах Азии, могли метисироваться с популяциями своих неандерталоидных предшественников, стимулируя их эволюцию в сапиентном направлении.

Мезолит (средний каменный век) представлен на юге Азии только каменными, главным образом микролитическими орудиями, которые датируются предположительно X—IV тысячелетиями до н. э. Микролиты найдены на Цейлоне, во многих районах Южной и Центральной Индии, в отдельных местах на юге Пакистана. Древнейшие из этих орудий обнаруживают сходство с позднепалеолитическим инвентарем из Ренигунты, а самые поздние относятся уже к неолиту, сильно напоминая (особенно в Шри Ланка и на крайнем юге Индии) наконечники стрел современных веддов и других малых народов, антропологически и этнографически близких к веддам. Эти изделия, возможно, и были оставлены более или менее отдаленными предками последних.

ФОРМИРОВАНИЕ РАСОВОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ

В позднем палеолите и мезолите начался процесс формирования основных рас вида *Homo sapiens*, всестороннее изучение которых очень важно для понимания этнических процессов в Южной Азии (как и повсюду), в особенности на ранних этапах. К сожалению, из-за крайней скудости палеоантропологических материалов по Индостану и Шри Ланка при анализе данной проблемы приходится основываться главным образом на изучении современного населения. По новейшим полевым материалам, собранным совместно индийскими и советскими специалистами на юге Азии, выделяются три основные группы расовых типов: веддоиды, южные европеоиды (меланохрои) и южные тихоокеанские монголоиды. Веддоиды распространены главным образом на Шри Ланка среди веддов и в южной части Индии среди малых дравидоязычных и мундаязычных народов, относимых к категории «зарегистрированных племен». Веддоидные компоненты входят также в состав многих индоарийских народов, особенно бенгальцев на востоке, маратхов и гуджаратцев на западе. Южные европеоиды сосредоточены преимущественно на севере региона среди крупных индоарийских народов, а также среди дравидоязычных брагуи, но проникают и далеко на восток, вплоть до границ с Бирмой, и на юг в область Деканского плоскогорья, и к сингалам Шри Ланка. Южные монголоиды

ды концентрируются в Индостане почти исключительно на крайнем севере (в области Гималаев) и на северо-востоке среди различных тибето-бирманских народов, мон-кхмерских кхаси и частично в виде примеси среди бенгальцев и некоторых мундаязычных общностей — санталов, собственно мунда и др.

Все три группы расовых типов связаны между собой непрерывными переходными звеньями, которые часто делают невозможным проведение четких географических и морфологических межрасовых границ. Веддоидов и южных европеоидов связывают друг с другом южноиндийская, или дравидоидная, группа расовых типов, широко распространенная на юге и западе Индостана и в Шри Ланка среди дравидоязычных народов, в первую очередь среди каннара, малаяли, тамилы и телугу. К переходным формам (между веддоидами и тихоокеанскими монголоидами) относится восточогималайский тип, представленный в Ассаме кхаси, а также своеобразный веддоидный комплекс со слабо выраженными монголоидными чертами, характерный для мунда, санталов и других малых мундаязычных народов Восточной и Центральной Индии. По его этнографической локализации комплекс этот можно было бы назвать «восточноиндийским».

Формирование веддоидно-европеоидных и веддоидно-монголоидных популяций в Индии (как и в других районах ойкумены) могло быть обусловлено как сохранением древних переходных форм, свидетельствующих о единстве происхождения всех ареальных вариаций людей современного вида, так и более поздней метисацией уже сложившихся экваториальных (австралоидных и негроидных), европеоидных и монголоидных рас.

Некоторые антропологи считают, что южноиндийская группа расовых типов сложилась в результате смешения между веддоидами и меланохроями. Однако наличие среди краниологических материалов хараппской культуры III тысячелетия до н. э. значительного количества черепов, сходных с черепами современных дравидов, заставляет сомневаться в справедливости этого вывода, особенно если принимать его в категорической форме.

Формирование промежуточных веддоидно-монголоидных расовых типов Северо-Восточной Индии, казалось бы, наиболее просто объяснить смешением аборигенных экваториальных популяций с монголоидными группами, проникавшими в Индостан из Юго-Восточной Азии. Однако и здесь нельзя исключать сохранение древних реликтовых форм, связывавших генетически и географически восточные (азиатско-океанийские или австралоидные) группы экваториальных рас с протомонголоидными формами. Многолетние работы по этнической антропологии Восточной Азии, а также оригинальные материалы и впечатления советских ученых во время путешествий по Индии, Индонезии, Вьетнаму, Китаю и Японии красноречиво свидетельству-

ют в пользу гипотезы о глубоких генетических связях между австралоидами и монголоидами в самом процессе их формирования. Так, например, популяции Южного Китая — особенно ли и мяо о-ва Хайнань, яо Ляньнана на севере Гуандуна — по общему расовому облику напоминают ассамских кхаси.

К важным, совершенно новым выводам можно прийти, сравнивая этнические вариации самотологических расовых признаков с межгрупповой изменчивостью некоторых особенностей строения зубов. Так, при анализе концентрации в различных популяциях современных людей лопатообразных резцов, дистального гребня тригониды (эмалевый мостик между передними бугорками нижних коренных), бугорка Карабелли (дополнительный бугорок на верхних коренных) и других признаков зубной системы можно выдвинуть гипотезу о существовании двух основных одонтологических подразделений человечества — «восточного» (австралоидно-монголоидного) и «западного» (негроидно-европеоидного). Сопоставление расово-морфологических и одонтологических данных по народам Южной Азии позволяет предполагать, что веддоиды и южные монголоиды Индийского субконтинента по особенностям своей зубной системы относятся к восточной половине человечества, в то время как южные европеоиды той же части ойкумены должны быть причислены к западной его половине. Дравидоиды Южной Индии как по расово-морфологическим, так и по одонтологическим признакам занимают промежуточное положение между восточными и западными популяциями.

Многие диагностические особенности строения зубов относятся, вероятно, к очень древним признакам людей современного вида, связанным с определенным географическим ареалом. Важно подчеркнуть, что деление человечества на западные и восточные популяции проявляется не только по данным этнической одонтологии. Сходную картину дают материалы по дерматоглифике, изучающей особенности кожных узоров на подушечках пальцев. Так, по величине дельтового индекса, т. е. среднего количества дельт¹ на одного обследованного в каждой группе, наблюдается большое сходство европеоидов с африканскими негроидами (индекс обычно 10—13), а монголоидов — с восточными экваториальными группами (в частности, с веддоидами Индии), у которых индекс значительно выше (14—18). Аналогичные закономерности географических вариаций прослеживаются и по некоторым системам групп крови, например по концентрации «резус-положительного» фактора D, которая в восточных популяциях варьирует от 80 до 100%, а в западных часто падает ниже 70%, или по частоте фактора Даффи (на востоке — обычно более 70%, на западе — менее 50, в Индостане — 50—70%).

Можно предполагать, что в географическом распределении этих несомненно древних нейтральных признаков отражается

какое-то первоначальное деление людей современного вида, которое предшествовало формированию таких расовых особенностей, как форма волос, пигментация, строение глазной области, ширина носа, степень развития наружной слизистой оболочки губ и др. Археологические и палеоантропологические материалы позволяют выдвинуть гипотезу о существовании в далеком прошлом (вероятно, в начале позднего палеолита) двух основных очагов расообразования: западного, где сложились негроиды и европеиды, и восточного, ставшего областью формирования австралоидов и монголоидов. Первый очаг был расположен скорее всего в Восточном Средиземноморье и прилегающих областях Африки, Передней Азии и Южной Европы, второй — в материковой части Юго-Восточной Азии. В пределах каждого из этих двух очагов по мере расселения отдельных популяций в разных ландшафтно-географических зонах произошло выделение более северных (бореальных) и более южных (экваториальных) рас. Сходные экваториальные признаки (сильно извилистые волосы, темная кожа, широкий нос, толстые губы и др.), характерные как для западных негроидов, так и для восточных австралоидов, могли сложиться под действием отбора на разной основе конвергентно в тропиках Африки и Юго-Восточной Азии.

Южноазиатский субконтинент находился, очевидно, между двумя древнейшими очагами расообразования. Как уже упоминалось, до настоящего времени в Южной Азии обнаружено мало памятников позднепалеолитического времени, когда происходило, по всей вероятности, расселение древнейших рас по поверхности нашей планеты. Возможно, что это объясняется не только недостаточной археологической изученностью этого региона, но и тем, что здесь была расположена в период позднего палеолита переходная зона между западными и восточными очагами расообразования, заселенная сравнительно слабо. Как на запад, так и на восток от этой зоны было, надо думать, постепенное нарастание плотности древнего населения, тяготевшего к двум первоначальным центрам расогенеза. Позднее эта пограничная область неоднократно «захлестывалась» попеременно волнами то восточного, то западного происхождения.

Одной из древнейших волн были мезолитические веддоидные племена, характеризовавшиеся восточным типом распределения одонтологических и дерматоглифических признаков. Возможно, что именно к этой волне относятся мезолитические или ранне-неолитические костяки из Лангхнаджа в Гуджарате, отличающиеся некоторыми веддоидными чертами (прогнатизм, широкий нос и др.) в сочетании с долихокранией. Из групп, обследованных в последнее время, наиболее сходны по своему расовому облику с этими древними насельниками Индии ораоны, для которых очень характерно сочетание веддоидных морфологических,

признаков с «восточным» распределением особенностей зубной системы (при почти полном отсутствии каких-либо морфологических монголоидных черт).

ДРЕВНЕЙШИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ

Мы не имеем, конечно, в своем распоряжении никаких прямых данных об этнической принадлежности племен, населявших Индию в периоды позднего палеолита и мезолита. Есть, однако, основания предполагать, что племена эти не были ни аустроазиатскими, ни дравидийскими, ни индоевропейскими, ни тибето-бирманскими, поскольку все перечисленные языковые семьи сложились в более позднее время на территориях, либо расположенных вне Индии, либо захватывающих ее только частично. Расогенетические связи веддоидов Индии с такими же популяциями Юго-Восточной Азии позволяют в виде рабочей гипотезы высказать мысль о том, что языки древнего населения Индостана и Шри Ланка могли быть сходными с языками австралоидных популяций азиатско-океанийской зоны первобытной айкумены, «реликтами» которых являются, возможно, ведды и андаманцы. В этой связи интересно отметить, что находящиеся в хранилище Антропологической службы Индии в Калькутте андаманские черепа обнаружили высокую частоту восточных одонтологических признаков (лопатообразных резцов и дистального гребня тригонида).

К периодам развитого неолита, энеолита и ранней бронзы (III—II тысячелетия до н. э.) многие индийские, советские и другие ученые относят появление на юге Азии племен, говоривших на дравидийских и мундаских языках. Можно только предполагать, что древние дравиды, с которыми часто связывают хараппскую культуру, расселялись из бассейна Инда в восточном и южном направлениях, а мунда, по-видимому родственные по языку мон-кхмерам Индокитая, проникли первоначально на северо-восток Индии, а затем распространились дальше на юг и запад. Несомненно, что как те, так и другие застали в Индии более древнее веддоидное население, которое было ими в значительной степени ассимилировано. Палеоантропологические материалы из могильников хараппской культуры позволяют констатировать, что ее носители — вероятные предки дравидов — принадлежали в массе к южным европеоидам, хотя среди них и встречались довольно часто индивиды с экваториальными признаками — альвеолярным прогнатизмом, широким носом и т. д. При расселении дравидов на юг и восток и смешении их с веддоидами эти экваториальные черты должны были усилиться: результатом было формирование дравидоидной, или южноиндийской, расовой группы. По особенностям строения зубной системы древние дравиды принадлежали к западному типу: на хранящихся в Калькутте черепах из

хараппских могильников восточные одонтологические признаки выражены слабо. В Центральной, Южной и Восточной Индии на дравидийскую речь перешли многие группы более древнего населения, почти полностью сохранившие первоначальный веддоидный расовый облик (ораоны, отчасти гонды и др.).

Предки народов мунда продвигались в глубь Индии с северо-востока навстречу дравидам и, несомненно, смешивались как с ними, так и с веддоидными аборигенами страны. Начало расселения мунда установить трудно, однако многие археологи связывают с ними некоторые культуры позднего неолита и энеолита, в особенности культуры «восточного каменного топора» и «медных кладов и желтой керамики». Палеоантропологических материалов, которые можно было бы твердо связать с древними мунда, в нашем распоряжении пока нет, но, учитывая вероятные расовые и языковые связи современных мунда-язычных народов с ассамскими кхаси, а через них и с мон-кхмерами Индокитая, можно предполагать, что предки мунда принадлежали в массе к переходным австралоидно-монголоидным популяциям, которые по мере их продвижения на юго-запад все больше и больше смешивались с веддоидами Индостана. Естественно, что мон-кхмерские кхаси сохранили южно-монголоидные расовые особенности в большей мере, чем санталы и мунда, основу которых составили веддоидные группы, воспринявшие, вероятно, аустроазиатскую речь и включившие в свой состав только немногочисленные южномонголоидные компоненты. По одонтологическим признакам предки мунда были, вероятно, близки к своим веддоидным предшественникам, по своему происхождению также связанным с Юго-Восточной Азией. Именно этим своеобразным соотношением между более древними одонтологическими и более поздними расово-морфологическими группировками объясняется тот на первый взгляд неожиданный факт, что между дравидоязычными ораонами и соседними с ними мунда и санталами, обладающими некоторыми монголоидными чертами, по диагностическим признакам зубной системы не наблюдается существенных различий.

Расселение в Северной Индии индоарьев, начавшееся, по новейшим археологическим и историко-этнографическим данным, в конце II тысячелетия до н. э., было связано с проникновением на юг Азии с севера и северо-запада новых групп южных европеоидов (меланохроев), морфологически уже тогда значительно различавшихся между собой по расово-диагностическим признакам второго порядка (степени грацилизации, пропорциям мозгового и лицевого черепа, длине тела и др.). В настоящее время можно считать твердо установленным, что индоарьи не были первыми европеоидами в Индии. Как мы уже говорили, само формирование дравидоидных популяций, сложившихся задолго до появления индоарьев, было связано с взаимодействием различных европеоидных и веддоидных групп.

По одонтологическим признакам индоарьи, как и предшествовавшие им дравиды, принадлежали, несомненно, к западному подразделению человечества. Таким образом, сопоставление данных расовой морфологии и одонтологии позволяет выделить в населении Индии по крайней мере четыре расовых пласта: два восточных — веддоидный и южномонголоидный и два западных — дравидоидный и южноевропеоидный. На западе Индии отдельные мезобрахицефальные группы меланохроев, продвигаясь к югу, внедрялись в соседнюю дравидоидную среду и частично меняли свою индоарийскую речь на дравидийскую. Именно таким внедрением можно объяснить, например, большую европеоидность высоких каст каннара или телугу по сравнению с низкими. В северо-восточных штатах Индии — в Бихаре и особенно в Западной Бенгалии — южные европеоиды смешивались не только с веддоидами, но частично и с южными монголоидами, которые были первоначально связаны с тибето-бирманскими, мон-кхмерскими и частично мундаязычными племенами. Так, повышенная концентрация веддоидных расовых признаков и «восточных» одонтологических особенностей у низких каст бихарцев и бенгальцев легко объясняется наличием в их среде большего количества древних аборигенных элементов по сравнению с высокими кастами тех же народов. Потомками наиболее поздних пришельцев с северо-запада являются джаты и гуджары, для которых характерна наибольшая концентрация «западных» особенностей зубной системы в сочетании с резко выраженной европеоидностью, массивностью и долихоцефалией. По своему происхождению народы эти связаны, вероятно, с индо-скифами (кушанами), расселившимися на севере Индии с середины II в. до н. э. по III в. н. э. Возможно, что аналогичен генезис очень своеобразного антропологического облика тогдашних гор Нильгири, сохранивших резко выраженные европеоидные черты, особый хозяйственно-культурный тип полукочевых буйволоводов (подробнее см. ниже, стр. 38) и следы собственного языка, хотя в наши дни они говорят по-тамильски. Так представляется в самых общих чертах картина формирования расового состава современного населения Южной Азии.

Как ясно из предыдущего изложения, III—II тысячелетия до н. э. были на юге Азии не только периодом сложения основных черт антропологической структуры населения, в значительной степени сохранившейся до наших дней, но и временем интенсивных этнических процессов, т. е. процессов образования, расселения, дробления и слияния, консолидации, ассимиляции, интеграции и распада этнических общностей, разнообразных по численности, уровню социально-экономического развития, хозяйственно-культурным особенностям, языку и расовому составу.

В указанную эпоху в Южной Азии постепенно складывались многие характерные для этой историко-этнографической

провинции особенности хозяйства, общественного строя и культуры и уже жили основные этноязыковые группы народов: индоарьи, дравиды, мунда и тибето-бирманцы. В гораздо большей степени, чем теперь, сохранялись в относительно изолированных горных районах и на островах потомки древних аборигенов, последними остатками которых являются ведды, некоторые зарегистрированные племена Южной Индии и, возможно, андаманцы. На протяжении всей последующей истории Южно-азиатского субконтинента и Шри Ланка ассимиляция аборигенов более крупными и обычно экономически более развитыми народами, переход аборигенов на язык последних, а нередко и включение в их состав в качестве низких каст были очень характерны для протекавших в этой части ойкумены этнических процессов.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ И ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ

Огромное значение для этнических процессов имели также неравномерные темпы хозяйственного, общественного и культурного развития народов Южной Азии и обусловленное этим сосуществование и тесное переплетение различных социально-экономических укладов. Корни такой многоукладности восходят к III тысячелетию до н. э., когда на северо-западе Индостана уже существовало раннеклассовое, вероятно, рабовладельческое государство, созданное носителями хараппской цивилизации, в то время как в других районах Индостана и в Шри Ланка везде или почти везде господствовал первобытнообщинный строй и связанные с ним родо-племенные институты.

Многоукладность сохранялась на юге Азии на протяжении рабовладельческой и феодальной эпох, а с началом европейских колониальных захватов не только не исчезла, но, напротив, усилилась в связи с общим торможением социально-экономического развития, крайне запоздалым возникновением капиталистических отношений, их однобоким характером и географически неравномерным распределением (главным образом около больших городов). Большая социально-экономическая пестрота продолжает существовать и после образования в Южной Азии независимых государств — Индии, Пакистана, Шри Ланка, а позднее Мальдивов и Бангладеш. Пестрота эта оказывает отрицательное влияние на социальные и межэтнические отношения, вызывая разобщенность народов, неприязнь между ними, а иногда и острые конфликты.

С социально-экономической многоукладностью тесно связано и разнообразие в Южной Азии хозяйственно-культурных типов (далее ХКТ) — комплексов взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, которые складываются исторически у на-

родов, находящихся на близких уровнях общественного развития и обитающих в сходных естественногеографических условиях. Все ХКТ, сложившиеся до периода капитализма, советские этнографы часто делят на три основные группы, которые различаются между собой все более и более высокой производительностью труда, а вместе с тем и нарастающей величиной прибавочного продукта. К первой группе относятся типы с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства, ко второй — мотыжного (ручного) земледелия и скотоводства, к третьей — плужного (пашенного) земледелия с использованием тягловой силы домашних животных при сельскохозяйственных работах. ХКТ, выделяемые главным образом на основании этнографических данных, не следует, конечно, отождествлять с социально-экономическими укладами, которые дифференцируются по уровню производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Однако взаимозависимость между этими двумя категориями несомненна.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДО ПОЯВЛЕНИЯ ИНДОАРЬЕВ

До «неолитической революции», начавшейся в Южной Азии, по новейшим археологическим данным, в IV, а возможно, и в конце V тысячелетия до н. э., все население этой историко-этнографической провинции (как и человечество в целом) принадлежало к ХКТ первой группы, занимаясь только присваивающими отраслями хозяйства — охотой, собирательством и рыболовством. Наиболее ранние следы перехода к производящей экономике, датируемые неолитом, обнаружены на севере современного Пакистана в бассейне р. Кветты, где были раскопаны остатки временных плетеных хижин пастухов с костями домашних животных (коз, овец и крупного рогатого скота) и относящиеся к немного более позднему времени глиняные дома и печи, каменные фундаменты построек, которые свидетельствуют об оседлом образе жизни и вероятных начатках земледелия.

В Центральной Индии (Декан) по берегам рек открыты многочисленные энеолитические поселения оседлых земледельцев — скотоводов, живших в круглых или прямоугольных хижинах на деревянных столбах со стенами из бамбуковых щитов. Обитатели этих хижин выращивали пшеницу, рис, несколько видов бобовых, лен, разводили буйволов, крупный рогатый скот типа зебу, овец, коз и свиней. Землю обрабатывали вручную палками-копалками с просверленными каменными утяжелителями на нижнем конце, похожими на орудия, употребляемые в наши дни в некоторых районах Индии (например, в Ориссе). Урожай зерновых убирали, вероятно, серпами с каменными вкладышами, тысячи которых были обнаружены на

поселениях. Наряду с каменными орудиями (в том числе шлифованными) были и медные, доставлявшиеся с севера, где находились древнейшие очаги металлургии. Таким образом, археологические материалы позволяют утверждать, что в неолите и энеолите (III—II тысячелетия до н. э.) в некоторых районах Южной Азии у предков современных мунда и дравидов уже складывался хозяйственно-культурный тип мотыжных земледельцев тропиков и субтропиков, в экономике которых значительное место занимало скотоводство.

Создатели древних культур бронзового века долины Инда (Хараппа и Мохенджо-Даро) были оседлыми земледельцами. Они выращивали разные сорта пшеницы (в том числе карликовую, которую и теперь сеют в Панджабе), ячмень, дыни, разные фрукты и овощи, хлопок и финиковую пальму и держали домашних животных — породистых собак, буйволов, зебу, овец и коз, разводившихся ради шерсти и мяса, а также домашних птиц (кур и уток), изображения которых известны по скульптурным рельефам. Некоторые данные позволяют думать, что в этот период уже использовалась лошадь. Прямых свидетельств о применении плуга нет, но весь сложный хозяйственно-культурный комплекс раннеклассового хараппского общества говорит о существовании пашенного земледелия. По мнению некоторых ученых, населению бассейна Инда уже было известно водочерпальное колесо, а следовательно, и искусственное орошение. С расцветом хараппской цивилизации неравномерность социально-экономического развития народов Южной Азии, их многоукладность и принадлежность к разным ХКТ стали особенно ясными. Все это сохранилось с тех пор, по существу, до настоящего времени.

Даже в пределах ареала распространения этой высокой культуры ее узловые центры, прежде всего Мохенджо-Даро и Хараппа, бывшие, возможно, двумя столицами крупного древнедравидийского государства, находились на гораздо более высокой стадии экономического и культурного развития, чем небольшие поселения периферийных районов. Несмотря на огромное влияние хараппской цивилизации, особенно заметное в западных и центральных районах Индостана, все остальные народы Южной Азии были относительно отсталыми по сравнению с хараппцами и уже тогда отличались этнографическим своеобразием, о чем красноречиво свидетельствует множественность древних (доарийских) культур этой части ойкумены.

Так, на юге Индии выделяется особая неолитическая культура «южного каменного полированного топора» (II—I тысячелетия до н. э.), уходящая корнями в микролитический мезолит. Топоры, связанные с этой культурой, как правило, овальные в поперечном сечении, а микролиты очень многочисленны на всем протяжении ее существования. Керамика преимущественно серая, сделанная вручную и очень грубая, однако в позд-

них слоях культуры «южного каменного полированного топора» найдены фрагменты расписной и нарезной керамики, а также единичные изделия из меди и бронзы, что указывает на возможные связи с культурами северо-запада. Очень возможно, что в то время на юге и в центральных районах Индостана происходило взаимодействие продвигавшихся к югу дравидов с аборигенными веддоидными племенами.

Более поздняя южноиндийская культура с мегалитическими захоронениями (вторая половина I тысячелетия до н. э. и I в. н. э.) оставлена, по мнению многих исследователей, непосредственными предками современных дравидийских народов, которые уже тогда были хорошо знакомы с железом. На востоке Индостана между Гангом и Годавари развивалась неолитическая культура «восточного каменного топора», отличающаяся значительным своеобразием, но в то же время обнаруживающая некоторое сходство с неолитом Южной Индии. Основные типы полированных топоров восточноиндийского неолита — плечиковые, прямоугольные или трапецевидные — не похожи на овальные южноиндийские и обнаруживают большое сходство с аналогичными изделиями из Юго-Восточной Азии, особенно с позднехоабиньскими и бакшонскими топорами Индокитая. Можно предполагать, что неолит Восточной Индии, по крайней мере частично, связан с продвигавшимися из Индокитая предками мон-кхмеров и мунда, вступившими в контакт с теми же веддоидными аборигенами, с которыми примерно в ту же эпоху смешивались древние дравиды.

На основе культуры «восточного каменного топора» в энеолите развилась уже упоминавшаяся культура «медных кладов и желтой керамики», верхняя граница которой датируется XII—XI вв. до н. э. Ареал распространения ее, несомненно связанный с народами мунда, охватывал почти весь бассейн Ганга. Основным занятием предков мунда было мотыжное земледелие, хотя охота и рыболовство продолжали играть в их жизни значительную роль. Развиты были и разные ремесла, в первую очередь металлургия меди.

ИНДОАРЬИ, ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ АЗИИ В ДРЕВНОСТИ

Прежние представления об упадке хараппской цивилизации в XVI—XV вв. до н. э. под влиянием нашествия арийских племен в настоящее время почти оставлены, так как появление этих племен на северо-западе Индостана происходило спустя 500—400 лет (XII—X вв. до н. э.) после этого. Не останавливаясь на различных гипотезах о происхождении индоарьев, надо указать, что большинство ученых в настоящее время связывают с ними культуру «серой расписной керамики» конца II — нача-

ла I тысячелетия до н. э. О хозяйстве, общественном строе и культуре арьев можно судить не только по археологическим материалам, но и по свидетельствам вед — священных гимнов древних индийцев. Оформление самой ранней из них — «Риг-веды» — датируется X—IX вв. до н. э.

Индоарийцы этого периода были оседлыми земледельцами и скотоводами. Их главными сельскохозяйственными культурами первоначально являлись ячмень, пшеница, разные просяные (дагусса, баджра, джовар), позднее с востока от мунда, мон-кхмеров или тибето-бирманцев распространяются рис, сахарный тростник и хлопок. Пахотные орудия и ирригация были хорошо известны, тягловой силой служил крупный рогатый скот, разведение которого играло большую хозяйственную роль. Он служил также мерилom стоимости и единицей обмена. Лошади использовались главным образом в военном деле, на них ездили верхом или запрягали в боевые колесницы.

Наличие колесниц очень характерно для древних индоарийцев, освоивших на протяжении I тысячелетия до н. э. почти весь бассейн Ганга с прилегающими к нему с юга районами и основавшими на этой огромной территории несколько раннеклассовых государств, упоминаемых в эпических поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна», а также в других фольклорно-литературных памятниках. В этот же период среди свободных членов общества существовали три сословия (варны) — брахманы, кшатрии и вайшьи, неравные по своему социальному рангу, правам и обязанностям. В процессе развития и дробления этих варн, а также ассимиляции неарийских народов сложились касты, характерные для всех стран Индостана и для Шри Ланка. Изолируя друг от друга социальные и этнические группы населения, кастовый строй на протяжении всей дальнейшей истории, вплоть до настоящего времени, играл огромную роль в этнических процессах Южноазиатской историко-этнографической провинции.

Несмотря на эту изоляцию, сопровождавшуюся, как правило, строгой кастовой и племенной эндогамией, особенно пагубной для малых этнических общностей аборигенов (адиваси), между народами Южной Азии во все исторические периоды происходило многостороннее хозяйственное и культурное взаимодействие. Уже в ведах и в ведической литературе заметно влияние дравидов и мунда. По мнению многих индологов, к арьям от доарийского населения проникли многие брачные обряды и обычаи, мифы индийского эпоса, учение о переселении душ и карме, представления о таких божествах, как Шива, Вишну и др. Аналогичные дравидийские или мундаские корни имеют также различные, характерные для всего Индостана и Шри Ланка особенности материальной культуры — пищи, жилища, утвари, костюма, украшений и т. д. Вместе с тем несомненно, что дравиды, мунда, монкхмеры (в частности, кхаси) и

тибето-бирманцы как в Южной Азии, так и за ее пределами многое заимствовали от индоарийцев, которые оказали большое влияние и на языки всех перечисленных народов. Вообще расселение древних арьев и последующее образование среди них крупных этносов, во многих случаях существующих и в наши дни, способствовали биологической метисации и хозяйственно-культурному взаимовлиянию разных этноязыковых групп населения Южной Азии, выработке у них своеобразного «этнографического синкретизма».

В середине I тысячелетия до н. э. из Северного Индостана в Шри Ланка произошло переселение предков современных сингалов, также говоривших на индоевропейском языке. Почти одновременно с ними на этом острове появляются и южноиндийские дравиды (древние тамилы), по уровню социально-экономического развития не уступавшие сингалам. Как сингалы, так и тамилы вступили в экономические, культурные и биологические контакты с веддами, которые в значительной степени были ими ассимилированы. Такое взаимодействие разных по языку и культуре народов стимулировало в Шри Ланка этнические процессы, аналогичные происходившим в материковой части Южной Азии. Значительную роль в этих процессах сыграли возникшие в VI в. до н. э. (в противовес древнему, но уже синкретическому брахманизму) религиозные системы — джайнизм и особенно буддизм, распространившиеся по всему Индостану. В III в. до н. э. буддизм приняли сингалы, сохранившие его до наших дней.

Во введении к настоящей книге нет смысла подробно останавливаться на дальнейшей этнической истории Южной Азии, так как ей будет уделено большое внимание в главах, посвященных отдельным странам. Следует все же упомянуть, что в 326 г. до н. э. на северо-запад Индостана вторглись войска Александра Македонского, оставившие глубокий след в истории культуры всей Южной Азии, особенно в ее западных районах. Они способствовали проникновению сюда и последующей трансформации на местной основе многих античных и переднеазиатских традиций, сплавившихся между собой на всем огромном ареале эллинистических государств.

В конце I тысячелетия до н. э., когда почти весь Индостан, кроме крайнего юга, вошел в состав могущественной империи Маурьев, достигшей высшего расцвета при Ашоке (268—232 гг. до н. э.), наметились многие общендийские культурные черты, что позволяет говорить о формировании в это время как единого целого Южноазиатской историко-этнографической провинции. Значительную роль в первоначальной консолидации этой провинции (при всем социально-экономическом и этническом разнообразии ее населения) сыграл буддизм, ставший при Ашоке государственной религией. Недаром знаменитая капитель на вершине монолитной колонны (стамбха) из Сарнатха,

воздвигнутая около 240 г. до н. э., стала основным элементом герба независимой Индийской республики. Вспомним также, что буддизм в рассматриваемое время стал религией сингалов Шри Ланка и начал распространяться по северным и восточным окраинам Индостана (включая Непал), а затем и за его пределами — в Юго-Восточной, Центральной и Восточной Азии, всюду неся с собой традиции неповторимой индийской культуры.

После распада империи Маурьев Индия вступила в период политической раздробленности и иноземных вторжений. На рубеже новой эры одним из крупных государств на севере Декана была Андра, населенная дравидийскими, индоарийскими и мундаскими народами. Во II в. до н. э.—III в. н. э. на север Индостана неоднократно вторгались греко-бактрийцы, парфяне и упоминавшиеся выше индо-скифы, или саки. Последние в I—II вв. н. э. создали обширное Кушанское государство, в которое входили кроме севера и северо-запада Индии территории современного Афганистана, а также большая часть Средней Азии (Хорезм) и Бактрия. Эти события вызвали в Южной Азии, особенно в ее северо-западных районах, усиление культурного влияния иранских народов, но не привели к значительным изменениям этнического состава населения. Правда, в формировании некоторых небольших этносов и каст, а возможно, и крупных народов, особенно раджастханцев и гуджаратцев, большое участие принимали саки.

В IV—VI вв. в бассейне Ганга и в соседних областях существовало крупное государство династии Гупта, к периоду которого некоторые историки относят начало формирования феодальных отношений. В это время в процессе сложного переплетения и трансформации различных древних народных культов брахманизма, а в известной степени и буддизма оформился как всеобъемлющая религиозная и мировоззренческая система — индуизм. С тех пор он стал главной религией большинства народов Индии и имел очень большое значение для формирования духовной и в значительной степени материальной традиционно-бытовой культуры Южноазиатской историко-этнографической провинции в целом. Без учета роли индуизма и тесно связанной с ним кастовой системы невозможно понять всего своеобразия этнических процессов, протекавших в прошлом и протекающих в наши дни в этом регионе.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЗАХВАТЫ

В начале VII в., после падения империи Гупта, значительная часть Северного Индостана была на короткое время объединена в раннефеодальное государство Харши, в котором господ-

ствовал индуизм, а роль буддизма все более падала. Примерно в то же время начинаются вторжения в Индию арабов, захвативших на некоторое время Синд. Вместе с ними в Южную Азию проникает ислам, становящийся наряду с индуизмом второй основной религией этой историко-этнографической провинции.

В Южной Индии с VII в. существовало несколько государств, основанных дравидийскими народами, наиболее крупным из них была Чола, в которой индуизм стал преобладающей религией. На севере Индостана примерно в то же время образовался ряд враждующих между собой неустойчивых политических объединений, в которых правили династии из кшатрийских (воинских) каст раджпутов. С конца X в. северные районы Южной Азии снова становятся объектом походов иноземных мусульманских феодалов — выходцев из Средней и Передней Азии — афганцев, таджиков и тюрок.

XI век является переломным периодом в средневековой истории всех южноазиатских стран. Процесс феодализации в это время в основном завершается. Формируется большинство этносов, существующих и в наши дни. Санскрит, остававшийся государственным языком, постепенно вытесняется из бытовой сферы различными разговорными диалектами и говорами, на базе которых позднее складываются новоиндийские языки современных народов. В Шри Ланка примерно в ту же эпоху развиваются феодальные отношения. Тогда же разворачивается борьба сингалов, создавших несколько буддийских государств, с тамилами (по религии индусями), вторжение которых из Южной Индии особенно усиливается в связи с ростом могущества государства Чола.

В 1206—1526 гг. большую роль в политической истории Южной Азии играл Делийский султанат, основанный мусульманскими выходцами из Афганистана и временами объединявший, подобно империи Маурьев, почти весь Индостан, кроме крайнего юга. Однако уже в середине XIV в. начинается распад этого государства: на западе Декана возникает независимый султанат Бахманидов, а на юге Индии — царство Виджаянагар, населенное разными дравидийскими народами.

Взаимодействие местной индийской культуры с передне- и среднеазиатскими традициями, принесенными завоевателями, стимулировало развитие так называемого индо-мусульманского стиля в искусстве, особенно в архитектуре, живописи и поэзии. Тогда же в северные районы Индостана проник таджикско-персидский язык (фарси), ставший государственным языком Делийского султаната и оказавший существенное влияние на многие новоиндийские языки. В индусских государствах, существовавших местами на севере Индии и преобладавших на юге, литературным и государственным языком был санскрит. Правда, в этот же период стали развиваться местные народные язы-

ки, существующие и в наши дни, в частности дравидийские — телугу, каннара, малаялам, тамильский и др.

Многие этнические общности, главным образом на севере и отчасти на юге страны, оказались разделенными по конфессиональной принадлежности на две части — индусскую и мусульманскую. Между ними возникали биологические и культурно-бытовые барьеры, а нередко и прямые конфликты. В то же время в XIV—XV вв. почти всю Индию охватило демократическое движение «бхакти» (равенство перед лицом бога), идеологическим оформлением которого стал вишнуизм. Оно было направлено против мусульманских и индийских феодалов, против кастового неравенства и засилья брахманов, против вражды и нетерпимости на религиозной почве. Движение это способствовало сближению всех народов Индии, осознанию ими принадлежности к общей родине. В Панджабе разновидностью бхакти был сикхизм, отпочковавшийся на рубеже XV—XVI вв. от индуизма и ставший источником образования особой этноконфессиональной общности, которая позднее, как известно, играла очень активную роль в борьбе против англичан.

Новое объединение значительной части Индии от Гималаев на севере и до Декана на юге связано с образованием империи Великих Моголов, которая достигла наибольшего расцвета при падишахе Акбаре (1556—1605), опиравшемся не только на мусульманских, но и на индусских феодалов. Эта империя, самая большая и могущественная из всех феодальных государств Южной Азии, в начале XVIII в. фактически распалась. Известную роль в ее упадке сыграло движение «бхакти», получившее ярко выраженный антифеодальный характер, а также борьба против моголов сикхов Панджаба и маратхов Западной Индии, создавших в XVIII в. мощную политическую конфедерацию, которая охватывала значительную территорию, включая почти весь Декан, Гуджарат, Раджпутану, Ориссу, часть Бенгалии и южные районы современного штата Уттар-Прадеш.

Еще в период расцвета империи Великих Моголов в Южной Азии появились европейские колонизаторы, сначала португальцы, следом за ними голландцы, англичане и французы. Победив на торгово-экономическом фронте своих соперников, Великобритания, действуя через английскую Ост-Индскую компанию, подчинила себе к середине XIX в. весь Индостан, Шри Ланка и мелкие острова в Индийском океане. Южноазиатские народы оказывали захватчикам упорное сопротивление, нередко с оружием в руках. Наиболее ожесточенной была борьба с государством Майсур на юге, конфедерацией маратхских княжеств на западе и государством сикхов в Панджабе. После кровавого подавления восстания 1857—1859 гг., в котором принимали участие широкие народные массы горожан и крестьян, принадлежавшие к разным этносам и религиозным общинам, вся Индия стала официально английской колонией. Шри Ланка бы-

ла полностью аннексирована Великобританией еще в 1815 г., когда после жестоких боев пало последнее независимое Кан-дийское государство сингалов.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

В период империализма вплоть до завоевания странами Южной Азии политической независимости в этом регионе развертывались процессы, имевшие огромное значение для этнической консолидации всех расселенных в этой части ойкумены народов. В это время здесь медленно, но неуклонно (в Индостане, в Шри Ланка и в известной степени на островах Индийского океана) развивались капиталистические отношения, формировались буржуазия, рабочий класс и интеллигенция, хотя повсеместно крестьянство продолжало составлять абсолютное большинство населения. Несмотря на то что английские империалисты стремились превратить южноазиатские страны в аграрно-сырьевые придатки метрополии, в них все же возникали некоторые промышленные предприятия, судоремонтные и железнодорожные мастерские, быстро росли крупные, в особенности портовые города (Калькутта, Бомбей, Мадрас, Карачи, Коломбо и др.), ставшие центрами притяжения для сельского населения самой различной этнической принадлежности.

Внутренние миграции и начавшаяся в конце XIX в. эмиграция (часто временная) в другие страны Южной и Юго-Восточной Азии, в Южную Африку, Океанию и Америку (в частности, в Гайяну) усиливали сложность и мозаичность этнической структуры населения Индостана и Шри Ланка, способствовали более интенсивному, чем раньше, хозяйственно-культурному взаимодействию, а отчасти и биологическому смешению между разными народами. Об этом времени можно уже говорить как о времени начала складывания крупнейших этносов Южной Азии в нации. «Одно из самых основных свойств империализма заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения»², — писал В. И. Ленин. И далее: «Мы заявили в своих тезисах, что освобождение колоний есть не что иное, как самоопределение наций. Европейцы часто забывают, что колониальные народы *тоже* нации, но терпеть такую „забывчивость“ значит терпеть шовинизм»³.

Очень большую роль в этнических процессах во всех странах Южной Азии играл подъем национально-освободительного движения, в которое втягивались самые разные народы, отличавшиеся друг от друга по численности, уровню социально-экономического развития, языку, особенностям хозяйства, культуры и быта. Участие в общей борьбе в сильнейшей степени

способствовало укреплению связей между этими народами, росту у них патриотизма и четкого сознания принадлежности к единому целому, истоки которого восходят еще к более ранним историческим периодам.

У некоторых крупных народов Индостана, в первую очередь у бенгальцев, панджабцев, гуджаратцев, маратхов и тамилгов, процесс зарождения национального самосознания и развития национальной культуры начался еще до восстания 1857—1859 гг., но во второй половине XIX в. он особенно усилился, охватив почти все крупные этносы от Ирана на западе до Бирмы на востоке, от Гималаев на севере до мыса Кумари на юге. Аналогичные процессы протекали в это же время у сингалов Шри Ланка. В начале XX в. национально-освободительное движение в Южной Азии получило новые мощные стимулы под влиянием русской революции 1905 г. и особенно Великой Октябрьской социалистической революции.

Английские колониальные власти стремились всячески задержать социально-экономическое и культурное развитие и тесно связанную с ним этническую консолидацию отдельных народов и их сплочение в рамках таких крупных стран, как Индостан и Шри Ланка. Помимо прямых карательных и репрессивных мер борьбы с национально-освободительным движением английские империалисты для этой же цели широко использовали разжигание социальных, этнических и конфессиональных противоречий, в частности конфликтов между индусами и мусульманами в Индостане, индусами и буддистами в Шри Ланка. Колониальные власти стремились также сохранять или вновь устанавливать внутренние административные границы между провинциями и различными зависимыми княжествами таким образом, чтобы они рассекали этнические рубежи. Ответом на такую политику было в Индии движение за создание так называемых лингвистических провинций — административных единиц с относительно однородным этническим составом населения.

СЛОЖЕНИЕ НОВЫХ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ ПОСЛЕ 1947 г.

Образование независимых государств Индии и Пакистана, проведенное в 1947 г. английскими властями по чисто конфессиональным признакам без учета историко-географических, социально-экономических и, что особенно важно подчеркнуть в данной работе, этнических факторов, сопровождалось, как известно, острыми, нередко кровавыми конфликтами между индусами и мусульманами и массовыми переселениями тех и других. Уже в 1951 г. в Индийской республике жило почти 9 млн. беженцев из Пакистана, главным образом сикхов и индусов из Западного Панджаба и Синда, а также бенгальцев из Восточ-

ной Бенгалии. Встречный поток переселенцев из Индии в Пакистан достиг к середине 1963 г. примерно 10 млн. человек. Он включал восточных панджабцев и различные урдуязычные группы исламизированного населения Северной Индии, мигрировавшие в западнопакистанские провинции, и бенгальцев-мусульман, переселявшихся из западных районов Бенгалии в восточные. Это была одна из самых крупных внутренних миграций в истории Южноазиатского субконтинента, в результате которой произошли существенные сдвиги в этнической структуре населения. Два крупных народа, стоявшие на пути национальной консолидации (панджабцы и бенгальцы), были разделены новыми политическими границами.

В Пакистане, особенно на юге Синда в районе Карачи, значительно возросла численность людей, говоривших на языке урду, который стал государственным языком новой Исламской республики, состоявшей из двух частей, отделенных друг от друга расстоянием почти в 1500 км и населенных совершенно различными народами. Объединяла их только религия. Самый крупный народ этого государства (бенгальцы) вскоре оказался объектом экономической эксплуатации и политической дискриминации со стороны западнопакистанской правящей социальной верхушки. Упорная борьба восточных бенгальцев за свое освобождение, поддержанная Индией, переросла в конце концов в вооруженное восстание и завершилась образованием в 1971 г. нового независимого государства — Народной Республики Бангладеш с однородным этническим составом населения (около 98% бенгальцев). С провозглашением независимости Бангладеш сложились все государства Южной Азии, существующие в наши дни, сформировалась та политико-географическая среда, в которой протекают этнические процессы, характерные для этой историко-этнографической провинции.

К каждой стране Южной Азии и в наши дни вполне применимо сформулированное В. И. Лениным положение: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»⁴. Несомненно, что во всех странах Южной Азии действуют обе тенденции, отмеченные В. И. Лениным. Однако преобладают здесь исторически прогрессивные процессы экономического и культурного сближения различных этни-

ческих общностей, их интенсивного взаимодействия, а во многих случаях смешения и даже слияния. Очень важно подчеркнуть, что процессы эти разворачиваются, как правило, в рамках исторически сложившихся государств. Политические границы в Южной Азии все больше и больше становятся также рубежами между крупными историческими общностями нового типа независимо от того, являются ли эти общности однородными или неоднородными в этническом отношении. Очевидно, к таким общностям принадлежит и ясно сознает эту принадлежность большинство населения Индии, Пакистана, Непала, Шри Ланка, Мальдивских островов и Бангладеш. В Южной Азии только прежний Пакистан, состоявший из двух территориально, экономически и этнически разобщенных частей — западной и восточной, — никогда не был подобной устойчивой общностью, оставаясь в 1947—1971 гг. искусственным политическим образованием (несмотря на все попытки его лидеров говорить о единой исламско-пакистанской «нации»).

В новейшей советской историко-этнографической литературе общности такого рода часто называют «этнополитическими» или, если речь идет о периоде капитализма (а также социализма), «национально-политическими». Многие современные государства на юге Азии и складывающиеся в их пределах национально-политические общности имеют, как мы видели, глубокие исторические корни, восходящие к историко-этнографическим областям различных порядков. Одной из крупнейших и древнейших историко-этнографических провинций мира является сама Южная Азия в целом. Меньшими по величине и входящими в эту провинцию уже давно были Индия и Шри Ланка, а в настоящее время буквально на наших глазах имеют тенденцию стать таковыми Бангладеш, а может быть, и обновленный Пакистан, если там удастся достичь подлинного экономического и политического сплочения разных народов — панджабцев, синдхов, пуштунов, белуджей, брагуев и др.

Следует сказать, что уже в средние века (а частично и раньше) в Южной Азии существовали экономические связи между различными народами, вырабатывались в процессе их передвижений, смешений и взаимовлияний сходные черты хозяйства, материальной и духовной культуры, развивались языки, служившие, несмотря на многоязычность населения, средствами общения между этими народами, часто использовались общие системы письменности местного происхождения. Можно было бы привести большое количество примеров, иллюстрирующих эти общие положения. К числу таких примеров в области материальной культуры относятся очень сходные у многих народов однолемешные пахотные орудия с деревянным остовом, запрягаемые парой буйволов или быков, глинобитные или глинобитно-каркасные постройки, мясные, рыбные или овощные кушанья с острыми приправами «карри», основные типы не-

сшитой нательной мужской и женской одежды (дхоти, ланготхи и сари), только на северо-западе Индостана заменяемые шароварами или сшитыми юбками. При путешествиях по разным районам Южной Азии бросается в глаза, как много сходных черт имеется в материальной культуре разных народов, несмотря на специфику конкретных ее форм у каждого из них. Это служит как бы живой яркой иллюстрацией культурного «единства в многообразии», вообще характерного для большинства историко-этнографических областей большого масштаба.

Много общего между народами разных южноазиатских стран наблюдается и в архитектуре, изобразительном искусстве, музыке, танцах и фольклоре. Так, в Индии и соседних странах среди народов, говорящих на индоевропейских, дравидийских, мундаских и даже тибето-бирманских и мон-кхмерских языках, пользуются огромной популярностью эпические циклы «Махабхараты» и «Рамаяны» с их излюбленными героями Арджуной, Драупади, Рамой, Ситой и др. Как уже упоминалось выше, участие в национально-освободительной борьбе значительно укрепило связи между разными южноазиатскими народами, несмотря на неоднократно возникавшие противоречия, иногда приобретавшие антагонистический характер. Герои освободительного движения становились общими героями целой страны, независимо от их этнической принадлежности. Все народы Индии, например, чтят память Типу-султана, Лакшми Бай (рани Джанси), Тилака, Ганди и Джавахарлала Неру, принадлежавших к разным народам. Не только в Индии, но и во всей Южной Азии и далеко за ее пределами огромным почитанием пользуется гениальный бенгальский писатель-гуманист Рабиндранат Тагор.

После завоевания независимости тенденция социально-экономического и культурного сплочения народов южноазиатских стран в рамках сложившихся здесь государств еще усилилась. У населения этих стран выросло сознание принадлежности к национально-политическим общностям, которые в неспециальной литературе и прессе часто называют «народами» в самом широком смысле слова. Вполне реальными стали такие понятия, как «народ Индии», «народ Пакистана», «народ Непала», «народ Бангладеш» или «народ Шри Ланка».

Совершенно очевидно, что эти «народы» или «национально-политические общности» ни в коем случае не могут быть отождествлены с этническими общностями, в том числе и с нациями, хотя в политической жизни всех стран Южной Азии постоянно пользуются термином «нация» для обозначения таких общностей, по существу ставя знак равенства между понятиями «нация» и «государство». Вопрос об отношении национально-политических (или — шире — этнополитических) общностей к этносам должен быть рассмотрен особо. Только в странах с однородным или почти однородным этническим составом насе-

ления, например в Бангладеш или в Мальдивской республике, провозглашенной в 1968 г., национально-политические общности в наши дни совпадают со сформировавшимися или формирующимися нациями. Во всех других государствах Южной Азии такого совпадения нет. И Индия и Пакистан, вне всякого сомнения, должны рассматриваться как многонациональные государства, что не исключает глубокого и древнего культурного и этнополитического единства индийцев и позволяет поставить вопрос о возможности формирования аналогичного единства у пакистанцев. Шри Ланка, по мнению некоторых специалистов, становится двунациональной страной. Существование сингальской нации никем не оспаривается, но наряду с ней складывается, по-видимому, и новая цейлоно-тамильская нация. В Непале — стране с сильными пережитками феодализма, очень слабым развитием капиталистических отношений и сложным этническим составом населения, говорящего на разных индоарийских и тибето-бирманских языках, — национальная консолидация только начинается. Ее ядром являются непальцы, индоарийский язык которых считается государственным и используется в качестве второго языка большинством других народов. Большую роль, как язык культуры, играет также тибето-бирманский язык невари.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОСЫ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗМЫ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Для понимания сложных современных этнических процессов очень существенным является разграничение понятий «этнос в узком смысле слова» (этникос) и «этносоциальный организм» (далее ЭСО)⁵. Ю. В. Бромлей в книге «Этнос и этнография», рассматривая этнос в узком смысле слова, как осознанную устойчивую систему своеобразных черт культуры (включая язык), этнических и межэтнических (в том числе общечеловеческих), подчеркивает его связи со своей средой, «которую составляют как социальные, так и природные факторы, выступающие в качестве неперменных условий его возникновения»⁶.

В результате взаимодействия этноса с социально-культурной средой складываются особые «синтетические» образования, выступающие в качестве наиболее распространенных форм существования этноса внутри различных социально-экономических формаций.

Если применить эти положения к современной этнической структуре населения Южноазиатской историко-этнографической провинции, то прежде всего необходимо констатировать, что абсолютное большинство этого населения принадлежит к сформировавшимся или формирующимся крупным ЭСО — нациям, которые состоят главным образом из крестьянства, имущест-

венно уже очень неоднородного, но включают также ремесленников в различных долях, сельскохозяйственный и промышленный пролетариат, национальную буржуазию, разные феодальные прослойки (в том числе служителей культа) и интеллигенцию, большей частью буржуазную или помещичью, реже — крестьянскую по своему происхождению.

Этнографически все южноазиатские этносы, сложившиеся в нации, относятся к хозяйственно-культурным типам третьей группы, т. е. к пашенным земледельцам, среди которых могут быть выделены два основных ХКТ: пашенные земледельцы влажных тропиков и субтропиков, где рис является главной сельскохозяйственной культурой; пашенные земледельцы засушливой субтропической зоны с преобладанием посевов пшеницы, разных просяных, отчасти кукурузы. В некоторых районах (особенно пустынных, полупустынных) значительную роль играет животноводство. Первый из этих типов характерен почти для всех крупных этносов Шри Ланка, Индии, Бангладеш и частично Непала, второй — для многих народов Пакистана и крайнего северо-запада Индии.

Интересно отметить, что заливное рисоводство, лежащее в основе хозяйственно-культурного типа пашенных земледельцев влажных тропиков и субтропиков, очень трудоемко, требует приложения большого числа рук, коллективного, общинного труда. В то же время рис считается наиболее урожайной из всех сельскохозяйственных культур, дает максимальное количество зерна с единицы площади, позволяя снимать 2—3 урожая в год. Можно сказать, что наиболее крупные по численности народы Южной Азии сложились именно на базе заливного рисоводства. На северо-западе Индостана, куда почти не доходил влажный морской муссон и где выпадало мало осадков, во многом аналогичную роль играл хозяйственно-культурный тип пашенных земледельцев засушливой зоны с преобладанием просяных и пшеницы в качестве главных культур, однако на базе этого типа в условиях отсталой традиционной агротехники докапиталистического периода не могли сложиться столь крупные и компактные этнические массивы, как на базе заливного рисоводства. Заслуживает внимания примерное совпадение границ фито- и зоогеографических областей с границами ареалов преобладания обоих основных ХКТ Южной Азии.

Этносоциальными организмами, достигшими высокой степени национальной консолидации в Индийской республике, являются: из индоарийских народов — бенгалцы, маратхи, гуджаратцы, ория, панджабы, ассамцы и кашмирцы; из дравидийских — телугу (или андра), тамилы, каннара и малаяли. Все эти нации имеют свои штаты, выделенные по лингвистическому признаку, в которых они составляют большинство населения (часто абсолютное). В нации с отчетливым самосознанием сложились бенгалцы (восточные) в Бангладеш, сингалы в Шри Ланка,

панджабцы (западные) и синдхи в Пакистане. Национальная консолидация двух последних народов тормозится тем, что государственным языком Пакистана признан урду, языки же панджаби и синдхи, господствующие в бытовой жизни, не пользуются официальным признанием даже в региональном масштабе.

Для Южной Азии характерно наличие крупных народов, развивающихся на базе одних и тех же этносов прошлого, но в настоящее время сложившихся в самостоятельные ЭСО в пределах различных государств. К их числу относятся бенгальцы Индии и Бангладеш, панджабцы Пакистана и Индии (с выделением еще своеобразной этноконфессиональной общности сикхов), тамилы Индии и Шри Ланка с подразделением последних на «ланкийских» и «индийских». Во многом аналогично и положение синдхов, составляющих в Пакистане самостоятельную нацию. В Индии же их насчитывается около 1,5 млн., и живут они в Гуджарате, Махараштре и Раджастанхана. На путь национальной консолидации вступили также белуджи и пуштуны, однако этот процесс тормозится у них не только настойчиво проводимой правительством Пакистана урдуизацией, но и слабым развитием капитализма и сохранением сильных пережитков родо-племенных институтов (особенно у кочевников и полукочевников). Кроме того, этническая близость пуштунов Пакистана и афганцев, породившая «пуштунский вопрос», еще более осложняет процессы этнического развития, которые в Пакистане вообще часто приобретали в прошлом и приобретают в наши дни конфликтный характер. О формировании непальского этносоциального организма с собственно непальским ядром уже упоминалось выше.

Гораздо дальше по пути консолидации продвинулись мальдивцы, которые, невзирая на свою малочисленность (около 100 тыс.) и смешанность происхождения из сингальских, индийских (дравидийских) и арабских компонентов, в настоящее время могут рассматриваться как сложившаяся небольшая, но самостоятельная нация.

ХИНДИЯЗЫЧНЫЕ НАРОДЫ

Очень сложной является этническая структура населения штатов Северной Индии — Раджастанхана, Харяны, Химачал-Прадеша, Уттар-Прадеша, Мадхья-Прадеша и Бихара (а также союзной территории Дели), которые входят в зону господства языка хинди. Наряду с хинди среди мусульман широко распространен близкородственный ему, но насыщенный арабскими и иранскими элементами язык урду, также относящийся к числу 14 основных языков Индии, признанных конституцией республики. Для общего обозначения хинди и урду иногда употребляют предложенный индийским лингвистом А. Р. Келкарот термин

«хирду». Всего в Индии, по данным 1961 г., на хирду говорило 36% населения.

Западная часть зоны языка хинди занята штатом Раджастан. Несмотря на то что язык раджастанцев не входит в число 14 основных языков Индии, процесс национальной консолидации выражен у этого народа очень отчетливо. На восточных рубежах ареала официального господства хинди расположен штат Бихар, население которого часто описывают под общим названием «бихарцев», хотя в действительности оно состоит по крайней мере из трех самостоятельных, хотя и близких между собой, этнических общностей, говорящих на языках бходжпури, майтхили и магахи.

Собственно хиндустанцы, или, по терминологии И. В. Сахарова, хирдустанцы, т. е. индийцы, родным языком которых является хинди или урду, нередко фигурируют в различных изданиях (особенно в справочных) в качестве крупнейшего народа Южной Азии и одного из самых больших этносов мира. В действительности хирдустанцы ни лингвистически, ни этнически не представляют собой единого целого.

Специфика этноязыковой ситуации в зоне хирду состоит в том, что здесь весьма распространено явление лингвистической и этнической территориально непрерывной переходности. На огромной территории великой Индо-Гангской равнины и в соседних с ней районах — от Бихара на востоке до Панджаба на западе — нередко одни разговорные языки и диалекты местного населения постепенно и незаметно переходят в другие, через серию промежуточных языковых форм. В этом отношении характерна следующая распространенная в зоне хирду поговорка: «Через каждые семь косов язык меняется»⁷.

МАЛЫЕ НАРОДЫ ЮЖНОЙ АЗИИ

Кроме крупных народов, сложившихся в нации или вступивших на путь национальной консолидации, в Южной Азии расселено большое количество этнических общностей, которые в силу малочисленности, социально-экономической отсталости, территориальной разобщенности, далеко зашедшей ассимиляции более крупными народами и других исторических причин не имеют реальных перспектив сложиться в самостоятельные нации и развиваются как национальности или ассоциированные с большими нациями «вторичные» народности. Все эти народы в советской этнографической литературе несколько условно называют «малыми». В Конституции Индийской республики (статья 303-В) малые народы занесены в список зарегистрированных племен (scheduled tribes), составленных для проведения среди них социально-экономических и культурных преобразований. Подавляющее большинство зарегистрированных племен от-

носятся к «адиваси», т. е. «первопоселенцам», которые сильно отличаются друг от друга по уровню социально-экономического развития, хозяйственно-культурному типу, языку и антропологическому составу. Большим социально-экономическим и этнографическим разнообразием отличаются также малые народы Пакистана, Бангладеш, Непала и Шри Ланка.

Малым народам Индии в настоящем сборнике посвящен особый раздел, о таких же народах других южноазиатских стран читатели получают сведения в соответствующих разделах. Во введении необходимо остановиться только на некоторых общих вопросах, связанных с положением малых народов среди других этносов Южноазиатской историко-этнографической провинции. Прежде всего следует подчеркнуть, что во всех странах этого региона малые народы, несмотря на их большое число, составляют незначительную часть населения. В Индии, например, на их долю приходится менее 3% всех жителей. Из 187 индийских языков половину составляют языки, на которых говорят менее 10 тыс. человек. В то же время здесь насчитывается 23 языка, на которых, по данным переписи 1961 г., говорило в совокупности свыше 97% населения республики. В других странах Южной Азии численное преобладание крупных этносов над малыми народами ощущается еще более резко.

Малые народы характеризуются значительным хозяйственно-культурным разнообразием и обособленностью от соседей, что во многих случаях способствует их длительной социально-экономической и биологической изоляции, которая существенным образом отражается на протекающих у них этнических процессах.

Характерно, что малые народы Южной Азии в большинстве случаев расселены в виде территориальных «сгустков» в зонах контактов нескольких крупных народов или их этноязыковых групп, а также в переходных районах между историко-этнографическими провинциями или областями. Наибольшее число малых народов сосредоточено вдоль западных, северных и восточных рубежей Южноазиатской провинции в местах, пограничных с соседними историко-этнографическими единицами высшего порядка — Переднеазиатской, Центральноазиатской и Юго-Восточно-азиатской. Это «ожерелье» малых народов лежит на территории, простирающейся от дравидоязычных брагуев Юго-Западного Пакистана через так называемые дардские народы Гиндукуша (кхо, кохистанцы, шина), и буришков далее к востоку через гималайские этнические общности Северной Индии, Непала, Сиккима и Бутана вплоть до мон-кхмерских и тибето-бирманских этносов Ассама, Мегхалая, Аруначал-Прадеша, Нагаланда, Манипура и Трипуры.

Народы перечисленных областей этнографически разнообразны, но в большинстве относятся или еще недавно относились к хозяйственно-культурным типам второй группы — мо-

тыжным земледельцам и в меньшей мере к скотоводам. Наиболее развитые и крупные из этих народов — кхаси, гаро, нага, мейтхей (манипури), мизо (лушей) — давно уже перешли полностью или частично к пашенному земледелию, в последние годы многие из них достигли больших успехов в экономическом, общественном и культурном развитии, в борьбе за политическую автономию, иногда принимавшую очень бурный, даже вооруженный характер, особенно у нага и мизо. Положительным результатом этой борьбы было образование в составе Индийской республики новых штатов — Манипура, Мегхалаи, Нагаленда и Трипуры, коренные народы которых вступили на путь национальной консолидации.

Во внутренних районах материковой Индии также расположено несколько скоплений малых народов, локализованных большей частью на стыке крупных этноязыковых ареалов. Одно из таких скоплений примыкает к плато Чхотанагпур (сандалы, ораоны, мунда и др.), второе расположено в центральной части страны (гонды, кхонды и другие дравидоязычные племена), третье локализовано на западе — в Махараштре, Гуджарате и Раджастанхне (главным образом бхили и мина, перешедшие на индоарийские языки), четвертое — на юге Индостанского полуострова в Тамилнаду, Керале, Карнатаке (Майсуре) и Андра-Прадеше (ченчу, курумба, тода, ирула и многие другие).

В хозяйственно-культурном отношении большинство этих народов принадлежит к мотыжным земледельцам, а некоторые из них, главным образом живущие в Центральной и Южной Индии, сохранили в пережиточной форме черты охотников и собирателей жаркого пояса (курумба, ченчу, мудувары, бирхоры, отдельные группы гондов и т. д.).

В настоящее время большинство перечисленных народов, переходя на язык своих соседей, превращаются в их этнографические группы; так, тода и кота восприняли язык тамиллов, а бхилы — языки маратхов, гуджаратцев или раджастханцев. Однако кастовый строй способствует тому, что малые народы, даже приняв язык крупных этносов, сохраняют свою биологическую изоляцию, оставаясь эндогамными, а по уровню этнического развития очень различны: некоторые из них крайне малочисленны (менее 1 тыс. человек), сохраняют многие пережитки первобытнообщинного строя и родо-племенной организации (ченчу, кота, тода, панийаны), другие же, насчитывающие несколько миллионов человек, имеющие свой рабочий класс, буржуазию и интеллигенцию (санталы, гонды), стоят на пороге национальной консолидации, которая, однако, крайне затрудняется территориальной разбросанностью, отсутствием компактных ареалов расселения, мозаичной чересполосицей с другими народами.

К малым народам, сохранившим частично ХКТ первой группы (охотники, собиратели, рыболовы), относятся также

никобарцы, андаманцы и ведды. Особое место в этнической структуре населения Южной Азии занимают такие высокоразвитые социально-экономически и культурно народы, как ираноязычные парсы Бомбея, мавры, бюргеры и малайцы Шри Ланка.

Таким образом, в наши дни почти во всех государствах Южной Азии сохраняются «малые» народы разной численности, происхождения, хозяйственно-культурного облика и уровня социально-экономического развития, являющиеся группами племен (соплеменностями) или гораздо чаще народностями, ассоциированными с крупными нациями и перешедшими на их языки. Все эти малые народы имеют тенденцию превратиться в своеобразные территориально-кастовые субэтноты (этнографические группы) более крупных народов или же полностью ассимилироваться с ними.

ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ ЮЖНОАЗИАТСКОГО СУБКОНТИНЕНТА (ДО 1947 Г.)

ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДО ЭПОХИ КОЛОНИАЛИЗМА

Основные исторические события

История Индии теснейшим образом связана с этнической историей многонационального ее населения: важнейшие исторические события часто порождались столкновениями между этносами (чаще — группами этносов), их стремлением к этническому самоопределению, к закреплению за собой определенных территорий и их борьбой за культурное, экономическое и политическое самоутверждение и развитие.

Древнюю Индию по праву относят к числу стран, где зародилась цивилизация человечества: корни истории этой страны уходят в глубь тысячелетий. Древнейшей из высокоразвитых культур Индии является цивилизация долины Инда (или цивилизация Хараппы), которая расцвела в III—II тысячелетиях до н. э. на северо-западе страны. При раскопках археологи находят руины прекрасно распланированных городов, остатки двух- и трехэтажных кирпичных домов, предметы искусства, рассказывающие о высоком уровне развития культуры этого раннеклассового общества¹.

Наука пока не может ответить на вопрос об этнической принадлежности народов, создавших эту цивилизацию, — письменность, сохранившаяся на печатях и амулетах той эпохи, еще не расшифрована. Большинство индийских и западных, а также советских ученых полагают, что эти народы говорили на языках дравидийской семьи².

Ряд находок говорит о том, что население северо-запада Индии знало мореплавание, занималось земледелием, скотоводством и поддерживало хозяйственные и культурные контакты со странами Древнего Востока³.

Эта цивилизация пришла в упадок к середине II тысячелетия до н. э. Причины, приведшие ее к гибели, пока не выявлены наукой.

В конце II тысячелетия до н. э. в этих районах стали расселяться племена, известные под названием «арьев», пришедшие, по всей видимости, из южных областей Восточной Европы, точнее, из Северного Причерноморья. Они говорили на языке (имевшем много диалектов) индоевропейской семьи⁴.

Пути арийских племен в сторону Индии еще не прослежены наукой с исчерпывающей полнотой. Их миграции были не единовременными, а постепенными или волнообразными. Значительные их массы продвигались в сторону Индии через Южное Приуралье и по Средней Азии, но какая-то часть шла и другим путем — из южнорусских степей через северокавказские и закавказские области в Малую Азию, а оттуда уже на восток, в Индию⁵.

В эпоху расселения по Индии племена ариев вступали в контакты с разными группами местного населения. Судя по преданиям ариев, они часто воевали с местными народами, захватывая их земли. На северо-западе Индии жили, по-видимому, дравидоязычные народы, вдоль долины Ганга — носители языков, относящихся к семье мунда, а между Гангом и Гималаями — народы, говорившие на тибето-гималайских языках (подробнее об этом см. ниже).

В конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э. между всеми этими этническими группами происходил сложный процесс взаимной ассимиляции — формировались новые этносы и антропологические типы, характеризующиеся разной степенью преобладания физических черт, свойственных арийским или местным народам.

Языки той и другой группы тоже взаимно влияли один на другой, и постепенно обеими сторонами усваивались лексические и фонетические элементы языков доарийских и арийских народов.

В эту эпоху на севере страны стали складываться ранние государства, частично с монархическим, а частично с республиканским строем правления, население которых носило этнически смешанный характер. Многоплеменность этого населения затрудняла деятельность централизованной власти, и, как правило, эти раннегосударственные образования существовали недолго — границы их постоянно менялись⁶.

В VI в. до н. э. часть государств и племенных земель Северо-Западной Индии вошла в империю Ахеменидов. С этим периодом некоторые историки связывают начало проникновения в Индию элементов древнеиранской культуры (документально подтверждено развитие в эту эпоху широких взаимных хозяйственных связей между Ираном и Индией).

Первым крупным индийским государством стала империя Маурьев (центр которой — Магадха — был расположен на Ганге в области современного Бихара), сложившаяся в V в. до н. э. и достигшая расцвета в III в. до н. э. при царе Ашоке Маурья.

Она охватывала почти все земли Индии, за исключением крайнего юга и северо-западных районов, входивших в те века в персидскую империю Ахеменидов. Государственная политика Маурьев проводилась по единым для всей империи законам, что в известной мере способствовало сближению народов Индии уже в ту далекую эпоху и послужило основой дальнейшего формирования и развития целого ряда общих черт в культуре и социально-правовых институтах населения страны.

В период правления Маурьев группы населения Восточной Индии стали переселяться на Шри Ланка, очевидно, морским путем (судя по преданиям) и принесли туда буддизм. Возможно, это и были предки современных сингалов, язык которых тоже относится к числу индоарийских языков.

В эпоху возвышения Магадхи в Индию вторглись греки. Несмотря на их довольно длительное пребывание в стране, это не привело к формированию новых этносов или этнографических групп. Греки оставили заметный след лишь в искусстве северо-западных областей (например, так называемый гандхарский стиль в скульптуре).

В начале нашей эры в Индии возникла новая крупная империя — Кушанская — с центром на северо-западе. Ее границы охватывали близлежащие области Афганистана и Средней Азии. Образование этой империи способствовало интенсивному проникновению в Индию больших групп населения из этих стран, в частности саков — среднеазиатских скифов. Все это активизировало этнообразующие процессы и упрочило связи Индии с сопредельными странами. К концу III в. н. э. эта империя распалась.

В IV в. образовалась новая мощная империя — империя Гуптов, центр которой снова находился на востоке — в Магадхе. В ее пределы вошли многие этнические территории, входившие некогда в империю Маурьев. Эта империя перестала существовать из-за внутренних столкновений между правителями разных ее областей и в результате набегов эфталитов (среднеазиатских гуннов) на ее северо-западные и северные районы.

В эпоху Гуптов продолжалось сближение народов, которое началось в пределах государства Маурьев. В этот период выработалось и упрочилось единство многих сторон их духовной культуры и социального строя. В эти века завершились также процессы расселения по Индии основных этносов Северной и Центральной Индии, которые и в последующие эпохи продолжали жить в основном на тех же этнических территориях, что и во времена Гуптов.

На рубеже нашей эры и в I тысячелетии н. э. определялись этнические территории южноиндийских народов. Процесс этого определения протекал в сложных условиях. Крупные дравидоязычные народы, вытесняемые из более северных областей арьями, осваивали земли юга, где издавна селились местные племена.

на, возможно по своей расовой принадлежности относившиеся к австралоидам (такие малочисленные этносы и в наши дни живут в гористых и труднодоступных лесных районах Южной Индии).

Между большими народами здесь непрерывно шли войны за плодородные и обводненные земли. В этих столкновениях постепенно вырисовывались территории расселения четырех основных самых многочисленных народов — носителей дравидийских языков: тамилы, андхра, каннара и малаяли.

К началу нашей эры в Южной Индии уже существовали развитые государства Чола и Пандья у тамилы и Чера у малаяли. Севернее этих государств лежала Калинга, страна андхров. В центре Декана в этот же период поднялось государство Сатаваханов, просуществовавшее около трех веков, очевидно тоже с дравидоязычным населением (это могли быть и андхры, и каннара), о чем можно судить по тому, что цари из этой династии сохраняли матрилинейный счет родства. Историки считают, что через это государство осуществлялось активное проникновение на юг индоарийской культуры⁷.

После распада этого государства стало возвышаться северо-тамильское царство Паллавов, правители которого сохраняли главенство на юге до середины VIII в. н. э. и даже правили на Шри Ланка. В X в. усилилось царство Чола, которое вело войны с Пандьей и Черой. Оно распалось лишь в XIII в. под ударами правителей царства Пандья, достигшего расцвета в эту эпоху.

В XIV в. дравидийские земли стали объединяться в пределах новой империи Виджаянагар.

Начиная с VII в. на север Индии стали проникать сначала незначительные, а затем все более крупные группы населения из мусульманских стран. Вначале появились арабы в области Синда. В последующие века они прибывали небольшими группами и на Малабарское побережье, основывая там свои колонии и постепенно смешиваясь с той частью местного населения, которая обращалась в ислам.

В X—XII вв. в Северо-Западную и Северную Индию из Ирана, Афганистана и Средней Азии непрерывно вторгались феодальные правители со своими армиями. Они захватывали разрозненные индийские княжества, ослабленные междоусобными войнами, и воцарялись здесь на различные по длительности периоды. Они приводили с собой воинские гарнизоны, торговцев, ремесленников и священнослужителей из своих стран. Эти пришлые группы оседали среди индийских народов, вступая с ними в тесные контакты и способствуя постепенному обращению в ислам как отдельных семей, так и более крупных групп населения.

Длительный процесс этих разновременных вторжений и завоеваний исторически подготовил захват Северо-Западной Ин-

дин афганскими правителями из династий Газневидов и Гуридов. Преодолев упорное сопротивление населения Панджаба, Раджастхана (в те века раджпутских княжеств), Гуджарата, областей Среднего Ганга, а также Бенгала, Гуриды закрепились в Индии. Один из их военачальников, тюрк Кутб-уд-дин Айбек, основал в начале XIII в. первую империю — Делийский султанат⁸, возглавляемую правителями-мусульманами. В это же время на северо-западные области начались сравнительно кратковременные набеги монголов, повторявшиеся в течение всего XIII в. В некоторых районах монгольские эмиры утвердили свою власть и стали служить султанату. Но группы монгольского населения в Индии были немногочисленны и на этнический состав североиндийских народов практически не влияли.

Правители Дели, постепенно захватывая одну индийскую область за другой, присоединяли к султанату территории Восточной и значительную часть Южной Индии.

Обращение в ислам масс населения, исповедовавшего индуизм, создало предпосылки для вступления в браки завоевателей с местными жителями, что привело к складыванию новых этнографических групп смешанного типа, главным образом в Северо-Восточной Индии.

В течение последующих веков процесс переселения в Индию значительных масс мусульманского населения из Ирана, Афганистана и Средней Азии продолжался.

Делийский султанат распался в XV в.

Следующим государством по силе своего политического влияния и по территориальным масштабам была империя Великих Моголов, основанная в 1526 г. выходцем из Средней Азии, чагатайским тюрком Бабуром. Во время ее существования правители всех феодальных княжеств и султанатов, возникших на земле Индии после распада Делийского султаната, подчинялись централизованной власти. Исключение снова составили лишь некоторые государства Южной Индии.

В XVIII в. власть Моголов начала слабеть — наместники на Декане, в Ауде, Бенгале, Бихаре и Ориссе стали вести войны с армиями Дели и добились самостоятельности. В этот период на ослабленную децентрализованную империю напал правитель Ирана, Надир-шах, и после опустошительной войны 1738—1739 гг. империя уже больше не представляла сколько-нибудь значительной политической силы.

Социальный строй и духовная культура

В этом разделе мы попытаемся в общих чертах проследить дальнейшие исторические события, помогавшие процессу постепенного установления и развития коммуникативных связей между отдельными крупными народами, формирующимися на тер-

ритории всей Индии, но вместе с тем частично и нарушавшие этот процесс.

Возникновение коммуникативных связей, начиная с эпохи Маурьев, служило важным условием выработки и распространения у населения страны общих основ материальной культуры (орудия и способы сельскохозяйственного и ремесленного производства, тип жилища и строительная техника, утварь, костюм, пища и т. п.) и традиций социальной и духовной культуры. Так, основой социального строя подавляющего большинства населения Индии стал кастовый строй (продолжающий играть заметную роль и в жизни современного населения Республики Индии).

По памятникам ведической литературы складывание этого строя прослеживается с I тысячелетия до н. э. Обществу арьев в эпоху его постепенного («волнообразного») появления в Индии уже было свойственно деление на три сословия — варны⁹. Древнеиндийская литература говорит о наличии брахманов-жрецов, кшатриев-воинов и вайшьев — «народа вообще».

По мнению большинства современных исследователей, четвертая варна шудров, чьей обязанностью стало обслуживание членов трех остальных варн — выполнение грязной работы, уборка и обдирка туш павшего скота, захоронение мертвых и т. п., возникла уже в Индии.

Три первые варны, считавшиеся высокими, сначала имели в своем составе, очевидно, только арьев, шудрами же становились рабы и военнопленные, в основном из среды неарийских народов Индии. В дальнейшем, расселяясь по Индии и вступая в хозяйственные, политические и культурные контакты с ее коренными насельниками, арьи смешивались с ними и физически.

Индуизм как религиозная система, возникшая на основе ведической религии арьев и норм их обычного права и впитавшая в себя культы и многие предписания обычного права доарийских народов Индии, освятил кастовый строй и провозгласил религиозными предписаниями естественно складывавшиеся производственные связи между отдельными кастовыми организациями¹⁰.

В процессе роста взаимных этнических контактов и взаимной ассимиляции неизбежно происходил также постепенный обмен научными знаниями и разными формами духовной культуры. Особо интенсивным он становился в эпоху существования крупных империй. В это время фонд накопленных культурных ценностей как бы объединялся.

Так складывались корни тех явлений культуры и социального строя, которые уже в эпоху средневековья с полным правом могут быть признаны общеиндийскими (и остаются таковыми вплоть до наших дней). В области культуры основными являются: традиционные формы архитектуры, скульптуры и живописи; традиционные формы народного театра, классического

и народного песенно-музыкального творчества и танца; устная литература — мифы, предания, легенды, эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна»; традиции природоведения и народной медицины; нормы поведения и воспитания детей; семейно-брачные отношения и формы семьи.

В эпоху Гуптов заметно унифицировался и утвердил свои позиции индуизм как огромный свод неписаных, но признаваемых уже большинством населения правил и регуляций, касающихся философско-мировоззренческих концепций, религиозной практики, а также норм бытовых и социально-правовых отношений.

В религиозно-культовой практике населения и в пантеоне индуизма повсеместно возобладали традиции доарийских народов — от религии ведийских арьев в «активе индуизма» остались лишь культы богов Агни, Сурьи и Вишну. Все великое множество богов, полубогов, духов и тотемов индуизма уходит своими корнями в верования доарийского населения страны, равно как и ставшие обязательными в индуизме предписания паломничеств, очищений, постов, поклонения священным животным и т. п., а равным образом и обрядово-церемониальная практика низких и многих средних каст.

К ведическим предписаниям восходят лишь наиболее существенные моменты церемониально-обрядовой жизни высоких варн (точнее, высоких или чистых, каст, сложившихся в их пределах) — посвящение мальчиков, свадебный обряд и предписания дхармы, т. е. религиозно-нравственного закона, касающегося богопочитания, межкастовых ограничений и бытового поведения.

Только путем такого синкретизма, путем восприятия подавляющего объема институтов религии и культуры доарийских народов, могла выжить и утвердить себя в среде населения древней Индии религия арьев и связанная с ней правовая система, только таким путем могли потомки ведических арьев «арьянизировать» местные народы.

Народы, языки

Если в границах больших империй древности и средневековья существовали более или менее сходные исторические условия для формирования и развития отдельных этносов, то в другие эпохи судьбы этих этносов складывались по-разному. Этническая история каждого крупного народа, которую хоть в какой-то мере можно восстановить по имеющимся источникам, уходит своими корнями в века расселения арьев по Индии и связанного с этим процессом передвижения больших групп народов по всей стране.

Судя по данным ведической и эпической литературы, северо-западные, северные и северо-восточные области Индии были гу-

сто заселены в I тысячелетии до н. э. Список племен и народов, упоминающихся в «Махабхарате», занял бы несколько страниц (хотя сразу следует оговориться, что значительная часть их названий является не этнонимами, а родовыми именами, кроме того, один и тот же этноним часто употребляется в разных синонимических формах). По этим источникам почти невозможно определить этноязыковую принадлежность описываемых народов, и только по косвенным указаниям (если они встречаются), например о наличии матрилинейного счета родства, мы можем судить об их принадлежности к патриархальным индо-арьям или к доарийским народам, у которых были распространены матриархальные институты.

Древние этнонимы доарийских народов и территории их расселения лишь частично (во многих случаях весьма проблематично) выявлены исследователями.

Арьи называли местные народы и нарицательными именами — дасью (враги), даса (рабы), млеччха (варвары), вратья (неправедные), адхармик (не имеющие религии), ракшаса (демоны), а также упоминали их, употребляя или их возможные самоназвания, или названия, которые они им сами присваивали (последнее, видимо, происходило часто, судя по тому, что многие из этих названий носят санскритский характер). Так, названия кирата (горцы), шива (темные), мридхравак (говорящие грубо), аяджван (не приносящие жертв), адевая (безбожники) и т. п. носят характер определений, указывающих или на цвет кожи, или на территорию обитания, или на неприемлемые с точки зрения арьев черты культуры. Есть и такие названия, как нага (змеи, или нагие), махавриша (великие быки) и т. п., связанные, возможно, с тотемистическими представлениями этих народов. Часто встречаются названия, носящие топонимический характер, — гандхари (жители Гандхары), анга (жители Анги), ванга (жители Ванги) и т. д., но есть и названия, дающие возможность полагать, что они являются этнонимами, — эти названия заимствованы из тех языков, на которых говорили описываемые арьями народы, например пани, шабара, андха, якшу (якша), пундра, личчави и др.

После выхода в свет исследования Хиллебрандта¹¹ принято считать большую часть этих народов насельниками ареала цивилизации Хараппы¹².

Благодаря таким источникам, как памятники джайнской и буддийской литературы, которые поддаются более четкой датировке, чем памятники ведической литературы, лучше всего освещена древняя этническая карта восточных и центральных областей Индии. Дошедшие до нас сведения заставляют полагать, что здесь жили (начиная от западных границ Бихара и области Каши) неарийские народы личчави, малла, анга, ванга (банга), судьумна, вена, нишада, калинга и др. В центральных областях долины Ганга и к югу от них известны народы

ядава, сатвата, бходжа, вришни, андха¹³, муллака, ассака, якша и др. Есть мнение, что вришни, андха и сатвата были разными ветвями одного народа или, возможно, это была конфедерация племен, объединявшихся или для борьбы с арьями или в процессе сложения государственности¹⁴. Из этих народов особенно интересны андха тем, что с ними связывают этнические корни крупного дравидоязычного народа андра¹⁵, переселившегося в I тысячелетии до н. э. из Северной Индии на территорию своего современного обитания (штат Андхра-Прадеш)¹⁶.

Возможно, в группу андха входили предки соседнего с ними народа каннара, близкого им по языку. Не исключено, что именно эти народы заселили сначала древнюю Калингу (приблизительно на территории современного штата Орисса) по пути своих вынужденных миграций на юг и здесь подверглись нападению Ашоки Маурья в 261 г. до н. э. Судя по эдиктам Ашоки, после жесточайших сражений 100 тыс. калингов были убиты¹⁷, а оставшиеся в живых, видимо, двинулись дальше к югу.

Что же касается двух других дравидоязычных народов Южной Индии — тамилы и малаяли (обитающих ныне в штатах Тамилнаду и Керала соответственно), то упоминания о них встречаются в памятниках литературы и эпиграфики I тысячелетия до н. э. как о народах, уже занимавших в ту эпоху примерно те же территории, которые они занимают и сейчас.

Время заселения всех этих областей неизвестно, но есть указания, что уже во время Ашоки на о-ве Шри Ланка было царство Тамрапарни. Первая составная часть этого наименования — «Тамра» — позволяет предположить, что основание этого царства можно связывать с тамилами (называемыми в хрониках также яккхами, т. е. якшами).

В процессе войн, часто вспыхивавших в I тысячелетии н. э. между южноиндийскими царствами, все более четко стали определяться этнические территории народов андра, каннара, тамилы и малаяли.

Помимо тех дравидоязычных народов, которые расселились в Южной Индии (не только четырех крупных, но и ряда мелких, осевших преимущественно в горных и лесистых изолированных областях), небольшие по численности народы (носители дравидийских языков) продолжали жить в Северо-Западной, Центральной и Восточной Индии в окружении иноязычной среды. На северо-западе сохранился дравидийский язык брагуи¹⁸, в Центральной Индии — парджи-колами и гонди, на востоке — куи (кандхи, кхонд), ораон (курукх) и мальто¹⁹.

Что касается арьев, то они и в глубокой древности не были однородным этническим массивом. Судя по гимнам «Ригведы», древнейшей из четырех вед, название «арья», что означает «благородный», появилось для определения носителей ведий-

ского языка позднее, уже на территории Индии. Этим эпитетом арии отделяли себя от «беззаконных» и «безбожных» местных насельников Индии.

Единовременного прихода в Индию всего массива арьев не было. В памятниках ведической литературы отражены не только разные названия племен и союзов племен арьев, но и их взаимные столкновения и битвы. Есть также указания на разные уровни их социального развития.

Самыми сильными и влиятельными народами (или союзами племен), наиболее часто упоминаемыми, были так называемые народы кшатриев — куру, пуру, бхарата, панчала, матсья, шура-сена, чеди, ваша (ватса), аванти, ушинара. Они жили в Северной Индии от Панджаба до Бенгалии. Каждая из этих групп (или, возможно, отдельных народов) послужила ядром, вокруг которого консолидировались более мелкие племена и создавались большие конфедерации, воевавшие друг с другом²⁰.

Судя по генеалогическим спискам былинных преданий — «пуран», эпических поэм и ряда памятников ведической литературы, это были народы арьев (хотя чеди, жившие на востоке Индии и враждовавшие со всеми другими «кшатрийскими народами», вызывают известные сомнения в своей принадлежности к этой этнолингвистической группе).

В каждом из государств Северной Индии языком власти, закона и религии становился какой-либо из диалектов древнего ведийского языка, носителями которых были арии разных периодов расселения. Постепенно широкие массы народа восприняли эти языки, затем на основании последних сложилось множество локальных диалектных форм, связанных с той или иной этнической группой.

Таким образом, основой формирования древнейших форм индоарийских языков были диалекты племен арьев, сложившиеся в доиндийский период их истории и восходящие к эпохе их жизни на своей прародине «к северу от Черного моря»²¹. На основе одного из древних диалектов, возможно наиболее близкого к ведийскому санскриту, языку вед (сборников гимнов, молитв и заклинаний) сформировался санскрит, который называют «языком брахманской учености» или «языком индийской культуры».

Предполагается, что группа дардских языков (крайнего северо-запада Индии и севера Пакистана) представляет собой мало изменившуюся форму одного из таких древнейших арийских диалектов²², хотя чаще выделяют их в отдельную классификационную группу.

Уже в I тысячелетии до н. э., в результате развития древнеиндийских диалектов на основе так называемого народного санскрита, на севере страны стали складываться среднеиндийские языки, или пракриты, имевшие свои разговорные и литературные формы²³. Эти языки через более поздние формы, име-

нуемые в литературе апабхрانشа, перешли в I тысячелетии н. э. на новую ступень своего исторического развития — возникли новоиндийские языки индоарийской группы, носителями большинства которых являлись уже крупные консолидирующиеся этносы.

Санскрит в процессе «арьянизации» доарийских народов Индии существенно влиял и на их языки, будучи языком культуры, науки и литературы. Поэтому в языках дравидийской семьи имеется много заимствованных из санскрита лексических форм (языки мунда и тибето-бирманские содержат значительно меньше таких заимствований).

Став общеиндийским достоянием и относясь к числу тех элементов культуры, которые в течение многих веков играли объединяющую роль, санскрит явился фактором, формировавшим самосознание народов страны — общеиндийское самосознание.

Этническая культура отдельных народов Индии, складывавшаяся в пределах их этнических территорий, развивалась в тесном взаимодействии с ростом общеиндийских явлений культуры. Такое взаимообогащение — научная, культурная и религиозно-идеологическая информация — происходило по всему субконтиненту через санскрит.

Важно помнить, что санскрит был не только достоянием высших сословий — уже в середине I тысячелетия до н. э. он имел две сложившиеся формы, которые развились на основе языка вед (или близких к нему, но не дошедших до нас разговорных форм): классический санскрит и эпический санскрит.

Первый стал языком науки и классической литературы и ввиду этого — достоянием образованных людей из высоких каст. Второй же, менее сложный по лексическим конструкциям и синтаксическому строю, стоял ближе к разговорным формам древних индоарийских языков и был доступен широким кругам населения. Именно на этом языке сложены прославленные, эпические поэмы древней Индии «Махабхарата» и «Рамаяна», являющиеся до наших дней достоянием всех народов Индии.

Из среднеиндийских языков лишь один — язык пали — получил широкое хождение, так как стал в I тысячелетии до н. э. языком буддийской литературы (с начала нашей эры эта литература стала развиваться и на санскрите). Вместе с носителями и проповедниками буддизма он распространялся не только по Индии, но наряду с санскритом проник на Шри Ланка, в Бирму, Тибет и страны Индокитайского полуострова, где существует и сейчас как язык письменной буддийской культуры²⁴.

Процесс формирования новых индоарийских языков отмечен своими локальными особенностями, отражающими разную степень интенсивности ассимилятивных процессов в областях раннего и позднего расселения индоарьев. Так, в начальных областях их заселения, на западе, сохраняется больше архаических черт, чем на востоке²⁵, где собственно арии представляли со-

бой, видимо, уже значительно меньший процент древнего населения.

В начале II тысячелетия н. э. на наиболее крупных и развитых индоарийских языках стала складываться своя литература, которая являлась уже национальной литературой каждого из народов — носителей этих языков.

По своей территориальной принадлежности эти языки и соответственно народы следующим образом распределились по Южноазиатскому субконтиненту: северо-запад — ленди (лехнда, лахнда)²⁶, догри, панджаби, хариани, синдхи; запад — раджастхани, гуджарати, маратхи; север — хинди (под этим названием объединяется ряд близкородственных диалектов, которые фактически развились в отдельные языки, имеющие свою литературу: кхари-болн, брадж, авадхи, бходжпури, майтхили, магахи), диалекты пахари; северо-восток — бенгали, ассами; восток — орийя.

Все языки индоарийской группы, имевшие письменность, пользовались шрифтами, сложившимися на основе санскритского шрифта деванагари, или нагари. Исключением является язык орийя — его письменность похожа на дравидийскую, резко отличающуюся закругленными формами своих букв от угловатой прямолинейной графики нагари.

Помимо индоарийских языков на северо-западе региона распространены иранские языки. Здесь издревле (начиная с Ахеменидской эпохи) селились выходцы из Ирана, а позже и из Афганистана. В эпоху средневековья сюда переселялись большие группы населения из пограничных областей Средней Азии северо-западных пограничных стран. Особенно значительны по численности были тюрки²⁷.

В результате исторических процессов расселений народов стран Переднего Востока, сопредельных с Южноазиатским субконтинентом, в северо-западных его областях получили распространение иранские языки: фарси, белуджский (балочи) и афганский (пушту, пашто, пакхто). Лица, говорящие на фарси, рассеяны среди населения севера региона, а белуджи и афганцы издавна живут компактно на своих этнических территориях.

Остановимся еще на одной группе доарийских народов Индии, на носителях языков мунда, далеких предков которых исследователи обычно усматривают в древних нишадах (как и предков народов бхиллов)²⁸, постоянно упоминаемых в литературных памятниках и описываемых низкорослыми темнокожими короткорукими людьми с некрасивыми лицами и растрепанными волосами²⁹. Очевидно, так воспринимали арии австралондский физический тип мундаязычных народов, селившихся в доарийский период вдоль Гангской равнины (им археологи приписывают создание так называемой культуры «медных кладов и желтой керамики»)³⁰, откуда они были оттеснены в леса.

В формировании восточноиндийских народов принимали уча-

стие и монголоидные племена по своему антропологическому типу, которые населяли предгорья и горы Гималаев, Бирму и области Южного Китая. До сих пор в физическом облике северных бихарцев, бенгальцев и ассамцев, говорящих на языках индоарийской группы, заметны монголоидные черты. На крайнем северо-востоке Индии расселены народы нага, кхаси, трипура, манипури и другие, относящиеся антропологически к южным монголоидам.

Среди этих народов распространены языки тибето-бирманской группы. Правда, кхаси сохранили язык, относящийся к мон-кхмерской группе, что свидетельствует о процессах древних переселений в Индию и групп населения стран Индокитайского полуострова.

В результате многосторонних взаимовлияний и длительных процессов этнического смешения мелких этносов или слияния их в более крупные массивы древние их названия, о которых упоминалось выше, в большинстве своем стерлись из народной памяти. Лишь несколько этнонимов, хотя и в измененной форме, сохранилось до наших дней. Так, от названия страны и народа банга (ванга, бонга) произошло название народа и языка бангла (бенгали) и соответственно двух частей его современной этнической территории — Бенгалия и Бангладеш; от топонима Митхила — название языка майтхили (который при переписи причисляют к хинди); от топонима Браджд (Бридж, Бирдж) — области на р. Джамне — название языка браджд, тоже причисляемого к хинди; от этнонима андха — этноним андхра; от этнонима гурджар — народа, появившегося в Индии с севера в первых веках н. э., — название народа и языка гуджарати и этнической территории Гуджарат, а также этнографической группы Панджаба — гурджара. Самым же заметным следом в политической истории Индии является то, что один из этнонимов древних индоарьев — бхарата — в течение многих веков удерживался как часть названия обширной области Северной Индии — Бхаратаварша, а в наше время заменил собой само слово «Индия», так как на индийских языках страна называется «Бхарат» (Республика Бхарат), а определение «индийский» — «бхаратийа».

Многие древние этнонимы были до неузнаваемости изменены в процессе развития и изменения языков, так что узнать их в сохранившихся ономастических конструкциях практически уже невозможно.

Намеченные выше ареалы распространения языков определились к концу I тысячелетия н. э. В дальнейшем на этнических территориях народов — носителей этих языков протекали процессы дальнейшей консолидации крупных этносов, составлявших лингвистическое большинство на каждой данной территории, и ассимиляции ими более мелких этнических групп, живущих в окружении этого большинства. Ассимиляция протекала

ла активнее в равнинных районах, где мелкие этнические группы непрерывно поддерживали контакты с представителями крупных этносов, живших в соседних деревнях и городах, и втягивались в орбиту их хозяйственной, политической и культурной жизни. В тех же областях, где малые народы были отеснены в леса или гористые местности, коммуникативные связи практически обрывались и многие из таких этнических групп превращались в изоляты, экономическое и культурное развитие которых практически застывало на мертвой точке. В течение дальнейшего хода истории, внесшего так много изменений в жизнь крупных народов, эти группы продолжали заниматься собирательством, охотой и мотыжным (часто подсечно-огневым) земледелием. В их социальном строе также сохранялись многие древнейшие формы общественных и семейно-брачных отношений. Примерами такого рода групп в Южной Индии могут служить дравидоязычные улладан, палиян, урالي, ирула, тода, ко-та, курумба, кадар и другие³¹, в центральных и восточных областях — некоторые группы дравидоязычных гондов, кхондов, байга и мундаязычных хо, бирхор, савара, гадаба, на северо-востоке — тибето-бирманоязычные ками, рианг, бон, нага, дафла и другие, на северо-западе — кохистанцы, кафиры, буриши, кховар и ряд других групп³².

Ассимилятивные процессы, которые имели место в отношениях между крупными и малыми народами (в тех случаях, когда последние не превращались в изоляты), развивались по трем линиям — лингвистической, социально-экономической и религиозно-идеологической.

Втягиваясь в орбиту хозяйственной жизни крупных народов, представители небольших этнических групп (или, как их часто называют в зарубежной литературе, племен, что не совсем точно, ввиду того, что чистые модели социальных и семейно-родовых институтов, свойственные племенам, ни у одной из этих групп не сохранились) усваивали их язык, так как без этого был бы крайне затруднен товарный, а затем и товарно-денежный обмен. Кроме того, не имея зачастую возможности добывать себе пропитание в пределах своих постепенно суживающихся этнических территорий, представители этих малых народов стали приходить работать по найму в деревни основного населения данного района, выполняя обычно тяжелую, или «низкую работу», или к правителям феодальных княжеств — чаще всего в качестве рядовых воинов. Постепенно их отдельные группы селились при деревнях других народов, пополняя, как правило, ряды неприкасаемых (за исключением воинов).

Занимая поневоле то место, которое им отводилось в кастово-иерархической структуре общества, они воспринимали и религиозно-правовые институты индуизма и начинали поклоняться богам индусского пантеона.

Весь этот процесс в целом обычно именуется в литературе «процессом индустизации племен», но это название носит ограниченный характер и не охватывает всей сложности ассимилятивных процессов, которые на деле издавна были двусторонними. Крупные этносы, вступая в контакты с более мелкими, неизменно заимствовали и у них ряд черт их культуры — такие, как детали костюма и уборов, росписи стен домов, отдельных традиций культовой практики и некоторые объекты богопочитания.

Входя в культуру крупных народов, многие из этих заимствованных элементов постепенно, путями межэтнических коммуникаций, распространялись по стране и делались достоянием общиндийской культуры, процесс формирования которой не прекращался в течение всего периода исторического развития народов субконтинента.

В составе каждого из крупных народов уже в эпоху средневековья были низкие касты, образовавшиеся вышеописанным путем, или отдельные этнографические группы, частично или полностью утратившие свой язык, но сохранившие самоназвание и в известной мере свое этническое самосознание. Таковы группы бхиллов в составе гуджаратцев, раджастанцев и маратхов, дхангаров среди маратхов, ченчу в составе народа андра, кавара среди населения Северной Индии, гурджары среди панджабцев, патаны как сословная группа в составе всей массы населения северо-западных областей³³, панниан среди тамиллов и т. д.

Ассимилятивные процессы слабо затронули постоянных мигрантов — группы кочевого населения, имеющего изменчивые этнические территории: банджара, мусахор, гангулия, дом (ром) и другие группы, частично ведущие оседлый образ жизни, именуемые в исследованиях индийскими цыганами. Наиболее ощутимым результатом ассимиляционной приспособленности этих групп является их билингвизм.

В эпоху правления мусульманских династий, в период вынужденного и добровольного обращения в ислам индусов, низкокастовое население особенно охотно принимало ислам, отрицаящий кастовое деление. В их число входили те группы малых народов, которые стали низкими кастами в составе крупных этносов. Этнографические же группы, сохраняющие этническое и религиозное самосознание, а также сами малые народы, как правило, в ислам не обращались.

Следует напомнить, что для индусов, принявших ислам, характерно своеобразное двоеверие — наряду с новой религией они продолжали (и во многом продолжают и сейчас) сохранять свою приверженность к старым святыням и свое кастовое самосознание. В мусульманской общине можно отметить такие социальные группы, которые фактически сохраняют статус каст и придерживаются ряда предписаний, касающихся традицион-

ного образа жизни (особенно — в вопросах бракосочетания) каждой данной касты.

К этому времени этническое самосознание каждого из крупных народов Индии было уже высоко развито. Равным образом в силу вышеописанных прочных взаимных связей, складывавшихся в течение полутора тысячелетий, была развита уже и та форма самосознания, которую можно определить как общендийскую. Нельзя, конечно, утверждать, что она была одинакова у всего населения субконтинента.

О высоком уровне этнической консолидации ряда крупных народов Индии в эту эпоху свидетельствуют, например, войны гуджаратцев и раджастханцев, которые они вели в XI—XIII вв. против завоевателей — Делийских султанов, а в более поздние века — против Моголов.

Феодалными княжествами в этих областях управляли династии раджпутов — воинских кланов, укрепившихся в западных областях в I тысячелетии н. э. Их происхождение, как и происхождение гуджаров и джатов, связывают обычно с приходом в Индию среднеазиатских скифов-шаков и гуннов-эфталитов, которые оседали в этих областях, смешиваясь со сформировавшимся здесь ранее населением³⁴.

Век за веком сопротивлялись иноземным вторжениям и джаты-панджабцы, объединяясь при нападениях и создавая армии, которые по своему основному составу могут быть названы мононациональными. Из среды других народов к ним присоединялись догры из горной области Джамму, упорно отказывавшиеся от обращения в ислам, в отличие от кашмирцев, которые, будучи ослаблены многовековыми (начиная с X в. н. э.) междоусобицами, войнами и грабежами, почти без сопротивления приняли ислам — религию инонациональных правителей, захвативших Кашмирскую долину. Несмотря на героическое сопротивление завоевателям, панджабцы были покорены, а страна их была раздроблена и отдана в управление наместникам тюркских и афганских правителей. Часть населения была обращена в ислам. (В начале XI в. Панджаб стал частью империи Махмуда Газневи, в XII в. — империи Гуридов, а в XIII в. — Делийского султаната.) С новой силой сопротивление панджабцев вспыхнуло в XVI в., когда была создана религиозная община сикхов, принявшая характер воинской организации. Сикхи возглавили борьбу за освобождение, ознаменовав этим новый этап этнической консолидации панджабцев. В жестоких боях этот народ отстаивал свою независимость, но лишь во второй половине XVIII в. его усилия увенчались созданием своего первого национального государства. С деятельностью сикхов связано и возникновение особого шрифта языка панджаби — шрифта гурмукхи, а также рост литературы на этом языке. До этого языком литературы при дворах правителей этой области и, соответственно, городской литературы был персид-

ский язык. Постепенно равное с ним положение занял язык урду, сложившийся в Северной Индии в результате сочетания персидско-тюркско-арабской лексики с хинди.

Еще один народ западных областей — маратхи — тоже героически боролся за сохранение своей этнической территории, целостности и культуры. Ислам не укоренился в их среде, несмотря на существование здесь сильных султанатов.

Традиции борьбы за национальную свободу существенно повлияли на психологический склад всех этих народов, до сих пор называемых в Индии народами воинов, — панджабцы-сикхи, раджпуты, догры и маратхи и сейчас составляют основной контингент индийской армии.

* * *

Раджпутские династии правили в Синде, однако условия для сохранения традиционно индийской культуры и для сложения на ее основе этнической культуры синдхов были здесь трудными, так как с начала VIII и до середины X в. в Синде правили завоеватели-арабы (в это время в Синд переселилось много иранцев и белуджей), а затем вплоть до XVI в. Синд неоднократно захватывали завоеватели, и власть здесь переходила поочередно из рук раджпутов в их руки. Ислам постепенно стал религией значительной части населения Синда, а распространенными языками — персидский и арабский.

В этой области, как и в Кашмире, восторжествовала «мусульманская культура», что и определило характер дальнейшей этнокультурной и экономической ориентации синдхов.

На востоке, в Бенгалии, к началу эры широких завоевательных войн сложилось государство Сенов, объединявшее в своих границах этническую территорию бенгальцев. За полтора века своей власти эта династия упрочила здесь традиции индусской культуры, закрепив таким путем связи бенгальцев с общеиндийским процессом культурного и социального развития. В этот период начала развиваться национальная литература на языке бенгали. Заметное место в литературе и науке занимал и санскрит.

К началу XIII в. до Бенгалии докатилась волна тюркских завоеваний. Он был подчинен Делийским султанатом (правда, здесь правили наместники, являвшиеся фактически независимыми султанами и даже отделявшиеся от Дели)³⁵. В 1576 г. Бенгал был присоединен к империи Великих Моголов.

«Культура ислама» и индусская культура развивались в Бенгалии параллельно. Бенгальский язык и литература имели уже прочные традиции, которые остались нерушимыми. Ислам долгое время был религией придворного круга и армии местных султанов и стал интенсивно распространяться в более ши-

роких кругах населения лишь в XVII—XVIII вв. Но это не нарушило процесса формирования этнического самосознания бенгалцев — продолжалось развитие языка, литературы и других форм национальной культуры народа. Несмотря на длительную власть мусульманских правителей, язык бенгали содержит также сравнительно немного персидско-арабских заимствований.

Северная Индия, двуречье Ганга — Джамны и долина Ганга, — обширный ареал, где издавна располагались центры больших империй и складывались крупные государства, где развивались близкородственные языки (обычно именуемые диалектами хинди) и формировались основные черты той культуры, которая, распространяясь по стране, принимала общеиндийский характер, — издревле рассматривалась завоевателями как ключ ко всей Индии. После того как в VIII в. были отбиты попытки арабов завоевать эти области, ни одно государство по соседству с Индией не было достаточно сильным, чтобы напасть на них снова.

Но с X по XIII в., после серии захватнических походов, Газневидам и Гуридам удалось победить одну за другой возникавшие здесь для сопротивления конфедерации индусских правителей, возглавляемых представителями сильных и независимых династий из среды древних местных, а также раджпутских родов Пармар, Гурджар, Чахаман, Чаухан и др.

Некоторые из этих государств носили моноэтнический характер, складываясь в пределах этнических территорий, формирующихся в этом ареале этносов. Но поскольку границы этих территорий были неопределенными, а древние взаимные связи между этносами были очень прочными, трудно выявить какие-либо четкие характеристики, относящиеся к каждому из них, за исключением известной разницы между разговорными, а затем и литературными, формами языка.

В века правления мусульманских династий средневековья в среде народов — носителей индоарийских языков Северной Индии стали интенсивно распространяться персидский, арабский и тюркский языки. Происходил процесс смешения этих языков с разговорными и литературными формами местных языков и диалектов этого обширного ареала. В результате соединения новых лексических форм с диалектом кхари-боли (область Дели и северные соседние с ней районы) языка хинди стал складываться не существовавший до этого синтетический язык, получивший название урду. Он распространился даже в южноиндийских султанатах³⁶. Для языка урду стала употребляться арабско-персидская письменность.

Распространение и, более того, насаждение инонациональных элементов культуры — религии, языка, литературы, изобразительного искусства, танца и т. д. — нарушило непрерывно длившийся до этого процесс роста неотделимых от системы индуиз-

ма этнокультурных контактов между народами северной зоны субконтинента и остальных его географических областей.

Принудительная ассимиляция привела к тому, что в Северной Индии были заторможены процессы складывания североиндийских этносов и вместо интеграции отдельных, близких по языку и культуре групп народов здесь фактически шел процесс их дезинтеграции. Смыкание внутри этих групп и между ними стало проходить не по линиям исторически сложившихся этноязыковых, социальных и культурных связей, а по линиям принадлежности к мусульманской или индуасской конфессиональным общинам (что в дальнейшем и послужило исторической предпосылкой раздела Индии в 1947 г. на два государства). В ходе своего дальнейшего исторического развития население северных областей Индии не обрело условий для консолидации отдельных народов. В индологической литературе оно обычно описывается под собирательным названием «хиндустанцев» (процесс выделения отдельных этносов в среде этого населения в известной мере начался лишь после освобождения Индии от колониальной зависимости).

Завоевательные войны, сотрясавшие север субконтинента, и установление владычества инонациональных династий в какой-то мере, хотя и в менее заметной степени, повлияли и на этническое развитие народов Южной Индии и сложение их государственности. В начале XIV в. армии Делийского султана покорили территории южноиндийских царств народов андра, каннара и северные области территории тамиллов (до р. Вайдай) и превратили их правителей в вассалов Дели.

В 1346 г. на территории Южной Индии была создана империя Виджаянагар, объединившая к середине XV в. в своих пределах все народы этого ареала.

Сложившееся и упрочившееся этническое самосознание крупных народов существенно влияло на ход исторических событий. Так, когда в XVI—XVII вв. под ударами султанатов распалась империя Виджаянагар, на ее месте возникли новые государства, которые отличались большей однородностью этнического состава населения (три государства тамильских, два каннарских и т. д.)³⁷. Из их числа вскоре возвысился и окреп Майсур, ставший ядром дальнейшего исторического и этнического самоопределения народа каннара и оплотом его сопротивления английским завоевателям.

В период начального завоевания Индии первым из Великих Моголов — Бабуром — наиболее упорное сопротивление оказывали ему раджпуты, объединившиеся под руководством правителя княжества Мевар. В эпоху правления Великих Моголов в стране продолжался тот же процесс захватов земель индийских народов. Это вызывало народные освободительные войны и отложение от центральной власти то одного, то другого государства.

Один из представителей Великих Моголов, Акбар, правивший во второй половине XVI в., стремясь сдержать эти центробежные силы и укрепить единство империи, проводил политику религиозной терпимости. Эта политика, проводимая и двумя последующими императорами, Джахангиром и Шах Джаханом, помогала объединению народов субконтинента: назначение многих индусов на ведущие государственные должности (в Делийском султанате индусы не могли их занимать), взаимные браки между мусульманской и индусской знатью, прекращение физического истребления индусов и разрушения их святынь — все это способствовало восстановлению и дальнейшему росту издревле установившихся широких этнокультурных коммуникаций и возрождению культурных центров индуизма — Матхуры, Джайпура, Бенареса и др.³⁸

Снова стали действующим социальным фактором центростремительные тенденции к общендийскому единству наряду с продолжающимся развитием отдельных этносов и формированием их самосознания.

Последнее обстоятельство особенно ярко проявилось во второй половине XVII в., когда на делийский трон Моголов взошел Аурангзеб, начавший проводить антииндусскую политику. Против его власти и его наступления на права и традиционную культуру индусов восстали раджастханцы, маратхи и панджабцы. Вспыхнули мощные народные освободительные войны, которые значительно подорвали могущество империи Моголов.

Противопоставили себя центральной власти и правители земель Северного Декана — наместники Моголов. Здесь в первой половине XVIII в. один из них, Низам-уль-Мульк, основал княжество Хайдарабад, сыгравшее позднее тормозящую роль в этническом развитии андхров и маратхов, — границы этого княжества объединили в его пределах значительные части основных этнических территорий этих обоих народов.

Во время войны против делийских правителей маратхи проявили себя как консолидированный народ с развитым самосознанием — они создали на своей этнической территории в Махараштре независимое государство — Маратхский союз княжеств. Правители этого сильного нового государства вскоре стали вести экспансионистскую политику, захватив к середине XVIII в. значительную часть Северо-Западной, Северной и Восточной Индии. Тяжкие войны, в которые втягивали маратхов их правители, ослабляли народ и подрывали экономику Махараштры. В результате такой политики маратхская держава то теряла, то вновь, накопив силы, захватывала чужие земли, она то возвращала себе, то вновь отдавала низаму Хайдарабада часть своей этнической территории.

Но в целом, государство маратхов было сильным и независимым. «Не овладев Махараштрой, ни один завоеватель с

севера не мог рассчитывать на сколько-нибудь успешное и прочное подчинение Декана»³⁹.

Из числа дравидоязычных народов наибольшую этническую сплоченность в эти годы проявили каннара. Политическим центром их земель было княжество Майсур, образовавшееся после распада империи Виджаянагар. В середине XVIII в. власть здесь захватил военачальник правителя индуса мусульманин Хайдер Али. Объективные факторы зрелости этнического самосознания народа каннара и его стремления к территориальной консолидации способствовали упрочению власти Хайдера. Он объединил земли каннара и, подобно всем другим феодальным правителям средневековья, тут же стал с боями захватывать части соседних этнических территорий. В 70-х годах XVIII в. Майсур тоже стал могучим государством.

Таков был этноисторический фон начала эпохи английских колониальных захватов в Индии.

Уровень экономического развития отдельных народов в этот период характеризовался неравномерностью — малые народы значительно отстали от крупных, а крупные в силу разности условий своего исторического развития тоже экономически отличались один от другого. У народов, чьи этнические территории имели выход к морю, была развита внешняя торговля и стали раньше, чем у других, складываться укрупненные внутренние рынки. Во многих областях был подорван натуральный характер деревенского хозяйства и началось становление товарного хозяйства при сохранении традиционного межкастового разделения труда в пределах сельских общин⁴⁰. Началась также купля-продажа земель⁴¹.

Города, издавна существовавшие на караванных путях, вдоль многоводных рек и на морских побережьях, достигли расцвета в эпоху средневековья. Многие из них после опустошительных войн приходили в запустение, но вскоре вновь поднимались, когда в них возвращалось торгово-ремесленное население.

На весь мир славились своими богатствами и архитектурными памятниками крупные города империй и султанатов. Как правило, это были центры этнических территорий: Дакка у бенгальцев, Патна у бихарцев, Бенарес и Лакхнау в хиндиязычном восточном ареале, Дели в ареале диалекта кхари-боли, Матхура в ареале диалекта брадж, Мультиан и Лахор у панджабцев, Карачи у синдхов, Ахмадабад и Сурат у гуджаратцев, Пуна у маратхов, Канчипурам у тамилон, Кочин и Траванкур у малаяли, Майсур у каннара, Хайдарабад — у андхров.

Города, расположенные в глубине территории вдали от торговых путей, были небольшими, а в жизни и культуре их населения сохранялось много архаичных черт.

Древние центры индусских паломничеств также процветали экономически — здесь было сосредоточено ремесленное и тор-

говое население, изготовлявшее и продававшее паломникам одежду, пищу, предметы ремесла, фигурки богов и т. п.

Как уже указывалось в трудах советских исследователей, ремесленное производство и в городах и в деревнях Индии, несмотря на высокий уровень своего развития, ни у одного народа Индии не перешло в стадию мануфактуры — нигде в кустарном производстве не было разделения труда, требующего найма рабочих⁴².

В сельском хозяйстве по давней традиции главное внимание уделялось поддержанию в порядке ирригационных систем, бывших в течение тысячелетий основой сельскохозяйственного производства.

Владение земель в раннефеодальную эпоху основывалось на различных условиях держания: существовало временное земле-владение служилых людей и постоянное наследственное владение приобретенными или дарованными землями. Были земле-владельцы, облагаемые и не облагаемые налогом. Большие, или объединенные, семьи, а также малые семьи крестьян-общинни-ков тоже располагали правом наследственного землевладения и могли сдавать землю в аренду⁴³. Арендаторы и наемные ра-ботники работали из разных долей урожая.

Сельская община владела и общинными землями. Она от-вечала за уплату налогов каждым ее членом и в случае не-уплаты могла конфисковать личные земли в пользу общины. Общине также причиталась часть налогов, собираемых в ее пределах.

В Делийском султанате и Могольской империи — феодаль-ных монархиях — местные индийские феодалы были в зависи-мости у иноземной знати. Феодальная собственность на землю имела здесь форму государственной собственности (поскольку она определяла порядок системы орошения земель), и в ее пре-делах существовали сложившиеся ранее формы землевладения как общинного, так и личного. Правда, резко уменьшилось ко-личество не облагаемых налогом земель, принадлежавших хра-мам и брахманам.

Основную массу феодалов в этих монархиях составляли держатели земли за военную службу, не имевшие права пере-давать ее по наследству (форма, именуемая «икта»). Наследст-венными владениями («инам») правители одаривали главным образом избранных ими лиц, в основном представителей му-сульманской знати, этнически отличавшейся от основного на-селения каждой данной области.

Эксплуатируемый всеми слоями феодальной верхушки на-род поднимал восстания. Население целых округов уходило со своих земель в другие области или поднималось на борьбу с армиями властителей.

Правилом для этих форм антифеодальной в своей основе борьбы было то, что они проходили под религиозными лозунга-

ми. Движение «бхакти» ширилось по всей стране, принимая самые разные формы.

Типичным показателем наличия растущих связей между отдельными народами субконтинента и упрочения их взаимных контактов было стремительное и одновременное распространение новых идеологических течений и веяний. В частности, идеи бхакти, зародившиеся на народной основе и начавшие распространяться в эпоху Гуптов и последующие века, приобрели в XIII—XVII вв. общендийский характер: почти все крупные народы Индии дали стране выдающихся деятелей этого движения — философов, проповедников и поэтов бхакти (Рамананда, Кабир, Сурдас и Тулсидас — в северных областях; Джаядева и Чайтанья — в Бенгале, Нанак — в Панджабе, Намдев и Джнянешвар — в Махараштре, Мира Бай — в Раджастхане, и целые школы философов и поэтов — в Тамилнаду и Керале).

В эпоху этих широких антифеодальных движений, в эпоху ослабления Могольской империи и продолжения извечных распр между правителями отдельных крупных и мелких государств и княжеств начался захват Индии европейскими, главным образом английскими, колонизаторами.

ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ПЕРИОД КОЛОНИАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Как уже говорилось выше, к началу эпохи колониальных захватов достаточно четко определились пределы этнических территорий и сложилось этническое самосознание многих крупных народов Индии. Колонизаторам приходилось преодолевать упорное сопротивление этих народов и вести с ними тяжелые бои за захват земель, воспринимаемых этими народами как свои этнические территории. В захваченных областях колонизаторы с большим трудом закрепляли свои позиции, так как там все время вспыхивали народные восстания.

Наиболее упорное сопротивление колонизаторам оказывали маратхи, каннара и панджабцы (в своей значительной части объединенные в воинско-религиозную общину сикхов). Сопротивление народа каннара было подавлено в последней четверти XVIII в., маратхов — к 1818 г., а панджабцев — лишь к середине XIX в.

Установление колониального господства в Индии имело, как известно, своим результатом насильственное превращение этой феодальной страны в аграрно-сырьевой придаток и рынок сбыта капиталистически развитой Англии.

Западные районы Индии, главным образом области Гоа, Даман и Диу, были захвачены португальцами.

Колонизаторы стали обращать индийцев в христианство, и если английские миссионеры начали насаждать в Индии учение

англиканской церкви, то португальцы — католицизм. Новообращенным, равно как и детям, родившимся от смешанных браков (или связей) европейцев с местными женщинами, присваивали, как правило, христианские имена (заметные следы этого можно видеть и сейчас в областях бывшего господства португальцев, где процесс метисизации шел более активно, чем в областях господства англичан).

Этническое развитие народов Индии с начала ее покорения и вплоть до 1947 г. — года национального освобождения — протекало под сильнейшим воздействием колониального порабощения: искусственное торможение развития экономики страны задерживало как рост культуры, так и формирование национального самосознания ее народов.

Но, несмотря на это, Индия с каждым годом увеличивала товарность своего хозяйства и все больше втягивалась в мировые экономические связи. Воздействие этих факторов, а также распространение западного образования и английского языка⁴⁴ и влияние западной прессы влекли за собой как дальнейший рост национального самосознания отдельных народов Индии, так и укрепление их взаимных связей в новых условиях — в процессе массового нарастания их недовольства колониальным подавлением и ограблением страны. Следствием всего этого было упрочение и развитие общеиндийского самосознания, т. е. осознания каждым индийцем своей принадлежности ко всему населению страны в целом, ко всей этой обширной этнокультурной общности⁴⁵. Особенно ярко стали проявляться две тенденции национального развития в эпоху капитализма: борьба отдельных народов за сплочение в пределах своих национальных территорий и в то же время «ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала»⁴⁶.

Как уже упоминалось, процесс этнического и национального развития народов Индии всегда отличался неравномерностью. Межэтнические контакты и конфликты, попеременное объединение и разъединение разных народов, инонациональные нашествия и завоевания — все это сказывалось на этноисторических судьбах. Заметное влияние оказывала также и географическая среда этнорегионов. Все это во многом определило и темпы национального развития в эпоху капитализма — они были разными у всех народов страны.

Наиболее быстро и интенсивно стали расти капиталистические отношения у бенгальцев, гуджаратцев, маратхов, андхра и тамиллов — народов, не только характеризовавшихся наиболее монолитным расселением в пределах своих этнорегионов, но и издавна скрепленных прочными экономическими узами, связанными с занятием морской торговлей. Именно в среде этих народов образовались первые центры борьбы за распространение современного образования и за развитие национальной

прессы, что следует рассматривать как четко выраженные признаки начала национального самоопределения этих народов в условиях колониализма.

Так, в Бенгалии в конце 20-х годов XIX в. возник кружок радикально настроенных интеллигентов, называвшийся в последующие годы «Молодой Бенгалией», а вслед за тем целый ряд обществ и организаций, имевших в своей программе пункты, критически расценивавшие английскую политику в Индии и содержавшие требования равноправия и свободы для индийцев. В 1851 г. в Калькутте была создана Ассоциация Британской Индии — «прочно сложившаяся национальная общественно-политическая организация Бенгалии»⁴⁷.

В это же время на западе Индии и в Мадрасе были созданы колледжи для индийцев и стали выходить газеты на индийских языках. Здесь тоже возникли культурные и общественные организации, пропагандировавшие просвещение и возглавившие борьбу против средневековых обычаев и древних общественных институтов, которые тормозили рост национального самосознания на новом этапе исторического развития. Наиболее интенсивной была деятельность членов обществ «Молодой Бомбей» и Бомбейская ассоциация и Мадрасская туземная ассоциация.

Возникновение таких организаций в XIX в. и последующее установление взаимной связи между ними еще раз говорит о двух четко определившихся направлениях этнонационального развития — этнорегионального и общеиндийского.

У этих же народов раньше, чем у других, стали развиваться товарно-денежные отношения в деревне, возникла капиталистическая земельная собственность, усилилось имущественное расслоение крестьянства. В дальнейшем, во второй половине XIX в., все эти процессы охватили каннара и панджабцев⁴⁸.

Все эти процессы с теми или иными местными особенностями были общими для всех народов Индии, т. е. носили общеиндийский характер, вызывая сходные изменения в конкретной исторической судьбе каждого отдельного народа страны.

Обезземеленные крестьяне и разоренные сельские и городские ремесленники стали социальной базой складывания индийского пролетариата, как городского, так и сельскохозяйственного. Возросли отходничество и перемещения людей на чужие этнотерритории.

Прямой ввоз английского капитала, вкладываемого в плантации, в строительство дорог и промышленных предприятий, обусловленный экономическими взаимоотношениями метрополии и колонии, объективно стимулировал рост индийской национальной промышленности, усиление внутренних миграций и развитие межрайонных, т. е. фактически межэтнических, коммуникаций в стране.

Вспыхнувшее в 1857 г. в Северной Индии массовое восстание, начавшееся в рядах сипаев (солдат англо-индийской армии) и сразу же охватившее широкие слои населения, носило национальный характер, а не было только восстанием сипаев, как его называли английские историки.

Восстание было подавлено в 1859 г., вслед за чем начался период жестокого правительственного террора. В этих условиях развитие национальной экономики и национальной общественной мысли было резко заторможено.

Правда, в стране продолжали формироваться национальные буржуазные элементы. Как уже говорилось выше, степень интенсивности этого процесса у разных народов была разной. В эти годы индийская буржуазия была еще слишком слаба и несамостоятельна для того, чтобы бороться с колонизаторами за господство на внутреннем рынке, т. е. за создание экономической базы самоопределения, как в пределах отдельных этнонациональных регионов, так и в масштабе страны.

Ярким свидетельством начавшейся консолидации национальных сил отдельных народов является рост борьбы крестьян с произволом помещиков (которая по своей направленности была и борьбой против колониальных властей, служивших опорой помещиков). Крестьянские движения были активно поддержаны в разных районах Индии молодой национальной интеллигенцией.

Мелкая и средняя буржуазия, складывавшаяся во всех национальных районах Индии, нуждалась в радикальной программе борьбы за самоопределение. Выразителями интересов этих слоев буржуазии явились представители интеллигенции.

В 1870—1880 гг. в среде развитых и крупных народов Индии начались антиколониальные национальные движения, возглавляемые молодой буржуазной интеллигенцией, опиравшейся на антифеодальные выступления крестьян каждого этнического района. Эти движения возникали не только на территориях таких крупных народов, как бенгальцы, маратхи, гуджаратцы или хиндустанцы, но и в среде малых народностей. Это свидетельствует об их этническом развитии и самосознании, выросшем за период общендийской национально-освободительной борьбы. В 80-е годы XIX в. антианглийским движением в той или иной мере были охвачены все этнические регионы Индии. Прогрессивные общественные деятели разных народов приходили к мысли о необходимости создания общендийских центров руководства этими движениями.

В целом все антиколониальные движения, вспыхивавшие на разных этнических территориях страны во второй половине XIX в., носили сходный характер.

Две основные тенденции, которые прослеживаются на всем протяжении исторического развития народов Индии,— локально-этническое развитие и общендийское развитие — получили в

этот период очень четкое выражение. Исторические взаимные связи индийских народов приобрели в это время новое качество — они нашли свое выражение в экономических связях развивающейся буржуазии отдельных национальных регионов.

Особенно яркой иллюстрацией этого положения являлась деятельность националистически настроенных кругов крупной буржуазии тех народов, где капиталистические отношения достигли более высокого уровня развития, прежде всего бенгалцев и маратхов. Именно по инициативе руководителей национальных общественных организаций этих народов была проведена подготовительная кампания по созданию руководящего центра в общендийском масштабе.

Представители общественных организаций разных народов Индии, возглавляемые бенгальскими и маратхскими деятелями, выработали общую программу национально-освободительной борьбы. В 1885 г. на конференции в Бомбее была создана всеиндийская политическая организация Индийский национальный конгресс.

В первые годы своей работы Национальный конгресс отражал интересы главным образом тех народов Индии, в среде которых стала формироваться и приобретать значительное общественное влияние крупная буржуазия, а также крупные помещики. Но в это время в орбиту развивающихся капиталистических отношений начали втягиваться и другие народы Индии, которые в силу ряда исторических причин позже вступили на путь буржуазного развития.

Одной из таких причин были географические условия (например, удаленность от моря). Территории таких народов не являлись опорной базой торговых операций колонизаторов, и торгово-компрадорский капитал развивался здесь более замедленными темпами. Как уже упоминалось, исторические условия предшествующего развития этих народов тоже играли немаловажную роль, а они были неодинаковы. Так, раджастханцы в течение ряда веков были раздроблены на множество мелких групп границами феодальных раджпутских княжеств (феодальные отношения доминировали здесь в экономике вплоть до 1956 г., т. е. до момента интеграции княжеств). В аналогичных условиях жило население и нескольких сотен других индийских княжеств.

На территории Северной Индии эти сложнейшие условия усугублялись еще и тем, что здесь не существовало исторически сложившегося разграничения территорий этнодиалектных групп. Группы населения, говорившие на разных диалектах хинди и исторически хранившие в себе потенциальные возможности для складывания в несколько народов, были объединены в пределах обширных провинций (их границы время от времени пересматривались и изменялись колониальной администрацией).

Отдельные этнодиалектные группы этого населения как в период средневековья, так и во второй половине XIX в. можно скорее всего признать носителями узколокальных форм самосознания. Классово-кастовые и конфессионально-религиозные контрасты в среде населения этого региона усиливались специфическими условиями его экономического развития в условиях колониальной эксплуатации.

На этнических процессах Северной Индии, протекавших в условиях размытости этнолингвистических границ, более заметно, чем в других областях страны, сказывалось расслоение населения на две конфессиональные общины — индусов и мусульман. Вражда между ними, из века в век разжигаемая правительствами государств, складывавшихся на этой обширной территории, в средневековье, а в XVIII—XIX вв. — английскими колонизаторами, задерживала процессы этнической консолидации местных народов и их социальное и экономическое развитие.

Число мусульман было в этих районах очень высоко, особенно в городах. Они составляли высокий процент среди правительственных чиновников, землевладельцев и сборщиков налогов⁴⁹. В этих областях, как уже упоминалось, классовые противоречия еще со времен средневековья часто выливались в форму религиозных распрей, тем более что по традиции на мусульман смотрели как на завоевателей, хотя в XIX в. подавляющее большинство их уже составляли обращенные в ислам индусы или потомки таких обращенных. Объединение населения в организации или группы, ведущие антиколониальную борьбу, происходило здесь обычно по религиозному принципу, и это зачастую продолжало разделять этнически однородные группы населения, а не объединять их.

Так, антианглийское движение ваххабитов, начавшееся в первой четверти XIX в., охватило в основном мусульман, как феодалов, торговцев и ремесленников, так и крестьян. Но, объявляя священную войну против иноверцев, они включали в их число и сикхов, что восстанавливало против них не только последних, но и индусов из числа тех же этнодиалектных групп, к которым принадлежали и сами ваххабиты. Выступления крестьян-ваххабитов против помещиков также поначалу были направлены против помещиков-индусов, и лишь в разгаре восстания его острее иногда обращалось против эксплуататоров любого вероисповедания, включая мусульман⁵⁰.

После национального восстания (1857—1859) английские власти стали усиленно проводить политику разжигания религиозных противоречий в Индии. Это стимулировало обострение противоречий между двумя наиболее многочисленными конфессиональными группами Северной Индии и углубило взаимные расхождения в среде индусской и мусульманской интеллигенции, нарушив тем самым и ее формирующееся единство. В это же время в среде складывавшейся здесь мелкой и средней бур-

жуазии, относящейся к обоим религиозным общинам, также нарастали противоречия, вызванные взаимной конкуренцией.

Совокупность всех этих факторов нарушала процесс капиталистического развития населения всей этой обширной области, а этническое самосознание расселенных здесь народов в силу всех указанных причин было выражено слабо, и условий для их этнолингвистической консолидации не было.

К рубежу XX в. этнонациональное развитие индийских народов и соответственно их национально-освободительная борьба вступили в новую фазу. Развивающийся пролетариат стал втягиваться в освободительную борьбу — началось забастовочное движение. Национальная интеллигенция, порожденная крепнущей мелкой и средней буржуазией, начала уделять (как это было в Бенгалии) много внимания возрождению местных ремесел, искусства и всех других форм национальной культуры, подавленной колонизаторами, а главное — развитию прессы и литературы на языках народов Индии. Идея объединения каждого народа по признаку языка, идея административного выделения лингвистических (т. е. этнических) территорий стала постепенно проникать в сознание широких масс.

В 1905 г. для подавления активности бенгальской интеллигенции колонизаторы предприняли решительный шаг, они разделили Бенгал на две провинции по религиозному признаку: Восточную, где большинство населения составляли мусульмане, и Западную (к которой были присоединены и соседние области Бихара и Ориссы), где преобладали индусы. Это вызвало массовые протесты в Бенгалии, охватившие все слои населения, и явилось демонстрацией сложившегося национального единства бенгальцев и зрелости их национального самосознания⁵¹.

Русская революция 1905 г., имевшая широкий резонанс во всем мире, вызвала рост освободительного движения и в Индии. Боязнь крупной буржуазии и помещиков встать на путь решительной борьбы с колонизаторами привела к расколу Национального конгресса в 1907 г. и аресту видного деятеля национально-освободительного движения Б. Г. Тилака в 1908 г.⁵² Этот арест вызвал мощную волну протестов и всеобщую забастовку бомбейских рабочих, которую В. И. Ленин оценил очень высоко, сказав, что «пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы»⁵³.

Вслед за бенгальскими и в год бомбейских событий начались массовые выступления в Панджабе и в южноиндийских областях в среде тамилы, андхра и малаяли. Повсюду звучали лозунги «сварадж» (самоуправления) и «свадеш» (поощрение национального производства и бойкот английских товаров). Здесь важно обратить внимание на то, что неотъемлемой частью этой борьбы повсеместно стало движение за создание лингвистических территорий, т. е. за административный передел страны по этнолингвистическому принципу, и за предо-

ставление широких прав национальным языкам: за использование их в преподавании, литературе и во всех сферах общественной жизни.

В 1911 г. в результате единодушного сопротивления бенгальцев колониальные власти были вынуждены воссоединить разделенную Бенгалию и — даже больше — отделить от нее слитые с ней раньше иноязычные области Бихара и Ориссы (где тоже возникло движение за такое отделение). Кроме того, Национальный конгресс принял особую резолюцию, содержащую просьбу к британским властям пересмотреть границы Бенгалии так, чтобы они охватили все области, населенные бенгальцами.

Одним из первых народов Индии, тоже решительно потребовавших выделения своей этнической территории в отдельную административную единицу, был народ андра, объединенный, по существовавшему административному устройству страны, с тамилами в пределах Мадрасского президентства.

В 1913 г. в этом президентстве была создана национальная буржуазная организация «Андра махасабха» (Великий союз народа андра), занимавшаяся в основном культурно-просветительной деятельностью и пропагандой идеи политического объединения всех земель, населенных андра. Вслед за ними другие народы, чьи территории были разделены между разными административными единицами или искусственно объединены в пределах одной такой единицы, стали тоже требовать пересмотра границ провинций и создания «лингвистических провинций».

Рост этого движения был задержан на несколько лет разразившейся в 1914 г. первой мировой войной, в которую Индия была автоматически втянута (на стороне Англии). Но даже во время войны, в 1916 г., в Калькутте по инициативе Национального конгресса была созвана конференция, на которой обсуждался вопрос о замене в общественной жизни страны английского языка каким-нибудь из языков Индии. Было постановлено, что таким языком должен стать хиндустани (в обеих литературных формах — урду и хинди) и что следует всячески поощрять его изучение во всех национальных областях Индии⁵⁴.

В 1916 г. на юге страны возникла националистическая буржуазная организация «Карнатака сабха» (Союз Карнатака), возглавившая нарастающее движение каннара за объединение их земель в пределах единой провинции. В 1918 г. эта организация обратилась в Конгресс с просьбой ходатайствовать о реорганизации провинции на языковой основе⁵⁵. В это же время вожди бенгальского движения за самоуправление Индии неоднократно обращались к своему народу с просьбой забыть о внутрибенгальских религиозно-общинных противоречиях и совместно добиваться «автономии для бенгальской нации»⁵⁶.

После окончания войны под прямым влиянием Октябрьской революции в России национальные движения снова повсемест-

но приняли широкий размах. В этот период даже сгладились конфликтные отношения между реакционно настроенной и ортодоксально мыслящей частью мусульманской и индусской религиозных общин.

Углубление и обострение противоречий между колонией и метрополией активизировало все слои национальной буржуазии, что же касается трудящихся масс, то и они, не будучи в силах выдерживать гнет двойной эксплуатации, тоже поднимались на борьбу в пределах практически всех этнических регионов.

В эти годы расширяется деятельность ряда общественных институтов и организаций до общеиндийского масштаба. Рост коммуникаций расширял экономические, политические и культурные связи между отдельными народами страны. Всякое политическое событие, имевшее место в любом районе Индии, мгновенно вызывало отклик общественности во всех ее областях. Понятие «nation», употреблявшееся в прессе, выступлениях и политических документах, приобретало все более прочную основу реально складывающейся национально-политической общности всего индийского народа в целом.

В этот период и в социальной судьбе каждого более или менее крупного народа Индии одновременно или почти одновременно происходили одинаковые изменения — шла интенсивная перестройка классовых сил, рост капиталистических отношений в деревне ломал устои сельских общин. Во всей стране усилились требования пересмотра кастовых ограничений, росло движение за проведение реформ в области бытовых отношений и норм обычного права: ширилась революция, направленная против древних общественных институтов, тормозивших этническое развитие.

В годы этого подъема ведущей фигурой на политической арене Индии стал Ганди, возглавивший борьбу во всей стране за социальные реформы, единение индусов и мусульман и «сатьяграху» — освободительное движение без применения насилия.

Существенным вкладом Ганди в развитие национальной культуры каждого народа Индии и всего населения в целом явилась также его борьба за возрождение и развитие культурного наследия индийских народов, в частности народных ремесел, которые почти исчезли в период колониального господства Англии. Эта борьба была частью массового движения «свадеши» и бойкота английских фабричных товаров.

Росло в эти годы и массовое забастовочное движение, а у наиболее капиталистически развитых народов возникли первые профсоюзы (в 1918—1920 гг.). После жесточайших карательных операций, проведенных в Панджабе в 1919 г., вызвавших взрыв возмущения во всей Индии, начались выступления рабочих во всех крупных городах страны.

Рост общендийского самосознания был неразрывно связан с ростом этнонационального самосознания. Снова стало шириться движение за образование лингвистических провинций. В 1920 г. в г. Нагпуре состоялась сессия Национального конгресса, на которой было принято решение перестроить всю сеть местных организаций Конгресса в соответствии с этническими территориями или с частями этих территорий. Эти запроектованные тогда новые административные деления получили принятое в протоколах и в прессе название лингвистических или конгрессовских провинций. На этой сессии было намечено создать 20 таких провинций для Индии, в дальнейшем работа индийских политических партий и организаций строилась с учетом этих провинций⁵⁷. В соответствии с решениями Нагпурской сессии Конгресс стал проводить свои заседания на языках разных национальных районов⁵⁸.

Общенациональный характер приобретало и руководство профсоюзным движением — в 1920 г. был создан Всеиндийский конгресс профсоюзов (в 1926 г. в стране было уже около 200 профсоюзов)⁵⁹. В 20-х годах стала развиваться промышленность и начал формироваться пролетариат даже у таких народов, как пуштуны и белуджи, в общественных отношениях которых сочетался феодализм с сильнейшими пережитками родо-племенного строя⁶⁰. В тех же этнических регионах, где пролетариат еще не сформировался или был недостаточно развит, ведущую роль играли массовые крестьянские освободительные движения — в Панджабе, Соединенных провинциях, Бенгалии, Махараштре, на Малабаре.

В эти годы в стране начали устанавливаться связи между организованным национальным и стихийным крестьянским движением⁶¹.

В этот же период в среде одного из самых политически активных народов Индии — бенгальцев — стали действовать группы террористического движения. Его вожди игнорировали призывы Национального конгресса к ненасилию⁶². Террористические группы стали возникать и в соседних с Бенгалом Бихаре и Ориссе, а также у хиндустанцев, раджастанцев и в Панджабе. Они объединяли главным образом радикально настроенную молодежь из средней городской буржуазии.

В начале 20-х годов в среде революционно настроенной молодежи и мелкобуржуазных националистов всех народов Индии стали распространяться идеи марксизма. В промышленно развитых городах разных национальных областей — Бомбее, Калькутте, Канпуре, Лахоре, Карачи, Мадрасе и других — стали складываться коммунистические группы, которые быстро снискали признание и популярность. Несмотря на репрессии в отношении ряда руководителей коммунистического движения, оно развивалось. В 1924 г. Коммунистическая партия Индии стала легальной⁶³.

Кроме нее в стране действовали и нелегальные группы коммунистов. По их инициативе были созданы крестьянско-рабочие и рабоче-крестьянские партии, носившие более массовый характер, например бенгальская крестьянско-рабочая партия. Вслед за ней аналогичные партии возникали и в других национальных областях. Снова впереди всех в этом движении были маратхи, гуджаратцы и бенгальцы. Правда, панджабцы и хиндустанцы тоже стали активно участвовать в национально-освободительном движении.

В 1927 г. бенгальская крестьянско-рабочая партия приняла программу, в которой нашли свое выражение и задачи национального строительства. В ней подчеркивалось, что главной целью является создание в Индии федеративной республики⁶⁴.

В конце 1928 г. была созвана первая Всеиндийская конференция рабоче-крестьянских партий, на которой было принято решение о необходимости борьбы за полную независимость страны⁶⁵.

В этот же период в разных кругах индийского общества все шире становился интерес к национальной политике Советского Союза, к строительству национальной культуры в этой стране и к решению проблем национальных меньшинств.

В 1928—1929 гг. в Индии в условиях всемирного экономического кризиса вновь поднялась волна антиимпериалистического движения, связанная с борьбой за этническое самоопределение. Так, движение за выделение Андхры в самостоятельную провинцию было признано самими английскими властями как «важный политический вопрос»⁶⁶. Такая формулировка указывает на то, что национальная консолидация крупных народов Индии вызывала серьезную тревогу колонизаторов.

Настоятельные требования индийцев о создании лингвистических провинций были направлены также и на ликвидацию разобщения национальных территорий, которое тормозило экономическое развитие отдельных народов Индии и развитие индийского внутреннего рынка в целом. Провинциальные же организации Национального конгресса, созданные в соответствии с решениями его Нагпурской сессии 1920 г., не везде проявляли необходимую активность в деле поддержки движения народов за последовательное проведение в жизнь решения национального вопроса в стране в той части, которая была связана с созданием лингвистических провинций. Правда, Конгресс не имел развернутой программы, а руководители провинциальных организаций иногда не только не поддерживали, но даже ограничивали движение за создание лингвистических провинций или держались в стороне от него. Так было, например, в Андхре и в Карнатаке, где в 20-х годах движение за выделение этнических территорий не встречало поддержки со стороны местных организаций Конгресса.

В 1927 г. Всеиндийский комитет Конгресса принял резолю-

цию о необходимости более решительного определения провинций, отправляясь от наличия фактических языковых регионов. Было решено начать с выделения провинций Андхра, Синд и Карнатак⁶⁷.

Конгресс усиленно стремился сочетать борьбу за создание таких провинций с борьбой за привлечение широких масс крестьянства к антиимпериалистическому движению. Он возглавил движение крестьян — гуджаратцев, андхра, малаяли и других — за неуплату налогов, и это требование стало выдвигаться одновременно с требованием создания лингвистических провинций. По всей стране росли антианглийские настроения крестьянства, проводились массовые антиправительственные манифестации⁶⁸, говорящие о росте общиндийского самосознания масс трудящихся.

Стремление к общенациональной консолидации отразилось также в торжественном проведении 26 января 1930 г. всеиндийского праздника Дня независимости (с этих пор он стал общенародным праздником Индии). Этот праздник сопровождался повсеместными массовыми демонстрациями⁶⁹ (с 1950 г. он называется Днем республики).

В том же, 1930 г. в ответ на усиление колониальных репрессий вспыхнула вооруженная борьба в среде пуштунов, бенгальцев и маратхов. Борьба пуштунов, возглавляемая организацией «Пуштун джирга», или «Пахтун джирга» (Совет пуштунов), была особенно острой — на их этнической территории разгорелась настоящая война с войсками колонизаторов. Здесь активно действовали отряды повстанцев, вошедшие в историю под названием «краснорубашечников», — боевые группы, руководившие на протяжении многих лет освободительным движением в среде пуштунов. Руководители общиндийского освободительного движения поддерживали пуштунов в их борьбе за самоопределение и за создание лингвистической провинции⁷⁰.

Эта вооруженная борьба, вспыхнувшая одновременно в трех отдаленных друг от друга географических областях Индии, свидетельствовала о массовом нарастании революционной ситуации в среде разных народов страны. Неопровержимым доказательством взаимных контактов всех народов и единства их интересов были массовые политические забастовки, сопутствовавшие этим восстаниям (забастовки, проведенные в среде тамиллов, синдхов, хиндустанцев, бенгальцев и других народов).

Стремясь укрепить свои позиции в стране, колонизаторы пытались урегулировать отношения с имущественной верхушкой индийского общества и вместе с тем внести раскол в ряды борющихся народов Индии, спровоцировав обострение индуско-мусульманских и межкастовых противоречий. Эти же цели преследовала «Конференция круглого стола», проведенная в Лондоне в 1930 и 1931 гг. совместно с представителями ряда ведущих политических партий Индии⁷¹.

«Конференции круглого стола» было подано несколько меморандумов о создании в Индии провинций на основе языков населения — синдхи, ория, андра, бенгали, каннара, — но они остались без результата. В 1931 г. на очередной сессии Конгресса была принята резолюция «Об основных правах и обязанностях граждан Индии», в которой среди прочих требований выдвигались требования отмены кастовых и религиозных ограничений и создания лингвистических провинций и развития национальных языков. Это было ярким показателем того, что с каждым подъемом национально-освободительного движения нарастала борьба каждого из крупных народов Индии за национальное самоопределение и вместе с тем за ликвидацию социальных границ, мешающих этническому развитию каждого народа и сплочению всего населения страны в целом.

В эти годы расширилось антифеодальное движение на территории княжеств. Острая борьба разгорелась в Кашмире, носившая одновременно и характер борьбы крестьян-мусульман против феодалов, бывших в основном индусами. В то же время она имела и характер движения за этнонациональное самоопределение кашмирцев, так как феодалы-индусы были по национальности дограми из Джамму. Еще в 1846 г. англичане объединили княжества Джамму и Кашмир и сделали правителя Джамму, принадлежавшего к основной национальности этого княжества — к догра, правителем обоих княжеств. С тех пор догрским феодалам из высоких каст принадлежали почти все плодородные земли, а крестьяне-кашмирцы были поставлены в положение зависимых полунищих арендаторов этих земель. Классовые противоречия осложнялись здесь не только национальными, но и религиозными, так как догра были в основном индусами, а кашмирцы, начиная с эпохи завоеваний афганского правителя Ахмедшаха Абдала, были почти все обращены в ислам. Когда в Кашмире стала складываться своя национальная буржуазия, возникли острые противоречия между ней и догрскими феодалами-правителями, опиравшимися на колонизаторов. Буржуазия возглавила национально-антифеодальное движение масс кашмирцев в 1931—1932 гг.

Колонизаторы немедленно использовали это движение для провокации индусско-мусульманской резни в самом Кашмире и одновременного разжигания религиозной вражды в других этнонациональных областях Индии. Так, в Альваре, одном из раджпутских княжеств, где классовые интересы крестьян-мусульман остро противоречили интересам феодалов-индусов, вспыхнуло восстание. Мусульманская лига, «Хинду махасабха» и колонизаторы поощряли и разжигали эту конфессиональную вражду в ущерб борьбе за национальное самоопределение народа.

В 1938 г. в Джамму и Кашмире была создана «Национальная конференция», возглавившая демократическое движение народов этих княжеств (в ряде княжеств Панджаба, Гуд-

жарата, Ориссы и других областях возникли аналогичные организации и стало расти рабочее и крестьянское движение), а в 1939 г. — «Всеиндийская конференция народов княжеств»⁷².

В 30-х годах не только в провинциях, но и в княжествах усилилось влияние коммунистов. Левое крыло в Конгрессе, в рабочем и крестьянском движении, сближавшееся с коммунистами, тоже укрепилось. Оно выступало за широкое привлечение населения княжеств к всеиндийской освободительной борьбе.

В 1935 г. британским парламентом был принят новый «Акт об управлении Индией», известный также под названием «Конституции 1935 г.». Этот закон, формально разрешавший создание правительственных органов с широким участием индийцев, практически никаких изменений в колониальное положение Индии не вносил и «не предусматривал ничего такого, что могло бы помешать губернатору или вице-королю делать все, что им заблагорассудится, даже вопреки правительству или законодательному собранию»⁷³.

В соответствии с этим Актом Индия должна была стать федерацией провинций Британской Индии и индийских княжеств, а законодательная и исполнительная власть в федерации должна была, как и раньше, принадлежать колонизаторам⁷⁴. Этим закреплялось такое разделение территории Индии, при котором территории княжеств по-прежнему перемежались с землями провинций, чем нарушался и затруднялся процесс дальнейшего роста взаимной связи и консолидации народов страны и соответственно упрочения их этнонационального и всеиндийского самосознания.

Выборы, согласно Акту, были основаны на системе конфессиональных курий. Это привело к новой активизации общинно-религиозной розни и усилению деятельности таких организаций, как «Хинду махасабха» или Мусульманская лига.

Но в среде широких масс народа тенденции к единству были уже очень сильны, и потому индийцы сопротивлялись политике подмены растущего национального самосознания религиозным. Но все же Мусульманская лига, возглавляемая видным политическим деятелем М. А. Джинной, стала постепенно превращаться в массовую организацию в результате поддержки колонизаторов и активной и настойчивой промусульманской агитации⁷⁵.

К концу 30-х годов среди индусской и мусульманской верхушки получила широкое хождение теория о «двух нациях» — индусах и мусульманах. При прямой поддержке колонизаторов стала также приобретать популярность рожденная в 1931 г. идея создания Пакистана. В Бенгалии, где к мусульманской общине относилась значительная часть населения, буржуазные националисты из мусульман выдвинули в 1934 г. идею создания независимого бенгальского мусульманского государства, попы-

тавшись соединить растущее этнонациональное самосознание с конфессиональным. Позже, в 1939 г., эта идея легла в основу схемы деления Индии на три государства — Хиндустан, Пакистан и Бенгалию (или Бенгалистан), а также ряда других проектов создания отдельного бенгальского государства⁷⁶.

Прогрессивные организации, и прежде всего Коммунистическая партия Индии, боролись с любыми попытками раскола индийского народа. Под руководством Всеиндийского конгресса профсоюзов активизировалась национально-освободительная борьба рабочих — бенгальцев, андхра, тамилы, бихарцев, хиндустанцев. Под влиянием левых сил руководство Всеиндийского крестьянского союза, созданного в 1936 г., определило задачи крестьянства в антиимпериалистической борьбе, имевшей конечной целью общенациональное освобождение⁷⁷. В эти же годы возникли Всеиндийская федерация студентов и Всеиндийская ассоциация прогрессивных писателей и ряд других аналогичных организаций. Все эти организации единодушно выступали против Акта 1935 г. В процессе борьбы против него оживилось и движение за создание языковых провинций.

В тех районах, где коммунистические организации были наиболее сильными, в руководстве национальными движениями стали укрепляться позиции левых национально-демократических течений. Бенгальцы, каннара, маратхи, андхра и малаяли решительно требовали выделения их этнонациональных областей в отдельные провинции. В 1938 г. это движение особенно усилилось среди каннара, андхра и малаяли, а в 1940 г. — среди маратхов.

* * *

За 20 лет, прошедших с Нагпурской сессии Конгресса, многие политические деятели и ученые писали о языковых, т. е. этнических, проблемах в Индии, пытаясь их осмыслить и проанализировать. Эти проблемы обсуждались на многих важнейших конференциях и сессиях, о них писали в газетах и журналах и публиковали книги. Отдельные крупные народы Индии именовались то языковыми областями, то историческими общностями, то большими этническими группами, то этнографическими, или национальными, группами. В целом же в представлении всех исследователей сложилась четкая картина существования в Индии по меньшей мере 14 или 15 крупных народов, достигших высокой ступени исторического развития и консолидации, и значительного числа более мелких и менее развитых этнических групп⁷⁸.

Движение за этническое самоопределение развивалось как у крупных, так и у малых народов, причем достоин внимания тот факт, что антиимпериалистические выступления малых народностей часто носили не менее боевой характер, чем высту-

пления некоторых крупных народов⁷⁹, что свидетельствует об их активном участии в общендийской национально-освободительной борьбе.

После того как в сентябре 1939 г. Англия объявила Индию воюющей страной, в среде индийцев поднялась новая волна освободительного движения. Как и прежде, одновременно с подъемом освободительного движения началось и оживление прогрессивных национальных движений, и вновь народы Индии стали выдвигать требования о создании автономных этнонациональных областей.

Но в эти же годы классовое самосознание активно развивающейся буржуазии во многих национальных областях Индии стало доминирующим и заметно подавляло этническое самосознание представителей этого слоя населения. Руководствуясь своими экономическими интересами и стремясь к победе во взаимной конкурентной борьбе и упрочению своих классовых позиций, ведущие представители мусульманской и индусской (а также джайнской) буржуазии встали на путь острой конфессиональной борьбы как в пределах собственных регионов, так и в масштабе всей страны. Этнонациональные интересы в этот период не принимались ими во внимание.

Так, в Бенгалии сильные позиции в экономике занимали представители гуджаратской и раджастханской (главным образом марварийской) буржуазии, с которыми вела борьбу местная национальная буржуазия⁸⁰. Многие представители первых двух групп по своему вероисповеданию являлись джайнами⁸¹ и были выходцами из богатых торгово-ростовщических каст, известных в Раджастане по месту своего происхождения под названием «марвари», или марварийских каст, тогда как последняя группа состояла в основном из мусульмано-бенгальской буржуазии. Экономические противоречия между этими группами привели к тому, что в среде местной буржуазии лозунг создания Пакистана и отделения от Индии «мусульманской» части Бенгалии стал очень популярным.

Рост крестьянского движения в тех районах Бенгалии, где крестьяне были в основном мусульманами, побудил помещиков-индусов также стоять за раздел. К дням окончания войны индо-мусульманские противоречия в этой области были так раздуты Мусульманской лигой и индусской «Хинду махасабхой», что колонизаторам ничего не оставалось, как только провести раздел Бенгала, опираясь на сторонников этой политики в Индии.

Столь характерная для Индии многоукладность экономики и неравномерность общественно-исторического развития отдельных ее народов проявились в крайне разнородных показателях роста крестьянского движения в эти годы. В Бенгалии, а также у андхра, тамилон и малаяли Крестьянскими союзами руководили коммунисты. Их влияние было сильным и в Панджабе.

Значительное число крестьян было охвачено союзами в Андхре, Панджабе и Северной Индии (в Соединенных провинциях), среди же маратхов и гуджаратцев членов союзов было немного, а среди каннара их не было вовсе⁸².

Поддерживая этнонациональное движение, компартия в 1942—1943 гг. начала издавать свои газеты на 9 языках Индии: хинди, урду, маратхи, гуджарати, малаяли, телугу, тамили, бенгали и панджаби⁸³.

В 1942 г. компартия предъявила Конгрессу ряд требований, и прежде всего признания за крупными индийскими народами права на самоопределение и установления в Индии федеральной конституции «с образованием в ней более или менее однородных по национальному составу единиц»⁸⁴. Это требование показывало, что компартия занимала в национальном вопросе наиболее радикальные и прогрессивные позиции и последовательно поддерживала стремление народов Индии к национальному самоопределению.

В том же, 1942 г. колонизаторы предложили свой проект послевоенного устройства Индии; так, в известной декларации «Миссии Криппса» говорилось, что после войны будет создан Индийский союз на правах доминиона, в который войдут все провинции и княжества, за исключением тех, которые пожелают образовать отдельные доминионы или же остаться на прежнем положении. В этой декларации полностью игнорировались проблемы размежевания этнонациональных территорий, а также все вопросы, связанные с национальным самоопределением отдельных народов страны. По-прежнему все национальные территории оставались разделенными между провинциями и княжествами. Предлагалось сохранить также принцип выборов по религиозным куриям. Таким образом, все основные предложения были направлены на то, чтобы сохранить раздробленность страны и подготовить почву для ее возможного раздела. Предложения «Миссии Криппса» были отвергнуты руководством Национального конгресса, после чего многие его лидеры были подвергнуты репрессиям.

Разгром гитлеровской Германии и победа СССР в войне способствовали тому, что с 1945 г. начался новый подъем массового освободительного движения в Индии. Активизировалась стачечная борьба. Массовые волнения охватили Бенгалию, а вслед за тем Бомбей, Дели и другие районы. В 1946 г. волнения перекинулись на армию — началась забастовка летчиков, а затем восстание военных моряков, в которых индусы выступали вместе с мусульманами. Это восстание поддержали солдаты, а также широкие массы трудящихся, особенно в Бомбее. В том же году в движение втянулись и крестьяне — бенгальцы, панджабцы, хиндустанцы и бихарцы. В Кашмире в 1946 г. вспыхнуло массовое антифеодалное движение, охватившее главным образом кашмирцев, но перебросившееся и в Джамму и в сре-

ду догров. В 1947 г. на юге Индии, среди той части народа андхра, которая населяла Телингану (восточные округа княжества Хайдарабад), волнения крестьян перешли в крестьянскую революцию. В ряде раджпутских княжеств начались восстания крестьян. Поднялись на борьбу также крестьяне — гуджаратцы, маратхи, тамилы, малаяли, а также многие малочисленные народности⁸⁵. Возросшее за годы войны классовое и этнонациональное, а также общендийское самосознание крестьянства превратило его в основную движущую силу послевоенной освободительной борьбы.

Резко обострилось движение и за создание лингвистических провинций, возглавляемое такими националистическими организациями, как «Андхра махасабха» у народа андхра, «Конференция Махараштры» у маратхов, «Конференция Карнатака» у народов каннара, партией «Акали» у панджабцев-сикхов и др. Эти организации резко критиковали Конгресс за недостаточную активность в борьбе за языковые провинции. От местного Комитета Конгресса в княжестве Хайдарабад, границы которого искусственно объединяли части народов андхра, маратхов и каннара, в знак протеста против его пассивности откололись «Конференция Махараштры» и «Андхра махасабха»⁸⁶. Во многих областях инициатива в движении была фактически вырвана из рук Конгресса.

В этот период в лингвистических регионах стали во множестве возникать новые организации националистического направления, объединявшие представителей самых разных социальных слоев и групп, включая религиозные секты и отдельные касты.

В обстановке массового подъема национально-освободительной борьбы во всей стране Индия добилась независимости. В августе 1947 г. произошел раздел Индии на два государства — Индию и Пакистан, сопровождаемый спровоцированной в Панджабе и частично в Бенгалии жесточайшей индо-мусульманской резней. Территории панджабцев и бенгальцев оказались разделенными новой государственной границей.

Это было сделано в соответствии с планом английского правительства, принятым индийской стороной и вошедшим в историю под названием «план Маунтбэттена».

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИНДИИ (1947—1974)

Политическое и экономическое развитие различных районов мира постоянно воздействовало и воздействует на этнические процессы. Это весьма отчетливо видно на примере народов, населяющих Южноазиатский субконтинент.

Те процессы, которые наблюдались в этнической истории народов Южной Азии в предшествующие годы, рассмотрены в предыдущих главах. Здесь ставится задача проследить, каким образом и в каких направлениях развиваются они в наши дни. Естественно, что все предшествовавшее есть часть и основа настоящего. Но этнические процессы постоянно трансформируются с изменением исторических условий, и нынешнее развитие народов субконтинента, в частности Индии, является во многом уникальным и представляет интерес с точки зрения как теоретической этнографии, так и чисто практического понимания тех процессов, которые наблюдаются в настоящее время в этой стране.

Различные авторы, специализирующиеся по этнографии Индии, по-разному датируют начало современного периода в ее этнической истории. Некоторые считают, что уже первая мировая война внесла нечто новое в этническое сознание народов, населяющих субконтинент, другие пользуются формальным критерием — датой провозглашения независимости Индии, датами образования независимых государств: Индии, Пакистана, Шри Ланка и Мальдивов¹.

Известно, что в историческом развитии субконтинент в целом имеет много общего, много таких элементов, которые свидетельствуют об историко-культурной близости его народов; нас же будет интересовать вопрос о том, как изменились этнические процессы в настоящее время в конкретном контексте отдельных независимых государств, в чем они ускорились, а в чем замедлились. Поэтому это настоящее время будет справедливее отсчитывать с момента возникновения этих новых государственных образований.

Исторические и политические события, которыми сопровождалось создание независимых государств в Южной Азии, хорошо освещены в советской исторической литературе², и нет необходимости их излагать подробно. Для той темы, которую

мы избрали, т. е. для освещения этнической истории и этнических процессов в Индии после завоевания ею независимости, нам достаточно изложить лишь некоторые проблемы, без понимания которых была бы неясна суть ныне происходящего.

Из предыдущих разделов известно, что государство Республика Индия возникло в результате раздела бывшей Британской Индии на две страны: Пакистан и Индийский Союз. В основу этого раздела был положен конфессиональный признак. Территории с преобладанием мусульманского населения отошли к Пакистану, а территории с преобладанием индусов — к Индии³.

Вместе с тем известно, что преобладание того или иного вероисповедания в отдельных провинциях всегда было и зачастую остается относительным. В провинциях, заселенных мусульманами, проживали индусы, и наоборот. При этом численность инорелигиозного населения нередко достигает 20%, т. е. пятой части населения. Это важно отметить уже в начале данного раздела, так как религиозные меньшинства как в Индии, так и в Пакистане стали одной из сложных проблем на этапе независимого развития этих государств.

Исторически унаследованными являются также проблемы неравномерного экономического развития отдельных районов Индии, о чем уже говорилось выше; известно, например, что провинции, заселенные преимущественно мусульманами, являлись в Британской Индии сельскохозяйственными, как правило монокультурными районами. Так, в результате раздела к Пакистану отошли сельскохозяйственные районы, дававшие 40% сбора хлопка, 85% джута, 40% пшеницы; в Индии возникла нехватка продовольствия и сырья для промышленности, а Пакистан оказался отрезанным от важного традиционного рынка сбыта его товарной сельскохозяйственной продукции⁴.

Для понимания взаимоотношений между индусской и мусульманскими общинами важным является также и то, что в экономическом отношении община мусульман была более слабой, с менее развитыми капиталистическими отношениями. Таким образом, конфессиональный признак почти повсеместно переплетался с социально-экономическими различиями, что, в свою очередь, порождало тенденции к бытовому и этническому размежеванию.

Раздел Индии на два доминиона и установление границ новых государств сопровождалось массовым как организованным, так и стихийным переселением индусов и сикхов из Пакистана в Индию, а мусульман — из Индии в Пакистан. Эти массовые передвижения населения охватили в основном пограничные районы обоих государств. Миграции индусов и мусульман вызвали резкое обострение религиозных чувств обеих общин, разжигание религиозного фанатизма, в ряде случаев повлекшего за собой массовые убийства. Все это способствовало

закреплению относительно случайных договорных границ и превращению Индии и Пакистана в два постоянно конфликтующих государства.

Неравномерность экономического и социального развития провинций Индии означает также и неравномерность этнического развития многочисленных народов этой страны, неравную степень интенсивности этнических процессов у отдельных народов.

Таким образом, мы вправе говорить о том, что этнические процессы в современной Индии определяются в основном тем историческим наследием, которое получила страна от колониального периода; фактом единой государственности, в пределах которой происходит развитие отдельных населяющих страну народов; влиянием внешнеполитических факторов, среди которых особо важное место занимают конфликтные отношения с Пакистаном⁵.

Не следует забывать, что в результате победы национально-освободительного движения в Индии к власти пришла национальная буржуазия, с той, однако, оговоркой, что ее политическое объединение — партия Индийский национальный конгресс — является скорее объединенным национальным фронтом различных демократических сил, а не только представителем национальной буржуазии. Непоследовательность национальной политики этой партии является чрезвычайно важным субъективным фактором, воздействующим на этнические процессы в Индии.

Акт английского парламента «О независимости Индии», который вошел в силу 15 августа 1947 г., отметил собой успех национально-освободительного движения народов Индии. Начался период независимого развития, которое, однако, в большой мере было осложнено искусственными мерами английского правительства в области национальных и конфессиональных отношений, особенностями территориально-административного деления страны и т. д.

Неотложной задачей новой государственной власти было принятие мер по индианизации административного аппарата и вооруженных сил, направленных на ограничение английского влияния на внутреннюю и внешнюю политику независимой Индии⁶.

После ухода из Индии последних контингентов английских войск в феврале 1948 г. в центральном аппарате, главным образом в органах дипломатической службы, еще оставалось большое число чиновников-англичан, сохранялись привилегии княжеств с действующей в них и после провозглашения независимости княжеской администрацией, в которой также служили англичане. По этой и другим причинам интересы нового Индийского государства требовали ускорения процесса интеграции княжеств с доминионом⁷.

В 1947 г. было образовано специальное министерство по делам княжеств, которое возглавил по совместительству министр внутренних дел Индии В. Патель. После переговоров, которые он провел с князьями, была выработана формула присоединения княжеств к Индийскому Союзу. Каждый из правителей княжеств подписывал идентичное соглашение с правительством доминиона.

По этим соглашениям за князьями сохранялось все принадлежавшее им движимое и недвижимое имущество. Они объявлялись неподсудными за любые действия, совершенные ими до вступления в силу соглашений о присоединении к Индии. Князья получали государственные пенсии (на общую сумму 56 млн. рупий в год). Определенные гарантии (службы, пенсионного обеспечения и т. д.) получали и чиновники княжеской администрации.

Князья лишались прерогатив политической власти, их военные формирования распускались или вливались в соединения индийской армии. Территории княжеств объединялись с Индией, и на них распространялось действие индийского законодательства.

Согласно положениям Закона о независимости Индии 1947 г. присоединение княжеств к Индии зависело от волеизъявления их правительств. Однако многие князья стремились как можно дольше сохранить прямые отношения с английской короной. Решительная позиция индийского правительства и развернувшиеся в княжествах антифеодальные юнионистские движения вынудили князей ускорить подписание протоколов о присоединении.

В течение 1947—1949 гг. 564 из 601 княжества бывшей Британской Индии присоединились к независимой Индии, остальные вошли в состав Пакистана. Интеграция бывших княжеств с Индийским Союзом шла тремя путями: 216 наиболее мелких княжеств объединились с соседними провинциями (Бомбея, Центральные провинции, Ориссы и др.), образовав там отдельные округа; 70 княжеств вошли в состав доминиона как административные единицы, управляемые непосредственно из центра, — либо в старых административных границах (Бхопал, Манипур, Трипура), либо объединенных в союзы княжеств (Химачал-Прадеш, Кач, Виндхья-Прадеш); 278 княжеств образовали федеральные единицы — либо союзы княжеств (Пепсу — союз Патналы и княжеств Восточного Панджаба, Раджастхан, Саураштра, Мадхья Бхарат, Траванкур-Кочин), либо отдельные федеральные провинции в старых границах (Хайдарабад, Майсур, Джамму и Кашмир).

В преобразованных провинциях были проведены выборы в законодательные органы и созданы территориальные правительства. Губернаторами — раджпрамуками, представлявшими центральную власть, в новых провинциях назначались бывшие

князья. Так, в ходе объединения княжеств с Индией была проведена первая крупная административно-территориальная реформа, которая унифицировала отношения между всеми индийскими провинциями и центральным государственным аппаратом.

Объединение княжеств с Индией и проведение в них административной и земельно-налоговой реформ значительно укрепили индийскую государственность и нанесли серьезный удар по феодализму и сепаратистским движениям.

Процесс интеграции княжеств с Индией в 1947—1949 гг. проходил безболезненно, за исключением трех княжеств: Джунагадх (на п-ове Катхиавар), Хайдарабад и Кашмир.

Правитель Джунагадха — мусульманин — объявил о намерении присоединиться к Пакистану, хотя большинство населения княжества составляли индусы. Решение князя вызвало серьезные волнения в Джунагадхе; индийское правительство в феврале 1947 г. ввело в княжество войска и провело плебисцит. Огромное большинство голосовавших высказались за присоединение к Индии. Правитель княжества бежал в Пакистан.

Более серьезная обстановка создалась в крупнейшем княжестве Хайдарабад. Его правитель — низам, также мусульманин, опираясь на политическую поддержку англичан, инспирировавших газетную пропагандистскую кампанию в пользу сохранения особого положения Хайдарабада и его прямых отношений с Лондоном, всячески затягивал решение вопроса о присоединении к Индии. В этой обстановке индийское правительство в октябре 1947 г. заключило с низамом сроком на один год специальное соглашение о сохранении статус-кво, но обязывавшее его не увеличивать свои военные силы, не получать какой-либо внешней военной помощи и т. д.

Однако низам вскоре нарушил взятые на себя обязательства: в течение 1948 г. в княжество было ввезено большое количество оружия из Пакистана. Одновременно серьезно осложнилась обстановка и внутри княжества. Народные выступления против власти низама переросли в крестьянское восстание, охватившее всю восточную часть княжества (Теленгану). Для подавления восстания феодальные власти создали военизированные отряды (разакары). Аграрное движение в Теленгане стало оказывать возрастающее влияние на положение в соседних северных округах провинции Мадрас, населенных тем же народом телугу.

Индийское правительство в сентябре 1948 г. предъявило низаму ультиматум, требуя, в частности, распустить отряды разакаров. 13 сентября вооруженные силы Индии вступили на территорию княжества и в пятидневный срок оккупировали его, и в начале 1949 г. низам подписал соглашение о вхождении Хайдарабада в Индию.

Наиболее сложная обстановка возникла в княжестве Джамму и Кашмир. Летом 1947 г. генерал-губернатор Индии Маунт-

бэттен во время пребывания в Кашмире попытался склонить князя на проведение плебисцита, так как предполагалось, что кашмирские мусульмане, составляющие подавляющее большинство населения области Кашмир (княжества Джамму и Кашмир), могут высказаться за присоединение к Пакистану.

Однако уже в октябре 1947 г. спор о будущем Кашмира перерос в прямой вооруженный конфликт Индии с Пакистаном, причем пакистанские войска сумели продвинуться почти до столицы княжества г. Сринагара.

В этих условиях, несмотря на противодействие генерал-губернатора Индии лорда Маунтбэттена, 27 октября индийский авиадесант был высажен в Сринагаре, а на следующий день индийские части вошли в соприкосновение с частями пакистанской регулярной армии, вторгшейся в Кашмир. Начался затяжной вооруженный конфликт.

На оккупированной пакистанцами территории Кашмира было создано правительство «Азад Кашмира» (Свободного Кашмира). Весной 1948 г. военные действия были прекращены, и с 1 января 1949 г. вступило в силу соглашение о прекращении огня.

Еще осенью 1947 г. правитель Кашмира отрекся от престола; его наследник, получивший пост главы государства в бывшем княжестве, подписал соглашение о присоединении Джамму и Кашмира к Индии, которое, однако, предоставляло новой провинции особую автономию и оставляло открытым окончательное решение вопроса о будущем статусе Кашмира⁸.

Раздел страны обострил противоречия экономического развития Индии, определявшиеся колониальной структурой ее народного хозяйства. В первые годы после достижения независимости Индия по-прежнему являлась отсталой аграрной страной, в экономической структуре которой господствовали докапиталистические уклады. В 1948/49 г. на сельское хозяйство приходилось 48,1% национального дохода, на кустарное и ремесленное производство — 11,5 и на фабрично-заводскую промышленность — лишь 8,3%⁹.

Общность интересов большинства народов Индии, которая постепенно складывалась в борьбе против колонизаторов, оттесняла на второй план локально-этнические интересы. Такой важный фактор, как религия, в период антиколониальной борьбы представлялся многим руководителям мусульманской общины (например, Джинне) фактом несправедливого экономического разделения, а не этнического, каким, по существу, ему предстояло стать после 1947 г.

Акт о разделе бывшей Британской Индии на два государства учитывал волеизъявление правителей отдельных административных единиц, но практически не учитывал этнические границы. Поэтому линии разделения мусульманского и индуистского населения были проведены в целом очень произвольно.

Отдельные народы Индии оказались разделенными государственными границами. Политические условия, сложившиеся ко времени раздела бывшей колонии, вызвали массовые миграции. Особенно значительными были переселения в Панджабе, Бенгалии, Бихаре, причем эти переселения сопровождались кровопролитием, грабежом и другими эксцессами.

Таким образом, в 20—40-х годах борьба за политическую, государственную независимость, против иностранного владычества требовала в области идеологии использования всего, что исторически и этнически объединяло народы субконтинента, что могло выступить как единое целое против этнически, исторически и культурно чужеродных элементов. Для лидеров правящей буржуазной партии Национального конгресса основной идеей стала идея общендийской государственности, идея «единства в многообразии». Эта идея была выдвинута, обоснована и превращена в лозунг, доступный и понятный массам¹⁰.

Влияние идей Октябрьской революции, особенно ее лозунгов по национальному вопросу, стало весьма значительным ко времени провозглашения независимости, когда эти лозунги из теоретических все более стали превращаться в практически значимые для Индии.

После провозглашения независимости Индии экономические и политические причины требовали утверждения принципа государственного единства, защиты его, идеи единой нации, общности исторических судеб и целей, тем более что обострившиеся после достижения независимости регионализм и сепаратизм стали угрозой стабильности и целостности государства.

Практическими мерами, которые были приняты в начале 50-х годов и которые, в частности, были направлены против сепаратистских тенденций, явились реформы, изменившие административное деление страны. Бывшие княжества и старые административные единицы были заменены 28 штатами.

Создание ряда штатов по языковому признаку означало вместе с тем отход от первоначально намечавшейся Конгрессом программы — курса на создание монолитного этносоциального организма, единой нации на базе языка хинди. Штаты сохранили двуязычие, но не двуязычие хинди и местных языков, а двуязычие местных языков и английского¹¹.

Эта проблема остается острой до настоящего времени, и мы будем к ней возвращаться позднее.

Разукрупнение наиболее значительных по размерам штатов, объединение некоторых мелких княжеств и провинций, использование этнолингвистического принципа в выделении административных подразделений разных уровней, политика правительства в области размещения промышленных предприятий и экономического районирования, меры социального характера значительно укрепили государственное единство и значение центральной власти.

Вместе с тем сепаратистские тенденции, особенно в приграничных районах Восточной Индии и некоторых районах южных штатов, находили немало сторонников.

Борьба этих двух основных тенденций — регионализма и централизма — сказалась на этнических процессах в Индии, до настоящего времени отражающих все значимые социально-политические перемены и взаимоотношения в стране.

Другим важным фактором, воздействующим на этнические процессы, особенно в северных хиндиязычных штатах, является конфессиональная, общинно-религиозная рознь, в основе которой лежат прежде всего социально-экономические причины, неравномерность экономического и культурного развития мусульманской и индусской общин.

Наконец, немаловажная роль в этнических интеграционных и дезинтеграционных процессах в Индии принадлежит кастовым и клановым объединениям, которые помимо хозяйственно-политического имеют этнообразующее или этнодифференцирующее значение.

Религиозная и кастовая дробность, а также рознь порождают ряд специфических предрассудков и предубеждений, комплекс которых в индийской социологической литературе охарактеризован терминами «коммунализм», «кастеизм» по близкой аналогии с «трибализмом» стран Африки. Это могут быть стереотипы разных уровней — общее противопоставление традиционно индийских групп, т. е. индусов, сикхов, джайнов, буддистов, всем чужеродным группам, т. е. прежде всего мусульманам и христианам, или противопоставление сикхов индусам, джайнов неджайнам, брахманов небрахманам, и наоборот. Когда эти настроения овладевают большими массами в данной общине, когда интересы общины, касты или группы начинают ставиться выше общегосударственных, общеиндийских или общенациональных (т. е. тамильских, бенгальских, панджабских и пр.) интересов, они становятся существенной помехой на пути этнической интеграции.

Естественное развитие Индии сопровождается возникновением и разрешением внутренних и внешних конфликтов, прежде всего экономических и политических. В создавшихся условиях оно помимо вышеназванных конфликтов выражается еще в этнической и религиозной форме.

Потребность быстрого экономического развития страны входит в острое противоречие со всей системой империалистического господства и подчинения.

Наряду с экономическими обострились и другие противоречия, в первую очередь социальные, ибо в недрах колониальных производственно-экономических укладов развивались новые классы и существенно видоизменялись старые; национальные, поскольку в границах колониальных административных единиц (сколь произвольно они бы ни были проведены) стали фор-

мироваться нации, с первых же шагов ощущавшие гнет национальной и расовой дискриминации; политические, так как борьба против империализма изменила свои формы, достигнув общенациональных масштабов; наконец, идеологические, отражавшие общее обострение всех других противоречий. Надо отметить также существенные различия в позиции и роли отдельных классов и сословий в этнополитических процессах, развившихся в Индии.

Общий фон, на котором происходят этнические процессы в Индии,—преобладание сельскохозяйственного населения, относительная немногочисленность пролетариата, неравномерность экономического развития отдельных районов страны, общий низкий уровень грамотности, этническая и конфессиональная пестрота, общинные, клановые, племенные различия — составляет то индивидуальное, исторически особенное, изучение которого составляет часть нашей задачи.

Учитывая громадное значение политико-экономических факторов, их влияние на этнические процессы в Индии, при анализе последних необходимо отмечать важнейшие моменты политической истории Индии примерно за последние 30 лет. Однако важно не столько описание отдельных событий, сколько их внутреннее содержание, прослеживаемое с точки зрения их влияния на этнические взаимоотношения. Хотя совпадение этнических и лингвистических границ почти никогда не бывает абсолютным (это особенно характерно для Индии, где отдельные группы населения разделены в разных направлениях языковыми, кастовыми, религиозными, профессиональными и другими барьерами), все же в общественно-политической жизни страны, а также в индийской статистике, и в этническом процессе этнические взаимоотношения выступают прежде всего в виде взаимоотношений языковых. Это отражено и в современном административном делении страны.

* * *

Повсюду в мире различные этнические общности выделяются в результате действия ряда неравнозначных факторов — языкового, территориального и конфессионального, в результате которых появляется национальное самосознание, отражающееся в его самоназвании.

В настоящее время все жители Индии называют себя индийцами (англ. Indians, хинди Bharatiya), однако это скорее название по гражданству, так как помимо общего наименования существуют еще локальные этнонимы, которые во внутренней жизни имеют большое значение¹².

Несмотря на большую этническую пестроту населения, Индия может быть разделена в первую очередь на два больших района с преобладанием индоарийскоязычных народов на се-

вере и народов, говорящих на дравидийских языках, на юге.

В настоящее время наиболее компактное расселение отдельных народов Индии почти повсеместно совпадает с административными подразделениями страны. Однако таких районов, в которых не было бы этнолингвистических меньшинств, иногда весьма значительных, в Индии практически нет. Кроме того, во всех штатах в той или иной мере расселены лингвистически родственные основному населению мусульманские общины и общины других исповеданий, которые нередко окружающим большинством населения рассматриваются так же, как и общины кастовые или профессионально-конфессиональные.

Единого подхода в определении историко-культурных или культурно-хозяйственных провинций внутри Индии пока нет. Однако есть много попыток с разных позиций определить региональные подразделения и основные культурно-языковые объединения¹³. Нам кажется приемлемым наиболее часто применяемое деление страны на крупные регионы:

Северную Индию: г. Дели, штаты — Мадхья-Прадеш и Уттар-Прадеш;

Северо-Западную Индию: штаты — Химачал-Прадеш, Джамму и Кашмир, Пенджаб, Харьяна;

Западную Индию: штаты — Раджастан, Гуджарат, Махараштра, территории — Гоа, Диу и Даман;

Южную Индию: штаты — Андхра-Прадеш, Карнатак (Майсур), Тамилнад, Керала;

Восточную Индию: штаты — Ассам, Сикким, Мегхалая, Манипур, Трипура, Нагаленд, Бихар, Орисса, Западная Бенгалия и Союзные территории — Аруначал-Прадеш и Мизорам;

Островные владения.

Несмотря на значительные миграционные процессы на территории всей страны, более 50% миграций происходят в пределах этих регионов. Более того, лингвистическое развитие в пределах этих регионов не очень значительно и почти не влияет на возможности сближения населяющих их народов. Границы расселения народов отдельных штатов (например, раджастанцев и гуджаратцев, гуджаратцев и маратхов и т. д.) зачастую не совпадают с границами штатов, и вдоль этих границ возникают взаимопроникающие поселения соответствующих меньшинств и создаются довольно широкие культурно-контактные зоны.

Этнические процессы в современной Индии происходят на основе процессов, характерных для этих крупных территориальных подразделений. Поэтому в данном очерке мы первоначально намерены проследить этнические судьбы народов по регионам и штатам, чтобы затем описать эти процессы в общеиндийском масштабе.

Следует иметь в виду, что в мировой индологической литературе, включая индийскую, существует некоторая путаница¹⁴

в отношении номенклатуры народов, населяющих Индию. Это справедливо как в отношении этнонимов, так и в отношении выделения отдельных кланов, эндогамных групп и даже каст в самостоятельные этнические общности.

Этнографы, работающие в Индии, особенно индийские, в последнее время помимо общих работ по отдельным народам все больше внимания уделяют так называемым ведущим общинам.

К примеру, в периодической литературе появляются статьи, посвященные пателям Гуджарата, каястам Раджастанха, сикхам Панджаба, надарам Тамилнаду, маратхам Махараштры и т. д. Это происходит не случайно. В силу исторических и экономических особенностей развития индийского общества некоторые кастовые, клановые, религиозные общности оказываются в привилегированном, экономически более устойчивом положении, с известным социальным статусом и ритуально закрепленными правами и обязанностями в отношении других каст и слоев населения.

Этим, очевидно, можно объяснить устойчивость традиций в Индии, которые продолжают оставаться важным фактором, несмотря на принятые конституционные меры, направленные против национальной, кастовой и религиозной сегрегации.

Трудно привести точные данные по кастово-религиозному составу, например, государственных служащих Индии и административных аппаратов в штатах (исключая армию и полицию), но можно утверждать, что, даже по осторожным подсчетам, более 50% служащих этой категории — выходцы из брахманских каст. Более твердо можно утверждать, что основная часть экономики Гуджарата сосредоточена в руках пателей, аминов и десайев, а в Панджабе — в руках сикхов-кхатра и т. д.

Естественно, что эти общности также подвержены классовому расслоению, границы которого обычно коррелируют с границами подкаст. Однако в целом, располагая большими возможностями, эти, как правило, эндогамные общности дают более высокое образование своим членам, расширяют внутреннюю кооперацию и т. д. Иными словами, классовое образование в Индии, во всяком случае на локальном уровне отдельных народов страны, происходит за счет глубоких изменений во внутреннем содержании традиционных институтов индийского общества. При этом внешние формы общественных институтов и связанные с ними ритуалы хотя и упрощаются, но остаются в принципе почти неизменными.

Анализ данных переписи населения Индии 1971 г. указывает на неравномерный рост населения по религиозным общинам. Как правило, чем меньше община, тем больше в ней процент рождаемости. Помимо этого отмечается, что значительное число индуистов, особенно из низших каст (по сравнению с пере-

писью 1961 г.), было обращено в христианство, или буддизм, или сикхизм.

Наибольшая после индусов религиозная община — мусульмане — насчитывает 61,4 млн. человек. Если индусское население Индии за десятилетие (1961—1971) увеличилось на 23,7%, то увеличение мусульманского населения составило 30,9%.

Численность населения Индии по отдельным конфессиональным группам следующая (в млн.): индусы — 453,3; мусульмане — 61,4; христиане — 14,2; сикхи — 10,4; буддисты — 3,8; джайны — 2,6 и прочие — 2,2. Процент роста общин за рассматриваемое десятилетие составил: индусы — 23, 69; мусульмане — 30, 85; христиане — 32, 60; сикхи — 32, 28; буддисты — 17, 20; джайны — 28, 48 и прочие — 26, 10.

Характерно, что рост, например, сикхской общины наиболее бурным был в 1901—1911 гг. (37,4%). Это вызвалось популярностью движения «акали» в Пенджабе, содействовавшей обращению в сикхизм мусульман и индусов. Рост христианской общины за десятилетие в основном за счет обращения горных и лесных племен (Ассам), а также низших каст на юге страны, пожалуй, был самым большим в истории христианской общины в Индии (из расчета за десятилетие)¹⁵.

Большое влияние на этнические процессы в Индии оказывает мусульманская религиозная община. Несмотря на дисперсное расселение мусульман, большие культурно-языковые различия между ними, отсутствие крупных общенациональных политических объединений, религиозная принадлежность во многом содействует их объединению в общеиндийскую общину. Помимо этого, в местных исследованиях в Уттар-Прадеше, Тамилнаду, Махараштре, Гуджарате и Андхра-Прадеше отмечается некоторая общность демографических и социальных процессов среди мусульман, отличная от прочих общин. Так, повсеместно у мусульман несколько выше рождаемость, более прочны большие семьи, поощряются повторные браки вдовцов и вдов.

Вместе с тем полигамия мусульман мало отличается от полигамии среди индусов — на 1 тыс. женатых мужчин-мусульман (в городах) приходится 8,6% полигамных браков, у индусов — 6,7%. В деревнях процент полигамии среди индусов еще выше. В то же время брачный возраст мусульман несколько выше, чем у индусов. Соотношение полов у мусульман таково: на 922 женщины приходится 1 тыс. мужчин, а у индусов — 930 на 1 тыс. соответственно.

Мусульмане расселены неравномерно. В Союзных территориях (островных) — Лаккадивах, Миникой и Аминдивах — они составляют подавляющее большинство населения (94,4%), в штате Джамму и Кашмир их число несколько больше половины (65,9%), в штатах Ассам, Западная Бенгалия и Керала около 1/5 части населения — мусульмане (24; 20,5; 19,5% соответственно). В других штатах процент мусульман следующий:

Уттар-Прадеш — 15,48, Бихар — 13,48, Майсур — 10,63, Андамские и Никобарские острова — 10,12. Из 355 административных районов Индии мусульмане располагают большинством 50% и выше только в восьми районах, из которых шесть находятся в Джамму и Кашмире, один в Керале и один в Западной Бенгалии. Далее в четырех районах мусульмане составляют от 40 до 50% населения, в девяти — от 30 до 40% и в семнадцати — от 20 до 30%.

По переписи 1961 г., в Индии существовали довольно обширные колонии иностранных подданных, многие из которых позднее приняли индийское гражданство, а поэтому не включены в список иностранцев в данных за 1971 г. Так, основные компактные расселения англичан из 15 тыс., оставшихся в Индии, отмечены в Махараштре и Западной Бенгалии (около 4 тыс. в каждом) и примерно 300—500 во всех других штатах, кроме Кашмира и Раджастанхана, где их число незначительно.

Из 6 тыс. китайцев, сохранивших гражданство своего государства, большая часть проживает в Западной Бенгалии (около 3 тыс.), Махараштре (более 1 тыс.) и Уттар-Прадеше (включая Дели). Кроме Раджастанхана и Гуджарата небольшие общины китайцев (до 100 семей) существуют во всех индийских штатах.

Из 4 тыс. американских и канадских граждан (около 1 тыс.) основная часть компактных поселений (более 200 человек) отмечена в Махараштре, Тамилнаду, Андхра-Прадеше и Уттар-Прадеше. Представители Западной Германии проживают более всего в Махараштре и Ориссе, Японии — в Махараштре, Карнатаке и Гуджарате, Ирана — в Махараштре (около 2 тыс.). Поселения беженцев из Тибета (по данным 1961 г.) составляли 21 тыс. человек, жили они в основном в Панджабе, Западной Бенгалии и в НЕФА (ныне Аруначал-Прадеш).

Самые большие группы инонациональных поселений в Индии представлены непальцами (около 150 тыс.) и пакистанцами (около 100 тыс.). Эти две группы населения в основном проживают на территориях штатов Ассам, Уттар-Прадеш, Западная Бенгалия, Гуджарат и Карнатак.

Естественно, что численный состав инонациональных общин не отражает их значимости в экономических, политических и социальных процессах в Индии. Если, скажем, общины пакистанцев, тибетцев, непальцев и т. д. возникли в результате борьбы за выживание (по политическим или экономическим мотивам), то общины англичан, американцев, китайцев и японцев отражают другие процессы, и их деятельность направлена на решение иных задач.

Результаты миграций, как известно из предварительных данных, значительно отличаются от тех, которые наблюдались в десятилетие 1951—1961 гг., однако отражают все те же тенденции, которые зародились на первом этапе (1947—1955) самостоятельного развития Индии. Во-первых, в период 1961—

1971 г. зарегистрированы более значительные, чем в предыдущее десятилетие, миграции из одного штата в другой (в основном за счет населения с довольно высоким образовательным цензом); во-вторых, усилилась миграция в город за счет безработного населения деревень; в-третьих, увеличилось инонациональное (городское и сельское) население в основных городах Индии: Дели, Бомбее, Калькутте, Мадрасе, Хайдарабаде, Аллахабаде, Ахмадабаде, Нагпуре, Варанаси, Бенгалоре, Канпуре и Гаухати.

Анализ данных переписи о миграциях в стране, проведенный В. В. Покшишевским в 1971 г., показал, что общая территориальная подвижность населения Индии остается относительно невысокой, что естественно для страны с преобладанием крестьянского населения и отсутствием значительных ресурсов неосвоенных земель. Перепись зафиксировала лишь 28 млн. человек, включая иммигрантов, проживающих не в том штате, где они родились. В то же время подвижность внутри штатов, т. е. в пределах территории расселения своей этнической общности, значительно выше. Таким образом, этнические границы являются ощутимыми барьерами для миграций. Границы между индоарийскими народами преодолеваются относительно легче — по всей Северной и Западной Индии много эмигрантов из Раджастан, Гуджарата и Уттар-Прадеша. Гораздо меньше миграционные потоки из южных дравидийских штатов и из Западного Бенгала — территории расселения бенгальцев, одной из наиболее консолидированных этнически и лингвистически специфичных общностей в составе индоарийских народов¹⁶.

С начала XX в. и до настоящего времени общее соотношение сельского и городского населения в Индии мало изменилось. В 1951 г. жители сельскохозяйственных районов Индии составили 69,7% к общему числу, в 1961 г. — 69,5, и это соотношение осталось почти неизменным в 1971 г.¹⁷ По данным 1961 г., в Индии насчитывалось (исключая занятых в животноводстве, лесоводстве, в плантационном хозяйстве и сельскохозяйственных безработных) 99,5 млн. собственников и арендаторов земли и 31,5 млн. сельскохозяйственных рабочих. За десятилетие (1961—1971) абсолютные числа изменились, соотношение же осталось почти прежним. Изменился средний размер земельных наделов с 7,5 акра до 6,7 с тенденцией к дальнейшему уменьшению.

Несмотря на введение новых мощностей в промышленность, миграция сельскохозяйственного населения в промышленные центры почти не затронула упомянутые категории сельских жителей, так как новые рабочие места заполнялись за счет сельских и городских безработных, а также за счет естественного прироста рабочей силы.

Однако в этих вопросах пока нельзя пользоваться среднеиндийскими показателями, особенно при рассмотрении этниче-

ских процессов. Усреднение стирает грани неравномерного капиталистического развития отдельных провинций¹⁸. Неравномерность экономического и социального развития отдельных районов единого государства ведет к таким же явлениям в культурном и этническом развитии. Нередко отдельные районы, с сохранившимися пережитками неразвитых общественных отношений в массе населения, подвергаются эксплуатации со стороны буржуазии более развитых народов Индии, что ведет к обострению локальных националистических тенденций. Таковы Теленгана, некоторые районы Уттар-Прадеша, Ориссы и т. д. Этот процесс сопровождается созданием региональных, общинно-шовинистических организаций и партий, так или иначе действующих на общее внутривнутриполитическое положение в стране.

Первоначальное административное деление независимой Индии было основано на делении, унаследованном от английского колониального аппарата. Некоторые изменения коснулись лишь наиболее дробных районов бывших княжеств, которые были укрупнены. В целом же штаты страны были разбиты на три типа — А, В и С. Они включали 28 штатов, без учета исторически складывавшихся этнолингвистических районов.

Однако уже в 1950—1951 гг. в ряде штатов возникли движения в пользу создания лингвистических штатов. Особенно сильным оно было в области Андхра (Теленгана). Его возглавила национальная буржуазия народа телугу.

В 1953 г. правительство приняло решение о создании штата Андхра-Прадеш за счет выделения из штата Мадрас районов с преобладанием телугу, сохранив район Теленганы в рамках штата Хайдарабад. Это решение усилило движение за создание лингвистических штатов во многих других районах страны и привело к принятию закона о новом территориальном делении Индии, который вступил в силу 1 ноября 1956 г. Согласно этому закону было создано 14 штатов и 6 союзных территорий, т. е. территорий, управляемых центральным правительством. Эти штаты и территории были объединены в 5 зон с совещательными органами, в задачу которых входили координация и планирование экономического развития, решение пограничных споров, регулирование эксплуатации ирригационных и транспортных средств, а также защита прав национальных меньшинств.

Закон 1956 г. не завершил административно-территориальную реформу. Колебания правительства в вопросе четкого деления страны на штаты с единым в лингвистическом отношении населением были вызваны, в частности, сепаратистскими тенденциями, которые обнаруживались в ходе движения за создание лингвистических штатов. Однако под влиянием различных внутривнутриполитических причин (в том числе падения престижа правящей партии Национальный конгресс на выборах 1957 г. в ряде штатов) уже в 1960 г. на базе обширного штата Бомбей были созданы штаты Махараштра и Гуджарат. В том же году

из штата Ассам был выделен штат Нага-Прадеш (а позднее территории Мизорам и Аруначал-Прадеш).

В реформированном (в 1956 г.) штате Пенджаб продолжалась борьба за его разделение на хиндиязычный и панджабиязычный районы; в 1964 г. она привела к созданию штата Харьяна.

Таким образом, развитие межэтнических отношений в многонациональной Индии в первую четверть века ее самостоятельного существования характеризуется определенным территориальным размежеванием крупных народов. В ходе борьбы за лингвистические штаты в отношениях между основным народом каждого штата, национальными меньшинствами и этническими группами превалировал интеграционный процесс.

Однако в ходе капиталистического развития страны в условиях многоукладности, формирования отдельных групп буржуазии и общей поляризации классовых интересов значительно усилилась роль традиционных социальных институтов (религиозных и кастовых) и региональных общностей. Эти факторы содействовали появлению внутри лингвистических штатов более мелких групп населения с ограниченными местными интересами, как правило возникавшими на базе этнорелигиозных различий. Все это обусловило некоторую напряженность в отношениях между отдельными этносами и вызвало зарождение различных движений за региональную автономию уже в пределах штатов.

* * *

Параллельно с процессами этнического обособления главных народов Индии в границах лингвистических штатов происходила борьба за сохранение государственного единства, за усиление центростремительных тенденций. Экономическое развитие, основанное на той базе, которая осталась от колониального периода, сохранило и неравномерность размещения предприятий, и остатки монокультурной политики и т. п. Однако процесс индианизации административного аппарата, инженерно-технических служб различных предприятий и компаний, а также вооруженных сил вызвал широкую миграцию среди образованных и политически зрелых слоев населения.

Это обстоятельство сыграло значительную роль в укреплении центральной власти. Вместе с тем продолжал оставаться открытым вопрос о едином государственном языке. Лингва франка бывшей Британской Индии — английский язык, по мнению лидеров национально-освободительного движения, не мог быть признан символом единой и независимой страны, а потому должен был быть заменен местным языком. Таким языком, по мнению М. Ганди, должен был стать язык хинди. Это мнение было подтверждено конституционной ассамблеей в 1949 г.,

которая приняла решение объявить хинди (с графикой деванагари) государственным языком, сохранив на 15 лет английский язык в качестве второго официального языка.

Однако по истечении 15-летнего периода в 1956 г. вопрос о введении хинди в качестве всеобщего государственного языка оказался нерешенным. Более того, против этого выступили многие представители Тамилнаду и Западной Бенгалии. Вопрос о языке стал поводом для острых политических противоречий как в северных, хиндиязычных районах, так и в южных — дравидоязычных.

Особенно сильная оппозиция языку хинди наметилась в Восточной и Южной Индии, где распространены развитые индийские языки с большими литературными традициям. Реакция хиндустанцев на сопротивление языку хинди выразилась (среди индусской интеллигенции) во все большей санскритизации этого языка, с тем чтобы авторитетом санскрита (а он издревле изучался браминами всей Индии, включая юг), усилить притягательность хинди как «традиционного и признанного миром языка индийцев». В это же время мусульманская интеллигенция продолжала развивать тенденции, наметившиеся еще до независимости, к арабизации и иранизации лексики и фразеологии урду. В результате эти языки, бывшие до того, по существу, лишь литературными стилями единого языка — западного хиндустани, отдалились друг от друга до уровня взаимонепонимаемости. Все это привело к тому, что парламент Индии в 1962 г. принял решение о продлении использования английского языка на неопределенный срок и принятия мер к скорейшей разработке терминологии на хинди и увеличения удельного веса этого языка в преподавании в вузах.

Проблемы, касающиеся функционирования хинди и его диалектов в хиндиязычных ареалах, будут рассмотрены ниже. Здесь мы коснемся лишь взаимоотношений литературных хинди, урду и английского в качестве языков межэтнического и суперэтнического уровня.

Урду и хинди представляют собой две литературные формы, развившиеся на основе одного языка — диалекта дехлеви из группы диалектов, объединяемых общим понятием «западный хиндустани». По грамматическому строю и основному словарному запасу это один язык, в области же специальной лексики и фразеологии эти языки очень различаются. Так, в хинди они питаются за счет санскритской традиции, а в урду — за счет арабо-персидского лексического материала. Поэтому, чем более литературно обогащена их форма, тем больше они взаимно труднопонимаемы и даже непонимаемы для простого малограмотного человека, знающего лишь базисную форму диалекта, пусть даже близкую к кхари-боли, т. е. «очищенному» языку. Кроме того, терминологический аппарат современной науки, техники, политики весьма слабо разработан в этих языках,

об унификации его пока нет и речи. Вопрос усложняется еще и тем, что урду пользуется арабским алфавитом, а хинди — алфавитом деванагари. Для панджабцев, пользующихся алфавитом гурмукхи, или для народов Южной Индии, употребляющих алфавит грантха, эти алфавиты практически ничуть не менее далеки, чем латинский, и без специального изучения непонятны.

Урду в Индии является литературным языком для большинства образованных мусульман, вне зависимости от того, каким родным языком они пользуются в бытовом и семейном общении. Следует также отметить, что, когда возникает необходимость обращения к массовой аудитории, различие между хинди и урду сглаживается. Многие выдающиеся произведения урду-язычных авторов, первоначально изданные на арабской графике, были переизданы (без «перевода» и редактирования) в транскрипции деванагари и стали, таким образом, доступны гораздо более широким кругам читателей, тем более что они были написаны на языке, близком к народному (к хинди), и не были чрезмерно засорены искусственными арабизмами и фарсизмами.

Несколько слов надо сказать о языке хинди фильмов, прокатываемых с успехом по всей Индии. Этот язык содержит много английских заимствований и прочно укоренившихся в народной речи арабо-фарсизмов, искореняемых в литературном языке брахманистски настроенными пуристами, и не содержит насаждаемых ими санскритизмов. Такой язык делает эти фильмы более или менее понятными большинству индийцев, даже вне собственно хиндиязычных районов.

Что же касается разговорного хиндустани, то он распадается на множество хотя и близких, но существенно различающихся диалектов, образующих две группы — восточную и западную, причем различия между группами, по мнению ряда лингвистов, близки к различиям между двумя родственными языками. По переписи 1971 г., хинди (разные диалекты хиндустани) называли родным языком 162,5 млн. человек, или 29,6% населения Индии (в 1961 г. их было 30,3%, так что налицо хотя и небольшое, но снижение удельного веса хиндиязычного населения), а урду (в значительной мере те же диалекты, но в слегка исламизированной форме) называли 28,6 млн. человек.

Эти два языка охватывают большой массив населения, для которого овладение даже высотами литературного хинди не требует особенно больших усилий и, во всяком случае, несравненно легче, чем овладение совершенно чуждым им английским языком. На английском языке говорят всего 2% населения Индии, но и среди них не много тех, кто владеет им в совершенстве. Английский язык в разных областях Индии настолько проникнут местной лексикой и фонетикой, что сплошь и рядом образует свои особые, подчас взаимно трудно понимаемые наречия.

Языки панджаби и раджастанхи (за официальное призна-

ние последнего пока еще только ведется борьба) близки к хинди примерно так же, как украинский и белорусский к русскому, и соединены с ним цепью переходных и промежуточных диалектов. В целом тут возможно взаимопонимание в устной речи — в бытовом разговоре, но затруднено в более высоких стилях.

С другой стороны, для многих нехиндиязычных индоарийских народов, как маратхи или бенгальцы, изучение хинди представляет те же трудности, что для русских изучение чешского языка, а для дравидоязычных народов юга страны хинди так же трудно осваивать, как и английский. Правда, изучение английского окупается открытием доступа к огромной литературе, публикуемой на нем как в Индии, так и вне ее, тогда как литература на хинди не дает этой возможности.

Престижные соображения и все описанные выше обстоятельства ведут к ожесточенной полемике и борьбе между сторонниками и противниками английского и соответственно хинди в качестве языка общендийского значения. В настоящее время официально и символически большая дань воздается хинди, хотя практически сфера английского не сужается, а, напротив, расширяется. Следует еще отметить, что в стране существует движение за введение единого латинского алфавита (романагари) для всех индийских языков. Но оно не пользуется большой поддержкой и даже, напротив, встречает сопротивление, особенно среди санскритски образованной брахманской прослойки. Практически же употребление латиницы для записи индийских языков делает некоторые шаги, в частности, в армии.

В области высшего и среднего специального образования ведущая роль продолжает оставаться за английским языком. Попытки ввести местные языки на этом уровне не были особенно успешными. Так, в Бангалурском университете были введены специальные стипендии для обучающихся на языке каннада. Однако молодые люди, окончившие школу на каннада, стремятся получить высшее образование на английском языке. В колледжах Мадраса, а также в университете английский язык был заменен тамильским, что вызвало протесты большинства студентов. Частным колледжам Мадраса было разрешено готовить студентов на английском языке, но с условием, что часть курса должна вестись на тамили. Однако на курсы с тамильским языком попадают учащиеся с невысокой успеваемостью. Стремление студентов учиться на английском языке объясняется тем, что лица, оканчивающие курс колледжа или университета на местном языке, впоследствии не в состоянии конкурировать с другими специалистами при устройстве на работу¹⁹.

Предваряя результаты предпринятого анализа, отметим характерную черту нынешних тенденций в этническом развитии народов Индии. Во-первых, это снижение изоляции в межэтни-

ческих, межобщинных и межкастовых отношениях; во-вторых, относительное учащение экзогамных, т. е. межэтнических, межрелигиозных браков; в-третьих, тенденция ко все большему распаду объединенных семей. Однако не следует преувеличивать снижение межобщинной изоляции. Может быть, поверхностному наблюдателю ее действительно трудно заметить в больших городах, но в деревне она еще проявляется весьма отчетливо и особенно заметна в вопросе смешанных браков. До сих пор общее число межобщинных и межгрупповых (межкастовых) браков составляет всего 0,72% всех заключаемых браков, в рамках индуистского вероисповедания эта доля поднимается до 0,84%, причем за последние полвека она возросла лишь на 0,1%.

Представляется, что детализированный анализ этнически обособленных, небольших общностей внутри каждого из больших народов Индии следует проводить в специальных работах по каждому конкретному народу. В нашем обзоре общиндийской этнической ситуации после 1947 г. такая детализация только бы затенила интересующую нас картину.

НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ ИНДИИ

Территория Северной Индии составляет 739,4 тыс. кв. км. Здесь расположены два крупнейших штата — Уттар-Прадеш (северная провинция) — 294,4 тыс. кв. км, Мадхья-Прадеш (центральная провинция) — 443,5 тыс. кв. км и столица страны — город Дели. Почти весь этот район расположен широкой полосой вдоль среднего течения р. Ганг и ограничен с севера Гималаями, а с юга — холмистыми северными склонами Центральноиндийского нагорья.

Большое число крупных рек и их притоков делает этот район весьма удобным для земледелия. Разные климатические условия (от субтропиков на севере и северо-западе до влажных тропиков на юге и юго-востоке) этой провинции позволяют разделить ее на две части с существенно отличающимися хозяйственными комплексами.

Как уже отмечалось выше, народы Северной Индии не имеют общего или общих этнонимов и различают себя по названиям районов расселения или по клановой принадлежности. Термин «хиндустанцы», которым нередко пользуются для собирательного обозначения хиндиязычного населения этого региона, нередко означает индийцев вообще, а потому вряд ли его можно назвать этнонимом.

Этот факт значительно затрудняет рассмотрение североиндийских народов как таковых и вынуждает нас пользоваться теми административными подразделениями, которые приняты в настоящее время.

Большинство народов Северной Индии говорит на языке хинди и его упрощенном варианте хиндустани, с большим числом локальных диалектов. По данным 1971 г., на собственно хинди в Северной Индии говорило 153,7 млн. человек, помимо этого, 28,6 млн. человек говорило на урду²⁰.

Хиндиязычное население, т. е. население, говорящее на диалектах хиндустани, находится в Северной Индии в подавляющем большинстве, более того, почти все тут и сосредоточено, если учесть еще примыкающую к этому району Хариану (языки Бихара уже нельзя отнести к хинди). Помимо деления хинди на западную и восточную группы диалектов выделяется еще ряд крупнейших диалектов, таких, как авадхи, чаттисгархи, бегхелькханди, хариани и другие, которые, очевидно, в какой-то мере отражают этнические различия если не на уровне народностей, то по крайней мере на уровне этнографических групп. В рамках же этих крупных диалектов имеется еще множество субдиалектов и говоров. Смена происходит не резко, а постепенно, здесь действует ситуация языковой непрерывности, один диалект переходит в другой через серию промежуточных и смешанных языковых форм.

Итак, что же представляет собой Северная Индия в этническом плане?

С точки зрения весьма распространенной в Индии вообще и в социальной верхушке Северной Индии в частности идеи «единой индийской нации» (в плане распространения на всю Индию языка хинди) эта область должна служить ядром общеиндийской консолидации. Действительно, в географическом отношении это центральная область страны, здесь расположена столица, здесь сходится значительная часть ее коммуникаций и, наконец, здесь же расположены многочисленные памятные места, исторические памятники и художественные ценности, главные общеиндийские религиозные святыни и т. д. Что касается плотности населения, то отдельные районы Западной Бенгалии, Кералы и Тамилнаду превосходят в этом Северную Индию, но зато нигде во всей стране нет такой протяженной территории со сплошной высокой плотностью. Так что и в этом плане центральное положение Северной Индии в стране не вызывает сомнения.

Однако приходится сделать вывод, что Северная Индия сама по себе — один из наименее этнически консолидированных районов страны. Общеиндустанское этническое самосознание фактически отсутствует. Население в массе осознает себя прежде всего индусами, т. е. этническое самосознание подменено конфессиональным (то же самое наблюдается и в мусульманской общине). Осознание себя индийцами существует только как гражданско-политическое. Сравнительно мало развито и самосознание по локальным диалектным группам. Сельское население осознает и называет себя главным образом как жителей ка-

кого-либо небольшого локального района, значительно меньшего, чем диалектный ареал. Из этого аморфного массива только еще начинают выкристаллизовываться отдельные небольшие общности, которые даже народностями можно назвать лишь с натяжкой, например чаттисгархцы.

В целом положение в хиндиязычном ареале Северной Индии напоминает ситуацию европейского средневековья, когда существовало весьма рыхлое общегерманское или общепольское единство, в котором намечались локальные общности — малые народности; в дальнейшем из этого рыхлого единства возникли сплоченные нации. Нет сомнения, что в конечном счете такая же консолидация ожидает и хиндиязычные народы Северной Индии, но до этого еще весьма далеко. В этой связи надо отметить, что в советской литературе уже указывалось²¹, что наиболее консолидированные, мононациональные районы Индии — это как раз приморские, т. е. окраинные, районы, где раньше всего началось развитие капиталистических отношений. Степень национальной консолидированности в Индии убывает концентрически от периферии к центру, что проявляется в резком контрасте между высококонсолидированными нациями бенгалцев или тамилы и аморфным этническим конгломератом хиндустанцев. Эта аморфность — пережиток феодальной средневековой раздробленности, когда общество было разделено на отдельные замкнутые, самообеспечивающиеся крестьянские общины.

Экономическая отсталость обуславливает и идеологическую, а также тормозит развитие этнических процессов. Здесь велика браминская прослойка, сильны ее экономические и идеологические позиции. Не случайно именно в Северной Индии относительно легче, чем в других районах Индии, находят себе социальную базу индийская общинная реакция и идеология ортодоксального кастового индуизма, т. е. тот коммунизм и кастеизм, который давит на сознание наиболее отсталых, темных, неграмотных слоев индийской деревни. Только через преодоление этой отсталости лежит путь вначале к региональной, а затем и общей для всего ареала этнической консолидации хиндиязычного населения.

Уттар-Прадеш в индийской печати нередко называют «спящим гигантом»²². Эта североиндийская провинция сохраняет за собой право называться родиной и центром индийской культуры. Вместе с тем, несмотря на нахождение здесь таких крупных культурных центров, как Варанаси и Аллахабад, этот район Индии остается одним из самых отсталых в экономическом и социальном отношении.

Характерно, что в выборах в парламент 1967 г. участвовало лишь 55% населения штата — показатель чрезвычайно низкой политической активности населения (исключая Ориссу и Мадхья-Прадеш, где активность была несколько ниже, в силу

того что большинство регистрируемых племен не участвовало в выборах²³), в выборах 1971 г. она была немногим выше.

Индийские источники приводят такие сведения: общая численность населения — 85 млн. человек, из них грамотных около 15 млн.; количество крупных городов — 17, средних и мелких — 258; в городах проживает около 12% населения, т. е. гораздо ниже (на 5—10%), чем в других штатах Индии (кроме Бихара, Ассама и Ориссы).

Источники по экономическому развитию отдельных районов Индии указывают на Уттар-Прадеш как на наиболее отсталый район. Так, переработка сахарного тростника в штате оставляет желать лучшего, производство электроэнергии на 1961 г. было около 193 тыс. квт (сравним с такими менее населенными и меньшими по территории штатами, как Панджаб — 470 тыс. квт, Тамилнаду — 450 тыс. квт), сеть железных и шоссейных дорог в ряде районов остается относительно неразвитой, почти полностью отсутствуют разведанные полезные ископаемые.

Все перечисленные факторы в значительной мере повлияли на этнические процессы, которые наблюдались в этом хинди-язычном районе (Хиндибхаше-Прадеш). Прежде всего это сказалось на особой приверженности населения этого района к патриархальным и кастовым отношениям, вообще характерным для Индии, в слабой интеграции (даже в сравнении с Бихаром), языковых диалектах авадхи, брадж, багхели и др.

Характерно, что при среднеиндийском показателе числа неприкасаемых (хариджанов) в 13% в Уттар-Прадеше эта категория людей составляет 20,8%, а в сельской местности даже 22,3%.

Около 40% населения занято в различного вида производственной деятельности и торговле: на строительстве — около 0,3%, на транспорте и предприятиях связи — 0,54, в мастерских и на фабриках — 1,09%. Данные 1971 г. показывают, что это положение почти не изменилось как по сравнению с предыдущей переписью, так и по сравнению с расчетными данными на 1947 г.

Увеличение сельскохозяйственного производства в Уттар-Прадеше за 1950—1960 гг. в среднем равнялось 1,9% (среднее по Индии — 2,9%), освоено новых земель (% к общей культивируемой площади) около 0,83% (по Индии — 1,25%). При этом производительность труда увеличилась на 1,1% (по Индии — на 1,67%), а ежегодный прирост населения до настоящего времени колеблется между 1,7—1,8% (по Индии — 2,09—2,3%).

Относительно низкий прирост населения в штате многие авторы объясняют, во-первых, чрезвычайно стабильной структурой населения, во-вторых, более широкой распространенностью больших объединенных семей, где рождаемость в среднем по Индии несколько ниже, чем в малых семьях (4—6 и 6 детей соответственно).

Эти факторы в индийских условиях с точки зрения развития общественных отношений, уровня урбанизации и индустриализации свидетельствуют об определенной консервативности²⁴. Поэтому процессы этнической консолидации в этом районе идут чрезвычайно медленно. При низкой доле городского населения иммигранты из других районов (гуджаратцы, панджабцы, бенгальцы, маратхи и др.), образующие небольшие общины во многих городах, не играют большой роли в этих процессах. Кроме того, большинство из них владеет хинди, и нередко лучше, чем родным языком, и проявляет тенденцию если не к общезначимой, то по крайней мере к культурно-языковой ассимиляции.

Мадхья-Прадеш занимает территорию 443,457 кв. км с населением 35 млн. человек (по переписи 1971 г., около 26% общего населения штата отнесено к регистрируемым племенам), средняя плотность населения штата — около 75 чел./кв. км. В среднем это относительно низкая плотность (в индийских условиях). 39% территории штата покрыто лесами; в штате имеются большие запасы природного сырья, однако их разработка и использование невысоки. Более 78% его населения занято в сельском хозяйстве.

Нынешний штат Мадхья-Прадеш образован 1 ноября 1956 г. путем слияния части бывшей Центральной провинции, центрально-индийских княжеств и территории Берар. Каждая из этих территорий заметно различается в этнокультурном отношении, особенностями исторического прошлого и уровнем социально-экономического развития.

История административных реформ, проведенных на территории Мадхья-Прадеш с 1947 г., может служить хорошей иллюстрацией попытки центрального правительства Индии постепенно преодолеть исторически сложившийся регионализм в сознании населения штата.

Известно, что накануне объявления независимости Индии (1 августа 1947 г.) 15 хиндиязычных княжеств Чаттисгарха и 26 орияязычных княжеств провозгласили создание Союза Восточных княжеств. Правительство независимой Индии отказалось признать этот «союз раджей», и район Чаттисгарха был административно включен в состав Центральной провинции. Затем в мае 1948 г. был создан штат Мадхья Бхарат, который объединил 25 ранее независимых хиндиязычных княжеств. Наиболее развитыми среди них были Индор и Гвалиур, традиционно враждовавшие между собой. При создании новой территориально-административной единицы — Мадхья Бхарат — эта вражда выразилась в том, что ни одно из княжеств не согласилось на общую столицу штата. Результатом было объявление Индора столицей штата на летний период (на 5,5 месяца), а Гвалиурана — на зимний (на 6,5 месяца).

В апреле 1948 г. произошло объединение территорий раз-

личных княжеств Бунделькханда и Багхелькханда в штат Виндхья-Прадеш. Однако в силу местничества и коррупции в административном аппарате в апреле 1950 г. этот штат был объявлен союзной территорией во главе с губернатором, который назначался центральным правительством. Отдельной союзной территорией было провозглашено также княжество Бхопал.

Таким образом, к моменту создания единого штата Мадхья-Прадеш на его территории сложились следующие административно-территориальные общности (которые, однако, не приобрели к 1956 г. внутреннего единства): Махакошал; союз княжеств района Чаттисгарха; Мадхья Бхарат; Виндхья-Прадеш и Бхопал.

Дальнейшее развитие Мадхья-Прадеша (к 1960 г.) показало, что перечисленные центры стали центрами зарождения территориальных общностей, что в них стали закрепляться региональные диалекты и определенное сознание общности.

В данном случае основную роль в этнических процессах сыграли государственная политика в области национального строительства и использование экономических рычагов.

Межрегиональные коммуникации, которые до 1947 г. были незначительными в силу таможенной политики местных князей, слабого развития рыночных отношений, общей экономической отсталости, постепенно преодолеваются. Уровень политической активности возрос, о чем свидетельствует, например, увеличение активности на выборах.

Но, несмотря на некоторые успехи, процесс консолидации в штате наталкивается на многочисленные трудности, прежде всего на неравномерность экономического развития отдельных районов и на низкий уровень образования. Бывшая аристократия и помещики стремятся законсервировать общественные отношения и региональный изоляционизм, что сдерживает и без того медленные в условиях штата этнические процессы. Сказанное выше об этнических процессах в Уттар-Прадеше в целом вполне характерно и для Мадхья-Прадеша.

Исключение составляют так называемые регистрируемые племена, особенно адиваси. Это объясняется протекционизмом правительства по отношению к ним. Такая политика государства подняла политическую активность этих племен, что, в свою очередь, привело к известной их этнической консолидации, росту осознания единства. Этому содействует также и относительно компактное расселение племен в основном в Чаттисгархе и примыкающих к нему районах.

ЗАПАДНАЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ИНДИЯ

Район, включаемый в эти два больших подразделения страны, пересекает несколько климатических поясов от субтропиков и горных долин Кашмира до побережья Аравийского моря.

Различия в культурном отношении между народами, населяющими эту широкую полосу территории Индии, также значительны. Поэтому объединение в один раздел этих территорий и населяющих их народов прежде всего географически обосновано. Политическим основанием такого выделения служит общая почти для всех западных и северо-западных штатов государственная граница с Пакистаном, не всегда имеющая природные препятствия и зачастую искусственно разрезающая некогда единые в этническом отношении территории.

Известно, что раздел Индии и Пакистана не был бескровным и в течение долгих лет эти пограничные районы были театром военных действий, вооруженных столкновений и политических споров. Эти события в той или иной мере касаются населения пограничных районов и в некотором смысле сближают их судьбы.

Вся Индия в период британского правления была разделена на территории, прямо управляемые английской колониальной администрацией и косвенно — через местных князей, навабов и т. п. Если повнимательнее присмотреться к политической карте Индии того времени, то можно заметить, что тот и другой типы управления регулярно чередуются, образуя чересполосицу с юга на север и с запада на восток. Поэтому этнические и лингвистические границы страны постоянно оказываются разорванными.

Западная и Северо-Западная Индия не составляют исключения. Достаточно отметить, что Джамму и Кашмир имели управление одного типа, чуть южнее — Панджаб — другого, Раджастан со своими дробными вассальными княжествами — третьего и т. д.

Внутреннее дробление территорий, если оно не обеспечивалось феодалами, проводилось путем отторжения территории одного этнолингвистического района и присоединения к другому.

Естественно, что как центральное правительство, так и отдельные народы были заинтересованы в административном переустройстве страны на новых принципах. Вначале это особенно касалось наиболее «горячих», приграничных территорий, которые сильно пострадали от двусторонних перемещений населения и религиозно-общинных беспорядков, а также от затяжки князьями решений относительно присоединения к Индии. Этим самым они создавали дополнительную напряженность в этих районах.

Такое положение, если не считать Бенгалии, сложилось на территориях рассматриваемого региона.

Таким образом, характерная для Индии дробность получила особое развитие на северо-западе и западе страны.

В данном случае мы говорили о факторах, которые оправдывают выделение этого района в связи с событиями послед-

него времени. Однако, как отмечается в историческом очерке, рассматриваемый регион имеет и иные, более давние пласты общности судеб, включая местные особенности арийского, эллинского, монгольского и британского влияния.

Этническая карта крупных этнолингвистических образований этого региона дает следующую картину.

Кашмир включает собственно кашмирцев и ладакхов, а также автономное образование хиндиязычного населения Джамму.

Панджаб — относительно гомогенное панджабиязычное население с развитым этническим самосознанием, внутренне подразделяющееся по конфессиональному признаку [сикхи, хинду (индунсты) и мусульмане].

Раджастан — единое этнолингвистическое образование со слабовыраженным этническим самосознанием. Разделение населения в этом районе отмечается по социальным признакам (раджпуты и джаты), по конфессиональному признаку; у населения живы еще предрассудки, относящиеся к периоду княжеств, т. е. региональная приверженность, чему содействует слаборазвитая в штате система коммуникаций.

Гуджарат в этнолингвистическом отношении можно считать гомогенным. Однако длительное раздельное развитие районов Саураштры и Катча (несмотря на то что эти районы с 1960 г. являются частью единого штата) позволяет выделить среди населения штата три группы с обособленным этническим самосознанием: собственно гуджаратцы, саураштранцы и катчцы. Раздельное развитие этих районов означает их неравномерное в социально-экономическом отношении развитие. Гуджаратцы довольно широко разделены по социальным и общинным признакам.

Махараштра — штат, где у населения сложилось явно выраженное этническое самосознание. Вместе с тем прошлое и здесь дает о себе знать: отчетливо выражено сознание принадлежности к Западной Махараштре, Маратхваде (бывш. маратхи-язычная часть княжества Хайдарабад) и Видарбхе (бывш. район Мадхья-Прадеша).

Небольшие группы хиндиязычного населения Химачал-Прадеша и Харианы примыкают к этнически аморфному массиву хиндустанцев и не имеют (как и жители соседнего Уттар-Прадеша) иного общего этнического самоназвания и самосознания, кроме узорегионального.

Кашмирцы

Одним из наиболее известных в мире районов Индии является Кашмир, точнее, штат Джамму и Кашмир. Проблема Кашмира заключается не столько в том, что подавляющее большинство живущих здесь людей мусульмане, сколько в том,

что стратегическое положение штата вызывало массу притязаний со стороны капиталистических держав (на право использования этого района как военной базы, направленной прежде всего против Советского Союза). В этой связи можно отметить, что внутренняя борьба, во многом определявшаяся действиями империалистических государств, не имела этнического содержания.

Штат Джамму и Кашмир отошел к Индии в октябре 1947 г. по решению наследственного правителя княжества из династии Догра махараджи Хари Сингха. Уже в 1949 г. власть перешла к его сыну Ювраджу Каран Сингху. В отличие от других штатов Джамму и Кашмир принял собственную конституцию (1952 г.), в которой предусматривались низложение монархии и многоступенчатые выборы главы государства (Садар-и-Рийясот). На эту должность был избран Ю. Каран Сингх. Конституция штата вступила в силу 26 января 1957 г.

Политическая история штата в рассматриваемый период в значительной мере воздействовала на этнические процессы, причем эта взаимосвязь несколько выделяет Кашмир среди других штатов Индии.

Махараджа Хари Сингх присоединился к Индии и был подчинен ей только в вопросах обороны, иностранных дел, а также транспорта и связи. Все другие вопросы предусматривалось решать на местном уровне и автономно. Это положение было закреплено Конституцией Индии (ст. 370). Постепенно, начиная с 1952 г., по инициативе штата статья 370 конституции подвергалась изменениям в сторону уравнивания статуса Кашмира со статусом других штатов страны. Так, были отменены ограничения на туризм, таможенные барьеры, ведение бюджета было передано под контроль центрального правительства. На этот штат было распространено право президента Индии на введение чрезвычайного положения, посты Садар-и-Рийясота и премьер-министра были заменены постами губернатора и главного министра и т. д.

В настоящее время этот штат, входящий в состав Индии, свидетельствует о том, что только конфессиональные признаки (при прочих равных условиях) недостаточны для государственного отделения.

Следует заметить, что нынешние этнические процессы мало изменили лицо этого относительно отсталого аграрного района Индии, и поэтому сказанного выше вполне достаточно для его характеристики с этнографической точки зрения. Чисто политическое и военное расчленение штата на Кашмир и «Азад Кашмир», принадлежащий Пакистану, привело к постоянной взаимной миграции, которая сдерживает разобщение этих районов в этническом плане и пока не вызывает возникновения раздельного этнического сознания у населения обеих частей Кашмира.

Язык Кашмира занимает довольно обособленное положение среди других индоарийских языков. Природные условия Кашмира способствовали формированию здесь довольно четких естественных этнических границ. Высокая конфессиональная однородность и сравнительно мало подчеркиваемое кастовое деление также способствуют интенсивному ходу этнической консолидации. Таким образом, кашмирцы могут рассматриваться как небольшая, но четко очерченная нация.

Иначе обстоит дело с той частью населения штата, которая сосредоточена на юге, в бывшем княжестве Джамму. Основное его население — этническая группа догров, говорящих на языке догри, который является одним из наиболее близких к хинди диалектов панджаби. По религии они индуисты, хотя сейчас подавляющее большинство населения соседнего Панджаба — сикхи. Своеобразный кастовый строй догров с обычаем гипергамии, т. е. женитьбы на женщинах из низшей касты, общие традиции воинской или политической службы, популярной среди этого народа, превращают их в довольно сплоченную популяцию, за вычетом, разумеется, самых низших, неприкасаемых каст. В качестве литературного языка догры частично используют панджаби, хотя нельзя сказать, чтобы они консолидировались с панджабской нацией, скорее они представляют особую, более или менее ассоциированную с ней народность. Надо иметь в виду, что в последние годы довольно успешно развивается и литература на самом языке догри. Прочие мелкие народности штата Джамму и Кашмир, кроме стоящих особняком тибетоязычных ладакхов, в той или иной мере имеют тенденцию к аккультурации и в более отдаленной перспективе к ассимиляции либо с кашмирцами (балти, гуджары), либо с дограми (гадди, чибби и др.).

Панджабцы

При разделе Индии в августе 1947 г. Панджаб был поделен между Пакистаном и Индией. Это привело к тому, что община сикхов практически сконцентрировалась на территории вдвое меньшей, чем раньше (плотность населения в Панджабе относительно низка в сравнении с другими районами Индии — 431 человек/миль при среднем для страны показателе в 650—700 человек/миль²⁵). С выделением из Панджаба в ноябре 1966 г. штата Харианы, заселенного в значительной мере хиндиязычными народностями, доминирующей в Панджабе стала община сикхов.

Значительное число панджабцев расселено во всех районах Индии и за ее пределами. Как правило, панджабцы — иммигранты из Западного Панджаба заняты в торговле, ростовщичестве, а также занимаются ремеслами. Местные кхатри-сикхи из высших каст заняты предпринимательством, в их руках сосре-

точена большая часть промышленных и перерабатывающих предприятий и страховых обществ.

Примерно треть населения Панджаба — джат-сикхи; как правило, это зажиточные крестьяне и кулаки. Остальные панджабцы — хариджан-сикхи и саварнас-хинду — составляют основу рабочей силы в городе и на селе. Обычно они являются сельскохозяйственными рабочими, поденщиками, рабочими местных промышленных предприятий, транспорта и обслуживающим персоналом.

Сельская община Панджаба включает в себя в основном джатов. Сикхизм избавил последних от множества индуистских ритуалов, заменив их несложным моральным кодексом, заимствованным частично из шариата, частично из индуизма. Служба в английской армии, а у части сикхов — и в армиях других государств дала старшему поколению сикхов довольно солидное образование, особенно техническое. Кроме того, сикхи, так же как и гуджаратцы, весьма мобильны. Колонии сикхов помимо почти всех районов Индии существуют в Калифорнии (США), Кении, Сингапуре, Гонконге и Бирме²⁶.

Устойчивость кастово-профессиональной структуры среди сикхов (и вообще панджабцев) довольно сильно нарушена в результате приобщения к новым, кастово нейтральным занятиям, точный статус которых не определен. Процессы, связанные с современным производством, требуют известной квалификации и образования и поэтому приемлемы для высших каст. Брамины и кшатрии Панджаба, которым религиозными канонами воспрещалось касаться кожи, работают сейчас в качестве технологов по производству кожаных изделий или содержат магазины по продаже кожаной обуви. Так, например, один из известных магазинов по продаже и индивидуальному пошиву обуви и кожаных изделий в Старом Дели принадлежит сикхам (Суриндра Сингхам).

Панджабцы из более низких статусных групп составляют основу полицейских сил столицы Индии, многие из них служат в авиации, бронетанковых и механизированных войсках, в технических службах флота и т. п., а также повсюду заняты в гражданской авиации и на автотранспорте.

На примере панджабцев видно, какое большое этноопределяющее значение имеют подчас политические факторы и административные границы. До 1947 г. в территориально едином Панджабе шли процессы постепенной консолидации единого панджабского этноса. Конфессиональная разнородность мусульман, индусов и сикхов при единстве языка и основных черт культуры замедляла эти процессы, но не могла им полностью препятствовать. Перемещения населения после раздела Панджаба, приведшие к тому, что подавляющая часть мусульман-панджабцев оказалась в Пакистане, сосредоточение большинства индусов в преимущественно хиндиязычном штате Хариана

способствовали тому, что ядром формирующейся панджабской нации в Индии стали сикхи. Последние, безусловно, не представляют собой народности — это особая этноконфессиональная группа.

При относительно высоком уровне образованности среди сикхов далеко не все они могут считаться религиозными людьми, среди них немало и неверующих. Многие сикхи вступают в смешанные браки. Живя в Панджабе, они продолжают сохранять особенности своего внешнего облика (прическу, костюм) и другие культурные черты, которые, таким образом, являются уже не столько религиозными, сколько культурно-этническими показателями. Число сикхов растет. Это происходит не только за счет естественного прироста, но и за счет постоянного рекрутирования новообращенных в сикхизм. В процессы консолидации в пределах Панджаба вовлекаются не только сикхи. Если же панджабцы-несикхи живут вне пределов штата, в хиндиязычных районах, то они имеют тенденцию к ассимиляции с окружающим населением. Надо отметить, что между панджабцами-индустами и сикхами нет резкой межобщинной грани. Зачастую в рамках одного и того же клана или даже большой семьи могут быть представители той и другой религии. Нет препятствий для браков между сикхами и индусами, индусами и женщинами сикхов, такие браки бывают нередко. Вообще сикхи, особенно интеллигенция, с легкостью женятся на женщинах из других групп и даже на иностранках, поскольку дети от этих браков автоматически станут сикхами.

Сикхи как субэтническая (этноконфессиональная) группа могут рассматриваться как консолидирующее ядро панджабской нации, причем их консолидирующее влияние распространяется не только на индустов панджабского этноса, но и на часть непанджабского по национальности населения, живущего в Панджабе. Сикхи поддерживают преемственность панджабских этнических традиций в ареалах их дисперсного расселения практически по всей Индии.

Что касается отделения Харианы от Панджаба, о котором было сказано выше, то, очевидно, здесь играли роль не только религиозные и экономические, но и чисто этнические, языковые и культурные факторы: население этого района этнически образовывало как бы переходную зону не только между языковыми ареалами хинди и панджаби, но и между зоной интенсивной консолидации панджабской нации на севере Панджаба и зоной этнической аморфности и малой интенсивности консолидации в прилегающих районах Уттар-Прадеша. После раздела этнические судьбы населения Харианы теснее связаны с Уттар-Прадешом, нежели с Панджабом, и скорее всего будут развиваться по путям, характерным для первого, на базе языка хинди.

Панджаби с графикой гурмукхи имеет все перспективы стать общенациональным литературным языком в штате Панд-

жаб (вне его панджаби с графикой гурмукхи связан только с сикхской религиозной практикой). Панджабцы-несикхи вне своего штата легче усваивают хинди (литературный) с графикой деванагари. До независимости Индии в территориально целостном Панджабе на низовых уровнях образования и администрации преобладал язык урду с арабской графикой. По сей день многие панджабцы-переселенцы, особенно старшего поколения и из менее грамотных слоев, лучше владеют арабской графикой, чем деванагари, не говоря уже о гурмукхи. В целом панджабцы Индии разъединяются и будут в дальнейшем продолжать разъединяться по двум полюсам, в зависимости от конкретных условий: на одном полюсе — кристаллизация панджабской нации вокруг сикхского ядра, на другом — растворение в хиндиязычном море.

Раджастханцы

Этнические процессы в современном штате Раджастхан определялись двумя важнейшими факторами: особенностями социально-экономического положения, которое сложилось на территории будущего штата к 1947 г., и воздействием центрального правительства на этот штат в вопросах административной и национальной политики.

Население территории, издавна известной под названием Раджастхан — страна раджей, было разделено на большие и малые удельные княжества, практически не испытывавшие влияния со стороны британской колониальной администрации и социально-экономического воздействия английского владычества. До 1947 г. раджастханцы почти не участвовали в движении, охватившем всю страну. Только в 1948 г. четыре северных раджпутских княжества организовались в союз под названием Матсия Юньон со столицей в г. Альваре. В том же году другая группа княжеств провозгласила в Удайпуре создание «Объединенных княжеств Раджастхана», подчиненных центральному правительству, к которому в 1949 г. присоединились крупные княжества Джайпур, Джодхпур и Биканер. В 1965 г. Раджастхан получил равный статус с другими штатами Индии.

Насколько трудным был этот процесс, свидетельствует сопротивление княжеств: последние требовали независимости от центрального правительства, а махараджа Джодхпура даже попытался договориться с Пакистаном о переходе его княжества в состав этой страны с независимым статусом²⁷.

Население штата составляет 20 млн. человек, в 145 его городах проживает лишь 16% населения, причем всего 6 городов штата имеют население, превышающее 100 тыс. человек.

По конфессиональному признаку основная часть раджастханцев — 75% — индусы, 9% — мусульмане, 2,5% — джайны и около 1% — сикхи и христиане. В штате проживает большое

число представителей регистрируемых каст и племен (около 6 млн.). Среди наиболее значимых племенных групп выделяются мины, гуджары и бхилы. Роль этих племен неодинакова. Например, бхилы придерживаются традиционных форм жизни и пока не влились в ту или иную форму экономической жизни штата, мины же издавна служат сторожами, охранниками (чокидарами) у крупных вельмож и заняты в сельском хозяйстве²⁸.

Наиболее привилегированными кастами в Раджастанхана являются касты раджпутов (кшатрии) и джатов (шудра). Земельная реформа снизила значение традиционного помещичьего сословия раджпутов, однако их власть и значение по-прежнему ощущаются довольно сильно. Исторически сложившиеся региональные барьеры, отсталые формы ведения хозяйства, общинная и конфессиональная рознь делают особенно живучими здесь традиционные формы общественных отношений. Этому содействует и относительно невысокая грамотность.

По данным 1951 г., всего 8,4% населения были отнесены к категории грамотных, а в 1961 г. эта цифра возросла до 15,2%. Правительство приняло меры по расширению сети школ и колледжей. В годы независимости в штате были созданы 3 университета, численность учащихся в колледжах и университетах к концу 60-х годов достигла 30 тыс.²⁹.

Нынешнее развитие общего самосознания раджастанцев идет по пути классового объединения, противостоящего во многих случаях региональному сепаратизму. Независимость, в результате которой было введено всеобщее избирательное право, а затем и проведена земельная реформа, с одной стороны, и неразвитость мышления безграмотных масс джатов, для которых конституционные гарантии были ранее неизвестны, — с другой, никак не сочетались вместе. Потребовалось много времени, чтобы эти массы поняли свои права и могли выйти за пределы региональной ограниченности в борьбе за них. В настоящее время классовые интересы джатов стали их сближать в условиях объединенного Раджастанхана. И хотя до сих пор местничество среди них еще сильно, в штате возникают общие для этого класса организации. Такое развитие, если учесть, что крестьян в штате подавляющее большинство, возможно, завершится возникновением общераджастанханского этнического сознания.

Несмотря на сказанное, участие раджастанцев в общендийских делах велико. В первую очередь это участие сказывается в экономической жизни Индии. Вся Индия знает имена раджастанцев из касты ростовщиков (банья), более известных под названием марвари, — это крупнейшие концерны Бирлы, Далмия, Гоенки и др. Интересно, что в собственно раджастанских делах марвари-банья участия до недавнего времени почти не принимали, если не считать благотворительности.

Это объясняется тем, что местные условия создали марвар̄и как группу, но не открывали перед ней возможности для расширения ее деятельности. В последние годы, как показали выборы 1971 г., влияние марвар̄и в политической жизни штата стало весьма существенно.

В настоящее время официальным языком штата является хинди, однако ведется борьба за признание раджастан̄и официальным языком. Язык этот, довольно близкий по лексике и грамматике к хинди, разделен на много диалектов и говоров, что свидетельствует о прежней феодальной раздробленности Раджастан̄а.

Из четырех основных диалектов — марвар̄и, джайпури, мальви и мевати — только на марвар̄и имеется обширная литература. Этот диалект является важнейшим языком общения между разными этническими группами штата и все более подчиняет себе другие диалекты и говоры. Очевидно, он ляжет в основу формирования общенационального литературного языка раджастан̄и.

В настоящее время еще нельзя говорить об окончательном сложении раджастан̄ской нации, хотя ее консолидации способствует меньшая, чем в других районах Северной и Западной Индии, жесткость кастовых границ и распространенность гипергамии (женитьба на женщинах из более низких каст).

Основными носителями национального самосознания в штате являются раджпуты, но постепенно оно распространяется и среди джатов. Большинство последних этнически может считаться раджастан̄цами, но на севере штата, где часть джатов говорит на западнопанджабских диалектах, их этническая интеграция еще не завершена. То же можно сказать и о таких племенных группах, как бхилы, чей язык на юге и юго-востоке штата проявляет черты близости к гуджарати, так же как и говоры диалекта мальви.

Кастово-этнографические группы, именующие себя раджпутами и джатами, входят в состав многих народов Индии, в чем отражена сложность их этногенеза. Но сознание сословно-кастовой (например, раджпутской) общности принадлежит прошлому и уже не является показателем реальных этнических связей. Эти связи формируются на основе территориальной близости и экономической общности в разных этноязыковых районах Индии, в том числе и в Раджастан̄е.

Из Раджастан̄а, как из относительно бедного штата, с большим аграрным перенаселением, идет интенсивная миграция, преимущественно людей неквалифицированного труда, мужчин и женщин, в соседние, более развитые районы, где они получают работу на строительстве. Сохраняя некоторые внешние традиционные черты быта (например, особую яркость и красочность костюма), переселенцы, при слаборазвитом этническом самосознании, близости языка и культуры народа, принявшего

их, не ощущают какой-то обособленности в новой среде, не образуют здесь замкнутых групп и в целом имеют тенденцию к ассимиляции.

Гуджаратцы

В 1960 г., выделившись из штата Бомбей, гуджаратцы создали лингвистический штат. Однако этот факт почти не повлиял на число гуджаратцев, проживающих в Бомбее. Представители гуджаратцев также есть в составе правительства штата Махараштра.

Гуджаратцы более, чем другие народы Индии, представлены за рубежом. Их колонии есть во многих странах Африки, на Фиджи, в Бирме, Малайзии и т. д. Исторически эмиграция гуджаратцев была вызвана катастрофическими засухами в начале века и в 30-х годах XX в. Однако эмиграция и реиммиграция гуджаратцев продолжается и в настоящее время.

Экономическое развитие Гуджарата и связанное с ним социальное расслоение протекают в этом районе намного быстрее, чем во многих других частях Центральной Индии, что можно объяснить поступлением денег из-за рубежа (от своих многочисленных соплеменников) и введением технических культур, способствовавших этому развитию. В этом отношении Гуджарат можно сравнить только с Панджабом.

Несмотря на быстрое общественное и экономическое развитие (в основном за счет развития сельского хозяйства), общественные отношения в штате сохраняют многие патриархальные элементы, отличавшие гуджаратцев еще до 1947 г.

Так, до сих пор среди них нередко полигамия, встречаются случаи убийства девочек при рождении. Развитая ранее гипергамия (обычай брать девушек из более низких подкаст) постепенно сменяется строгой эндогамией внутри подкаст. Причина этого заключается во все большей поляризации классов и интересов в гуджаратском обществе, причем классообразование среди гуджаратцев нередко совпадает с границами каст и подкаст. Потребности же накопления капитала, его сохранения и приложения изменяют структуру и значение большой семьи.

Подобные процессы происходят и у других народов, однако среди гуджаратцев они более наглядны (по этому вопросу есть некоторая литература, основанная на социологических исследованиях последних).

Гуджаратцы говорят на языке гуджарати, который имеет обширную литературу и давнюю письменность, близкую к деванагари, но без верхней черты над буквами. Гуджарати свойственна большая языковая дробность, он распадается не только на локальные, но и на социальные диалекты, совпадающие с общинно-кастовыми делениями. Так, имеются существенные различия в языке парсов, брахманов, крестьян и племенных жи-

телей — бхилов, хотя бы и проживающих в одной местности. Иногда даже в одной деревне, где проживают совместно две племенные или кастовые группы, каждая из них говорит на своем диалекте.

Население Гуджарата разделяется на две большие группы — калипарадж (черный народ) и уджалипарадж (белый народ). Первая группа, калипарадж, — это в основном бхилы, которых в этом штате очень много и которые здесь больше ассимилированы и интегрированы в индусское общество, чем в Раджастхане или Махараштре. Часть из них сохраняет племенной строй. Калипарадж, живущие в Южном Гуджарате, составляют около половины населения и подразделяются на ряд каст. Вторая группа, уджалипарадж, разделена на огромное число каст — около 85% этой группы исповедуют индуизм, 11% — ислам (среди крестьянства распространен суннизм, а в более высоких кастах чаще шиизм), остальные — парсы, джайны и т. д.

Наиболее обособленную группу гуджаратцев составляют парсы, которые вообще сильно отличаются от индусов по быту, образу жизни и системе ценностей, будучи одной из наиболее европеизированных групп населения Индии. Большинство их живет не в Гуджарате, а в Бомбее, и именно в этом городе находится центр консолидации этой и так достаточно однородной группы, с которой в новейшее время постепенно сближаются ираны — более поздние переселенцы из Ирана (тоже зороастрийцы по вероисповеданию). Прочие гуджаратцы — индуисты и джайны, — живущие за пределами штата, в последнее время в большей или меньшей мере проявляют тенденцию к языковому и культурному сближению с окружающим населением. В самом Гуджарате процессы национальной консолидации несколько замедляются классовыми противоречиями, во многом коррелирующими с кастовым делением, различиями в экономических интересах разных групп и пережитками локального самосознания, унаследованного от недавней эпохи феодальной раздробленности. Что же касается гуджаратского этноса в целом, то здесь так же, как и среди дисперсно расселенной части панджабцев, имеются противоречивые тенденции. Безусловно, среди гуджаратцев, как и среди других крупных народов Индии, идут процессы консолидации. Однако тормозящими ее факторами являются значительная распыленность этноса по всей Индии и за ее пределами, а также раздробленность общества на кастовые и этнографические группировки и подгруппы.

Интересно отметить, что гуджаратоязычные парсы, будучи расселены в основном в районе Бомбея, сейчас больше контактируют с маратхами, чем с гуджаратцами. И парсам и многим верхушечным группам гуджаратцев-индусов, среди которых высок процент буржуазии, свойствен известный космополитизм. Таким образом, если этническая общность гуджаратцев (со сво-

ими многочисленными субэтническими подразделениями) достаточно отчетливо обрисовалась со времен позднего средневековья, то процесс формирования гуджаратской нации как этно-социального организма еще не завершен.

Маратхи

За последние три десятилетия численность маратхов, компактно расселенных на юго-западе Декана, постоянно возрастала как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении к другим народам, населяющим этот район. Так, по данным 1961 г., численность этнических групп, объединяемых под общим названием «маратхи»³⁰, составляла 35 млн.; в 1971 г. эта цифра возросла до 43,4 млн. Процент маратхов по отношению к другим народам штата Махараштры возрос примерно с 30 до 38.

В наше время после двух веков довольно интенсивных миграций маратхов в другие районы Индии возникли две противоречивые тенденции, которые характерны и для некоторых других народов страны: появилось все большее стремление маратхов, давних жителей других районов, во-первых, переселяться в пределы своего национального штата и, во-вторых, найти сферу возможного приложения капитала и применения квалифицированной рабочей силы в центре и на перспективных промышленных предприятиях в других районах страны (здесь мощным центром притяжения служит столица штата Бомбей). Естественно, что эти две противоположные тенденции относятся к разным социальным и возрастным группам.

Кроме того, в Махараштре функционирует большое число военных учебных заведений, в которых маратхи составляют нередко до 50% учащихся. Условия военной службы редко позволяют бывшим курсантам жить на родине, что также ведет к миграциям, хотя размеры последних менее значительны, чем миграции других категорий маратхов.

Различные виды переселений маратхов в пределах страны имеют соответственно и различное значение и оказывают разное влияние на этнические и социально-политические процессы в Индии в целом.

Маратхи составляют большинство городского населения таких городов, как Бомбей, Пуна, Нагпур и др., и только 38% населения всего штата Махараштра. Несмотря на это, они занимают около 75% мест в Совете министров штата, возглавляют большинство комиссий, предприятий, кооперативов и т. д. Высок процент маратхов и в аппаратах управления, включая администрацию штата и различные частные и государственные корпорации³¹.

Более 70% маратхов заняты в сельском хозяйстве. Однако усиливающееся переселение в города в наибольшей степени за-

тронуло именно маратхов. Анализ, проведенный Бомбейским демографическим центром в 1966, а затем в 1972 г., показал, что помимо маратхов — сельскохозяйственных рабочих и безземельных крестьян деревню покидают ремесленники и так называемый обслуживающий персонал³², относящийся к другим кастовым подгруппам (в основном из среды судра и хариджан).

В отчетах об обследовании мигрантов отмечается также, что перемещение в города лишает деревни наиболее предприимчивых и более образованных людей.

Развитие маратхиязычных районов Индии после 1947 г. характеризуется усилением как националистических тенденций, так и борьбы за создание лингвистического штата. Эта борьба привела к выделению из обширного штата Бомбей штата Махараштра.

Борьба за создание Махараштры и расширение автономии в местных вопросах, если исключить действия немногочисленных сепаратистских элементов, как правило, не включала требований отделения штата от Индии. Зачастую, наоборот, махараштрийцы выступали за укрепление центральной власти в стране и за введение хинди в качестве общендийского языка. В рамках же штата они стремятся внедрить маратхи в преподавание и администрацию.

Если в Индии в целом низшие слои населения, которые ранее назывались «неприкасаемыми», а в настоящее время «регистраруемыми кастами», составляют 13% населения, то в Махараштре они, представленные более всего махарами, насчитывают около 12%.

В силу более быстрого экономического развития махарских районов низшие слои здесь политически более объединены. Часть этих слоев еще в колониальный период волилась в рабочий класс промышленных центров бывшей провинции Бомбей. Особенно высокий процент этой категории рабочих был до 1947 г. на заводах, выпускавших военную продукцию.

Процессы, характерные для этнического развития, для анализа этнической ситуации среди маратхиязычных народов, особенно среди низших слоев населения с замкнутыми брачными отношениями, можно продемонстрировать на примере касты махаров (9—10% населения Махараштры). Эта кастовая (в основном сельская) община, по мнению самих махараштрийцев, лучше других определяет границы расселения маратхиязычных народов. Индийский антрополог И. Карве приводит такую маратхскую поговорку: «Там, где кончаются поселения махаров, кончается Махараштра»³³.

Эта община дала Индии великого борца за права обездоленных д-ра Амбедкара, который видел пути возможной национальной интеграции махараштрийцев в отмене каст, расширении прав ранее угнетенных слоев населения и в более широкой экзотамии. Как один из авторов Индийской Конституции, он сов-

местно с Неру и М. Ганди настойчиво добивался особых льгот для регистрируемых каст, что нашло отражение в актах индийских законодательных органов.

В 1948 г. д-р Амбедкар впервые выступил с идеей создания лингвистического штата Махараштра. Поддержка, оказанная этой идее со стороны многих слоев населения, объединенных в «Самукта Махараштра самити», привели к созданию в 1956—1960 гг. штата Махараштра.

Сам Амбедкар позднее (в 1955 г.) перестал поддерживать эту идею из опасений, что такое крупное объединение приведет к росту национализма, к усилению роли наиболее многочисленной касты в штате (касты маратхов) за счет других каст и слоев населения. Он предложил создать четыре маратхских штата вместо одного, но это предложение популярности не имело.

Регионализм в Махараштре принял особенно большие размеры в связи с движением «Наг-Видарбха». Несмотря на то что большинство населения области Видарбха (районы Булдах, Акола, Амравати, Вардха, Бхандра и Чанда до 1956 г. находились в составе штата Мадхья-Прадеш) говорит на маратхи, их переход в штат Махараштра первоначально вызвал сопротивление со стороны жителей этого района. Видарбха — довольно богатая провинция; значительная часть ее буржуазии — выходцы из хиндиязычных районов и из Гуджарата. Важным источником ее доходов являются хлопковые и цитрусовые плантации. Опасение за эти доходы, боязнь, что большая часть средств, полученных на уровне провинции, будет использована на развитие других районов штата в ущерб Видарбхе, привели к тому, что в провинции возросло сепаратистское движение, движение за создание самостоятельного штата со столицей в Нагпуре (1956—1957 гг.). Однако правительство штата и центральное правительство Индии приняли ряд мер, которые, по-видимому, успокоили население Видарбхи.

В начале 50-х годов Амбедкар призвал членов регистрируемых каст принять те религии, которые не знают кастовых границ. Учитывая специфическое положение мусульманства в стране, он призывал к переходу в другую религию индийского происхождения — в буддизм.

Заметный рост буддизма в последние два десятилетия, особенно в Махараштре и Уттар-Прадеше, явился результатом этой пропаганды³⁴. Выход из кастово замкнутых общин и переселение в крупные города и промышленные центры приводит (особенно во втором поколении) к расширению экзогамии среди этих бывших неприкасаемых и содействует усилению ассимилятивных процессов.

В конце 60-х — начале 70-х годов были зарегистрированы случаи браков между буддистами и мусульманами, между буддистами и представителями кшатрийских каст и другие межобщинные браки (парсо-индусские, индусско-иудейские и т. п.).

Несмотря на определенное несовпадение границ штата Махараштры, маратхиязычности, маратхского этнического самосознания и маратхского самоназвания, маратхов можно назвать ядром этноса, который в пределах штата Махараштра не только активно консолидируется в маратхскую (махараштрскую) нацию, но и вовлекает в этот процесс и постепенно ассимилирует некоторые отдельные немаратхские группы. Общим для формирующейся нации является осознание Махараштры как своей родины, гордость героическим прошлым маратхов, привязанность к маратхскому языку, которая не обязательно означает какую-либо враждебность по отношению к хинди.

Маратхский язык достаточно гомогенен, и диалектальные различия в нем слабо выражены. Совершенно особняком стоит лишь диалект конкани, который многие лингвисты считают даже отдельным языком, хотя и близкородственным маратхскому. Конканцы, которые населяют в основном бывшую португальскую колонию, ныне союзную территорию Гоа, а также прилегающие районы штатов Махараштра и Майсур, сами, как правило, отделяют от себя маратхов и отрицательно относятся к идее ассимиляции с ними, подчеркивая ряд своих культурных отличий (среди гоанских конканцев широко распространено христианство — до $\frac{1}{3}$ населения, язык конкани пользуется латинизированной письменностью, а у них самих имеется ряд особенностей в материально-бытовой культуре). Хотя конканцев в какой-то мере и можно рассматривать как этнографическую группу внутри маратхского этноса, имеются определенные предпосылки для их консолидации в особую народность. К консолидации с гоанскими конканцами, а не с маратхами тяготеет и католическое по вероисповеданию конканиязычное население, довольно значительное в ряде городов Западной Махараштры, особенно в Бомбее.

В то же время существует движение за выделение из Махараштры штата Конкан. Оно не связано с конканским языком и этносом, так как претендует на выделение северной части побережья Махараштры, от Гуджарата до Бомбея, тогда как основным районом расселения конканиязычного населения является более южная часть побережья. В основе этого движения лежат эгоистические интересы местной крупной буржуазии, не желающей делиться своими доходами с другими, экономически менее развитыми, наиболее нуждающимися в средствах для развития частями Махараштры. Этнической базы это движение, как и движение за выделение Видарбхи, не имеет.

На периферии Махараштры немаратхиязычное население живет чересполосно с маратхиязычным, так же как и в ее крупных городских центрах, но характер взаимодействия этносов там иной. В городах Махараштры с маратхами более или менее успешно сближаются хиндиязычные и гуджаратиязычные группы, в меньшей степени каннара, многочисленные в Бомбее

и его округе, тамильские же и малаяльские группы сохраняют высокую степень замкнутости сравнительно недавних иммигрантов. Небольшие прослойки конканских евреев, англоиндийцев и других в значительной степени освоили маратхские (махараштрские) нормы языкового и бытового поведения.

Но в целом в городах Махараштры много немахараштрских или не вполне махараштрских общин со своими особыми интересами и особой культурной ориентацией. В сельских местностях картина совершенно другая. Большое количество племенных групп (бхилы, махадев, коли, каткари и др.), говорящих либо на особых диалектах маратхи, либо на близких к нему диалектах других индоарийских языков, усиленно воспринимают общемаратхские нормы языка и поведения, которые проникают к ним со школой, рынком, кино, радиовещанием, развитием транспорта и т. д. Не только на хинди-маратхской языковой границе имеются промежуточные диалекты и двуязычие, облегчающие овладение и понимание как стандартного хинди, так и стандартного маратхи. Подобные промежуточные зоны можно наблюдать и на линии контакта маратхи и каннара, несмотря на то что эти языки неродственные, помимо двуязычия здесь наблюдается возникновение таких диалектов и говоров, которые нельзя однозначно отнести ни к индоарийским, ни к дравидийским, поскольку в них смешаны не только лексические, но и грамматические формы. Все это позволяет думать, что процессы маратхизации и махараштрской национальной интеграции охватывают в той или иной мере все сельское население штата Махараштра, независимо от его исходной этнической принадлежности.

ЮЖНАЯ ИНДИЯ

Южная Индия — понятие не только географическое, но и этноисторическое, поскольку эта территория заселена почти повсеместно дравидоязычными народами, имеющими не только языковые, но и культурные отличия от других народов Индии. Нередко в зарубежной этнографической литературе дравидоязычные народы выделяются по физикоантропологическим признакам. С точки зрения марксистской этнографии уместнее говорить о значении культурно-исторических особенностей развития населения юга Индии как об основополагающем факте; очевидно, было бы неверно придавать такое значение расовому отличию, тем более что в формировании облика как дравидийских, так и соседствующих с ними индоарийских народов принимали участие в разных пропорциях одни и те же компоненты.

Юг Индии населен четырьмя большими народами: телугу, тамилами, каннада и малаяли. Наивысшего развития как в социально-экономическом отношении, так и в области этнической

консолидации достигли тамилы. Именно представители тамильского национального движения впервые выступили с идеей общедравидийского единства.

Другие дравидийские народы развивались в условиях разобщенности, разделенные границами мелких княжеств или как национальные меньшинства, включенные в индоязычные провинции. Так, телугу жили в пределах княжества Хайдарабад, в провинции Мадрас, в Майсуре; малаяли — в княжествах Кочин, Траванкур, Малабар и в провинции Мадрас; каннада — в провинции Мадрас, княжествах Хайдарабад, Майсур и провинции Бомбей.

Несмотря на то что у народов Южной Индии в целом более развито этническое самосознание, чем в хиндиязычной части Индии, региональная, общинно-кастовая и региональная разобщенность остается весьма значительной внутри каждого из народов.

Вместе с тем, как показывает история последних двух десятилетий, с образованием этнолингвистических штатов процесс этнической консолидации проходит здесь сравнительно быстро и более интенсивно, чем даже, скажем, у панджабцев или бенгальцев.

Телугу

Штат Андхра-Прадеш был создан в 1953 г. путем объединения телугуязычных районов Сиркара и Райяласимы. Идея же о необходимости объединения всех районов, населенных телугу, в одно целое приобрели массовую популярность еще в начале XX в. В 1956 г. в штат была включена часть территории штата Хайдарабад (Теленгана) и заселенная телугу Андхра. Таким образом, создание штата было проведено по принципу лингвистического единства. Однако прежняя разобщенность отдельных районов (например, Райяласима ранее относилась к штату Мадрас), их различная хозяйственная ориентация и разные природные условия до настоящего времени создают некоторую внутреннюю напряженность в штате. Естественно, что этот факт не содействует этническому единению телугу.

В докладе правительственной комиссии в 1952 г., в частности, отмечалось: «Прибрежные районы, которые также называют районами дельты,— Визагапатнам, Восточное Годавари, Кришна и Чунтур в экономическом, политическом отношении и по образованию значительно выше... все важнейшие политические идеи, руководящие деятели народа телугу выходят из этого центра. Райяласима — район отсталый, с недоразвитыми природными ресурсами, часто подверженный засухам. Многие районы двуязычны и подвержены влияниям хинди на границе с Хайдарабадом, каннада — на границе с Майсуром и тамильского языка — на границе с Тамилнадом».

В привычках, обычаях, традициях и по общему взгляду на жизнь эти две группы также отличаются друг от друга. И вообще, хотя и не в такой интенсивной форме, недоверие, понимание преимущественного положения и эксплуатации, которое существует в сознании телугу в отношении тамиллов, находит соответствие в сознании населения Райяласимы по отношению к жителям прибрежных районов»³⁵. Экономическое положение Теленганы также было бедственным, что не раз вызывало массовые крестьянские выступления в этом районе (1952 г.).

Разобщенность и понимание необходимости более скорого развития отсталых районов штата привело к тому, что основные административные органы штата формировались пропорционально региональному представительству. Если главный министр штата был выходцем из одного района, то его заместителем становился представитель другого.

Вместе с тем значительные природные богатства штата Андхра (уголь, железо, марганец, асбест) позволяют планировать его промышленное развитие на относительно пропорциональной основе. Уже сейчас заметно повысилась внутренняя миграция рабочей силы. Естественно, что существование образовательных центров, усиление внутренних связей, рост промышленности приведут к консолидации народа андхра. Однако в настоящее время о консолидации мы можем говорить только как о тенденции, так как помимо региональных различий и противоречий по-прежнему сильны традиционные различия по кастам и другим эндогамным группам.

В то же время многие исследователи, сравнивая роль традиционных религиозно-кастовых институтов в Андхре и в Тамилнаду, приходят к выводу, что ритуальное значение касты у телугу гораздо меньше, чем у тамиллов; у телугу важнее статусные, т. е. более светские, показатели³⁶. В этом мы видим важную особенность этнического развития телугу. С другой стороны, бесспорно, что уровень этнической консолидации последних еще далек от тамиллов, и в связи с этим возникает вопрос, не является ли упор на статусные показатели кастовости более сильной помехой для консолидации, нежели ее ритуальная значимость.

Религиозно-общинная рознь также мешает ходу консолидации телугу. Индуизм, более всего в форме вишнуизма, является преобладающей религией, правда, распространено также и христианство, в основном среди выходцев из самых низших каст. В районах, входивших ранее в княжество Хайдарабад, более 20% населения составляют мусульмане, большинство которых употребляет в качестве домашнего языка телугу. Помимо значительных бытовых отличий, для мусульман характерно тяготение к урду как к языку, приобщающему к грамотности и общественной жизни. Слабая консолидированность телугу объясняется тем, что при миграциях в другие дравидоязычные райо-

ны они сравнительно легко ассимилируются с местным населением. Однако резкий подъем грамотности в последние годы, распространение начального образования, новые успехи, достигнутые литературой на языке телугу, несомненно, свидетельствуют о том, что процессы национальной консолидации идут и среди этого народа Южной Индии.

Не менее полутора миллионов населения Андхра-Прадеша, главным образом по его периферии, принадлежит преимущественно к дравидоязычным племенам, таким, как гонды, ченчу и др. В прошлом довольно сильно изолированные от жителей равнин они в настоящее время все более вовлекаются в общение с ними, участвуя в строительных работах, поселяясь в перегруппированных деревнях (это делается для борьбы с подсечно-огневым земледелием) и т. д. Контакты эти не всегда безболезненны, но объективно способствуют приобщению распыленного племенного населения к основным ценностям культуры телугу.

Тамилы

После 1956 г. все районы с компактным тамильским населением были собраны в штат Мадрас, позже получивший имя Тамилнаду. Это один из наиболее однородных в этническом отношении и наиболее консолидированных районов Индии. Ярко выраженное национальное самосознание тамиллов не оставляет сомнения в том, что они давно уже сформировались во вполне консолидированную нацию.

Плотность населения, принадлежащего к зарегистрированным кастам, в Тамилнаду весьма высока. В штате обитает ряд племен, общая численность которых невысока. Все они говорят на разных говорах тамили. В пограничных зонах штата население смешанное, но везде с преобладанием тамиллов. Так, в северных и северо-западных районах штата живет большое количество переселенцев из Андхра-Прадеша, в округах, прилегающих к Карнатаку, — некоторое число каннара, а вдоль границ с Кералой — малаяли.

Правда, в большинстве случаев в приграничном районе преобладают тенденции к все большей тамилизации образа жизни этого смешанного населения. Это можно наблюдать на примере народа телугу, который сохранил свой родной язык только в качестве домашнего, а в остальных случаях использует тамили. Таким образом, у них повсеместно распространено двуязычие, а в образе жизни, быту, поведении, материальной и духовной культуре наблюдается полное уподобление тамилам. Малаяли и каннара, живущие там же, как правило, также двуязычны и хорошо говорят по-тамильски, обратное явление наблюдается реже.

Кастовый состав тамильского общества сложен, но харак-

терно, что брахманы, которые вели свои генеалогии от пришельцев с севера и занимали в прошлом весьма привилегированное положение, стали одним из основных объектов враждебности со стороны развивающегося тамильского национализма. Значительная часть образованных брахманов вынуждена была покинуть Тамилнаду и переселиться в Махараштру, Андхра-Прадеш и другие штаты Индии. Здесь они образуют довольно стойкие и не склонные к ассимиляции группы, такие же, как и группы тамильских эмигрантов из более низких каст и слоев. Характерно, что в городах вне Тамилнаду складывается не одна, а несколько тамильских групп, между которыми заметно сословно-кастовое отчуждение. Причем, если выходцы из более низких каст еще в какой-то мере вынуждены овладевать местными языками, то брахманы и другие интеллигенты зачастую избирают себе такую социальную среду, где все внешние контакты ведутся только на английском языке.

Антибрахманизм, одна из характерных черт и сильнейший среди предрассудков значительной части тамилы, отражает относительно быстрое социальное восхождение тамильской буржуазии, выходцев из низших каст (надары). Постепенное развитие антибрахманского движения тамильской буржуазии привело к созданию дравидийских организаций с антиарийской, антихиндуистской ориентацией и с сепаратистскими устремлениями. От общедравидийской организации «Дравида кажагам», созданной еще в годы английского владычества, но не приобретшей популярности, в 1949 г. отделилось ее левое тамильское крыло, получившее название «Дравида муннетра кажагам» (ДМК), а также ряд локальных националистических организаций (Тамильская национальная партия, «Нам тамижар» и т. д.).

Лозунг «Дравида кажагам» о создании самостоятельного южноиндийского государства Дравид — Над не стал особо популярным на дравидийском юге, очевидно, из-за опасения, что тамилы станут доминирующим народом в таком государстве, а также в силу того, что интересы самой тамильской буржуазии вышли за пределы штата и в определенной мере слились с интересами этого класса в общендийском масштабе.

После того как пропаганда сепаратизма была запрещена индийским правительством (в 1964 г.), сепаратизм и федерализм, а именно требование выделения из Индийского Союза на правах федеративного автономного района Дравидийского Союза (Андхра, Тамилнаду, Карнатак и Керала) сменились в политике ДМК требованием «достойного места» штатам юга. В основе такой политики лежали несправедливое распределение средств на развитие народов Севера и Юга Индии и неуважение к культурным особенностям дравидов. В частности, было выдвинуто утверждение о том, что «Рамаяна», в которой описывается продвижение Рамы на Юг, наносит оскорбление

национальной гордости дравидов, не привыкших быть слугами арьев³⁷.

Действительно, образ Равана, который в «Рамаяне» выступает как злобный демон, совершенно иначе трактуется тамильской историко-мифологической школой, считающей Равана положительным персонажем, олицетворением героического духа дравидийских народов. В 1974 г. в знак протеста и требования запрещения традиционного для народов Северной Индии драматического действа «Рам-Лила» в Мадрасе были сожжены изображения Рамы и Ситы.

Наиболее распространенные культы среди тамилы — шивизм и культ богини-матери. Среди тамилы имеет также ряд мусульманских групп, у которых наряду с тамильским языком распространен урду. Многие выходцы преимущественно из низших каст обращены в христианство. Все перечисленные группы прежде всего осознают себя тамилами. Здесь, в отличие от многих других районов Индии, религиозное самосознание резко уступает национальному самосознанию.

Тамилнаду был одним из очагов наиболее сильного сопротивления замене английского языка в общендийской административной практике языком хинди. В этом штате к внедрению тамильского языка на всех уровнях администрации и образования прилагаются большие усилия.

Хинди очень мало распространен в Тамилнаду, английский же язык продолжает играть важную роль в общественной и культурной жизни штата. Дело в том, что литературный классический тамильский язык очень сильно отличается от современного разговорного, требует довольно больших усилий для овладения им и еще не может служить средством общенационального общения на всех уровнях и во всех сферах жизни. Однако на его культивирование и развитие обращается большое внимание. Правительством штата отпускаются на это значительные средства.

Высокий уровень аграрного перенаселения в штате при сравнительно слабом развитии промышленности и городской жизни уже в течение многих десятилетий был причиной большой эмиграции (в основном плантационных рабочих) из Тамилнаду как в другие районы Индии, так и на Шри-Ланка, в Малайзию, Океанию, Вест-Индию и т. д. Эти группы населения сохраняют связи с родиной и не склонны к ассимиляции. В качестве курьеза, но курьеза, характерного для уровня самосознания и самоощущения тамилы, можно указать на то, что у ряда ультранационалистских деятелей лозунг тамильского сепаратизма дополнялся лозунгом объединения в едином тамильском государстве всех населенных тамилами земель — от островов Вест-Индии до Фиджи.

По языку, культуре и обычаям народ каннара во многом близок к андхра (телугу). Он населяет обширную территорию внутренних районов Южной Индии, известную с давних времен как Карнатак (ранее этот штат именовался Майсур). Почти никогда Карнатак не был политически единым, чаще всего он был раздроблен на различные территории разного подчинения. Поэтому при постепенном развитии этнического единства в разных его частях этническое и социальное развитие отличалось местным своеобразием. В силу долгого господства феодальных отношений и внутреннего географического положения (без существенных выходов к морю) районы обитания каннара отставали в экономическом и политическом отношении от своих соседей — не только от маратхов и тамиллов, но и от телугу и малаяли. Однако за годы независимости экономическое отставание было в значительной мере изжито, и штат Карнатак, особенно его столица Бангалур, стал промышленным районом общендийского значения. Значительное развитие плантационного хозяйства в Карнатаке имело своим последствием обезземеливание части крестьянства и усиленную миграцию сельскохозяйственного населения внутри штата в поисках сезонной работы. Наблюдается отток населения, сельского и городского, и в другие районы Индии, прежде всего в Махараштру.

Экономические факторы, способствующие консолидации этноса каннара, в известной мере уравниваются другими факторами, тормозящими ее. Так, весьма существенной препоной для выработки общенационального самосознания и системы ценностей является значительная религиозно-общинная дробность этого народа. Среди него помимо индуистов имеется значительный процент мусульман, христиан и джайнов, индуисты же, в свою очередь, разделены на ряд антагонистически настроенных группировок.

Антибрахманизм, характерный для южноиндийских штатов, также характерен и для Карнатака. Основными общинами этого штата являются лингаиты, воккалигары и куруба. Низшей и наименее активной является каста куруба. Лингаиты — это объединение различных подкаст, в основе которого лежит не община, а секта рашивантов, возникшая в ходе антибрахманистской борьбы. До 1947 г. она была разделена границами провинций (Бомбей, Хайдарабад и Майсур). В 50-х годах эта секта выступала за реорганизацию штатов на лингвистической основе и за создание штата Карнатак на основе каннаразычного населения старого Майсура, Карнатака и области Кург. Этому движению довольно активно противостояла община воккалигаров, опасавшаяся объединения и роста рядов сектантов-лингаитов и их воздействия на их собственные религиозные и социально-экономические институты.

История 25-летнего существования Майсура, а затем Карнатака была свидетельницей борьбы между этими общинами и постепенного образования экономически разрозненных сословно-классовых группировок вдоль границ этих общин. Особенностью же является внутренняя поляризация классовых интересов отдельных групп в каждой из этих общин.

Несмотря на противоречивость общинных интересов и разный уровень самосознания (например, такие группы, как лингаиты, подобно сикхам, приближаются к уровню этноконфессиональных общностей), тенденции к национальной консолидации каннара можно считать преобладающими. Группы керала, телугу и тамилы, проживающие на территории Карнатака, не вовлекаются в эти процессы, так как в их национальных штатах они идут интенсивнее, и в силу территориальной близости эти группы скорее тяготеют к ним. Что касается небольших дравидоязычных народностей Южного Карнатака — тулу и кургов (или кодагу), то их можно рассматривать как отдельные народности, тесно ассоциированные с этносоциальным организмом каннара. Правда, они не сливаются с последним и сохраняют черты ассоциированности с малаяли, с этнической территорией которых они соприкасаются.

Малаяли

Лингвистический штат Керала был создан в 1956 г. на базе княжеств Траванкур и Кочин, к которым была присоединена малаялиязычная юго-западная часть бывшего президентства Мадрас. Это один из наиболее густо населенных районов Индии. Прирост населения в этом штате выше, чем в других районах, и сравним только с приростом населения в Западной Бенгалии.

Религиозно-кастовый состав Кералы очень пестр и во многом отличает этот штат от других. Около половины населения исповедует индуизм, до 20% — христианство и более 18% — мусульманство. Общество малаяли насчитывает около 120 каст, подкаст и племен, при этом четкость и жесткость кастового деления была здесь максимальной. Наиболее значимые касты малаяльцев Кералы — наяры и ежавы — насчитывают более 6 млн. каждая и отражают в известной степени два имущественных полюса в классовом составе штата (исключая наиболее обездоленные и неприкасаемые касты и племена, такие, как пулая и др.).

Христианская община Кералы состоит в основном из сирийско-малабарских христиан (наиболее зажиточных) — около 1,5 млн. и католиков — около 1 млн. В социальном отношении первые имеют статус, близкий к статусу наяров — керальским кшатриям, вторые — близкий к ежавам — керальским шудра. Мусульманская община также разобщена кастовыми перего-

родками: особым влиянием пользуются потомки арабских переселенцев — мофаки³⁸.

Как и многие штаты Индии, Керала по преимуществу сельскохозяйственный район. Однако здесь до настоящего времени сохранились богатые тропические леса, что обеспечивает такие отрасли хозяйства, как лесозаготовки и лесопереработка. Помимо этого после завоевания независимости некоторое развитие получили рыбный промысел, сахарное производство и связанные с ними отрасли обрабатывающей и перерабатывающей промышленности.

Основными общинами Кералы являются набудури-брахманы, наяры-кшатрии, ежавы, сиро-малабарцы, католики и мусульмане. Такое деление с их политическими, общественными и экономическими организациями определяло ряд ассимилятивных процессов в пределах общин и имело отражение в политической жизни штата. Учитывая некоторое соответствие общинного деления населения штата с делением экономическим, мы вправе говорить о том, что характерная в целом для Индии картина путей классообразования может быть распространена в общих чертах и на Кералу, несмотря на известное своеобразие протекания этого процесса при относительно высокой грамотности и других условиях³⁹.

Как уже говорилось выше, община ежавов в Керале насчитывает более 6 млн. человек. Несмотря на эксплуатацию со стороны брахманов и наяров, на то, что даже в индусской системе каст они оказались вне этой системы, их положение в Керале является довольно прочным в экономическом и общественном отношении.

В отличие от высоких каст в их религиозных ритуалах много элементов буддизма и тантризма. Среди ежавов довольно велика прослойка традиционно образованных людей. Некоторые легенды возводят их происхождение к чеконам, мигрировавшим из Жату Наду (Шри Ланка), другие возводят слово «ежава» к слову «ужава», т. е. крестьянин.

Среди них, как и среди многих других групп Кералы, отчасти сохраняются пережитки матриархата: у тхияев Северного Малабара сохраняется матрилокальность, на юге Малабара и в Кочине преобладает патрилокальность, а в Центральной Керале, несмотря на явно выраженные матриархальные отношения, поселение новобрачных патрилокально⁴⁰.

Несмотря на значительную кастовую и религиозную дробность, процессы национальной консолидации среди малаяли зашли достаточно далеко, и в целом о малаяли можно говорить как о нации. Экономическое и политическое соперничество между группами сохраняется, но наряду с ним существует четкое общемалаяльское самосознание. Основные черты материальной культуры общие, ряд специфически малаяльских праздников, обычаев и обрядов разделяется всеми общинами. Имеются об-

щемаляяльские черты и в системе ценностей, в частности более высокое, чем в других районах Индии, социальное положение женщин.

Высокий средний уровень грамотности и образованности, а также относительная перенаселенность в штате обуславливают довольно значительную эмиграцию из него в другие штаты Индии. Малаяяли вне Кералы независимо от общинной принадлежности тяготеют друг к другу и сравнительно обособлены среди окружающего населения, ассимиляции их не происходит почти нигде, за частичным исключением Тамилнаду.

ВОСТОЧНАЯ ИНДИЯ

Этнически и антропологически Восточная Индия довольно пестра. В этом районе проживают высокоразвитые в экономическом и культурном отношении народы и народы, лишь недавно (в 60—70-х годах) осознавшие и оформившие административно свое единство, народы, говорящие на разных языках и диалектах, придерживающиеся различных религиозных взглядов.

Существенно, что население отдельных штатов этого региона, хотя эти штаты и созданы на основе этнолингвистической близости, не осознает своего единства, как, например, в Бихаре. Некоторые штаты включают группы племен и народов, существенно отличных по языку и культуре от основной этнической общности штата, как это видно на примере Ассама.

Созданные недавно штаты Нагаленд, Мегхалая, Союзные территории Мизорам, Аруначал-Прадеш являются образованиями с некоторой лингвистической общностью, однако в этническом и культурном отношении их пока трудно назвать едиными. Сам факт такого административного переустройства, очевидно, окажет существенное влияние на этнические процессы в этих районах. Однако неизвестно, как будут протекать другие, в первую очередь экономические и социальные, процессы у этих народов. Известно, например, что народы Ориссы, несмотря на лингвистическое единство, пока четко разделяются по уровню общественного, культурного и экономического развития, а также по отличающемуся этническому самосознанию на прибрежных и горных ория.

Наиболее сложившимся народом с развитым экономическим сознанием, высокой национальной культурой и глубокими традициями являются бенгальцы. Однако этнические процессы, протекающие у них, также не лишены своеобразия, определяемого в первую очередь бурным капиталистическим развитием экономики, миграциями и частичной ассимиляцией некоторых мелких этнических общностей, проживающих на территории Западной Бенгалии.

Современный штат Орисса возник как отдельная провинция еще в 1936 г.⁴¹. Борьба за выделение в отдельный штат ория-язычных территорий шла около 30 лет и во многих отношениях слилась с общендийской борьбой за независимость. В 1948 г. в штат Орисса вошли 26 автономных княжеств, крупнейшим из которых было княжество Майурбхандж. Однако часть ория-язычных районов осталась за пределами штата: Сингхбхум в Бихаре, Миднапур в Западной Бенгалии, Райарх и другие в Мадхья-Прадеше.

Таким образом, во-первых, старая Орисса с известным опытом общенациональной борьбы была как бы растворена среди присоединенных территорий (население штата в 1941 г. составляло 8,9 млн., а после присоединения княжеств и других территорий — 17,5 млн.), во-вторых, одна из задач, за которую они боролись, — объединение всех ория в едином штате, — осталась невыполненной. Эти два важных обстоятельства оказали и оказывают значительное воздействие на этнические процессы у ория. Третий важный фактор заключается в том, что на вновь приобретенных территориях проживают остальные группы и племена, в основном адиваси, численность которых доходит до 40% общего населения штата⁴².

Все это существенно повлияло на этническое развитие в последующие годы, которое в определенном отношении сходно с соответствующими процессами у телугу. Вообще следует сказать, что в хозяйственно-культурном отношении Орисса менее однородна, чем в языке и религии. В этом штате, так же как и в Андхра-Прадеше, четко различаются прибрежные и равнинные ория с развитым этническим самосознанием, с довольно высоким уровнем экономического и социального развития, с одной стороны, и горные ория — с другой. Жители более развитых районов носят этноним «катака». Вместе с тем в отличие от Андхры, где ведущую роль в национальной жизни играют неаристократические слои населения (радди и камма), в Ориссе после воссоединения с княжествами значительным влиянием продолжают пользоваться бывшие князья, заминдары и помещики.

В политическом отношении ведущими кастами среди ория являются брахманы и кшатрийские касты каранов и кхандаятов. Среди этих каст наблюдается самый высокий процент грамотных, особенно среди мужчин (около 40%). Наиболее грамотная часть населения штата проживает на востоке, в районе Каттака — 30,2% (ранее входил в состав Бенгалии), население с самым низким уровнем грамотности — 8% — в районе Карапут (северо-западная часть штата)⁴³.

С 1965 г. в связи с открытием залежей полезных ископаемых в западных, горных районах Ориссы экономическое развитие этих ранее отсталых районов по темпам стало намного вы-

ше, чем прибрежных, традиционно более развитых. Таким образом, создаются предпосылки выравнивания экономического положения населения всех районов штата. Поэтому следует ожидать, что этническая консолидация различных групп ория, которая уже сейчас наблюдается как тенденция, станет со временем более ощутимой.

Согласно переписи 1961 г., численность населения Ориссы составляла 17,5 млн. (в 1971 г. она достигла 22 млн.). Процент городского населения в штате был одним из самых низких во всеиндийском масштабе (3 в 1941 г., 6,3 в 1961 г.).

В настоящее время в лингвистическом отношении Орисса — один из довольно однородных штатов Индии. На языке ория, являющемся официальным языком штата, говорит 82,2% жителей Ориссы, 12% приходится на языки населения зарегистрированных племен (куи, санталы, савара, хо, кхонды, мунда, бхумиджи, ораоны, кхариа и ряд других), 2,2% говорит на телугу (в пограничных с Андхра-Прадешем районах), 1,2% на урду и менее 1% на хинди.

Лингвисты считают, что язык ория сохранил наиболее архаичные черты из всех языков восточной группы индоарийской ветви. На ория издавна существовала значительная литература. Растет число газет и журналов, публикуемых на этом языке в последние годы. В переписи 1971 г. отмечено, что из 135 периодических изданий в Ориссе (в 1971 г.) 117 выходит на языке ория. На этом языке снимаются и фильмы. Так, с 1956 по 1971 г. вышло 14 фильмов на языке ория.

В Ориссе наблюдается и определенное единообразие в религиозном отношении. Численность индуистской общины составляет 97,5% всего населения штата, мусульманской — 1,2, христианской — 1,1%, на остальные, в том числе и племенные верования, приходится около 2,5%⁴⁴. Орисса всегда занимала изолированное положение в стране, сохраняя чрезвычайную отсталость в экономике. Она являлась типично рисоводческой областью с почти абсолютно отсутствующими промышленными предприятиями.

После достижения Индией независимости в экономике Ориссы произошли большие изменения. Около 35 отраслей промышленности в той или иной степени получили здесь свое развитие. Уже частично построены некоторые крупнейшие в масштабах всей Индии промышленные комплексы, такие, например, как Роуркела. Построены сталелитейные, химические, алюминиевые, цементные и некоторые другие заводы. Уже вступило в строй несколько фабрик по производству сахара и т. д.

Промышленное развитие отдельных районов влечет за собой и некоторые изменения в этническом составе населения. Приток мигрантов из других районов Ориссы и соседних штатов, взаимные контакты между представителями различных народов, племен и каст приводят к их сближению и постепенному стиранию этнических различий между ними.

Географически штат Бихар относится к Восточной Индии, вместе с тем его можно рассматривать в качестве восточной культурно-контактной зоны хиндиязычного ареала. Известно, что Бихар был выделен в отдельную провинцию из состава Бенгалии в 1911 г., что оказало значительное влияние на этнические процессы еще до 1947 г.

В советской и индийской литературе, посвященной Бихару, особое место отводится роли каст в этих процессах, якобы специфических именно для Бихара. Вероятно, в этом утверждении содержится некоторое преувеличение⁴⁵. Если сравнить Бихар с другими этнолингвистическими штатами Индии, то роль кастового фактора здесь не выше и, возможно, не ниже, чем у других народов, и не содержит специфики.

Высшие касты и подкасты Бихара составляют примерно 13% населения. Эта относительная малочисленность бихарской «аристократии» позволила ей достичь большей, чем в других районах Индии, согласованности действий. Это, в частности, выразилось в выделении Бихара в самостоятельную провинцию. Более того, несмотря на относительную региональную рознь внутри этих каст, именно они на начальном этапе самостоятельного развития штата в рамках Индии стали выразителями общепыхарской этноцентрической идеи.

В частности, основным мотивом при возникновении общепыхарского движения за автономию от Бенгалии было стремление развивающейся бихарской буржуазии освободиться от конкуренции более сильной бенгальской. Таким образом, те массовые движения, которые проходили среди бихарцев в борьбе за автономию, сопровождались антибенгальской пропагандой.

Однако наблюдаемые ныне этнические процессы в этом штате не свидетельствуют о сохранении общепыхарского сознания. Согласно переписи 1961 г., на территории Бихара проживало 46,5 млн. человек (в 1971 г. — 56,3 млн.). Официальным языком штата является хинди, однако большинство его жителей говорит на одном из трех родственных между собой языков — бходжпури, майтхили и магахи. По подсчетам В. А. Чернышева, на бходжпури говорит 28 млн. человек, на магахи — 9,5 млн. и на майтхили — более 17 млн.⁴⁶.

Бходжпури — основной язык западных дистриктов (на нем говорит часть населения Восточного Уттар-Прадеша). В столице штата Патне, в дистриктах Гая, Хазарибагх и некоторых районах Монгхира и Бхагальпура (на территории, которую в древности занимало государство Магадха) распространен язык магахи, в Северном Бихаре «на земле древней Матхилы» — майтхили (в пограничных округах Непала майтхили имеет широкое распространение и признается одним из официальных языков государства).

Иногда лингвисты объединяют бходжпури, майтхили и магахи в один язык — бихари. Однако в ходе переписи населения в 1961 г. ни один из жителей Бихара не назвал своим родным языком бихари, что свидетельствует не в пользу становления общепризнанного самосознания. В отличие от 1951 г., когда подавляющая часть населения Бихара (81%) была зарегистрирована как хиндиязычная, в 1961 г. картина резко изменилась — менее половины жителей штата назвали хинди родным языком.

Отказ от хинди сопровождался ростом регионализма и пробуждением этноязыкового самосознания бходжпурцев, майтхильцев и магахов. Уровень сознания своей этнической принадлежности у этих народов неодинаков. Наиболее высок он у майтхильцев. У них существует «движение за народный язык» (начало его относится к 1934 г.), которое многие годы вело борьбу за то, чтобы майтхили был признан самостоятельным языком (а не диалектом хинди, бенгали или бихари, как это делалось в течение многих лет).

В 1950 г. индийское правительство удовлетворило требование майтхильцев, введя преподавание на майтхили в начальных школах. Организованы кафедры майтхили в высших учебных заведениях Бихара, на майтхили издаются журналы и выходит многочисленная художественная литература.

В последние годы начинает все сильнее звучать требование некоторой части майтхильской интеллигенции создать отдельный штат Матхилу, а язык майтхили признать одним из основных языков Индии.

Все эти тенденции, связанные с осознанием своей языковой общности, проявляются у бходжпурцев и магахов в менее выраженном виде, чем у майтхильцев.

Значительный процент населения Бихара составляют представители так называемых малых народов — санталы, мунда, хо, ораоны, кхариа, бирхоры, бхумиджи и т. д. Наиболее многочисленные из них, такие, как мунда, санталы, хо, ораоны, выступают с требованием предоставления им автономии, некоторая часть этих же народов и мелкие этнические группы других малых народов Бихара ассимилируются с соседними крупными народами. Поскольку малые народы проживают на юге и востоке штата, то основными их контактными общностями являются бходжпурцы и магахи. Таким образом, отдельные этнические группы малых народов Бихара, антропологически и лингвистически отличающиеся от своих соседей, вливаются в состав таких народов, как бходжпурцы и магахи.

Этот процесс ассимиляции отдельных малых народов Бихара усиливается в связи с ростом индустриализации и урбанизации (особенно в южных округах штата). Долгое время Бихар являлся отсталым в хозяйственно-культурном отношении штатом, в его экономике преобладало сельское хозяйство. После достижения Индией независимости Бихар становится одним

из основных очагов промышленного развития страны. На базе разработки богатейших природных ресурсов в южных районах штата создаются индустриальные комплексы — Джамшедпур, Бокаро, Барауни, Мури и т. д.

Как пойдут в дальнейшем этнообразующие процессы в штате Бихар, предугадать трудно, что объясняется сложным этническим составом штата и неравномерным развитием его народов.

С одной стороны, мы видим, что у некоторых народов этого штата есть тенденция к развитию своих языков и стремление к автономии, у других же наблюдается процесс развития общиндийского самосознания, что неразрывно связано с появлением огромных промышленных массивов (в Южном Бихаре), где неуклонно растет численность рабочего класса, формирующегося из выходцев из самых различных этнических групп Бихара и соседних штатов. Интересы же буржуазии штата все больше и больше связываются не столько со своим штатом, сколько с промышленностью Индии в целом.

Бенгальцы Западной Бенгалии

Раздел Британской Индии в 1947 г. имел для Западной Бенгалии особенно значительные последствия. Они сказались прежде всего в экономической жизни. Восточная Бенгалия имела более развитое сельское хозяйство, а Западная Бенгалия была более развита в промышленном отношении, причем ни один из разделенных районов не мог обеспечить себя продуктами питания. В результате раздела были прерваны линии коммуникаций с частью Северной Бенгалии — с Куч-Бехаром, Дарджилингом, Западным Динаджпуром. Возникла большая по протяженности граница с Пакистаном — государством, враждебным Индии. Эмиграция из Восточной Бенгалии составила около 3,5 млн. человек, что было равно 15% основного населения нового штата — Западной Бенгалии.

Эти причины во многом обусловили этнические процессы в штате в последующие годы. Нынешний штат Западная Бенгалия занимает 2,9% территории, а его население составляет 35 млн. человек — 8% жителей всей страны. Рост населения за десятилетие (1941—1951) составил 13,2%, а за следующие годы — 32,8% (в основном за счет иммиграции). Жители городов составляют 24,5%, грамотных среди них около 29%, в сельской местности — 14%.

Огромный промышленный город Калькутта с многонациональным населением практически свел на нет некоторые изоляционистские тенденции среди части бенгальцев и придал Западной Бенгалии особое значение в общиндийских этнических процессах.

Небенгальское население состоит в основном из трех больших

групп: хиндиязычных (около 2 млн.), ориязычных (1,2 млн.) и раджастанцев (около 35 тыс.)⁴⁷. Кроме них на севере штата проживает еще много непальцев. Интересно отметить, что $\frac{2}{3}$ небенгальцев проживает в городах, а небенгальские группы сохраняют тесные связи со своими штатами.

Статистические данные показывают, что многие мигранты этой категории предпочитают арендовать жилье, магазины, мастерские и т. д., а не приобретать их в собственность. Это особенно характерно для Калькутты. Так, в среднем по Бенгалии 77% мигрантов приобретают жилье в собственность, в Калькутте же — только 18,2%.

Религиозный состав населения Бенгалии также имеет важное значение для этнической консолидации в штате. Основная часть населения — индуисты — 70,8%, мусульмане — 20% и 10% прочие (христиане, буддисты, сикхи и джайны).

По данным переписи 1961 г., рост индусской общины за 1951—1961 гг. составил 32,6%, в то время как мусульманская община возросла на 36,4%. Этот факт объясняется частичной реиммиграцией мусульман, которая стала особенно заметной в 1971—1972 гг., в период индо-пакистанского конфликта и сразу после него.

Вместе с тем для Западной Бенгалии не характерна религиозно-общинная рознь, хотя в других штатах Индии она распространена. Это, в частности, подтверждается и тем, что политические партии, использующие коммунизм, почти не имеют значения в политической жизни Западной Бенгалии.

Бенгальцы — один из самых мобильных народов Индии. Этот факт объясняется историческими особенностями развития штата. В частности, административный аппарат Бенгалии к 1947 г. был более других обеспечен кадрами. Бенгальцы заняли высшие посты в ряде ведомств независимой Индии. Техническую интеллигенцию из Бенгалии, одного из наиболее развитых в промышленном отношении штатов Индии, можно встретить на всех важных стройках и промышленных предприятиях страны, на флоте, в авиации и т. д. Многие культурные достижения бенгальской нации стали признанными ценностями Индии в целом.

В настоящее время единый бенгальский этнос существует в виде двух наций — западнобенгальской (Индия) и бенгальской (Бангладеш). Такое разделение явилось следствием политической истории этих территорий, и хотя вначале в его основе лежали религиозные различия, сейчас разделение двух этносоциальных организмов не совпадает и не обуславливается ими. Как индусы, так и мусульмане в обеих частях бенгальского этноса осознают важность задач и целей, стоящих соответственно перед Индией и Бангладеш. Имеющий место небольшой обмен населением через границу не нарушает факта существования двух отдельных наций.

Одна из наиболее культурно и экономически развитых и

консолидированных наций Индии, бенгальцы, как правило, не проявляют тенденции к ассимиляции с местным населением (даже если они и проживают в течение многих лет и поколений среди других народов, в других частях Индии). Они не образуют замкнутых местных группировок, но сохраняют тесную связь с ядром нации в Западной Бенгалии. Конечно, есть случаи, когда, как и в Ориссе, можно отметить некоторые языково-культурные различия между бенгальцами из Бенгалии и давними жителями Ориссы, но они не имеют решающего значения. То же относится и к бенгальцам — жителям Трипуры, Ассама, Мегхалаи и других близлежащих штатов. Среди них нередко явления некоторой отчужденности и антагонизма по отношению к коренному населению этих штатов. На территории штата Западная Бенгалия, напротив, многие племенные и кастовые группы небенгальского происхождения успешно ассимилировались и продолжают ассимилироваться бенгальской нацией.

Ассамцы

Ассамцы — смешанный народ, в их этногенезе наряду с индоарийскими элементами приняли участие таяязычные группы ахоров, которые и дали имя народу в стране.

Штат Ассам — один из наиболее многоязычных штатов, и его история за последние 25 лет знала немало этнолингвистических конфликтов, часть которых завершилась выделением из состава этого штата этнических провинций нага, мизо и других народов.

Ассамский язык распространен в основном в долине Брахмапутры; в районе Качара основным языком является бенгальский, горные же районы насчитывают свыше 50 диалектов.

Ассамцы составляют большинство населения этого штата и уже с 50-х годов выдвигали требование о том, чтобы ассамский язык был принят в качестве официального языка всего штата. Ниже будет сказано о событиях, которые связаны с этим. Они завершились, в свою очередь, требованием ряда неассамских областей о выделении из состава штата особых административных единиц. Но и после этого значительно сократившийся в размерах Ассам продолжает оставаться этнически пестрым. Помимо племенных местных обитателей на чайных плантациях этого штата работает пришлое население, отчасти также племенное (ораоны, санталы и др.), отчасти хиндиязычное, из областей долины Ганга, немало в штате и бенгальцев.

Среди хиндиязычного населения идут в целом те же процессы, что и в хиндиязычных районах, но с более ускоренным смешением и ассимиляцией. Здесь наивысший в Индии процент межкастовых и межобщинных браков — 5. Бенгальцы и здесь сохраняют значительную обособленность. Есть в Ассаме не-

большой народ, известный под именем кхамти, сохранивший язык тайской группы.

Кастовое деление среди ассамцев менее жестко, чем среди остальных индоарийских народов, отчего у них нередки и межкастовые браки, хотя они и реже, чем среди иммигрантов, где их частота обусловлена крайней пестротой этнокастового состава. В целом ассамцы уступают бенгальцам по уровню национальной консолидации, хотя тоже весьма значительно продвинулись на этом пути.

Выделение неассамоязычных областей из пределов прежнего штата Ассам

Сложность этнических процессов в Ассаме и на прилегающих к нему территориях особенно ярко выявилась в связи с вопросами языкового размежевания и определения официального языка штата. Особого накала вопрос о языке достиг в апреле 1960 г., когда местная организация Национального конгресса приняла резолюцию о признании ассамского языка в качестве официального языка штата. Против этой резолюции выступили бенгальцы Качара и население горных районов. Оппозиция горцев выступила против ассамизации своих национальных меньшинств, хотя и с разных позиций. Бенгальцы требовали объявления их языка вторым официальным языком штата. Массовые демонстрации бенгальского населения вылились в мае 1960 г. в массовые беспорядки, для подавления которых в районы беспорядков было введено 5 батальонов регулярных войск. Эти события сопровождались массовой миграцией особо зажиточных бенгальцев в другие штаты Индии (около 45 тыс.). Естественно, что причина беспорядков заключалась не только в этнолингвистической розни. Ассамские газеты того времени писали, в частности, что языковая проблема является отражением иных, более сложных, в первую очередь экономических причин. Движение «Бенгали кхеда» («Долой бенгальцев») возникло до беспорядков и отражало стремление ассамской буржуазии изгнать бенгальцев с наиболее хорошо оплачиваемых рабочих мест, из торговли, промышленности и т. п.

В заявлении правительства штата от 20 мая 1960 г. говорилось: «Несмотря на то что беспорядки являются, как видно, результатом агитаций по языковому вопросу, они вместе с тем отражают глубокую социально-экономическую борьбу и чувство безнадежности, которое, к сожалению, испытывает народ Ассама»⁴⁸.

Несколько иной была оппозиция горных народов Ассама. Они потребовали, чтобы единственным официальным языком штата был объявлен хинди, не допуская ассамский язык даже в качестве одного из официальных языков. Эти требования были выдвинуты из опасения ассимиляции. Делегация лидеров

горных народов в ноябре 1960 г. встретила с Дж. Неру в Дели и потребовала выделения горных районов Ассама в самостоятельный штат в пределах Индии. Неру высказался против создания отдельного штата, но за предоставление горным народам большей автономии внутри Ассама. Предложение Неру, подтвержденное в октябре 1963 г., вызвало раскол среди лидеров горных народов. Этнолингвистический конфликт принял форму политической, а в некоторых районах (Нагаленд и округ Мизо) и вооруженной борьбы. Движение нага и других горных народов в пределах штата Ассам вылилось в два основных направления — экстремистское, с требованием самостоятельности и отделения от Индии и умеренное, с требованием автономии в пределах Индии.

В 1956 г. экстремистские элементы создали так называемое федеральное правительство «Свободного Нагаленда» и вооруженные подразделения партизанского типа. Однако это движение не нашло поддержки среди большинства племен нага, и индийским войскам удалось ограничить сферу деятельности экстремистов районами горных лесов на границах с Бирмой и Тибетом.

Лидеры умеренного направления движения племен нага (представленные вождями почти всех племен) приняли в августе 1957 г. решение обратиться к правительству Индии с просьбой о создании самостоятельной административной единицы в составе горного Нагаленда и района Туенсанг (НЕФА), также населенного племенами нага, на следующих условиях: данная новая провинция должна быть под управлением МИДа Индии, причем это управление должно осуществляться через губернатора Ассама как полномочного представителя президента страны. В дальнейшем, в связи с обострением деятельности экстремистов, лидеры нага выступили с требованием более широкой автономии и добились в 1962 г. образования полноправного штата Нагаленд.

В административном отношении положение Нагаленда несколько отличается от положения других штатов: штат находится в юрисдикции МИДа Индии, губернатор и верховный суд Ассама являются одновременно и инстанциями Нагаленда, распределение фондов из центрального бюджета осуществляется через губернатора.

При посредничестве христианской церкви Нагаленда и губернатора Ассама в 1964 г. было достигнуто согласие о прекращении организованных военных действий в Нагаленде, которые с тех пор носят спорадический характер и являются скорее отражением происков других стран в этом районе, чем интересов самих нага. Проблемы, связанные с этническим развитием штата Мегхалая и территорий Мизорам и Аруначал-Прадеш, будут разобраны ниже, в параграфе, посвященном этническим процессам у малых народов Индии. Здесь мы коснемся

акратце лишь положения в двух сопредельных небольших штатах — Трипуре и Манипуре.

Основным населением Трипуры являются бенгальцы, тибето-бирманоязычные племена составляют меньшинство населения. В общем направление этнических процессов здесь то же, что и в Западном Бенгале: до 1947 г. это был единый этнический массив, и хотя Трипура ныне отрезана от Западного Бенгала границами Бангладеш, через бенгальское население Ассама она все же связана с Западным Бенгалом определенной этноязыковой непрерывностью.

Манипуры (или мейтхен), составляющие большинство населения штата Манипур, представляют собой довольно консолидированное единство. В штате употребляется язык манипури (тибето-бирманской семьи), так же как и ассамский, пользующийся бенгальской графикой. Постепенно тенденция к сближению с манипурами передается и ряду других племен, населяющих горные области штата.

Народы Сиккима

В 1975 г. Сикким — княжество, расположенное в Восточных Гималаях, на южном склоне Больших Гималаев у восточной границы Непала, находившееся под протекторатом Индии, вошло в состав Индии в качестве одного из штатов Республики. Наследственная верховная власть правителя (чогьяла) Сиккима была ликвидирована.

Территория этого штата очень невелика — всего 7,3 тыс. кв. км, численность населения — свыше 160 тыс. (по переписи Индии 1961 г.)⁴⁹.

В Сиккиме в сельской местности живет 155,4 тыс., т. е. 95,8% населения, а в городах — 6,8 тыс., т. е. 4,2% населения.

В большей части деревень Сиккима живет по 150—350 человек, крупных деревень мало. Деревня в Сиккиме до известной степени понятие относительное — здесь распространены хозяйства хуторского типа, которые объединяются границами административных единиц, условно именуемых деревнями. Главным городом штата является Гангток, где живет около 13 тыс. человек⁵⁰. Есть там еще три-четыре маленьких городка с числом жителей не больше 2 тыс. человек в каждом.

По своей этнолингвистической принадлежности население штата делится на две группы: носителей тибето-бирманских и индоарийских языков.

К первой группе принадлежит коренное население Сиккима. На сиккимском языке, называемом также сикким-бхотия, говорит около 37 тыс. человек, на других диалектах бхотия — около 30 тыс., следующей по численности является группа, говорящая на языке лепча, — около 15 тыс., за ними следуют лимбу — около 5 тыс. и шерпа — 4 тыс.⁵¹.

Ко второй группе, по данным переписи 1961 г., относится около 75 тыс. человек, говорящих на языке непали (это главным образом гуркхи из Непала), а также около 3 тыс. выходцев из Индии, говорящих в основном на хинди (свыше 1,5 тыс.), раджастхани — главным образом на одном из его диалектов — марвари (свыше 0,5 тыс.) и бенгали (около 0,5 тыс.). По данным книги А. Празаускаса «Бутан. Сикким», число лепча достигает 30 тыс., тибетцев — 4 тыс. К носителям тибето-бирманских языков автор относит также значительное число выходцев из Непала. Общее число жителей Сиккима по оценке на 1967 г. равняется 183 тыс. человек.

По сравнению с данными 1911 г. число носителей языка сикким-бхотия возросло примерно в 3,5 раза, число выходцев из Непала — почти в 3 раза, число лепча — вдвое, тогда как численность всех других народов упала. Это говорит о протекавшем за эти годы движении населения из Непала в Сикким и о процессе частичного заселения непальцами земель княжества. Многие представители коренных жителей Сиккима постепенно перебрались в Тибет, некоторые спустились с гор в район Дарджилинга (северный округ индийского штата Западная Бенгалия).

В 1947—1949 гг., после освобождения Индии от колониальной зависимости и изгнания английских колонизаторов, в Сиккиме начались народные движения и стали возникать политические партии. В 1950 г. в Сикким был назначен индийский министр-советник, затем в декабре того же года был подписан договор, юридически оформивший установление индийского протектората над Сиккимом.

Во время проведения всеиндийских переписей населения Сикким включался в них в раздел «Территории центрального подчинения и другие районы». Но в 1973 г. политический статус Сиккима изменился — это княжество стало «ассоциированным штатом Индии», а в 1975 г. было включено как штат в Индийский Союз.

До начала 70-х годов в Сиккиме существовало несколько партий, крупнейшей из которых был Сиккимский государственный конгресс, представлявший в основном интересы непальской части населения штата. Национальные интересы коренных народов страны — лепча, бхотия и лимбу — представляла Сиккимская национальная партия.

В период протектората в политике этих двух основных партий отражалась борьба между представителями знати главных национальных групп населения за влияние на махараджу, за занятие государственных должностей, за привилегии во владении землей и за упрочение позиций в торговле. Широкие массы трудящегося населения, особенно из числа местных народов, были крайне слабо втянуты в процесс национальной консолидации и в политической борьбе почти не участвовали.

Хотя в течение длительного времени государственной религией Сиккима был буддизм, индуизм сейчас распространен там шире — его исповедуют около 109 тыс. человек, т. е. свыше 67% населения⁵². Поэтому в Сиккиме широко известен институт каст, и значительную часть его населения перепись 1961 г. относит к числу зарегистрированных (или «низких») племен и каст. Последние составляют около 4,5%, а племена — около 23% населения, причем из племен состоит около 37% городского населения. Эти две последние цифры говорят о том, что к числу «низких» каст и племен индусы, пришедшие сюда в своем подавляющем большинстве из Непала, относят почти все местное население Сиккима, которое не исповедовало до этого индуизма и кастового деления не придерживалось.

Интересы «низких» каст и племен Сиккима представляли такие партии, как «Сватантра», Лига отсталых каст и другие, но их социальная база была совсем незначительна.

Что касается образования, то по традиции буддисты, имеющие материальный достаток, посылают своих детей в школы при монастырях, где они обучаются грамоте под руководством лам, преподающих им также и основы религии, а во многих семьях высококастовых индусов детей обучает домашний жрец. Только небольшое число (не более 15 тыс.) детей ходит в школу. Первые школы в Сиккиме стали функционировать в 20-х годах⁵³.

В стране насчитывается немногим более 160 начальных и средних школ, где преподавание ведется на английском и частично тибетском языках. По данным переписи Индии 1961 г., грамотные люди в Сиккиме составляют всего 12,5% населения (мужчин — 19,6%, женщин — 4,3%).

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СРЕДИ КРУПНЕЙШИХ НАРОДОВ ИНДИИ

Как видно из изложенного выше, этническое развитие крупнейших народов Индии неодинаково, но тенденции повсюду преобладают одни и те же: консолидация в нацию в пределах штата, иногда уже завершенная основной массой населения и продолжаемая ассимиляцией племен и иноязычных групп, как в Бенгалии, иногда же только намечающаяся, как в Ориссе или Карнатаке. Большая роль в этом процессе принадлежит средствам массовой коммуникации — прессе, литературе, радиовещанию и кино. В той или иной мере эти средства на местных языках действуют во всех национальных штатах, но уровень их развития неодинаков и находится в прямом соответствии с уровнем этнической консолидации основной национальности данного штата. «Национальными штатами» мы называем здесь индоарийскоязычные — Панджаб, Раджастхан, Гуджарат,

Махараштру, Западную Бенгалию, Ассам и Ориссу, тибето-бирманоязычные — Манипур, Нагаленд и дравидоязычные — Андхра-Прадеш, Карнатак, Кералу и Тамилнаду. Во всех этих штатах имеются господствующий язык и преобладающий этнос, на основе которых идут процессы консолидации. В штате Джамму и Кашмир процессы эти двусоставные, как и само название штата.

Еще не определились четко процессы этнического развития в многоплеменных штатах и территориях, таких, как Мегхалая, Аруначал, Мизорам. В хиндиязычном поясе, где сосредоточено около трети населения всей страны, пока что разделяющие процессы преобладают над объединяющими.

Специфика Индии в том и состоит, что именно этот скорее дифференцирующийся, нежели интегрирующийся, пояс служит осью наднациональной, суперэтнической, общендийской интеграции.

На уровне высших сфер культуры, в специальном образовании, науке, технологии функции межнационального общения выполняет английский язык, на уровне низших сфер культуры, в области бытового, «улично-рыночного» общения — очень упрощенный и обедненный вариант хинди (или хиндустани, или хирду; выше говорилось о терминах, обозначающих этот язык). Близок к этому языку очень простой и демократичный, насыщенный любыми заимствованиями язык хиндиязычного кино, который доминирует на индийских экранах. Этот язык функционирует от Кашмира до Манипура включительно. Лишь на дравидийском юге, в особенности в Керале и Тамилнаду, он еще не получил большого распространения. Что же касается «средних» сфер культуры — начального и среднего образования, народной драмы, популярной художественной литературы, то здесь общий язык-посредник пока отсутствует.

Общендийское единство осознается, разумеется, как политическая реальность, общность судеб, культуры, восходящая к единству южноазиатской историко-этнографической провинции. Что же касается выработки общей системы ценностных ориентаций и общего объема художественно-культурных достижений, то это в основном остается делом будущего (хотя в этом направлении уже сейчас можно отметить ряд действующих тенденций).

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У МАЛЫХ НАРОДОВ ИНДИИ

Этнический состав населения Индии характеризуется наличием своеобразных групп народов, известных в индийской литературе под многими названиями: араньяка (лесные люди), ванаваши (жители лесов), ваньяджати (лесные народы), адиваси (первозасельщики) и др.⁵⁴

До настоящего времени эти народы частично сохранили свою этническую обособленность, выражающуюся в своеобразии материальной и духовной культуры, в консервации в сильной степени пережитков родо-племенных отношений. Вместе с этими пережитками в их социальном строе сочетается ряд элементов феодальных и зарождающихся капиталистических отношений. Они очень отстали по сравнению с другими индийскими народами и почти все рассматриваются как потомки аборигенного населения Индии. Для большинства их характерно наличие в разной мере остатков древних верований. Наконец, они не полностью охвачены и так называемым процессом индунизации, включая и кастовую систему⁵⁵.

В статье 303-В Конституции Индии большинство из них занесено в особый список, в соответствии с которым они и называются зарегистрированные племена (*scheduled tribes*). Этот список был составлен в целях проведения среди этой части населения определенных социально-экономических и культурных преобразований. Статья 46 Конституции Индии предусматривает содействие наиболее слабым группам народа, в частности зарегистрированным кастам и зарегистрированным племенам в области образования и экономики и защиту их от социальной несправедливости и всех форм эксплуатации⁵⁶.

Термин «зарегистрированные племена» весьма условен. До сих пор окончательно не установлен критерий, по которому тот или иной народ должен быть отнесен к этой категории. В основном в этот список были внесены те группы, которые в переписи 1931 г. попали под рубрику так называемых отсталых классов (*backward classes*). В категорию зарегистрированных племен были включены также «бывшие криминальные племена» (*ex-criminal tribes*), в число занятий которых до недавнего времени входили и такие, как угон скота, кража зерна, разбой и др. К этим «племенам» относятся группы бавари, бхаты, хабура, карвал, мина, банджара, канджары и ряд других⁵⁷.

В советской этнографической литературе принят другой термин для обозначения так называемых племен — «малые народы». Он также не лишен условности, ибо в него наряду с действительно малочисленными народами (андаманцами, тода, кадарам и др.) включены бхилы, санталы, гонды, насчитывающие по несколько миллионов человек.

Географически можно выделить три основные зоны расселения малых народов: северо-восточную, центральную и южную. Первая включает районы штатов Западная Бенгалия, Ассам, Манипур, Трипура, Мегхалая, Нагаленд и Союзных территорий — Мизорам и Аруначал-Прадеш. Здесь проживают такие народы, как нага, гаро, мизо (лушен), микир, дафла, абор, манипури, трипура, кхаси, лепча и др. Подавляющая масса населения этой области говорит на языках китайско-тибетской языковой семьи, тибето-бирманская группа которой пред-

ставлена здесь двумя ветвями — ассамо-бирманской (бодо, кукичин, нага, микир) и северо-ассамской (народы северного горного Ассама). Исключение составляет язык кхаси, принадлежащий к мон-кхмерской языковой семье. Антропологически большинство из этих народов можно отнести к мезодолихоцефальным южномонголоидным популяциям восточногогималайского типа. Для них характерно сочетание следующих расовых признаков: прямые, часто тугие волосы, пониженное развитие третичного волосяного покрова, плоское лицо с выступающими скулами, большей частью низкое или среднее переносье, сильно развитая складка верхнего века, нередко выраженный эпикантус⁵⁸.

Центральная область расселения малых народов, начинающаяся от штата Раджастан, захватывает штаты Гуджарат и Махараштра и через Мадхья-Прадеш тянется до Бихара и Ориссы включительно. Здесь проживают такие народы, как бхилы, мины, сахария, гонды, коли, санталы, мунда, хо, ораоны, мария, кхария, кхонды, бирхоры, байга, савара и др. Лингвистически народы этой области подразделяются на две группы — мундаязычные и дравидоязычные, за исключением бхиллов и близких к ним народов на западе, говорящих на диалектах индоарийских языков этого региона. Антропологически в основной своей массе они принадлежат к веддоидному типу австралоидной или экваториальной расы, который характеризуется следующими признаками: узковолнистые черные волосы, карие глаза, сравнительно темная кожа коричневых оттенков, умеренный третичный волосяной покров, небольшие абсолютные размеры лица, широкий нос, тенденция к альвеолярному прогнатизму, сильное развитие наружной слизистой оболочки губ. Веддоидные особенности у этих народов сочетаются с долихоцефалией и ростом ниже среднего⁵⁹.

К народам третьей, южной, области относятся ченчу, курумба, тода, бадага, кота, канникары (малаведан), паниян, мудувары, маласары, ирула, урала, куруманы и т. д. Эти народы говорят на различных диалектах дравидийских языков. Так, например, язык канникаров, живущих в округе Тирунелвели (Тамилнад) и вблизи Тривандрума (Керала), — смесь тамили и малайалам. Местное название этого наречия — «малампачан»⁶⁰.

В антропологическом отношении малые народы являются наиболее типичными представителями веддоидного типа, за исключением, пожалуй, тода гор Нильгири, представляющих особый тип, выделяющий их из окружающих народов.

Кроме этих трех больших областей отдельные группы малых народов расселены в других частях страны. К малым народам относится коренное население Андаманских и Никобарских островов, жители горных округов штатов Пенджаб и Уттар-Прадеш — гадди, бхоты, гуджары, киннауры и др.

По переписи 1961 г., общая численность только одних за-

регистрированных племен составляет около 30 млн. (6,7% всего населения страны), практически каждый 15-й гражданин Индии принадлежит к зарегистрированным племенам. На долю зарегистрированных каст приходится 14,71% населения страны (64,5 млн.)⁶¹.

В ряде штатов зарегистрированные племена составляют значительный процент населения: в Ориссе — 24, в Ассаме — 17, в Гуджарате — 13,4, в Бихаре — 9,5. До образования в 1960 г. штата Нагаленд 93,09% его населения относилось к зарегистрированным племенам, после 1960 г. оно перестало числиться под этой рубрикой в официальных документах.

Высок процент зарегистрированных племен во многих так называемых Союзных территориях, или территориях центрального подчинения — Аруначал-Прадеш — 88,6, в Дадра и Натар Хавели — 88,4 и т. п.

Кроме того, в отдельных штатах существуют районы, где подавляющую часть населения составляют малые народы, например округ Джхабуа (Мадхья-Прадеш) — 90%, Ранчи — 61,6, Сингхбхум — 47,3, Парганы Санталов — 38,2% (Бихар).

Численность отдельных малых народов колеблется от нескольких сотен человек (кадары, тода, ченчу, байга) до нескольких миллионов (гонды, санталы, бхилы).

У малых народов Индии не существует единой религии, хотя переписи населения и другие официальные источники нередко выделяют верования этих народов в особую графу так называемых племенных религий. Это объединение служит лишь для того, чтобы отделить малые народы от таких религиозных общин, как индусы и мусульмане. В отличие от последних мы имеем здесь дело не с одной религией, а с целым комплексом разнородных верований. У малых народов мы находим следы древней формы религий — тотемизма. Широко у них развиты анимистические представления, которые тесно переплетаются с многочисленными культами, существовавшими с древних времен: культом солнца, богинь-матерей, предков и др. Наряду с этим многие малые народы в наши дни почитают богов индуистского пантеона и отмечают основные индуистские праздники.

В настоящее время религии малых народов носят черты явного синкретизма религий окружающих крупных индуистских народов и древних племенных верований, что отражает сложный процесс исторического развития этих народов. В религиозной практике малых народов многие обряды индуизма подверглись значительной переработке. Это позволяет говорить о том, что многие малые народы исповедуют так называемый народный индуизм, широко распространенный у низкокастовых индусов и во многом отличающийся от ортодоксального индуизма высших каст.

Основная масса адиваси с принятием индуизма пополняет

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ПЛЕМЕН ПО ШТАТАМ
(по переписи 1971 г.)*

Штаты и Союзные территории	Население	
	Всего штата, тыс.	Зарегистрированных племен, тыс.
Штаты		
Андрха-Прадеш	43,502	1,657
Ассам	14,625	1,606
Бихар	56,353	4,932
Гуджарат	26,697	3,734
Хариана	10,036	—
Химачал-Прадеш	3,460	141
Джамму и Кашмир	4,616	—
Керала	21,347	269
Мадхья-Прадеш	41,654	8,387
Махараштра	50,412	2,954
Манипур	1,072	334
Мегхала	1,011	814
Майсур	29,299	231
Нагаленд	516	457
Орисса	21,944	5,071
Панджаб	13,551	—
Раджастан	25,765	3,125
Тамилнад	41,199	311
Трипура	1,555	450
Уттар-Прадеш	88,341	198
Западная Бенгалия	44,312	2,532
Союзные территории		
Андаманские и Никобарские острова	115	18
Аруначал-Прадеш	467	369
Чандигарх	257	—
Дадра и Нагар Хавели	74	64
Дели	4,065	—
Гоа, Даман и Диу	857	7
Лаккадивы, Миникой и Аминдивские острова	31	29
Мизорам	332	313
Пондишери	471	—
Всего	547 949 809	380 015 162

* О численности отдельных племен пока нет полных данных, поэтому в работе при характеристике отдельных народов использованы данные переписи 1961 г.

ряды низкокастовых индусов. Одновременно у некоторых группы мы наблюдаем четко выраженную тенденцию повысить свой социальный статус. Так, изучение двух больших пригималайских народов — тхару и кхасов показало, что наиболее влиятельная верхушка этих народов с переходом в индуизм пытается перенять как образ жизни, так и религиозные нормы раджпутов и брахманов равнин (доктрину кармы, индусскую концепцию осквернения и очищения, праздничную обрядность и т. п.), при этом они переняли основные подкастовые наименования своих индусских соседей и стремятся установить с ними брачные связи⁶².

Такие народы, как черо, кхарвары и пахария округа Паламау, бхумиджи округа Бирбхум (Западная Бенгалия), раджгонды штата Мадхья-Прадеш, с принятием индуизма также стремятся изменить свой образ жизни, усвоив формы индуизма, распространенные в среде воинских (кшатрийских) каст. В 1935 г. была организована ассоциация «Бхумидж кшатрия», поставившая своей задачей приобщение бхумиджей к кшатрийским кастам. В принятом ею меморандуме было заявлено, что бхумиджи — потомки воинов раджпутов. Делались попытки найти подтверждение этому в преданиях племени⁶³. Подобный процесс наблюдается и у многих других малых народов.

Большое влияние на изменение образа жизни некоторых малых народов оказало распространение в их среде христианства. Первыми народами, среди которых начали свою деятельность христианские миссионеры, были кхаси Ассама (1813 г.), ораоны Чхотанагпура (1850 г.) и бхилы Мадхья-Прадеша (1880 г.)⁶⁴. В настоящее время, по приблизительным подсчетам, 10—15% всех христиан Индии приходится на адиваси⁶⁵. Процесс обращения в христианство малых народов шел неравномерно, но среди некоторых из них процент христиан очень высок. Так, 88,6% мизо, 50% кхаси и около 30% гаро — христиане. У разных групп нага христиане составляют от 50 до 80%⁶⁶. В Бихаре, например, христианизировано 10,5% всех адиваси штата. Наиболее высокий процент христиан в этом штате у кхария (64,4), мунда (26,3) и ораонов (23,8)⁶⁷. Значительна также христианизация народов штатов Нагаленд и Манипур. В Импхале — столице штата Манипур миссионеры имеют даже высшую школу, больницы. Большинство ао-нага обращены в христианство. Баптистская христианская конвенция нага организована в 14 племенных ассоциациях, в штате имеются 633 церкви с общим количеством прихожан 73 тыс.⁶⁸.

Христиане из малых народов по культуре и быту стоят ближе ко всей общине индийских христиан, нежели к своим соплеменникам. Все основные обряды (наречения имени, свадебный, похоронный и т. п.) проводит священник в соответствии с догматами христианской церкви. Часто в деревне у адиваси-христиан имеется своя организация — католический союз (сабха),

свое кооперативное кредитное общество и т. п. Нередко внутри одного народа образуются этноконфессиональные группы. Например, у ораонов имеются две группы: саон-сар ораон, т. е. те, которые придерживаются своих традиционных верований, и ораоны-христиане (они делятся на католиков и лютеран), и «тана бхагаты» — последователи основателя религиозно-реформаторского движения Тана Бхагата. Члены каждой группы считают свое положение более высоким и поэтому предпочитают не устанавливать между представителями разных групп брачных связей, избегают приема пищи из рук друг друга⁶⁹.

Это можно наблюдать на примере бхиллов. Здесь мы имеем три секции — бхиллы-бхагаты, последователи различных бхагатистских сект, исповедующие индуизм вишнуистского толка; «обычные» бхиллы, поклоняющиеся своим богам, и бхиллы-христиане. Наиболее высокое место занимают бхиллы-бхагаты. По образцу высоких индусских каст они не вступают в брак с другими группами, не принимают от них воду и пищу; «обычные» бхиллы принимают пищу из рук бхагатов, но не берут от христиан; в свою очередь, христиане принимают воду и пищу из рук бхагатов и «обычных» бхиллов, поскольку христианская религия не налагает на это каких-либо запретов⁷⁰.

Кроме того, имеется небольшое число малых народов, исповедующих ислам и буддизм (ламаистского толка).

В хозяйственно-культурном отношении малые народы не представляют единого целого. Зачастую представители одной этнической общности принадлежат к разным хозяйственно-культурным типам. Можно выделить три основных хозяйственно-культурных типа. Первый — охотники и лесные собиратели. Он сохранился в пережиточной форме у многих народов адиваси, но в наиболее характерном виде у южноиндийских народов (курumba, ченчу, маласаров, кадаров, мудуваров, паллиян), у малых народов Центральной Индии (утхлу, бирхоров, джуанг), некоторых групп гондов (мария, муриа), некоторых групп кхария и др. Народы этой группы, пожалуй, самые отсталые в хозяйственном отношении.

Второй тип представлен ручными земледельцами. Так, подсечно-огневое земледелие до настоящего времени составляет основу хозяйства малых народов. Нередко оно сопровождается охотой и собирательством и известно под разными названиями: «курми» у нага, «джхумин» или «курао» в Центральной Индии и Ассаме, «поду» на юге, «валар» на западе. В наши дни в наиболее чистом виде этот тип сохранился у кхария, мал-пахария, асуров, саурия-пахария, в некоторых группах нага, мудуваров, канникаров, куруманов и улладан. Как известно, подсечно-огневая форма земледелия влечет за собой необходимость частых переходов с одного места на другое и практикуется, как правило, в труднодоступных горно-лесных районах, что в известной мере способствует изоляции этой группы народов от

окружающего населения и затрудняет ассимиляционные процессы.

Подсечно-огневой способ земледелия приводит к гибели лесов и быстрому истощению почв, поэтому правительство Индии заинтересовано в скорейшем переводе этих групп населения на более совершенные формы земледелия.

Третий тип — террасная форма ручного земледелия распространена в основном у народов Ассама: у некоторых групп нага, гаро, а на юге Индии — у бадага. Многие народы перешли к пашенному земледелию — мунда, санталы, хо, бхилы и гонды. Переход от подсечно-огневого к пашенному земледелию сопровождается образованием постоянных поселений, усилением контактов с более развитым экономически и культурно окружающим населением, что зачастую убыстряет процесс ассимиляции. В настоящее время переход к пашенному земледелию ускорился.

Некоторые народы занимаются преимущественно скотоводством. В чистом виде оно представлено у тода, специализирующихся на разведении молочной породы буйволов.

Гуджары, бхадрава и гадди Химачал-Прадеша, а также некоторые малые народы, живущие на южных склонах Гималаев, занимаются отгонным скотоводством, разводят преимущественно коз, овец и буйволов. Полукошачьи рабари Гуджарата и дхангары Махараштры также разводят мелкий рогатый скот. Кроме того, существуют народы, в хозяйстве которых наряду со скотоводством большое место занимает и земледелие. Таковы, например, бхотия, проживающие на севере штатов Уттар-Прадеш и Западная Бенгалия.

Почти у всех малых народов существуют свои традиционные ремесла: ткачество, плетение из бамбука, джута, тростника, изготовление глиняной посуды, предметов хозяйства и быта, кузнечные ремесла.

Малым народам Индии помимо антропологического, лингвистического или хозяйственно-культурного разнообразия свойственна ярко выраженная многоукладность (даже на фоне индийской действительности). Пестрота социально-экономических отношений у этих народов проявляется в том, что у них и в настоящее время, с одной стороны, существуют элементы первобытнообщинных и феодальных отношений, а с другой — все они в той или иной степени втянуты в общее капиталистическое развитие страны.

Почти у всех адиваси сохранились пережитки родо-племенных отношений. До сих пор у таких народов, как бхилы, гонды, мунда, санталы, хо и ряд других, существует подразделение на роды, причем многие обряды и запреты носят у них тотемистический характер.

Несмотря на то что в наши дни род утратил свое бывшее хозяйственное значение, его роль в некоторых сферах общест-

венной жизни (особенно семейно-брачной) еще достаточно активна. В жизни малых народов все еще велико значение целого ряда обычаев, характерных для первобытнообщинного строя. До сих пор у многих из них сохраняются священные рощи, где обитают, по их представлениям, духи — покровители племени или рода. Каждый малый народ, живущий в одной деревне, имеет особое место для захоронения умерших. У многих народов Чхотанагпура (ораонов, мунда, асуров), у нага Ассама, мудуваров Южной Индии сохранились дома неженатой молодежи (гхотул у мария, гондов, дхумкурия у ораонов, гитнора у мунда и асуров, морунг у нага). Это своеобразный клуб, своего рода информационный центр, где молодые люди могут обмениваться последними новостями общины, где они узнают историю и предания своего народа, усваивают его обычаи и законы, знакомятся с основными приемами охоты, земледелия и ремесла. У мария Бастара есть отдельные дома для юношей (челик) и девушек (мотиарии).

В настоящее время у каждого из малых народов почти не встречается деревень, населенных членами какого-то одного рода или нескольких родов. Обычно в деревне адиваси живут представители разных родов и разных этнических общностей. Зачастую здесь же находятся и представители «неплеменного населения». И хотя родовые связи в наши дни еще достаточно крепки, общину малых народов можно отнести к соседскому типу. Происходит постепенное разложение рода в рамках соседской общины.

Основной хозяйственной ячейкой становится малая семья. Принадлежащие общине земли фактически разделяются между отдельными семьями и передаются по наследству.

Внутренняя общинная организация у малых народов следующая: в каждой деревне имеется выборный совет — грам-панчайт, а также староста, жрец. Помимо этого функционируют традиционные панчайты, решающие в основном вопросы, входящие в юрисдикцию обычного права. Если деревня населена представителями нескольких этнических общностей, то каждая имеет свой панчайт; помимо общедеревенского грам-панчаята у некоторых народов существуют панчайты, объединяющие несколько деревень (например, у санталов, мунда Южного Бихара). Это пережиточная форма древнего панчаята всего племени.

Почти все малые народы (особенно Западной и Центральной Индии) уже давно втянуты в хозяйственные отношения с окружающими их другими народами. Например, адиваси чаще всего выступают в роли арендаторов (издольщиков) в хозяйствах помещиков, представителей крупных народов, или работают батраками в кулацких хозяйствах.

Общее капиталистическое развитие Индии не могло не отразиться на экономике и социальной структуре малых народов

Индии. С первых десятилетий XX в. у малых народов начинается процесс постепенного разложения натурального хозяйства и превращения его в товарное. Неравномерность социально-экономического развития малых народов приводит к различному уровню их этнического развития.

Следствием проникновения капиталистических отношений в экономику малых народов является массовое обезземеливание общинников в результате классовой дифференциации крестьянства. Свыше 20% адиваси вообще не имеют земли⁷¹. С каждым годом растет число сельскохозяйственных рабочих, увеличивается процент батраков-адиваси, работающих на чужих хозяйствах и чайных плантациях, рабочих-отходников на лесоразработках, в горнодобывающей промышленности, на промышленных предприятиях и т. д.

Зачастую трудно определить, к какому типу этнической общности относится тот или иной народ. Однако совершенно очевидно, что ни один из описываемых этносов, которые многие зарубежные исследователи называют племенами, уже давно не представляет собой племя в его классическом виде. Лишь весьма условно и с большими оговорками мы можем говорить об этнических общностях бирхоров, джуангов, шомпенов и некоторых других как о «племенах», имея в виду крайне низкий уровень их экономического и культурного развития и наличие сильных пережитков родо-племенных отношений.

Отдельные этносы (особенно разобщенные территориально) с течением времени переходят на язык своих более крупных и развитых соседей, перенимают их культурно-бытовые особенности и постепенно превращаются в этнографические группы этих крупных народов. Например, бхилы, живущие на большой территории, давно утратили собственный язык и в настоящее время говорят на диалектах индоарийских языков своих соседей и практически на наших глазах становятся этнографическими группами раджастханцев, гуджаратцев и маратхов.

Этническое или национальное самосознание у отдельных малых народов развито неодинаково. Это объясняется многими факторами исторического, экономического и географического характера.

Наиболее сильно национальное самосознание развито, пожалуй, у нага. Это вызвано прежде всего компактным расселением нага, наличием общей территории, затем существованием издавна тесных экономических связей (определенное развитие получили торговые отношения, сложились постоянные центры обмена, еженедельные базары и т. п.) между отдельными группами нага. В силу этого, несмотря на различие уровня социально-экономического развития у отдельных групп нага, их национальное самосознание достигло довольно высокой степени.

Высокого уровня национальное сознание достигло также у народов Чхотанагпура — мунда, ораонов и хо. Объяснение этому

можно найти опять же в компактном расселении, а также в том, что здесь находятся наиболее развитые в промышленном отношении горнорудные районы, значительную часть пролетариата которых составляют выходцы из народов этой группы. Здесь мы имеем все основания говорить о втягивании этих народов в орбиту развития капиталистических отношений.

У бхилов же, которые не имеют общей территории расселения и живут отдельными очагами среди крупных народов и экономически теснее связаны с последними, а не между собой, национальное самосознание не получило широкого развития. Эта разница в уровнях национального самосознания обусловила и различную степень развития движений за национальную автономию, как мы увидим дальше.

Этническая история малых народов уходит в глубокую древность. Многочисленные памятники древнеиндийской литературы донесли до нас сведения о столкновении арьев с неарийскими племенами, называвшимися в «Ригведе» «дася». В «Рамаяне» и «Махабхарате» упоминается ряд названий племен, часть которых можно связать с наименованиями современных малых народов: сабара или саора — с современным народом савара, асуры связываются с современными асурами — одним из народов группы мунда и т. д.⁷²

В период средневековой раздробленности многие из этих племен жили на территории разных государственных образований, находясь подчас в чисто номинальной зависимости от правящих династий. Больше того, в трудах некоторых исследователей упоминается, что в этот период у племен были раннегосударственные образования (бхильские княжества X—XIV вв. в районе современного Ахмадабада, гондские княжества в Гархе, Деогархе, Чанде, просуществовавшие вплоть до XVII в.)⁷³, княжество Черо в Паламау и Шахабаде, история которого прослеживается до XVIII в.

В древнейший период и в период средневековья многие аборигенные племена подверглись ассимиляции. Часть их была ассимилирована различными народами, мигрировавшими на протяжении этих длительных периодов в Индию, другая же часть, испытав большое влияние пришедших народов, тем не менее сохранила свою этническую обособленность.

Ко времени английского завоевания «племенной мир» не представлял единства в социально-экономическом и культурном отношении. Ряд народов находился на стадии родо-племенной организации, у других еще задолго до прихода англичан существовали, как упоминалось выше, раннеклассовые феодальные образования (бхилов, гондов, черо, мунда, некоторых народов Ассама — кхаси, нага, чинов).

Колониальная политика англичан в районах обитания племен была направлена на их изоляцию от остального населения страны. Территории, на которых проживали малые народы, были

выделены в так называемые исключенные и полукисключенные области (excluded and semi excluded areas). В основу этой политики был положен так называемый принцип невмешательства, заключавшийся в том, что английские власти не вмешивались во взаимоотношения между племенами и местными индийскими правителями. Подобная политика исключенности и сегрегации отделяла малые народы от политической и экономической жизни страны, сдерживала их развитие. В то же время она не ограждала малые народы от эксплуатации со стороны помещиков и ростовщиков, главным образом представителей окружающих крупных народов.

Тяжело отразилось на экономике племен принятие в 60-х годах XIX в. закона, запрещавшего подсечно-огневое земледение с целью сохранения лесов. Эта мера, сама по себе прогрессивная, лишала племена основного источника существования. К тому же люди из племен сгонялись с земель, которые захватывали местные феодалы.

Обезземеливание малых народов сопровождалось хищнической эксплуатацией со стороны местных заминдаров и ростовщиков и колониальных чиновников. Малые народы, сохранившие множество пережитков общинно-родового строя, экономически оказались беззащитными перед наступлением ростовщиков и феодалов, которые с ведома и согласия английской верховной власти отесняли их в горы и леса, лишая прав на исконные родовые земли. Племена отвечали восстаниями. В начале XIX в. по всей Индии прокатилась волна восстаний племен (восстание мунда и ораонов в 1820 г.; хо в Чхотанагпуре в 1831—1832 гг., бхиллов в Хандеше в 1818—1831 гг., коли в 1824 и 1839 гг.). В 1855—1858 гг. в Бихаре восстали санталы, выступавшие против засилья местных помещиков, против беззастенчивых вымогательств и насилия со стороны сборщиков налогов и полиции. Основным лозунгом восставших стал призыв к освобождению земель санталов от притеснителей всех видов — помещиков и чиновников, торговцев и ростовщиков, от всех богачей-бенгальцев. Это движение пользовалось также поддержкой наиболее угнетенных слоев интонационального населения окружающих областей (особенно низких и неприкасаемых каст бенгальцев)⁷⁴.

В 1857—1859 гг. в Индии разгорелось Национальное восстание, в котором наряду с другими народами Индии участвовали и малые народы — санталы, кхарвары, коли, наика, хо, черо, мунда и койя.

В 1858—1859 гг. у народов мунда проходило движение, получившее название «сардар ларай», т. е. «война вождей». Инициаторами его были несколько мунда-христиан, получивших образование в школе евангелистской лютеранской миссии в Чхотанагпуре. Движение началось как протест против непосильного налогового бремени и всех форм помещичьей эксплуа-

тации. В 80-е годы выдвигается требование установить правление мунда в Чхотанагпуре. В петиции британскому правительству, датированной 25 марта 1899 г., руководители движения заявляли, что Чхотанагпур принадлежит мунда. С 1890 г. в «сардар ларай» начинает все яснее звучать протест против европейцев — чиновников и миссионеров, «подкупленных заминдарами»⁷⁵. Следует отметить, что, несмотря на продолжительный характер и актуальные лозунги, руководители движения не смогли организовать борьбы широких народных масс и придать ей боевой характер. Оно так и осталось на стадии петиций и меморандумов правительству, составляемых небольшой группой образованных мунда-христиан.

В конце XIX — начале XX в. целый ряд волнений и движений возникал среди малых народов, они часто носили реформаторско-религиозный характер и известны под названием бхагатистских. Наиболее значительными были движения Бирсы Мунда среди мунда и ораонов (в 1895—1900 гг.), Говинда Гири у бхиллов (в 1900—1912 гг.), Тана Бхагата у ораонов (в 1926 г.), Сафа Хор у санталов, названные так по именам руководителей. Эти движения преследовали не только экономические, но и политические цели. Одновременно с религиозно-реформаторскими лозунгами выдвигались требования освобождения племенных районов от засилья заминдаров и ростовщиков и шла борьба против иностранных миссионеров и английских чиновников. И хотя, как правило, эти движения в конечном итоге подавлялись, результатом их были консолидация малых народов и дальнейшее развитие этнического самосознания.

Так, начавшееся у ораонов после первой мировой войны движение Тана Бхагата сперва носило религиозно-реформаторский характер, а затем, когда его лидеры установили контакты с руководителями Национального конгресса в Чхотанагпуре, оно приобрело политическую окраску.

В последующее время, вплоть до достижения Индией независимости, малые народы продолжали борьбу за свои права, включившись в общеиндийское движение против английского господства, за образование лингвистических провинций. Здесь можно назвать движение Хари Баба у хо (в 1930 г.), проходившее под лозунгом «Нет больше англичан, победу Ганди!», и движение 30-х годов среди кача нага за свержение британского правления. Оно получило название Рани Гуидилие — по имени одной из его активных участниц⁷⁶. В своем выступлении Дж. Неру назвал Рани Гуидилие одним из активных борцов за освобождение Индии. По всей Индии и большие и малые народы включались в общую борьбу против английского господства.

Для того чтобы изолировать малые народы от растущего национально-освободительного движения, в 1935 г. территории адиваси были преобразованы в «территории, полностью или

частично исключенные» из-под юрисдикции провинциальных (конгрессиетских, как правило) правительств.

После достижения Индией независимости административно-политическая реформа 1956 г. явилась одним из первых шагов в решении национального вопроса в стране. Однако проведение в жизнь лингвистического принципа при образовании новых штатов не всегда было последовательным. В отдельные штаты выделили области расселения крупных народов, а часть областей была выделена в Союзные территории, управляемые центральным правительством (Манипур, Трипура, Химачал-Прадеш, Андаманские и Никобарские острова и др.). Таким образом, малым народам снова не была предоставлена национальная автономия. Они продолжали жить на территории расселения крупных народов, и зачастую области их обитания были по-прежнему разорваны между несколькими штатами (бхилы и теперь живут в четырех штатах, санталы — в трех, гонды — в двух и т. п.).

На подъеме движения среди малых народов за предоставление национальной автономии самое существенное влияние оказало зарождение у них капиталистических отношений в связи с втягиванием их в экономическую жизнь крупных народов. В настоящее время уже нельзя говорить об изолированности малых народов, о существовании некоего замкнутого «племенного мира». Выходцы из малых народов пополняют в значительной мере контингент сельскохозяйственных и промышленных рабочих, многие из них работают в городах в сфере обслуживания. На чайных плантациях Ассама, Западной Бенгалии и Трипуры работают в основном выходцы из зарегистрированных племен — санталы, мунда, ораоны, кхариа, кхонды, кисан, на юге Индии (Нильгири, Малабар) — выходцы из зарегистрированных каст и в меньшей степени из племен. И хотя и сейчас основным занятием населения племенных районов остается земледелие, около 12,5% занято вне сферы сельскохозяйственного производства⁷⁷.

Выходцы из малых народов работают на угольных, марганцевых и слюдяных шахтах Бихара, Западной Бенгалии, Мадхья-Прадеша, на металлургических заводах в Джамшедпуре, Бхилаи, Роуркеле, на джутовых фабриках в Калькутте, на плантациях Ассама, Тамилнаду и Кералы, в качестве батраков на полях крупных землевладельцев во всех областях своего расселения.

Рабочие из малых народов, в основном неквалифицированные, — наиболее эксплуатируемая и низкооплачиваемая часть индийского пролетариата. Значительный процент рабочих — выходцев из племен приходится на область Чхотанагпура. Это в основном санталы, мунда, хо и ораоны. В последние годы они все больше вовлекаются в борьбу за свои экономические и политические права (например, крупные забастовки были в Джам-

шедпуре на предприятиях Таты в 1957—1958 гг.⁷⁸, на джутовых фабриках Калькутты в 1964 г. и др.⁷⁹).

Рабочие-адиваси начинают все активнее вступать в профсоюзные и рабочие организации. Так, многие рабочие из ораонов, санталов и бхумиджей состоят членами профсоюзных организаций предприятий Роуркелы (Орисса), таких, как «Хиндустан Стил Уоркерс Ассошиэйшн» (500 человек), «Роуркела Маздур Сабха» (1 тыс.), «Норс Орисса Уоркерс Юнион» (500) и «Роуркела Уоркерс Юнион» (800 человек)⁸⁰.

Пополнение кадров промышленного и сельскохозяйственного пролетариата выходцами из малых народов и отходничество ведут к длительному отрыву их от своей этнической среды. Рабочие и многие отходники поселяются среди инонационального населения, что убыстряет их ассимиляцию. Они забывают родной язык (иногда возникают своеобразные диалекты, представляющие смешение их языка с инонациональным), испытывают культурное влияние окружающих народов, что ведет к стиранию культурно-бытовых различий (меняются пища, привычки, быт, забываются племенные традиции, учащаются случаи смешанных браков⁸¹). Например, часть рабочих в районе Сундербана (Западная Бенгалия) — выходцы из народов мунда, санталов, ораонов, бхумиджей — забыли свои родные языки. В настоящее время они говорят на смеси хинди с бенгали (так называемый садри), используют местные бенгальские способы приготовления пищи; молодежь забывает племенные и родовые имена⁸².

Среди тех малочисленных народов, что находятся на более высоком уровне исторического развития (манипури, кхаси, нага, трипура), уже образовалась прослойка своей интеллигенции. Многие из них работают врачами, учителями и имеют высшее образование. Своей деятельностью представители этой интеллигенции стремятся помочь собратьям преодолеть вековую отсталость в области экономики, просвещения и здравоохранения.

Что касается языков малых народов, то большой вклад в дело их развития вносит интеллигенция. До настоящего времени преподавание в школах велось, а зачастую и сейчас ведется на языках окружающих их крупных народов, что задерживает культурное развитие малых народов и препятствует успешному проведению мероприятий в области просвещения. С 1950 г. на языках ораон и мунда издаются журналы «Jagar Sada» («Голос языка») и «Kurkhan» («Куркхан»). Иногда название журнала или газеты дается на родном языке, хотя основной текст печатается на хинди, например такие выпуски, как «Turtung» («Лучи света»), «Abua Jharkhand» («Наш Джаркханд») и т. п.⁸³.

С ростом культурного уровня и вовлечением малых народов в общественно-политическую жизнь Индии развивается и их национальное самосознание. Они вступают в борьбу за призна-

ние своих национальных языков, за предоставление им национальной автономии.

Примером успешного завершения такой борьбы может служить история создания штата Нагаленд (решение о его создании было принято в августе 1960 г., а в 1963 г. оно вошло в силу). Образованию Нагаленда предшествовала длительная борьба народности нага за национальную автономию, начавшаяся еще в период английского владычества в Индии и особенно усилившаяся после достижения Индией независимости в 1947 г. Образованный в 1945 г. Племенной совет дистрикта нага (с 1946 г. — Национальный совет нага) возглавил борьбу за объединение нага и предоставление им автономии в пределах провинции Ассам. Пропаганде идей консолидации народности нага способствовала издаваемая Национальным советом нага на английском языке газета «Naga Nation» («Нация нага») ⁸⁴.

В движении нага отчетливо выявились две тенденции — прогрессивная, за их самоопределение в рамках индийского государства, и сепаратистская, выражающаяся в требовании создать отдельное государство. С 1953 г. начались вооруженные выступления нага. Неблаговидную роль в этом сыграли американские баптистские миссионеры, внушавшие нага мысль о том, что между ними и индийцами нет ничего общего. Миссионеры использовали проповедь христианской религии в интересах империалистических держав. Они пытались оказать свое влияние на политику племенной верхушки, поддерживали национально-сепаратистские движения (у нага, мунда и др.), идеологически обрабатывали представителей малых народов через миссионерские школы, кооперативы и т. п. В результате этой деятельности христианизированная часть малых народов стала ближе ко всей общине индийских христиан, нежели к своим соплеменникам. В деревнях, населенных одним народом, христиане имели свой панчайт, религиозный союз, кооперативные общества и т. п.

Подобного рода деятельность продолжается и в наши дни. Не случайно правительство штата Ассам приняло решение о запрещении пребывания иностранных миссионеров на северном берегу р. Брахмапутры (в районе расселения племен). Со вступлением в силу этого решения около 150 миссионеров должны были покинуть этот район ⁸⁵.

В течение долгого времени индийское правительство принимало шаги по урегулированию отношений с мятежными группами нага. Эта политика способствовала тому, что среди них появилось все больше сторонников мирного урегулирования вопроса о Нагаленде. На трех конференциях Народной конвенции Нага были разработаны конкретные вопросы образования штата Нагаленд в составе Индийской республики ⁸⁶.

После получения нага автономии произошли большие сдвиги в их общественной и культурной жизни. Между отдельными группами нага усилились экономические связи, идет процесс из-

живания родо-племенной обособленности, процесс сближения с другими народами Индии. Языком общения между группами нага становится особое наречие, возникшее фактически в наши дни, представляющее смесь ассамского, бенгальского, хинди и различных диалектов нага, известное под названием «язык нага».

В октябре 1960 г. Законодательное собрание в Ассаме провело закон о признании ассамского языка официальным языком штата. Это вызвало активный протест бенгальцев и горных народов Ассамы — кхаси, гаро, микир и др.

Представители племенных меньшинств требовали создания отдельного штата, что позволило бы им, по их мнению, успешно провести мероприятия по подъему экономики и сохранению национальной культуры. Правительство Индии призвало правительство штата следить за правильным распределением государственных кредитов, не допускать дискриминации в отношении малых народов и последовательно проводить в жизнь закон об охране интересов национальных меньшинств. Борьба кхаси за предоставление автономии завершилась образованием в 1970 г. штата Мегхалая со столицей Шиллонг.

В 1971 г. индийским парламентом был принят закон о преобразовании дистрикта Мизорам штата Ассам в Союзную территорию с тем же названием. Однако это не решило окончательно проблемы всех народов, которые населяют эту территорию. Помимо мизо здесь проживают гаро и джантия, которые не удовлетворены полностью этими преобразованиями и ведут борьбу за свою автономию.

После достижения Индией независимости требование о предоставлении им национальной автономии стали выдвигать также народы Центрального Индийского нагорья (санталы, мунда, ораоны и др.). Истоки этого движения относятся к началу 20-х годов, когда выпускники баптистского колледжа из числа мунда и ораонов основали первые общества среди народов этого района, ставящие своими задачами проведение социальных реформ.

Движения за национальную автономию в среде малых народов иногда использовались реакционными буржуазно-помещичьими кругами, пытавшимися опереться на эти движения для достижения своих узкоклассовых целей. Так, в 1936 г., когда в Индии была проведена административная реформа и было создано 11 провинций, границы которых в какой-то степени соответствовали этническим территориям народов, это отразилось на настроениях малых народов. Некоторые общественные деятели из их числа пришли к выводу, что путь к прогрессу и политической власти лежит через образование в этой области особой провинции Адиваси. Для этого в 1938 г. был основан Союз адиваси Чхотанагпура, с 1946 г. переименованный в партию «Джаркханд», основная цель которой — объединение наро-

дов адиваси и выделение их территорий в отдельный штат Джаркханд⁸⁷.

Деятельность партии Джаркханд постепенно распространяется на территории нескольких штатов — Бихара, Ориссы, Мадхья-Прадеша, Западной Бенгалии. Руководство этой партии неоднократно меняло свои политические устремления, выступая на выборах то в союзе с правыми партиями против партии Индийский национальный конгресс, то поддерживая ее кандидатов (как это было на выборах 1971 г.). В последние годы движение за автономию штата, населенного адиваси, не только не прекратилось, а, наоборот, усилилось; так, в конце 1972 г. в Чхотанагпуре прошли массовые демонстрации и митинги, на которых настойчиво выдвигалось требование отделения этого региона от Бихара⁸⁸.

Коммунистическая партия Индии, раскрывая непоследовательность руководства этой партии и нецелесообразность ряда выдвигаемых им лозунгов о создании отдельного штата, подчеркивает, что, поскольку социальной базой этого движения все же являются наиболее эксплуатируемые крестьяне и рабочие из адиваси, предоставление некоторой автономии этим народам в рамках существующих штатов необходимо, ибо в противном случае невозможно ликвидировать их культурную отсталость.

Борьба за предоставление известной автономии происходит и среди других малых народов: имеются сведения о требовании создать Адивасистан в Гуджарате, штат Гондвана в Мадхья-Прадеше и т. п.⁸⁹.

Индийское правительство стремится облегчить малым народам из числа племен преодоление их отсталости, поднять их экономический и культурный уровень до уровня остального населения. Индийская конституция предусматривает ряд особых мероприятий в отношении этой группы населения. Разработана специальная программа развития. По первому пятилетнему плану на нужды племен было отпущено 173,6 млн. рупий, по второму — 463,3 млн. и по третьему — 611,5 млн. рупий⁹⁰.

Одной из важнейших задач правительства является улучшение экономического положения племен: предоставление им земельных участков, перевод на оседлость тех групп, которые практикуют охоту, собирательство, подсечно-огневое земледелие; оказание помощи при строительстве домов, снабжение сельскохозяйственными орудиями, инструментами; обучение новейшим методам агротехники, ремеслам и др. Эти мероприятия проводятся через так называемые блоки общественного развития, проекты племенного развития и многоцелевые племенные блоки. За три пятилетия 43 основных многоцелевых блока получили от государства субсидии на общую сумму 64,2 млн. рупий. Общее же число блоков приближается к 500⁹¹.

Очень важная роль отводится различного рода кредитным и производственным обществам. Так, создаваемые в разных

районах кооперативные общества — «Tribal Welfare Cooperative Society» — организуют закупку продуктов хозяйства, будь то дары леса или продукты земледелия, у малых народов по твердым ценам. В какой-то мере это предохраняет малые народы от эксплуатации частных агентов и предпринимателей.

Для развития старых ремесел, а также внедрения некоторых новых (портняжное дело, кожевенные ремесла, обработка дерева, токарное дело и др.) организованы специальные Институты промышленного обучения. За время второй пятилетки такие институты начали работу в Корба (Мадхья-Прадеш), Ранчи (Бихар), Импахле (Манипур), Гаухати (Ассам) и других местах. Только в одном из них (Корба) к 1956 г. число учащихся выросло с 15 до 300. Выпускники этих учебных заведений работают на промышленных предприятиях, железных дорогах и т. д.

Необходимой предпосылкой для успешного проведения мероприятий экономического характера является улучшение школьного образования. В основном оно осуществляется через начальные школы типа ашрама. Ашрамы — это школы, имеющие общежития, с профессиональным, чаще всего сельскохозяйственным уклоном. Учащимся в них предоставляются льготы — уменьшена плата за обучение, выплачиваются особые стипендии, выдаются бесплатно учебники и другие школьные принадлежности, а также форма. Создание таких школ-интернатов очень важно, так как это позволяет охватить учебой детей из отдаленных мест. Кроме того, поощряется создание таких же интернатов для детей из разных племен и народностей, которые будут способствовать разрушению племенной изоляции и изживанию многих родо-племенных предрассудков.

Помимо ашрамов существуют еще севашрамы — по сути, улучшенный тип общеобразовательной начальной школы⁹². Для взрослых же создаются вечерние школы, причем плата за обучение не взимается.

Важным этапом в общеобразовательной программе является введение обучения на местных языках и диалектах. Проблема «племенных» языков и диалектов так же сложна, как и лингвистическая проблема для всей Индии. По переписи 1961 г., свыше 100 языков и диалектов было классифицировано как «племенные». Почти все они до недавнего времени были бесписьменными. В колониальный период миссионерами издавалась религиозная литература на языках малых народов и делалась попытка вести образование на местных языках, для чего использовался латинский алфавит.

В последние годы у некоторых малых народов наблюдаются тяга к созданию своей письменности и стремление развивать родной язык. Практические работники, занимающиеся этой проблемой, и интеллигенция из адиваси пытаются приспособить шрифт деванагари, латинский и другие для написания

учебников, словарей и записи фольклора. Для народов, этнические территории которых рассечены границами нескольких штатов, единой письменности, как правило, не существует, что затрудняет их культурное развитие и этническую консолидацию.

Так, Шри Рагхунатх Мурму из Маюрбханджа (Орисса) разработал особый шрифт для языка мундари. Сейчас правительство штата Орисса пытается ввести его в школьную практику⁹³ в районах, населенных адиваси.

В специальном томе переписи Индии 1961 г.⁹⁴ приводится список публикаций на языках народов, из которых явствует, что на языках кхаси, лушай, сантали, курукх, мундари опубликовано значительное количество книг: наряду с учебниками и словарями широко представлена художественная и христианская религиозная литература, а также периодика. В основном для этих публикаций используются деванагари и латинский шрифт.

Значительно усложняет проблему распространения образования тот факт, что в большинстве случаев школьное обучение ведется на официальном языке штата, где проживает данный малый народ. Например, ввиду того что официальным языком Бихара является хинди, на нем повсеместно и проводится обучение. Это обстоятельство тоже усложняет выработку единой письменности для народа, живущего на территориях нескольких штатов. В свете сказанного выше одной из насущных проблем распространения образования среди малых народов является введение обучения на родном языке, выработка единой письменности, создание на нем учебных пособий и подготовка учителей кадров из самих адиваси.

В лучшем положении находятся те народы, которым по Конституции Индии предоставлена некоторая автономия. Примером могут служить кхаси, язык которых имеет латинскую письменность. Кхаси давно широко пользовались своим языком во всех сферах деятельности, начиная от школьного образования (начального и среднего) и кончая делопроизводством в низших административных инстанциях. На кхаси существуют периодические издания и художественная литература. Несомненно, в деле становления этнического самосознания кхаси и поднятия их культуры язык, имеющий единую письменность, играет важную роль. С созданием штата Мегхалая он, несомненно, получит дальнейшее развитие.

Уровень грамотности среди племен растет, хотя и медленно. По переписи 1961 г., 8,53% населения из числа зарегистрированных племен грамотно⁹⁵. Показательны в этом отношении кадары — один из наиболее отсталых народов Южной Индии. Уровень его грамотности выше, чем у других малых народов гор. Аннамалай — 15,8% (у других малых народов, проживающих в данной области, число грамотных составляет лишь 6—7%)⁹⁶.

Особенно высок процент грамотных у некоторых народов Ассама и Кералы. Здесь растет число специалистов с дипломами высших учебных заведений, как технических, так и гуманитарных. По переписи 1961 г., в Ассаме, например, было 614 человек, окончивших высшие учебные заведения (из гаро, кхаси, лушей и нага) ⁹⁷.

Т а б л и ц а 2

ГРАМОТНОСТЬ У МАЛЫХ НАРОДОВ ПО ШТАТАМ
(на 1961 г.) *,

Штат	%	
	Всего грамотных в штатах	Грамотных у зарегистрированных племен
Андхра-Прадеш	21,2	4,41
Ассам	24,7	23,58
Бихар	18,4	9,16
Гуджарат	30,5	11,69
Керала	46,8	17,26
Мадхья-Прадеш	17,1	5,1
Мадрас	31,4	5,91
Махараштра	29,8	7,21
Майсур	25,4	8,15
Орисса	21,7	7,36
Панджаб	24,2	16,46

* Таблица приводится по: М. К. Chauchan, *Scheduled Castes* . . . , стр. 161.

В области здравоохранения правительство предусматривает создание пунктов медицинского обслуживания, широкое проведение строительства колодцев питьевой воды, пропаганду гигиенических навыков и др. Эти меры приносят ощутимые результаты. Например, племя тода, находившееся на грани вымирания, за последнее время численно возросло.

Большую работу среди племен проводят правительственные институты изучения племен (Tribal Research Institute), находящиеся в Ранчи (Бихар), Чхиндваре (Мадхья-Прадеш), Удайпуре (Раджастхан) и других местах. Всего в Индии работает девять таких институтов. Их деятельность направлена на изучение всех проблем жизни малых народов, на глубокое ознакомление с их культурой и бытом, на разработку практических мер по работе с ними. Сотрудники институтов стремятся также привлечь внимание общественности к проблемам малых народов. При институтах созданы центры для подготовки работников, которые будут трудиться среди этих народов. Помощь правительственным организациям оказывают общества: «Бхаратия адимджати севак сангх» (Индийский союз служения аборигенам) и добровольные организации типа «Адимджати сева Мандал» (Дворец служения аборигенам) и т. п.

Помимо материковой Индии малые народы живут еще на островах Индийского океана. Речь идет о двух группах островов — Андаманских и Никобарских, представляющих как бы один большой архипелаг, расположенный в меридиональном направлении в Бенгальском заливе. Андаманы географически делятся на Большие Андаманы (Северный, Средний и Южный Андаман) и о-в Малый Андаман.

В Никобарскую группу входит 19 островов, из которых наиболее крупные — Кар-Никобар, Тересса, Каморта, Катчала, Малый Никобар и Большой Никобар. Общая площадь обоих архипелагов составляет 8326 кв. км, численность населения — 63 548 человек, по переписи 1961 г.⁹⁸, из них 22,2% (14 122 человека) относится к зарегистрированным племенам (коренное население островов).

По этнографическим и лингвистическим признакам аборигенное население Андаманских островов можно разделить на две группы: северную и южную. В первую группу входит население Больших Андаман (за исключением джарва, или джарава). Основными в этой группе считаются ака-кари, ака-кора, ака-боа, ака-джеру и ака-беа⁹⁹. Во вторую группу входят онге, населяющие о-в Малый Андаман, джарава, или джарва, южной части Больших Андаман и жители о-ва Северный Сентинель¹⁰⁰. Антропологически жители Андаман принадлежат к большой экваториальной расе, у них темная кожа, плоский нос и курчавые волосы. Особенно следует подчеркнуть чрезвычайную низкорослость андаманцев (рост мужчин — 148 см, женщин — 138 см).

Андаманские языки составляют особую группу, не входящую ни в одну из языковых смесей. Хотя языки населения Больших Андаман и о-ва Малый Андаман имеют единое происхождение, в ходе своего развития они настолько изменились, что теперь их можно считать самостоятельными языками, а не диалектами одного языка. Наиболее слабо изученным оставался долгое время язык онге (о-в Малый Андаман). Однако этнографические исследования, проводимые в два последних десятилетия среди народа онге¹⁰¹, позволили собрать большой лингвистический материал. Важным вкладом в изучение культуры онге является словарь языка онге, подготовленный индийским ученым Р. С. Нигамом.

Коренное население Никобарских островов подразделяется на собственно никобарцев и шомпенгов (проживающих в центральных районах о-ва Большой Никобар). Для никобарцев характерны монголоидные черты с некоторыми признаками австралоидных (темный цвет кожи, волнистые волосы и т. д.). Язык никобарцев, относящийся к мон-кхмерской языковой семье, распадается на шесть диалектов. Диалект о-ва Кар-Никобар считается основным для всего архипелага. В последние годы на-

блюдается заметное усиление роли хинди, который не только является языком школьного образования, но и употребляется в повседневной жизни ¹⁰².

Долгое время Андаманские и Никобарские острова оставались в определенной изолированности, хотя сведения об их населении встречаются в сочинениях Птолемея, у ранних арабских географов (IX—X вв.), в некоторых китайских и японских источниках и у итальянцев — Марко Поло (XII в.) и Николо Конти (XV в.). Несмотря на то что известия о Никобарских и Андаманских островах проникли в Европу еще в средневековье, эти земли были открыты европейцами фактически только во второй половине XVI в. Начиная с этого времени Никобары стали посещать христианские миссионеры. Первыми здесь обосновались португальские иезуиты. И хотя они жили на островах по нескольку лет, их попытки распространить христианство среди местного населения окончились неудачей. В этот же период на Андаманах и Никобарах появляются пираты, действующие в Индийском океане. Никобарские острова первыми были захвачены европейцами. В 1757 г. голландцы присоединили их к владениям голландской Ост-Индской компании. Однако вскоре они практически превратились в опорный пункт английских и малайских пиратов.

В 1869 г. Англия начала захват островов, взяв Никобары под свое «покровительство», и уже в 1872 г. окончательно их захватила. Андаманские острова были присоединены к владениям английской Ост-Индской компании вскоре после посещения Андаман английской экспедицией А. Блэра ¹⁰³. Однако еще очень долгое время они оставались неосвоенными. Колонизация Андаман практически началась в 1858 г. После подавления восстания сипаев в Индии на Андаманах была создана ссыльно-каторжная тюрьма для политических и уголовных преступников. После первой мировой войны Большие Андаманы стали заселяться ссыльными из Индии, которых приговаривали к пожизненному заключению. Ссылным поселенцам было разрешено вступать в брак с женщинами-каторжанками или выписывать жен из материковой Индии.

Постепенно на островах стали создаваться и учреждения — в 1868 г. на Андаманах начала работать метеостанция, а в 1883 г. было создано лесничество.

Между приезжими чиновниками, а также ссыльными поселенцами, с одной стороны, и местным населением — с другой, с самого начала установились крайне враждебные отношения. Из-за частых столкновений между чужеземцами и местными жителями, а также из-за многочисленных болезней, которые привезли на острова поселенцы, численность аборигенов непрерывно сокращалась. Например, из-за эпидемии кори в 1877 г. на Больших Андаманах погибла половина населения. Это можно увидеть по данным переписи, которые показывают катастро-

фическое уменьшение местного населения главным образом на Больших Андаманах после начала европейской колонизации:

	1857 г.	1883 г.	1901 г.	1911 г.	1921 г.	1931 г.	1951 г.	1961 г.
Племена								
Больших Анда-								
ман	3500	2000	624	455	209	90	23	19
Онге	700	1250	673	631	346	250	600	129
Джарава	600	—	585	231	231	120	350	500
Всего	4800	3250	1882	1317	786	460	973	838

После достижения Индией независимости на Андаманах произошли серьезные изменения. Однако обстановка на островах остается сложной из-за неразрешенности социально-политической проблемы, которую унаследовала индийская администрация от периода английского колониального господства, — проблемы местного населения.

До настоящего времени андаманцы находятся на самом низком уровне социального и культурного развития. По роду хозяйственной деятельности их можно разделить на две категории¹⁰⁴ — на береговых, которые занимаются рыбной ловлей, добычей ракообразных животных, морских черепах и крабов, и на лесных, промысляющих в основном охотой на диких свиней и собирательством. Главное орудие охоты — лук и стрелы, которыми пользуются и при охоте на морских рыб. Рыбу также ловят на крючки и бьют гарпунами. Охота является преимущественно занятием мужчин, а собирательство — женщин.

Племена андаманцев делятся на роды. Каждая родовая община занимает определенную территорию¹⁰⁵, которая дает ей право сбора лесных продуктов и охоты (или рыбной ловли). Вторжение одной группы на территорию другой ведет к серьезным столкновениям. Межродовые внутриплеменные связи выражены здесь весьма слабо.

Заселение Андаман индийцами и бирманцами (бывшими каторжниками и полицейскими чиновниками), при котором местные жители были вытеснены из лучших районов в болотистые джунгли, вызвало враждебность местного населения к пришлому элементу и сопротивление со стороны некоторых его групп, таких, например, как джарава.

В настоящее время усилия индийского правительства и многих научных учреждений направлены не только на изучение племен Андаманских островов, но и на улучшение условий жизни островитян. Разработан и начал осуществляться план экономического и культурного развития Андаман. Намечается даже переселение оставшихся в живых жителей Больших Андаман (19 человек) на небольшой островок Стайт¹⁰⁶. Для того чтобы осуществить этот план, необходимо тщательно подготовиться к этому переселению: исследовать источники пресной воды, уста-

новить, достаточно ли здесь будет для переселенных андаманцев продуктов питания — дичи, фруктов и т. д.

На Андаманах намечается культивирование кокосовых пальм, а возможно, и бананов, внедрение более высокой техники рыбной ловли и снабжение жителей более совершенными орудиями труда. Уже сейчас сюда завезены неизвестные здесь ранее металлические изделия. Появились также чай, сахар и спички. Правительством были предприняты определенные усилия по улучшению системы здравоохранения и начального образования на островах. Во втором пятилетии (1955—1960) на улучшение положения аборигенного населения Андаман было отпущено 100 тыс. рупий, в третьем пятилетии (1962—1966) — 650 тыс. рупий.

По сравнению с Андаманскими островами судьба населения Никобарских островов в колониальный период оказалась более счастливой. Политика колониальной администрации была здесь несколько иной. Никобарцы не были истреблены или вытеснены со своих территорий, как андаманцы, и по-прежнему почти все имели возможность заниматься традиционным хозяйством и своими традиционными ремеслами.

В религиозном отношении никобарцы более или менее однородны. Почти 80% населения островов исповедует христианство, около 2% составляют мусульмане (в основном это торговцы — выходцы с Лаккадивских островов и атолла Миникой) и 18% придерживаются анимистических верований.

Основой хозяйства никобарцев является подсечно-огневое земледелие, а на некоторых островах поливное. Здесь выращиваются кокосовые и арековые пальмы, бананы, папайя, ямс, бетель и т. д. Особенно важное место в экономике никобарцев занимает разведение плантаций кокосовых пальм. Издавна у никобарцев скупали копру и вывозили ее на материк. Ранее это обычно осуществляли малайские и китайские купцы, которые при этом занимались ростовщичеством и закабалили местное население. Еще в колониальный период английские власти пытались ограничить их деятельность, создавая на Никобарах кооперативы, которые скупали у местных жителей копру. Немало такого же рода кооперативов создано индийским правительством в настоящее время. Такие кооперативы есть во многих деревнях, в них покупается готовая копра, причем за фиксированную плату, установленную администрацией¹⁰⁷.

Из домашних животных никобарцы разводят свиней, и именно по их количеству определяется материальное благосостояние семьи. Большую роль в экономике никобарцев играет рыболовство. Развиты на Никобарах и ремесла: плетение матов, корзин, производство кокосового масла, резьба по дереву и т. д.

Особняком от никобарцев и в хозяйственном, и культурном отношении стоят шомпены (население внутренних районов о-ва Большой Никобар). Они отличаются от никобарцев более тем-

пой кожей, более курчавыми волосами. Занимаются они примитивным земледелием, используя в качестве орудия палку-копалку, а также охотой и собирательством. Долгое время шомпены относились крайне враждебно к береговым жителям о-ва Большой Никобар, однако в настоящее время эти отношения несколько улучшились.

В период английского владычества на островах была лишь одна школа, которую открыли миссионеры (на о-ве Кар-Никобар). В настоящее время только на этом острове в 10 деревнях открыты начальные школы. Существует и средняя школа, где обучаются как мальчики, так и девочки, причем им предоставляются места в общежитии, поэтому здесь могут обучаться жители не только Кар-Никобара, но и других островов¹⁰⁸.

В настоящее время все мероприятия индийского правительства, политических и общественных организаций направлены на повышение хозяйственного и культурного уровня населения Андаманских и Никобарских островов, на преодоление их исторически сложившейся изоляции.

Подводя итоги сказанному выше, можно наметить несколько тенденций развития малых народов. Часть из них — нага, манипури, типера, кхаси, санталы и мунда, представляющие собой интенсивно развивающиеся и консолидирующиеся этнические общности, являются к тому же как бы основой, вокруг которой идет консолидация окружающих их мелких этнических групп. Другая часть в процессе ассимиляции утрачивает свой язык и некоторые иные этнические признаки и превращается, как правило, в низкие касты в составе крупных индийских народов. Примером могут служить некоторые группы бирхоров, бхиллов, коли, гондов, дубла и др. Затем идет образование своеобразных этнографических групп в составе крупных народов. Эти группы, утратив свои языки и усвоив язык окружающего их крупного народа, продолжают сохранять своеобразные черты культуры и некоторые специфические черты хозяйства (отдельные группы бхиллов-кхандеши в составе маратхов, гарасия в составе раджастханцев). И, наконец, третья часть — группы малых народов (канникары, курумба, маласары и др.), продолжающих сохранять многие активно действующие институты родо-племенного строя и крайне архаические черты хозяйства. Для этих народов процессы аккультурации тем более интенсивны, чем ниже их уровень развития.

ЛАККАДИВСКИЕ И АМИНДИВСКИЕ ОСТРОВА

Приблизительно в 250 км к западу от Малабарского побережья Индии, в Аравийском море, расположены Лаккадивские и Аминдивские группы островов, а к югу в значительном удалении от них — населенный атолл Миникой.

Лаккадивские и Аминдивские острова, которые для краткости мы будем просто называть Лаккадивскими, — кораллового происхождения. Все они — атоллы с лагунами. Из 19 островов обитаемы только 10, наиболее крупные из них — Амини, Четлат, Каваратти, Килтан, Битра и др. Население островов составляет свыше 20 тыс. Климат на островах влажный, тропический, муссонного характера, почвы довольно бедные.

Жители Лаккадивских островов, как единодушно утверждают исследователи, являются потомками переселившихся сюда много веков назад малайяли, которые были отличными мореходами и поддерживали торговые связи с отдаленными странами. Об этнической общности островитян с малайяли свидетельствуют общий язык — малайлам, материальная культура, социальная организация, семейные отношения и пр. Но все же длительный отрыв их от территории расселения малайяли, сравнительно редкие и нерегулярные связи с материком, влияние ислама и другие обстоятельства способствовали появлению у них некоторых черт в языке, материальной и духовной культуре, которые в какой-то мере отличают их от малайяли Кералы. Поэтому о лаккадивцах можно говорить как об особой этнографической группе малайяли. Официальная индийская статистика включает их в категорию зарегистрированных племен¹⁰⁹.

Относительно времени и обстоятельств заселения Лаккадивов и распространения там ислама существует целый ряд интересных, но, по-видимому, малодостоверных легенд. Предполагают, что в начале IX в. переселенцы освоили о-в Амини, а затем уже перебрались и на другие острова¹¹⁰. Быстрому их распространению способствовали рост численности населения и относительная близость островов друг к другу.

В XVI в. о-в Амини и некоторые другие острова захватили португальцы. Они построили там крепость, опираясь на которую португальские колонизаторы беспощадно грабили лаккадивцев и пытались огнем и мечом насадить католицизм. Жестокость португальцев вынудила островитян обратиться за помощью к радже Чиракалла. Последнему в конце концов удалось установить свой контроль над островами, и он передал их в джагир главе мусульманской общины мопла Али Радже (лаккадивцы выплачивали ему ежегодный налог)¹¹¹. Это, вероятно, объяснялось тем, что к этому времени островитяне уже исповедовали ислам.

Вначале управление над островами осуществлялось с помощью местных вождей, которые назывались «муталамами», позднее же материковые правители начали присылать своих собственных агентов — карикаров.

В 1799 г. Лаккадивские острова были присоединены к владениям Ост-Индской компании. В 1947 г. лаккадивцы вошли в состав независимой Индии. В 1956 г. в соответствии с новой административной реформой Лаккадивские, Аминдивские остро-

ва и атолл Миникой были выделены в Союзную территорию. Административное управление здесь осуществляет правительство штата Керала. До недавнего времени его представитель находился в г. Кажигоде, но теперь его резиденция перенесена на о-в Каваратти.

Почвы на островах для земледелия малопригодные. Рис и другие зерновые не выращиваются, лишь на небольших приусадебных участках можно культивировать различные фруктовые и плодовые деревья и выращивать различные огородные культуры.

Основное богатство жителей островов — кокосовые пальмы. На Лаккадивах выращивают четыре вида последней, один из которых «лаккадивская» — местный. Трудно перечислить употребление продуктов кокосовой пальмы. Но главное, конечно, — койра и копра, получаемые при обработке орехов. Они служат основными предметами вывоза, и в обмен за них лаккадивцы получают с материка необходимый им рис и другие товары. До 1962 г. реализацию готовой продукции производили агенты-посредники, которые получали (от общей стоимости) 22—25% комиссионных. Но в 1962 г. жители островов кооперировались и стали сами реализовывать койру и копру и за посредничество стали платить гораздо меньше¹¹².

Второе по важности значение в хозяйственной жизни лаккадивцев играет Аравийское море, богатое рыбой и другими дарами. Лаккадивцы храбрые и умелые мореходы, и некоторые из них плавают на кораблях под индийским флагом.

На Лаккадивах нет городов, которые являлись бы центрами притяжения и организации экономических, политических и культурных связей жителей острова. Экономические связи между отдельными островами ничтожны. Каждый населенный остров — это самостоятельный социально-экономический организм, функционирующий в течение веков без каких-либо особых изменений или потрясений. Это и является основной причиной устойчивости на Лаккадивах традиционных институтов. Социальные и семейные отношения у лаккадивцев, несмотря на длительное воздействие ислама, сохранили много черт, свойственных малаяли материка в прошлом или постепенно исчезающих у них в настоящем.

На островах нет государственных земель, а также земельных участков, принадлежащих выходцам с других островов. Каждый остров — это сельская соседская община. Центральное правительство штата осуществляет управление каждым островом при помощи местного учреждения, которое называется «катчери». Во главе его стоит правительственный чиновник «карани» (обычно местный житель), которому помогают «надаппы» — влиятельные жители общины. Обязанности и права «карани» весьма широки — как организационно-налогового, так и юридического характера. Функционируют на островах и другие

государственные и общественные организации, призванные развивать экономику, образование, медицинское обслуживание и пр.

Размеры земельных участков здесь небольшие, в среднем не более 4 акров, но процесс классового расслоения заметен и здесь. Например, на о-ве Четлат около половины крестьян владеют участками меньше 1 акра, в то время как отдельные землевладельцы имеют до 8 акров¹¹³.

Сословно-кастовая система жителей островов, конечно, претерпела существенные изменения в течение веков и значительно отличается от кастовых отношений малаяли в Керале, но все же ее следы явно прослеживаются и теперь. Островитяне фактически подразделяются на три эндогамные группы: койя, малми и мелачери. Первые занимают в социальной структуре высшую ступень (по традиции они являются землевладельцами и земледельцами); вторые связаны с морем — они лодочники, гребцы и моряки; третьи находятся на низшей ступени социально-сословной иерархии, их традиционным занятием является сбор орехов кокосовой пальмы и рыболовство.

Некоторые исследователи связывают возникновение этих групп с различными периодами появления на островах переселенцев с материка. Но, по-видимому, с самого начала на Лаккадивы переселялись члены разных каст, которые со временем трансформировались в три указанные большие эндогамные группы.

Но в настоящее время разобраться в этих группах гораздо сложнее, чем раньше. В течение длительного времени в связи с ростом имущественного неравенства положение и роль представителей различных групп в общественной жизни изменились. Примером может служить остров Четлат, все жители которого по происхождению принадлежат к мелачери. Многие жители этого острова считают, что их предки, жившие ранее на материке, принадлежали к двум кастам: «низкой» («муккуван») — рыбаки и ловцы жемчуга; и «высокой» («тийан») — мелкие и средние землевладельцы и земледельцы. С естественным ростом населения на острове появились люди, которые преуспели в разведении кокосовых пальм, деловой активности и изучении ислама и были признаны (на острове) как койи (люди высшей ступени). Таким образом, социальное положение определенной группы людей повысилось. За пределами же острова их новая социальная принадлежность по-прежнему не признается. Даже сейчас на других островах к ним относятся как к мелачери¹¹⁴.

Важным и интересным аспектом в социальной организации лаккадивцев является сохранение сильнейших пережитков матриархальных отношений, которые проявляются в матрилинейной системе наследования и матрилокальных браках. Если в Керале этот институт значительно подорван капиталистическими отношениями и государственной политикой, то на Лаккадивах он сохранился в более устойчивой форме.

Большинство исследователей связывают эту социально-семейную систему с появлением на островах первых поселенцев из Кералы, которые, по их мнению, принадлежали к одной из наиболее «высоких» индусских каст малаяли — в основном наяров (землевладельцев и воинов)¹¹⁵. Характерной чертой этой касты в недалеком прошлом было преобладание матриархальных отношений. В связи с этим основной социальной единицей у наяров был так называемый таравад — экзогамная объединенная группа потомков одной женщины. Мужчины жили в таравадах своих матерей и могли только навещать своих жен в их таравадах. Дети родителей жили с матерью. Были у малаяли, конечно, и патрилокальные таравады.

Лаккадивцы давно утратили свои связи с наярами, но система матрилокальности и отчасти модифицированной матрилинейности оказалась у них весьма живучей. Но это не исключает наличия у лаккадивцев частично патрилокальных таравадов. Сильные пережитки матриархальных отношений, по-видимому, объясняют довольно высокое и независимое положение женщин у исламизированных лаккадивцев.

Но даже в матрилокальных таравадах фактическим главой хозяйства и распорядителем всех средств является кто-либо из мужчин, ближайших родственников (кроме мужа) главы таравада — женщины. Таким образом, матрилокальность у лаккадивцев не исключает господствующего положения в экономике таравадов мужчин. Здесь, несомненно, сказывается влияние ислама.

В целом таравады являются социально-экономическими и семейными ячейками, которые составляют островную общину. Хотя экономические связи между отдельными островами незначительны, но взаимные контакты у лаккадивцев соседних островов широко распространены. Это укрепляет чувство единства всех островитян и привязанность к своему островному миру.

Мы уже говорили, что в Союзную территорию вошел также атолл Миникой. Все сказанное выше о Лаккадивах в значительной степени относится и к Миникой. Но здесь, видимо, сказалось сингальское влияние. Жители Миникой говорят на особом языке махл, который близок к сингальскому. Не исключена возможность, что жители атолла — потомки сингалов, принявших ислам.

Процент грамотных на Лаккадивах небольшой, но правительство Кералы прилагает значительные усилия для дальнейшего как культурного, так и хозяйственного развития островов. Здесь открываются новые школы и библиотеки, некоторые лаккадивцы для продолжения образования отправляются не только на материк, но даже в другие страны. Лаккадивцы постепенно выходят из своей островной изоляции и втягиваются в общендийскую политическую и культурную жизнь.

ГЛАВА III

ПАКИСТАН

Пакистан — вторая по занимаемой площади и третья по численности населения страна в Южной Азии. Он занимает северо-западную часть п-ова Индостан. Это государство возникло в результате раздела Британской Индии в 1947 г. на два самостоятельных государства — Индию и Пакистан¹. Его площадь равна 807 тыс. кв. км, численность населения в 1972 г. составляла 65 млн. человек (в 1961 г. — 43 млн.).

До 1959 г. столицей страны был портовый город Карачи (3,5 млн. жителей в 1972 г.), который и в настоящее время является самым большим городом страны и остается важнейшим экономическим, политическим и культурным центром. В 1959 г. было принято решение о строительстве новой столицы, Исламабада («Город ислама»), в 10 км от Равалпинди, который с 1960 г. стал временной столицей. В 1972 г. в Исламабаде было уже 235 тыс. жителей.

Пакистан — многонациональное государство, и проблема межэтнических отношений здесь стоит довольно остро.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА

Процесс формирования современного этнического состава Пакистана прошел долгий исторический путь и отличался большой сложностью.

С незапамятных времен территория Пакистана являлась широкими воротами, через которые проходили на Южноазиатский субконтинент многочисленные завоеватели из степных просторов Передней и Средней Азии. Хотя этническую историю Пакистана трудно оторвать от Индии в целом, но все же для удобства изложения это целесообразно сделать, внося в отдельных случаях уточнения².

На рубеже I тысячелетия до н. э. территория современного Пакистана явилась первой областью Индостана, куда проникли арийские племена, часть которых осела здесь, в первую очередь в Панджабе, а остальные двинулись дальше на восток. Панд-

жаб лежал на пути всех этих переселений и был первым объектом территориальных захватов всех завоевателей.

В первые века нашей эры Панджаб вошел в состав могущественной Кушанской империи, государственной религией которой был буддизм. В этот период он был втянут в торговые и культурные связи не только со своими соседями, но и с такими отдаленными государствами, как Римская империя и Китай. В эту эпоху западные районы Панджаба начали подвергаться довольно интенсивному этническому воздействию различных народов Ирана и Средней Азии.

Во второй половине V в. племена белых гуннов (эфталитов), ликвидировав остатки Кушанского государства, вторглись в Панджаб, но вскоре растворились в массе местного населения.

С VI до XI в. этот район, если не считать неудачной попытки арабов, не подвергался иноземным массовым вторжениям. За этот период прежние завоеватели вошли в состав тех народов, которые в то время жили на территории Панджаба.

Источники того времени обычно упоминают три родственные между собой этнические группы: джатов, гуджаров и раджпутов, которые считали себя индоарийцами. Их происхождение до сих пор изучено недостаточно, но что они сыграли основную роль в формировании панджабцев, пожалуй, не вызывает возражений.

Наиболее многочисленными из них были джаты, которые в Центральном Панджабе жили оседло и занимались земледелием, а в западных и юго-западных районах — скотоводством.

Отдельные группы раджпутов (так тогда называли раджастанцев) уже в VIII—X вв. рассеялись в южных и юго-восточных районах Панджаба. Из них состояла в основном феодальная знать и их дружинники.

Ю. В. Ганковский справедливо отмечает, что «на ранних этапах этногенеза панджабцев значительную роль в нем сыграли племена гурджаров, о чем свидетельствуют и лингвистические материалы и данные топонимики и генеонимики...— и далее,— Уже в конце VII в. население Центрального и Восточного Панджаба воспринималось современниками как единое этническое целое»³.

В 1526 г. Северную Индию и Дели завоевал основатель Могольской империи Бабур. С армией Бабура и ближайших его преемников появились новые группы афганских и тюркских племен, особенно узбеков. Возникновение империи Моголов открыло широкие возможности для последующей мирной иммиграции из всех стран мусульманского Востока.

В средние века Панджаб стал ареной мощного антифеодального движения сикхов, в котором активное участие приняли наиболее обездоленные слои мусульман и индусов.

Сикхское движение сыграло огромную роль в истории страны и способствовало дальнейшей консолидации народов Панджаба перед лицом общего классового врага.

В 1764 г. хальса, так стала называться община сикхов, в Амритсаре провозгласила создание независимого государства сикхов. Этот акт, несомненно, имел огромное политическое и моральное значение для народов Панджаба. Во второй половине и главным образом в последней четверти XVIII в. сикхские сардары, изгнав и уничтожив основную часть мусульманских феодалов, поделили между собой значительную часть земель Панджаба.

Сикхи в государстве были в меньшинстве. О религиозной принадлежности населения Панджаба можно примерно судить по данным переписи 1868 г. Она показывает, что население округов Панджаба, без Джамму и Кашмира, составляло около 12,6 млн.⁴, из них сикхов — 1 млн., индусов — 3,2 млн., мусульман — 8 млн. и прочих — 0,4 млн.

Таким образом, сикхов в этом государстве было лишь 8%. Подавляющее же большинство составляли мусульмане. Последние преобладали на западе страны, сикхи — в центральных районах, а индусы — на востоке.

В Панджабе, в государстве сикхов, создавались политические, экономические и культурные предпосылки для дальнейшей консолидации панджабцев, но этот естественный процесс был прерван в 1849 г. аннексией этого государства английскими колонизаторами. О жизнеспособности независимого Панджаба свидетельствует тот факт, что англичанам пришлось выдержать две тяжелые войны с панджабским народом (1845—1846 и 1848—1849).

* * *

Другим многочисленным народом Пакистана являются синдхи. В период существования Делийского султаната и при первых правителях державы Великих Моголов Синд входил в эти государственные образования. В это время в страну усилился приток тюркско-таджикских и афганских переселенцев, а в государственно-административной сфере усилилась роль языка фарси.

В XV—XVI вв. на этногенез синдхов оказали влияние некоторые белуджские племена и брагуи, приходившие в Синд с запада и северо-запада, частично они были ассимилированы синдхами, так же как и отдельные кланы джатов, проникшие сюда из Южного Панджаба.

Затем в 1786 г. в результате длительной и ожесточенной борьбы власть в Синде захватила феодальная верхушка белуджского племени тальпур, миры (вожди) которых основали здесь три княжества с центрами в Хайдарабаде, Хайрпуре и

Мирпуре. Это были феодальные государства с сильными родоплеменными пережитками, формально признававшими себя вассалами афганского шаха. Захват Синда мирами не отразился на их этническом составе.

Благоприятное расположение Синда на пересечении важных торговых путей привлекло к нему внимание английской Ост-Индской компании, которая навязала ему ряд невыгодных договоров, которые окончательно закабалили страну. Англичане разместили свои гарнизоны в самых крупных городах Синда: Хайдарабаде, Карачи, Шикарпуре, Суккуре и др.

Среди населения Синда стали расти чувство необходимости объединиться против английских захватчиков и чувство национального достоинства. Видя, что свободолюбивый народ Синда не желает добровольно надевать на себя ярмо колониального рабства, англичане решили спровоцировать его, вызвать антианглийское выступление в Синде и под этим предлогом аннексировать страну.

Вскоре это было проведено в жизнь.

В феврале 1843 г. англичане разбили иррегулярную кавалерию миров и плохо вооруженных крестьян и ремесленников. Большинство миров сложило оружие, хотя отдельные местные выступления продолжались вплоть до июня месяца. В августе Синд был официально присоединен к владениям британской короны. Началась новая эра в жизни синдхов — эра колониального угнетения и порабощения.

* * *

Формирование пуштунской, а также белуджской и брагуйской народностей началось позже и проходило более замедленными темпами, чем панджабской и синдхской.

Вопрос этногенеза пуштунов весьма сложен и недостаточно изучен. Известно лишь, что в образовании этой народности принимали участие таджикские, индийские, тюркские и другие элементы. До сих пор еще окончательно не установлена этимология названия «пуштун», так же как и «афганец».

В книге «Брихат самхита» индийского астронома Вараха Михири, жившего в VI в. н. э., имеется упоминание об афганцах (avagana). В таджикском географическом сочинении неизвестного автора «Худуд аль-Алам» («Пределы мира»), которое написано в 982—983 гг., также упоминается термин «афганцы» как этническое определение. Известный путешественник и ученый первой половины XI в. Бируни сообщал, что афганцы живут в горах, образующих западную границу Индии⁵.

Предполагается, что вплоть до XII в. территорией расселения афганских племен был район Сулеймановых гор. Территорию, населенную афганцами, они сами уже в средние века называли Пуштунхва («страна пуштунов»).

В XIII—XIV вв. процесс разложения первобытнообщинных отношений и постепенный переход части племен к оседлому земледелию сопровождался массовым передвижением афганцев за пределы Сулеймановых гор. Часть их поселилась на территории современного Афганистана, а другая часть — на территории современного Пуштунистана. Это переселение и рост числа пуштунских племен вызвали дробление старых племен и племенных образований и привели к возникновению новых, а также усиливали влияние племенной верхушки, возглавлявшей передвижение племен.

В XVI в. западные афганцы вошли в состав персидской державы Сефевидов, а восточные, или пуштуны, — в состав империи Великих Моголов (говоря далее об афганцах, проживающих на территории современного Пакистана, мы будем называть их только пуштунами).

В этот же период пуштуны постепенно ассимилировали небольшую народность ормур, или бараки, которые не занимали сплошной области расселения. Часть их жила в Вазиристане, а часть — в Афганистане, к югу от Кабула⁶.

Становление феодальных отношений у пуштунов сопровождалось дальнейшим ростом имущественного неравенства. Источником силы и влияния ханов, вождей, маликов и духовенства была феодальная собственность на ту часть земли, которая раньше, как правило, являлась общинной. В дальнейшем правители Дели, Великие Моголы, начали награждать некоторых ханов за службу. Все эти земли стали наследственными владениями феодализирующейся пуштунской верхушки и не подлежали переделу. В целом процесс феодализации у пуштунов, особенно у равнинных, происходил довольно быстро.

С укреплением феодального землевладения и усилением класса феодалов последние постепенно начинают эксплуатировать своих соплеменников (здесь каждый полноправный член племени имел земельный надел, а феодальные отношения были более или менее завуалированы родо-племенными).

Усиление феодальной эксплуатации как со стороны собственной племенной верхушки и мусульманского духовенства, так и со стороны могольских правителей вызвало обострение классовой борьбы среди пуштунов. Во второй половине XVI в. их территория стала ареной массового крестьянского движения «рошани», которое длилось целое столетие. Деятельность последних была направлена против ортодоксального ислама и чужеземного ига.

Идеологом этого движения был Баязид Ансари. К нему примкнули афридии и оракзаи Тираха, а также юсуфзаи (среди двух первых и в настоящее время есть последователи этой секты). Баязиду оказал поддержку и союз племен гориакхель, в который входили моманды, халиль и даудзаи.

Несмотря на религиозно-мистическую оболочку, движение

рошани по своему характеру было антифеодальным, так как было направлено не только против чужеземных порабитителей, но и против пуштунской эксплуататорской верхушки.

Хотя движение рошани было в конце концов подавлено совместными усилиями могольских правителей, афганской знати и духовенства, оно оказало большое влияние на дальнейшую историю пуштунов, способствовало их консолидации как народа и обогатило их опытом классовой и освободительной борьбы.

С движением рошани связано и другое очень важное явление — это становление литературных языковых форм и расцвет средневековой литературы на пушту, что, несомненно, свидетельствовало о росте национального самосознания.

В середине XVIII в., в 1747—1748 гг., Ахмад-шах Дуррани сравнительно легко объединил все афганские земли, в том числе и земли пуштунов. Таким образом, пуштуны вошли в состав афганского государства и освободились от власти могольских правителей. Судьбы пуштунов до второй четверти XIX в. были связаны с историей афганского государства, хотя зависимость горных пуштунов от афганских правителей была чисто номинальной.

Государство, созданное Ахмад-шахом, оказалось непрочным и, раздираемое внутренними противоречиями, к концу XVIII в. распалось на ряд феодальных княжеств. В начале XIX в. на обломках дурранийской державы образовалось четыре княжества: Кабульское, Кандагарское, Гератское и Пешаварское (первые три находились на территории современного Афганистана).

Только с 1826 г., когда правителю Кабула Дост Мухаммад-хану (1826—1863), принявшему позднее титул эмира, удалось объединить под своей властью большую часть Афганистана (кроме Пешавара, правитель которого Яр Мухаммад — брат Дост Мухаммада — признал себя вассалом махараджи Ранджит Сингха), начинается новая страница в истории этой страны. Правда, горные пуштунские племена Пешавара не признавали зависимости от Панджаба и ожесточенно сражались за свою независимость. Не признавали они и власти эмира, хотя и оказывали помощь афганцам против общего врага — английских захватчиков, когда последние в 1838—1842 гг. пытались посадить на престол в Кабуле своего ставленника.

После этого в Пешаварской долине было относительно спокойно, но горные районы в течение долгого времени оставались ареной бесконечных кровопролитных войн.

Аннексия англичанами в 1849 г. Панджаба отдала им в руки Пешавар и некоторые горные районы, населенные пуштунами.

Как мы уже отмечали, сложение белуджской и брагуйской народностей происходило более замедленными темпами, чем панджабской и синдхской. Кроме того, их этническая и поли-

тическая история были тесно связаны, что объясняется многовековыми контактами белуджей и брагуев.

«Переселение белуджей на территорию современного Белуджистана было важнейшей вехой в их этнической истории. Здесь в результате многообразных контактов с местным (доиндоевропейским), индоарийским и иранским населением в XI—XIII вв. сложилась этнолингвистическая общность, которая явилась основой этногенеза белуджского народа»⁷.

Хотя развитие феодальных отношений у различных белуджских племен происходило неравномерно, в значительной мере (как и у пуштунов) под воздействием окружающих народов, у которых феодальные отношения сложились гораздо раньше, можно предполагать, что в XV в. феодальные отношения у них уже преобладали.

Одновременно с развитием феодальных отношений, выделением феодализирующейся племенной верхушки, ростом численности белуджей происходило и дальнейшее расселение их на восток в поисках новых свободных земель. Здесь, в районе Калата, они столкнулись с сильным союзом брагуйских племен, которые жили более или менее компактным массивом. Это привело к тому, что продвижение белуджей, натолкнувшись на брагуев, разбилось на два потока.

«Разделение белуджей компактным массивом брагуйских племен привело к тому, что белуджи консолидировались в две большие этнические группы — северо-восточную („сулеймани“) и юго-западную („макрани“). Образование первой из них проходило под большим влиянием соседних индоарийских народов — панджабцев и синдхов, а также пуштунов и, возможно, ормури. На формирование второй группы такое же влияние оказывали народы Восточного Ирана. Это нашло отражение не только в характере общественных институтов, приемах земледелия, материальной культуры, но и в языке»⁸.

В XVI—XVII вв. на территории Белуджистана возникает несколько феодальных княжеств, правители которых попеременно находились в вассальной зависимости или под верховной властью Великих Моголов, персидских шахиншахов и афганских эмиров. Однако зачастую эта зависимость была номинальной. Постоянная борьба с иноземными нашествиями спланивала белуджей и брагуев. «Для общественного строя белуджей (как, впрочем, и брагуев.— В. К.) в конце XVIII — начале XIX в. характерно наличие многочисленных устойчивых пережитков родо-племенных отношений. Почти повсеместно сохранялось племенное деление, хотя племена белуджей, конечно, не были кровнородственными коллективами. Лишь у белуджей, переселившихся в Синд и Панджаб, родо-племенные связи в эту эпоху во многом уже потеряли свое значение»⁹.

В середине XIX в. Калатское и другие княжества попали под полный политический и экономический контроль Англии.

С установлением колониальных порядков начался новый этап в истории описанных выше народов. С одной стороны, английские колонизаторы старались законсервировать старые общественные институты, затормозить экономическое развитие и рост политического самосознания поработанных народов, с другой — сам ход исторического развития приводил постепенно к ломке старых общественных институтов, возникновению новых капиталистических отношений, а вместе с тем и к росту национального самосознания. Это находило отражение в возрастающем недовольстве колониальными порядками, развитии антианглийского движения, распространении просветительских организаций, повышенном интересе к своему прошлому, в возрождении и развитии литературы, качественно отличной от средневековой (главным образом религиозной).

На сцену выходят новые общественные силы: торговая, в меньшей степени промышленная буржуазия и пролетариат, главным образом сельскохозяйственный.

Аннексия Панджаба резко изменила судьбы народов страны. Его трагическая судьба — яркий образец того, как английские колонизаторы насильственно прервали естественный ход становления независимого государства, в котором создавались предпосылки естественного развития капиталистических отношений.

Мы уже говорили, что панджабцы были представлены тремя крупнейшими в государстве религиозными общинами: мусульманами, индусами и сикхами. Во время англо-сикхских войн англичане попытались использовать это положение. Они хотели разжечь враждебные отношения между мусульманами, сикхами и индусами Панджаба.

Следует подчеркнуть, что во второй половине XIX в. никаких мусульмано-сикхско-индусских противоречий на деле не существовало. Это признавалось даже в английских официальных источниках и справочниках. Составитель газеттира округа Гуджарат писал, что «как мусульмане, так и индусы все более и более тянутся друг к другу... они живут дружно и в мире»¹⁰.

После аннексии Панджаба Ост-Индская компания присвоила себе верховное право собственности на землю. Джагиры и собственность тех сардаров, которые выступали с оружием в руках против англичан, были конфискованы¹¹. Но, испытав на собственном опыте силу сопротивления крестьянства Панджаба, англичане не могли не считаться с тем, что фактическими наследственными владельцами участков здесь были крестьяне, способные постоять за свои права. Они решили сохранить в этом районе сельскую общину и общинное землевладение. Правда, аграрная английская политика в Панджабе в первые же годы

после аннексии неминуемо привела к подрыву экономической основы сельской общины.

Особенно болезненными для панджабских крестьян оказались два мероприятия: замена натурального поземельного налога фиксированным денежным и купли-продажи земли без предоставления крестьянам, придавленным тяжелым налоговым прессом, необходимых условий для развития своего хозяйства. Такая политика привела к тому, что земля начала постепенно переходить в руки паразитических слоев населения (ростовщиков, торговцев и спекулянтов), охотно вкладывавших свои деньги в землю и сдававших ее в аренду бывшим ее владельцам на самых кабальных условиях.

Результаты преобразований англичан начали проявляться довольно быстро. В 1869 г. в Панджабе разразился голод, равного которому не было уже более 100 лет.

Жестокая колониальная эксплуатация, политическое бесправие не могли не вызвать недовольства масс. Среди сикхов, крестьян и ремесленников в 60—70-х годах получило широкое распространение вероучение сикхской секты намдхари, возникшей еще при Ранджит Сингхе. Деятельность ее носила резко выраженный антианглийский характер. Особенно важно отметить, что намдхари со своей проповедью обращались не только к сикхам, но и к панджабцам вообще — представителям всех трех религиозных общин. В начале 70-х годов XIX в. это движение было подавлено колонизаторами¹².

Развитие капитализма в Панджабе протекало более замедленными темпами, чем, например, в Бенгалии, что объясняется целым рядом социально-экономических и культурно-исторических причин. Первым толчком к развитию капиталистических отношений послужило широкое строительство железных дорог, которые связали Панджаб с портами на Аравийском море в Синде, и большая программа ирригационных работ, преследовавшая резкое увеличение производства экспортных сельскохозяйственных культур, в первую очередь хлопка и пшеницы, а также их вывоз. Поэтому первые предприятия были связаны с обслуживанием железных дорог и с первичной обработкой сельскохозяйственной продукции.

После разгрома движения намдхари вплоть до начала XX в. ведущую роль в национальном движении Панджаба играли различные просветительские организации, выступавшие под флагом религиозных реформ, хотя многие стороны их деятельности имели буржуазно-просветительский характер¹³.

Все эти организации, как правило, носили религиозно-общинный характер. Так, основатель «Арья самадж» (Общество ариев) Свами Даянанд Сарасвати выдвинул в качестве цели движения очищение индуизма от элементов других религий.

В 1873 г. в Амритсаре была создана «Сингх сабха» (Союз сикхов), вскоре охватившая почти все города Панджаба, где

были созданы ее отделения в сикхских общинах. В 1902 г. был организован Главный совет сикхской общины («Хальса диван»), который осуществлял руководство деятельностью всех сикхских ассоциаций. Эти общественно-политические организации сикхов проповедовали идеи религиозного реформаторства, возврата к первоначальному сикхизму с его идеей единобожия и отрицания сословно-кастовых привилегий.

Большая заслуга «Сингх сабха» состояла в распространении народного образования и просвещения, в подготовке кадров интеллигенции и развитии панджабского литературного языка, главным образом на алфавите гурумукхи, и панджабской национальной литературы. В то же время «деятельность „Сингх сабха“ с самого начала страдала религиозно-общинной ограниченностью и имела довольно сильную антииндусскую направленность», призыв же к возрождению сикхизма «отражал недовольство имущих классов сикхской общины доминирующим влиянием индусской буржуазии и помещиков в экономике и общественной жизни Пенджаба»¹⁴.

На первом этапе во главе «Сингх сабха» стояли умеренные проанглийски настроенные деятели, в дальнейшем же, с ростом общендийского национально-освободительного движения и с классовым размежеванием в общине сикхов, тактика лидеров изменилась. В новой партии, «Акали», преемнице «Сингх сабха», довольно широкое распространение получили коммуналистские и сепаратистские тенденции. Они способствовали дальнейшему обострению религиозно-общинной розни.

В нашу задачу не входит подробный разбор и анализ роста коммунализма в Индии, который завершился созданием двух государств: Индии и Пакистана. Но, несомненно, с развитием капиталистических отношений наряду с углублением социально-экономических противоречий между представителями обеих религиозных общин религиозная рознь возрастала. Конечно, немалую лепту в эти противоречия сознательно вносили и английские колонизаторы.

Выразителем интересов верхушки мусульманской буржуазии и помещиков явилась общендийская партия Мусульманская лига, первый учредительный съезд которой состоялся 29 декабря 1907 г. Во главе ее в течение ряда лет стоял крупный политический деятель М. А. Джинна, до конца 30-х годов не одобрявший массовых выступлений против английских колонизаторов.

В связи с ростом национально-освободительного движения в Индии накануне первой мировой войны в Лакхнау между Мусульманской лигой и Национальным конгрессом в 1916 г. было подписано соглашение о единстве действий этих партий в борьбе за получение Индией прав доминиона.

В октябре 1937 г. на сессии Лиги в Лакхнау была принята новая политическая программа М. А. Джинны, предусматривав-

шая создание федерации самостоятельных индусских и мусульманских государств. Эта программа, за исключением пуштунских районов, привлекла в Лигу широкие массы средних слоев и трудящихся мусульман. С этого времени Мусульманская лига становится массовой политической партией.

Идеологически обосновывая необходимость государственного самоопределения мусульман Индии, М. А. Джинна разработал теорию «двух наций» — индусской и мусульманской. Он заявил: «Мы — нация. Мы утверждаем, что мусульмане и индусы — две нации в полном смысле этого слова. Мы — нация, насчитывающая сто миллионов и, что важнее, имеющая свою культуру и цивилизацию, язык и литературу, искусство и архитектуру, имена и названия, представления о ценностях, законы и моральные нормы, обычаи и календарь, историю и традиции, склонности и амбиции — короче говоря, у нас свой собственный, особый взгляд на жизнь. По всем законам международного права мы — нация»¹⁵.

В 1923 г. образовалась Панджабская национальная юнионистская партия, в руководстве которой преобладали мусульманские помещики и дельцы. Несмотря на это, юнионистская партия не являлась религиозно-общинной и сепаратистской. Она очень быстро добилась массовой поддержки среди мусульман. Особое внимание эта партия уделяла установлению сотрудничества между панджабцами — мусульманами и сикхами. На состоявшихся в 1937 г. выборах в провинциальное законодательное собрание юнионисты получили большинство голосов.

При поддержке лидеров юнионистской партии панджабские помещики и предприниматели сильно укрепили свои позиции в экономике и административном аппарате Синда, Северо-Западной пограничной провинции и в Белуджистане. Поэтому нам кажется, что совершенно прав Ю. В. Ганковский, когда утверждает, что появление мусульманской формы панджабского национализма было связано с «шовинистическими устремлениями верхушки мусульманской части панджабских помещиков и дельцов, их желанием установить свое господство на северо-западе субконтинента»¹⁶.

Когда на Лахорской сессии Мусульманской лиги в 1940 г. была принята резолюция, требовавшая образования самостоятельного государства индийских мусульман — Пакистана, она нашла широкую поддержку и среди мусульман Панджаба, которые связывали с образованием такого государства надежды на освобождение от колониализма и на демократические реформы.

Лозунг образования Пакистана и включения в его состав Панджаба вызвал острую тревогу среди сикхов. Это объяснялось тем, что сикхская буржуазия и помещики имели давно сложившиеся экономические связи с другими районами Индии,

а включение в Пакистан означало ущемление их интересов в пользу мусульманских предпринимателей и помещиков.

Сикхские же крестьяне и мелкая городская буржуазия высказывали естественные опасения оказаться во власти мусульманских помещиков и ростовщиков, в обстановке религиозной нетерпимости. В 1944 г. партия «Акали» потребовала создания Сикхистана. Это означало бы раздел Панджаба.

Из всего сказанного выше можно заключить, что Панджаб разьедал коммунизм. Религиозно-общинная рознь принимала с годами все более острый характер и задерживала развитие национально-освободительного антиимпериалистического движения.

* * *

Несколько иное положение создалось в Синде. Синдхи как народность сформировались, пожалуй, раньше других народов, населяющих территорию современного Пакистана. Здесь к моменту аннексии страны английскими колонизаторами в 1843 г. были такие большие города, как Хайдарабад на юге и Шикарпур на севере, являвшиеся крупными ремесленно-торговыми центрами.

Во второй половине XIX в. города Синда пришли в запустение, а сама страна являлась наиболее экономически отсталой окраиной Британской Индии.

Здесь в сельском хозяйстве безраздельно господствовали феодально-помещичьи отношения. Крестьяне в основном выступали в качестве арендаторов.

Обстановка в Синде изменилась на рубеже XX в., когда в стране была проведена железнодорожная магистраль, соединившая Панджаб с портом Карачи. Ответвления этой дороги соединили Синд с Джодхпуром на территории Раджастанхана и с Кветтой в Белуджистане. С этого момента происходит довольно быстрый рост Карачи, который становится политическим и культурным центром синдхов.

Строительство железных дорог вызвало подъем предпринимательской деятельности, что привело к появлению синдхского рабочего класса. Осуществление же ирригационных проектов на севере Синда позволило, как и в Панджабе, оросить значительные площади, на которых внедрялись высокотоварные экспортные культуры, в первую очередь хлопок. Расширение производства экспортных сельскохозяйственных культур и строительство предприятий, связанных с обработкой этой продукции, вызвало развитие экспортно-импортной торговли. В Синде начали развиваться капиталистические отношения.

Своеобразие формирования синдской буржуазии заключалось в том, что национальный капитал в предпринимательской и торговой деятельности играл здесь еще более подчиненную

роль, чем в Бенгалии и Панджабе. Ведущее место занимала инациональная буржуазия, главным образом из Бомбея, Гуджарата и Раджастанхана. В ее руках оказалась почти вся крупная торговля, банковское дело и контроль над производством экспортных культур. Этому, несомненно, способствовало то, что Синд входил в состав Бомбейского президентства.

Социально-экономическая отсталость Синда определила характер начавшегося в конце XIX в. антифеодального и антиколониального движения, во главе которого стала мусульманская секта хуров. «Антианглийская агитация, проповеди социального равенства и справедливого распределения земных благ привлекли в ряды секты тысячи сторонников из среды крестьян, ремесленников и торговцев»¹⁷.

Движение хуров способствовало росту национального самосознания и оказало серьезное влияние на процессы национальной консолидации синдхов.

Одновременно с ростом национального самосознания и антиколониальной борьбы в Синде развивалась и своя литература. Хотя она и имела за собой многовековую традицию, в средневековье ей все же приходилось пользоваться преимущественно персидским языком. Современный алфавит синдхи на основе арабской графики окончательно определился к концу XIX в. С этого момента начинает появляться и письменная литература на языке синдхи.

Литературный синдхи сложился на основе диалекта вичхоли, на котором говорит население Центрального Синда. Остальные диалекты — сираики (Верхний Синд), лари (Нижний Синд), тхарели (пограничные с Раджастанханом районы) и ласи (восточные районы Синда) — постепенно исчезают.

Начиная с 20-х годов, с процессом национальной консолидации, появлением синдхской интеллигенции и укреплением собственной буржуазии в Синде, все сильнее звучит требование о выделении Синда из Бомбейской провинции. Это законное требование, объединившее все слои населения, как мусульман, так и индусов, заставило английские власти пойти на уступки. В 1935 г. была создана провинция Синд. Это была серьезная победа синдхского народа. В это время наиболее влиятельными партиями в Синде были Объединенная партия Синда и провинциальное отделение партии Индийский национальный конгресс. После выборов в провинциальное Законодательное собрание в 1937 г. две эти партии получили большинство голосов, и их лидеры сформировали коалиционное правительство.

Деятельность министров-конгрессистов, представлявших главным образом интересы крупной гуджрато-марварийской буржуазии, зачастую затрагивали интересы и религиозные чувства синдхов-мусульман. Это способствовало росту антииндусских и антиконгрессистских настроений среди них. Национальный конгресс начал терять свой авторитет в провинции. В Синде воз-

никает ряд националистических организаций, защищавших лишь интересы провинции.

Большинство синдхских помещиков присоединилось к провинциальному филиалу Мусульманской лиги, ряды которой начали быстро расти, как и в других мусульманских провинциях, после сессии Лиги в Лакхнау в 1937 г., где была принята резолюция о создании мусульманских государств.

Следует заметить, что в Синде верхи мусульманского и индусского общества в целом стремились к сотрудничеству для защиты своих классовых интересов. Этим в значительной мере объясняется то, что религиозно-общинные разногласия не переросли здесь в открытые столкновения.

Среди националистической средней и мелкой буржуазии и демократически настроенной интеллигенции тоже царилло стремление к единству всех синдхов. Все это привело в 1939 г. к созданию в Синде Народной ассоциации, требовавшей индустриализации последнего, ликвидации неграмотности, наделения землей неимущих крестьян, защиты интересов местных ремесленников, небогатых купцов, владельцев небольших мануфактурных и промышленных заведений. Руководители Народной ассоциации указывали, что все синдхи — и индусы и мусульмане — дети одной родины, их долг вести совместную борьбу за прогресс своей страны¹⁸.

Это была развернутая программа буржуазно-демократических преобразований, в которой отсутствовали коммуналистские лозунги. Все это свидетельствует о высокоразвитом чувстве национального самосознания синдхов и о том, что в своем историческом развитии они далеко ушли вперед в процессе национальной консолидации.

* * *

Как уже говорилось выше, после аннексии панджабского государства Пешавар и часть пуштунских племен автоматически были включены в состав Британской Индии. Повсюду английские завоеватели наталкивались на ожесточенное сопротивление пуштунов. В 1893 г. английское правительство навязало Афганистану разграничительную «линию Дюранда», по которой пограничные земли Вазиристана, Баджаура, Тираха, Хайберского прохода, Свата и другие районы были включены в состав Британской Индии. Эта новая граница искусственно разделила родственные народы и пуштунские племена (до настоящего времени племена шинвари, момандов, какаров, вазиров, сафи и других разделены государственной границей на две части).

В ответ на это пограничные пуштунские племена немедленно восстали. Наивысшего подъема волнения достигли в 1897 г. Сплоченностью и стойкостью в борьбе с англичанами особенно отличались вазирь и афридии. Так как военные действия от-

дельных племен были плохо согласованы, это значительно ослабило восстание и обусловило его поражение, но не означало действительного подчинения пуштунов. Несмотря на многочисленные военные и карательные операции английских войск, горные племена вели непрерывные бои и сохраняли фактически свою независимость.

В 1901 г. английские власти создали Северо-Западную пограничную провинцию, которая разделила пуштунов новыми административными границами. В провинцию, состоящую из шести округов (Хазара, Мардан, Пешавар, Кохат, Банну и Дераисмаилхан), вошли пуштуны, преимущественно живущие на равнинах, пуштуны же горных районов были включены в состав специально созданных шести агентств, остальная часть пуштунских племен была включена в состав Белуджистана.

В экономическом развитии агентства значительно отставали от административных округов, а новые административные границы, несомненно, затрудняли национальную консолидацию пуштунов.

У различных племен пуштунов степень сохранности родоплеменных отношений была далеко не одинакова. Наиболее отчетливо они сохранились у горных племен, т. е. в основном у той части пуштунов, которая проживает за пределами административных округов. До настоящего времени значительную роль в их жизни играет «джирга», или народное собрание, в которой, как правило, участвуют лишь взрослые мужчины. «Джирга» обсуждает все наиболее важные вопросы, связанные с жизнью племени.

У равнинных пуштунов в связи с более быстрым развитием капиталистических отношений родоплеменные отношения подвергались большему разрушению, хотя и здесь до сих пор пуштуны сохраняют племенные наименования.

В 1919 г. в пуштунских районах началось новое антианглийское восстание ряда племен, в связи с чем английские власти отказались от мысли о полной оккупации территории пограничных пуштунских племен.

Развитие капиталистических отношений в Пуштунистане в 20—30-х годах XX в. (главным образом в административных округах) привело к росту национального самосознания и национальной консолидации пуштунов. Уже в начале 1921 г. выдающийся деятель национального движения пуштунов Абдул Гаффар-хан создает первую политическую организацию «Анджуман-и ислах-и афагина» (Общество прогресса афганцев). Ее главной целью было проведение аграрных реформ и культурно-просветительных мероприятий.

В 1929 г. в связи с новым подъемом антианглийского движения Абдул Гаффар-хан основал новую политическую организацию — «Пухтун джирга». В дальнейшем она стала называться Афганской молодежной лигой и отличалась от первой

не только характером своей деятельности, но и социальным составом. Члены «джирги» принадлежали к молодому поколению пуштунской интеллигенции, среди которой была значительная радикально настроенная мелкобуржуазная прослойка.

Лига потребовала от колониальных властей независимости для всех пуштунов Британской Индии. Она боролась за прекращение среди пуштунов религиозно-сектантской розни и племенных междоусобиц, которыми обычно пользовались англичане, неоднократно провоцировавшие столкновения пуштунов-шиитов и пуштунов-суннитов. В апреле 1930 г. в Отманзан съезд Лиги принял программу и обращение ко всем пуштунам, чтобы во имя борьбы за независимость они вступали в ряды Лиги и пополняли отряды так называемых худаи хидматгаран (слуг божьих). Вскоре они стали называться отрядами краснорубашечников (сурхпош).

В 1930 г. Абдул Гаффар-хан был заключен английскими властями в тюрьму, но на территории пуштунов продолжала нарастать национально-освободительная борьба, явившаяся частью общенационального подъема и которая была тесно связана с антиимпериалистическим движением других народов Индии. В это время отряды краснорубашечников уже насчитывали около 300 тыс. человек.

Под влиянием тяжелого аграрного и промышленного кризиса 1929—1933 гг. появилась тенденция к объединению антиимпериалистического движения пуштунов с антифеодальными выступлениями, наиболее ярко проявившаяся в массовом восстании момандов, баджаурцев, крестьян Дира и отдельных районов Пешаварского округа. На подавление восстания момандов английские власти направили 30 тыс. солдат и офицеров. Часть земель оседлых момандов за административной границей оставалась оккупированной карательными войсками вплоть до 1947 г.

Лозунги краснорубашечников, призывавшие к активной антиимпериалистической борьбе и национальному объединению пуштунов, приобрели большую популярность среди широких слоев последних. Их отряды состояли преимущественно из крестьян и ремесленников, однако у руководства находились представители местной интеллигенции, тесно связанные с мелкопоместными помещиками и торговцами.

Пуштунский национализм, формировавшийся в ходе освободительной борьбы пуштунов, имел глубоко радикальный характер. Его носителями с самого начала были не только патристически настроенные помещики, вожди племен и представители зарождавшейся буржуазии, но и массы крестьян и рядовых членов племен.

В настоящее время, несмотря на существование пережитков племенных отношений, пуштуны составляют единый народ, идущий по пути национальной консолидации. Этому способствуют

единый язык, долгая совместная борьба против иноземных захватчиков за национальную независимость, все возрастающая экономическая общность, а также общность материальной и духовной культуры. Одним из показателей формирующегося национального самосознания народа является наличие развитой литературы на родном языке. Значительный толчок развитию литературы в конце XIX — начале XX в. дало патриотическое движение краснорубашечников.

В 1937 г. Мусульманской лиге, создавшей свое отделение в Северо-Западной пограничной провинции, удалось значительно укрепить свои позиции. У руководства провинциального отделения Лиги стояли помещики, некоторые ханы пограничных племен, а также крупные купцы, подрядчики и представители местной бюрократии. Провинциальное же конгрессистское правительство, созданное в 1937 г., не оправдало надежд средних слоев пуштунской интеллигенции — почти все ведущие посты в административном аппарате по-прежнему были заняты выходцами из других национальных районов Индии.

В этот же период лидеры краснорубашечников выступали в защиту помещиков, против рядовых членов этой организации, что привело к падению влияния организации краснорубашечников на территории племен.

В 1947 г. английское правительство опубликовало декларацию, которая предусматривала создание двух государств — Индии и Пакистана, вопрос о вхождении Северо-Западной пограничной провинции в Индию или Пакистан должен был решить референдум. Эта же декларация, вошедшая в историю под названием Закона о независимости Индии, предусматривала, что административное положение территории пограничных пуштунских племен будет определено после образования Индии и Пакистана на основе переговоров между представителями племен и правительством того государства, к которому отойдет Северо-Западная пограничная провинция. В этом проекте английские власти делали ставку на дальнейшее расчленение пуштунского народа, противопоставляя горные племена пуштунов пуштунам, проживающим в административных округах.

Одобрение Конгрессом Закона о независимости Индии и предстоящий референдум, который должен был состояться с 6 по 16 июля 1947 г., вызвали недовольство пуштунских националистов. На «джирге» в Банну они выдвинули лозунг образования независимого государства пуштунов — Пуштунистана и потребовали поставить вопрос о его создании на голосование во время референдума. Английские власти отказались включить в референдум вопрос о Пуштунистане. Тогда организация краснорубашечников приняла решение бойкотировать референдум. Такое же решение приняла организация «Анджуман-е-ватан», которая выражала интересы пуштунов, проживающих в Северном Белуджистане.

Из 573 тыс. избирателей в референдуме участвовало всего 293 тыс., из них 289 тыс. (49% общего числа имеющих право голоса) высказалось за присоединение к Пакистану.

Учитывая итоги референдума и сложившуюся обстановку, Абдул Гаффар-хан возобновил переговоры с М. А. Джинной, первым генерал-губернатором Пакистана, заявив о согласии краснорубашечников на вхождение в Пакистан при условии предоставления Пуштунистану полной провинциальной автономии. Это требование было отклонено Мусульманской лигой.

Сам М. А. Джинна все же понимал, что необходимо сделать какие-то уступки пуштунам. Он приказал в 1947 г. вывести войска с территории племен (из Вазиристана и других районов). Пакистанское правительство хотело успокоить и привлечь на свою сторону пуштунов, так как предполагало использовать их в намечавшемся походе на Кашмир.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОСЛЕ ДОСТИЖЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Вначале Пакистан состоял из двух географически разобщенных и этнически, экономически и политически малосвязанных районов: Западного и Восточного Пакистана (Восточная Бенгалия). В данной главе речь пойдет о Западном Пакистане, который теперь и образует Исламскую Республику Пакистан. О Восточной Бенгалии будет говориться постольку, поскольку она до декабря 1971 г. входила в Пакистан.

В этническом отношении Пакистан — страна многонациональная. Его населяют четыре основных крупных народа: панджабцы (26,2 млн., или 61% населения), пуштуны (6,8 млн., или около 15,8%), синдхи (5 млн., или 11,6%) и белуджи (1 млн., или 2,3%). Таким образом, эти четыре народа составляют свыше 90% населения Пакистана¹⁹ и живут в четырех его провинциях: Западном Панджабе, Северо-Западной пограничной провинции, Синде и Белуджистане. В целом это отвечает этнолингвистическому принципу.

Лозунг, принятый в Пакистане, «одна страна — один народ» должен обозначать, что все граждане Пакистана являются единой нацией. Официальная же пакистанская статистика учитывает лингвистическую, а не этническую принадлежность граждан страны, что создает известную трудность в определении этнического состава населения, так как лингвистическая принадлежность не всегда совпадает с этнической.

Кроме перечисленных основных народов в стране живет еще целый ряд малых народностей и национальных меньшинств, речь о которых пойдет дальше.

Как известно, после раздела Британской Индии на два государства правителям княжеств было предоставлено право

присоединиться или к Индии, или к Пакистану. В период с октября 1947 по март 1948 г. о вхождении в состав Пакистана заявили правители всех 10 княжеств, расположенных на территории этой страны.

Таблица 3

КНЯЖЕСТВА, ПРИСОЕДИНИВШИЕСЯ К ПАКИСТАНУ*

Название княжества	Площадь, кв. км	Численность населения 1951 г., тыс.	Родной язык большинства населения	Про- цент грамот- ных	Титул правителя
Бахавалпур	44 700	1 823 125	Панджаби	14,2	Эмир, наваб
Хайрпур	15 500	319 453	Синдхи	5,5	Мир
Калат	78 000	282 945	Брагуи	7,3	Хан
Макран	60 000	138 691	Балучи	3,6	Наваб
Лас Бела	18 300	75 769	Синдхи	2,7	Джам
Харан	48 100	54 573	Балучи	3,3	Наваб
Читрал	14 800	105 724	Кховар	0,6	Мехтар
Амб	528	49 656	Пушту	2,9	Наваб
Дир	7 620	148 648	Пушту	0,9	Хан
Сват	7 620	518 596	Пушту	0,2	Вали

* W. A. Wilcox, The Consolidation of a Nation, New York and London, 1964 стр. 82—83.

Ведущее место как в экономической, так и в политической жизни Пакистана принадлежит наиболее многочисленному народу — *панджабцам*, составляющим абсолютное большинство провинции Западный Панджаб и бывшего княжества Бахавалпур.

Отдельные группы панджабцев живут во всех районах Пакистана. Так, в Синде их свыше 150 тыс., но здесь они нигде не составляют компактного большинства, в Белуджистане их около 80 тыс., из них около половины живет в столице провинции — г. Кветте, насчитывая около 40% общего числа горожан. Свыше 100 тыс. панджабцев живет в Карачи, составляя там около 6% населения²⁰.

Подавляющая часть *пуштунов* (около 95%) расселена на территории Северо-Западной пограничной провинции и в так называемой полосе племен (здесь они составляют подавляющее большинство — 90—99% жителей). Среди других народов они известны еще под названием патанов. Эта территория, или, как ее называют, Специальная зона, включает шесть агентств: Момандское, Малакандское, Хайберское, Курамское, Северный и Южный Вазиристан. Все эти агентства расположены вдоль границы Афганистана, главным образом к югу от р. Кабул. В каждое из этих агентств правительство назначает политического агента с ограниченными правами, который подчиняется непосредственно правительству.

У пуштунов до настоящего времени сохранились сильные (особенно в районе агентств) пережитки родо-племенного деления, в силу чего за ними сохраняется условное название племен. Количество их велико, но самыми крупными группами племен являются юсуфзай, вазиры и афридии²¹.

Таблица 4

ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ ПЛЕМЕН ПУШТУНИСТАНА*

Название племени	Территория расселения	Численность, тыс.
Юсуфзай	Малакандское агентство	700
Вазиры	Северный и Южный Вазиристан	500
Афридии	Хайберское агентство	400
Моманды	Момандское агентство	250
Утманхель	Малакандское агентство	200
Тарклани	Баджаур	150
Оракзай	Курамская долина	250
Тури	»	80
Хаттаки	Пешаварский округ	200
Давары	Северный Вазиристан	200
Какары	Северный Белуджистан	70

* «Tribal Areas of West Pakistan», Karachi, 1963.

Этот перечень далеко не исчерпывает список племен Пуштунистана.

Синдхи — третий крупнейший народ Пакистана, их насчитывается 5 млн. Основная часть синдхов живет в провинции Синд, они также составляют подавляющее большинство в бывшем княжестве Лас Бела, вошедшем в провинцию Синд. Кроме того, 30% населения Белуджистана и бывшего княжества Калат (по данным переписи 1951 г.) признало родным языком синдхи, что составляет около 85 тыс. человек²².

Белуджи, которых насчитывается 1 млн., компактно живут в провинции Белуджистан, расположенной на юго-западе Пакистана, здесь их около 400 тыс. Они же составляют почти 100% населения бывшего княжества Макран и 80% бывшего княжества Харан. Теперь эти княжества после ряда реорганизаций включены (как и княжество Калат, где более 50% населения составляют брагуи) в состав единой провинции Белуджистан.

Несколько иное положение сложилось на севере Белуджистана, где белуджи живут попеременно с пуштунскими племенами. В некоторых округах численное преобладание белуджей сравнительно невелико, например в Чагае — 60% и Сиби — 54%²³.

Если в самом Белуджистане живет около 400 тыс. белуджей,

то в соседнем Синде их 450 тыс. Однако, несмотря на их численный рост, белуджи ни в одном районе Синда не составляют большинства. Около 100 тыс. белуджей живет в Карачи.

По занимаемой территории и двум основным группам диалектов белуджи провинции Белуджистан разделяются на две ветви: макрани — на юго-западе, получившие свое название от исторической области Макран, и сулеймани — на северо-востоке.

У белуджей, как и у пуштунов, сохранились довольно устойчивые пережитки родо-племенных отношений. М. Г. Пикулин в книге «Белуджи» перечисляет несколько сот белуджских племен и их подразделений, проживающих в Пакистане²⁴.

Брагуи живут компактно в бывшем княжестве Калат. Они единственный дравидоязычный народ Пакистана. Но даже в Калате (по данным 1951 г.) брагуи составляли лишь 52% населения и в Харане — 20%²⁵. О численности брагуев приводятся самые противоречивые сведения. Согласно переписи 1961 г., в Пакистане 365,7 тыс. человек считали брагуи своим родным языком. Кроме Калата и Харана брагуи живут еще и в других районах Белуджистана (Кветта-Пишин, Сиби, Чагай). Несколько десятков тысяч брагуев населяют северные районы Синда²⁶.

У них, как и у пуштунов и белуджей, в значительной мере сохранились пережитки родо-племенного деления. В книге «Брагуи» М. Г. Пикулин приводит список брагуйских племен и их подразделений, которых насчитывается около 150²⁷.

На севере Пакистана, в горных труднодоступных районах живет ряд малых народов²⁸, крупнейшим из которых являются читральцы, или кхо, составляющие основную часть населения княжества Читрал. Читральцев насчитывается около 95 тыс. человек.

В горах Юго-Западного Читрала живет еще небольшая группа почти неизученных племен, которых условно называют кафирами. Основная масса их обитает в Нуристане (Восточный Афганистан). В Пакистане их насчитывается 3—4 тыс. человек. К кафирам относятся калаши и племена, говорящие на диалектах дамели и пхалури.

На севере Дира живут две небольшие группы, занимающие промежуточное положение между кафирами и другими народами Гиндукуша, — гаври и торвали. Несмотря на многие архаические черты их жизненного уклада, на них сказывается влияние пуштунов.

В Северном Пакистане, в той части долины Инда, где она принимает западное направление, обитают многочисленные мелкие племена, общая численность которых около 65 тыс. Они говорят на близких диалектах, в которых сильно проявляется влияние пушту и других языков. Эти диалекты объединяют по названию области Кохистан в группу кохистани. Сами же пле-

мена известны под общим собирательным названием «кохистанцев», т. е. «горцев».

С осени 1947 г. под контролем Пакистана находятся Гилгит, Хунза, Нагар и Балтистан, т. е. северные и западные районы бывшего княжества Джамму и Кашмир, которые образовали «Азад Кашмир», т. е. «Свободный Кашмир».

В Гилгите, расположенном вдоль долины р. Гилгит, живут различные народы, крупнейший из них — шина. Их насчитывается около 100 тыс. человек.

В Хунзе и Нагаре (к северу от Гилгита) живут буриши, или вершики. По оценочным данным, их насчитывается от 20 тыс. до 50 тыс. На севере Кашмира, в долине Инда, лежит Балтистан, народ которого — балти — насчитывает свыше 200 тыс. человек.

Сложному этническому составу Пакистана сопутствует и многоязычие. На территории страны распространены языки, принадлежащие к различным языковым семьям и группам. По Конституции 1962 г., национальным языком, занимающим господствующее положение во всех сферах жизни Пакистана, является урду.

Подавляющее большинство народов Пакистана говорит на языках двух групп индоевропейской семьи: индоарийской (или североиндийской) и иранской.

На индоарийских языках говорят панджабцы (язык панджаби) и синдхи (язык синдхи). Кроме них этот язык употребляют многочисленные переселенцы из различных штатов Индии. Здесь преобладают урдуязычные и хиндиязычные выходцы из Северной Индии. По данным переписи 1961 г., на языке урду говорит 3,3 млн. человек.

На иранских языках говорят пуштуны (язык пушту), белуджи (язык балоч, или балучи) и ормури. Последний употребляет небольшая группа жителей Пакистана.

Вплоть до недавнего времени в индоевропейской языковой семье выделялась особая дардская группа, на которой говорят кохистанцы, читральцы, или кхо, шина, гаври, торвали, кафиры и группа племен (калаша, дамела, пхалурн), использующая особый диалект, условно называемый кафирским. Это мнение не является общепризнанным.

В настоящее время часть исследователей отрицает существование особой дардской группы индоевропейских языков. Эти языки вместе с кафирскими включают в состав кашмири. Язык небольшого народа буришей, или вершиков (бурши, буршаски), живущих на севере Пакистана, исследователям пока не удалось отнести ни к одной из существующих лингвистических групп.

К дравидийской языковой семье в Пакистане принадлежат брагуи. Хотя язык их является дравидийским, он в значительной степени отличается от южноиндийских. Это в первую оче-

редь касается лексики, в которой сказывается сильное влияние иранских и индоарийских языков.

На языке китайско-тибетской языковой семьи говорят балти, живущие на севере страны.

Особое место в Пакистане, как и в Индии, занимает английский язык. Не являясь родным для какого-либо народа Пакистана, он имеет широкое распространение среди интеллигенции, получающей в основном образование на английском языке, а также в государственных и деловых сношениях. Фактически до настоящего времени английский язык наряду с урду сохраняет роль государственного языка. По данным переписи 1971 г., английский язык назвали своим родным меньше 3% человек²⁹.

На английском языке в 1961 г. выходило 214 периодических изданий. На нем выходят такие влиятельные газеты, как «Пакистан Таймс», «Морнинг Ньюс», «Доон» и «Ивнинг Стар», а также почти все научные и технические периодические издания и литература.

Нельзя не отметить некоторую роль в культурной жизни народов Пакистана арабского, персидского и отчасти турецкого языков. Этому способствует признание ислама официальной религией Пакистана и традиционные связи с мусульманским миром. В Пакистане есть весьма обширная сеть начальных, средних и высших учебных заведений, в которых изучение арабского языка обязательно. Арабский и персидский (по желанию) входят в программу обычных средних школ.

На этих языках есть периодические издания: на персидском три, на арабском и турецком по одному (1961 г.). Согласно переписи 1961 г., арабский язык был родным для 3,4 тыс. человек, а дополнительным к родному в повседневной жизни — для 250,5 тыс. человек³⁰.

Пакистанское правительство решило ограничить сферу распространения английского языка. Оно приняло в 1969 г. решение, что государственным языком должен стать только урду. Срок языковой реформы определен шестью годами. Насколько это окажется реальным — покажет будущее.

Что касается религии, то официальной государственной религией Пакистана, которая пронизывает в значительной мере всю общественную и политическую жизнь страны, является ислам. По данным 1961 г., свыше 97% жителей Пакистана являются приверженцами ислама³¹. Сунниты составляют свыше 90% общего числа мусульман. Остальные жители исповедуют другие религии, главным образом индуизм и христианство. Кроме того, в Пакистане есть немногочисленные общины парсов, джайнов и сикхов.

Известно, что ислам, как и другие религии, не представляет чего-то единого целого. В исламе помимо основных двух направлений — суннизма, считающегося ортодоксальной фор-

мой среди большинства мусульман, и шиизма — имеется много различных сект и толков. Наибольшее распространение сектантство получило в шиизме. Широко представлены различные секты и в Пакистане. Некоторые из них одновременно являются и политическими организациями, которые оказывают немалое влияние на общественное мнение пакистанцев.

Наиболее многочисленной религиозной группой после мусульман являются индусы, насчитывающие в Пакистане свыше 600 тыс. (перепись 1961 г.)³².

Христиан в Пакистане около 600 тыс., и по численности они занимают третье место³³. Преобладают среди них католики. Христиане подразделяются на две большие группы: во-первых, европеизированных англопакистанцев и переселившихся гоанцев и, во-вторых, местное население, принявшее христианство. Первые в основном живут в крупных городах, и некоторые из них занимают ответственные посты в государственном аппарате, в армии и частных компаниях. Много среди них также врачей, юристов, учителей и т. д. В Карачи, где находится резиденция архиепископа, есть четыре высших католических учебных заведения. Особенно славится колледж св. Патрика³⁴.

Есть в самом Пакистане еще две небольшие, но очень влиятельные и богатые религиозные общины: джайнов и парсов. Джайны, выходцы главным образом из торгово-ростовщицеской касты марвари, живут в основном тесно спаянной общиной в Синде, парсы, которых в Пакистане около 6 тыс., — в Карачи (подавляющее большинство), где находится Институт Парси и многие другие учебные, культурно-просветительные, деловые организации и учреждения³⁵.

Сикхов в Пакистане (некогда весьма многочисленных в Панджабе, Синде и Северо-Западной пограничной провинции) мало. Это в основном представители очень богатых торгово-промышленных слоев, которым пакистанское правительство сразу предоставило пакистанское гражданство и которых взяло под свою охрану.

Некоторое число сикхов постоянно живет при многочисленных сикхских святынях, расположенных на территории Пакистана. Многие из этих святых мест непосредственно связаны с жизнью гуру Нанак (1469—1538), основателя сикхизма. В дни крупных сикхских праздников многочисленные паломники прибывают сюда не только из Индии, но и из других стран³⁶.

У пуштунов и белуджей и особенно у народов пригиндукушских районов, подвергшихся исламизации сравнительно недавно, сохранялись пережитки более древних народных верований. Так, пуштуны почитают священные камни, могилы героев, «святых» и просто набожных людей. Эти места паломничества называются зиаратами.

У читральцев кое-где в горах сохранились капища старых

языческих богов. Очень сильные пережитки различных народных верований и обычаев сохранились у шина, кохистанцев и кафилов. Последние приняли ислам только в конце XIX в., и он носит у них самый поверхностный характер³⁷.

* * *

После раздела Индии в 1947 г. генерал-губернатором Пакистана стал признанный лидер Мусульманской лиги М. А. Джинна. Он выражал интересы крупной мусульманской буржуазии, тесно связанной с торгово-ростовщической группой ходжа, одной из наиболее активных деловых групп Пакистана.

В конце октября 1947 г. пакистанское правительство развязало войну пуштунских племен против Кашмира, так как оно считало, что включение княжества в состав Индии противоречит теории «двух наций» (свыше $\frac{3}{4}$ населения Кашмира исповедует ислам) и может создать нежелательный прецедент для них в будущем.

Почему именно пакистанское правительство решило использовать для вторжения пуштунские племена, главным образом афридиев, часть юсуфзаев и масудов? Здесь преследовалась двойная цель: во-первых, пакистанское правительство хотело снять с себя ответственность за вторжение в Кашмир, переложив всю вину на племена, которые якобы неуправляемы и мало считаются с намерениями центральных властей, и, во-вторых, направить активность пуштунских племен в желательном для себя направлении, ослабить их антипакистанские настроения и борьбу за Пуштунистан.

Конфликт между Пакистаном и Индией перерос в необъявленную войну, и лишь в конце 1948 г. Совет Безопасности ООН сумел добиться заключения соглашения о прекращении огня. Тогда и были закреплены занятые позиции, которые сохраняются и до настоящего времени в качестве демаркационной линии в Кашмире.

Образование Пакистана не разрешило важнейших противоречий колониального периода: аграрной проблемы и национального вопроса. Выявились глубокие социально-экономические и национальные противоречия. Официальная правительственная доктрина «исламского национализма» и «мусульмане — одна нация», отрицание национальных особенностей многонационального Пакистана, насильственная урдуизация в Восточном Пакистане — все это настораживало широкие слои населения Пакистана.

После смерти М. А. Джинны единоличное господство в стране Мусульманской лиги было подорвано. Происходила поляризация политических сил. В Пакистане возникает ряд политических партий, оппозиционных правящей Мусульманской лиге.

В провинциях — у бенгальцев, пуштунов, синдхов и белуджей — появляются многочисленные национально-демократические организации, требовавшие проведения в стране широких буржуазно-демократических преобразований.

Лидеры различных партий сколачивали недолговременные партийные блоки, в Пакистане продолжалась правительственная чехарда. На выборах 1954 г. в стране победил Объединенный фронт, в который вошел ряд прогрессивных партий. Его предвыборная программа предусматривала серьезные политические и экономические преобразования. Это оказало значительное влияние на дальнейший подъем национально-демократического движения в провинциях Западного Пакистана.

Правящие круги решили нанести решительный удар по национально-демократическим движениям отдельных народов. Несмотря на сильную оппозицию, 14 октября 1955 г. состоялось торжественное провозглашение создания новой единой провинции — Западный Пакистан.

Вместо прежних четырех провинций в стране было создано 12 областей, состоявших из 45 округов, которые в большинстве своем сохранили границы старых английских округов, входивших в провинции. Эти новые областные границы еще более дробили единые народы.

Панджабцы вошли в области Бахавалпур, Дераисмайлхан (куда вошли и многие пуштуны), Лахор, Мултан, Равалпинди и Саргодха. Синдхи были разделены областями Карачи, Хайрпур и Хайдарабад. Пуштуны были включены в область Пешавар, что в целом отвечало этнолингвистическим границам. Малые народы Северо-Западного Пакистана также в основном вошли в эту область. Белуджи и брагуи были поделены двумя областями — Калат и Кветта. Но не бывает худа без добра — в Западном Пакистане были ликвидированы крупные княжества.

Объединение Западного Пакистана в одну провинцию встретило решительное осуждение прогрессивной общественности и национально-демократических партий всей страны. Против этого объединения выступили «Врор пуштун» («Братство пуштунов»), организация краснорубашечников и «Авами лиг» Северо-Западной пограничной провинции, «Синд авами мухаз» (Народный фронт Синда), «Синд хари комити» (Комитет хари Синда) и «Балуч парти» (Белуджская партия). Они требовали восстановления в Западном Пакистане зональной федерации на культурной и лингвистической основе из четырех автономных провинций: Панджаба, Синда, Пуштунистана и Белуджистана.

Следует отметить, что создание единой провинции отрицательно сказалось и на внешнеполитических позициях Пакистана, вызвав напряженность в афгано-пакистанских отношениях. Афганское правительство официально протестовало против вклю-

чения пуштунских земель в эту единую провинцию. Правда, пакистанское правительство сохранило территорию пограничных племен из шести агентств, или, как ее называют, Специальную зону.

Некоторое ослабление напряженности между Пакистаном и Афганистаном произошло лишь в конце 1955 г., когда было достигнуто соглашение об открытии государственной границы между ними для транзита афганских товаров.

Экономическое положение Пакистана продолжало оставаться чрезвычайно тяжелым: сокращалась площадь обрабатываемых земель, падала урожайность, не хватало сырья, горючего и машинного оборудования, росла безработица, увеличивался дефицит внешней торговли.

Попытки правительства усилить налоговый пресс вызвали рост забастовочного движения трудящихся. Массовые крестьянские волнения, охватившие всю страну, оказывали существенную поддержку рабочему движению.

Вся страна бурлила. В таких условиях в Пакистане происходила консолидация левых демократических сил. В 1957 г. возникла новая массовая прогрессивная партия — Национальная народная, объединившая все национально-демократические партии и организации Западного Пакистана. Одним из пунктов в целом ее демократической программы был и такой, как отмена насильственного объединения Западного Пакистана и предоставление автономии национальным районам страны. Национальная народная партия поставила своей целью борьбу за Пакистан, «свободный от оков феодализма, империализма и империалистических тенденций»³⁸.

Эта партия выступала также за демократические и социально-экономические преобразования в стране, и прежде всего за ограничение помещичьего землевладения и осуществление более полной аграрной реформы. Наиболее сильные позиции у этой партии были в Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане.

В 1967 г. крупный западнопакистанский землевладелец Зульфикар Али Бхутто основал Пакистанскую народную партию, объединившую буржуазно-помещичьи круги Западного Пакистана. Особенно сильны позиции этой партии в Панджабе и Синде. Ее лозунгом в предвыборной кампании было строительство «исламского социализма». Правые силы представлены многочисленными партиями, которые несут значительную долю мусульманской религиозной окраски и антикоммунизма. Ведущую роль среди них играла и играет в настоящее время религиозно-политическая партия «Джамаате ислами».

Как уже говорилось выше, в 1957—1958 гг. страну охватил политический кризис. Стремясь преодолеть его и как-то стабилизировать внутривнутриполитическое положение, президент Пакистана Искандер Мирза (1956—1958) ввел в ночь с 7 на 8 октяб-

ря 1958 г. военное положение в стране. Национальное собрание и провинциальные законодательные ассамблеи были распущены, центральное и провинциальные правительства — смещены, запрещены все политические партии, митинги, демонстрации, забастовки и т. д. Руководил всем этим главнокомандующий пакистанской армией пуштун по национальности генерал (позже фельдмаршал) Мухаммад Айюб-хан.

В том же году Искандер Мирза ушел в отставку и М. Айюб-хан, глава военного переворота, принял на себя всю полноту власти. В 1960 г. он был избран, а в 1965 г. переизбран президентом страны.

Деятельность его носила сложный, двойственный характер. Основное внимание правительство Айюб-хана направило на решение насущных экономических проблем в промышленности и сельском хозяйстве и добилось в этом определенных успехов. Программа в области развития промышленности способствовала главным образом возникновению нескольких десятков торгово-промышленных объединений монополистического характера, где руководящую роль играли представители мусульманских торгово-ростовщических каст, переселившихся в Пакистан из Северной и Западной Индии, и наиболее богатые панджабские семейства.

Это усиливало противоречия между бенгальской, синдхской, пуштунской и белуджской национальной буржуазией, с одной стороны, и инациональной и панджабской — с другой.

Уровень жизни народных масс в этот период имел тенденцию к дальнейшему понижению. Забастовочная борьба приняла невиданный размах. Экономическая жизнь Пакистана к марту 1969 г. оказалась фактически парализованной.

25 марта 1969 г. М. Айюб-хан объявил по радио, что положение в стране «ухудшается с каждым днем», и призвал население сотрудничать с вооруженными силами. В тот же день он сложил с себя полномочия президента и передал управление страной главнокомандующему пакистанской армией генералу Мухаммаду Яхья-хану.

Вся полнота государственной власти сохранилась в руках высшего командования. Яхья-хан стал главой военной администрации, а потом был провозглашен президентом Пакистана. Представители армии заняли посты главных администраторов в Восточном и Западном Пакистане. Правительство вновь ввело военное положение. В стране были запрещены забастовки, собрания, демонстрации, а также выступления за административное переустройство в Западном Пакистане. Деятельность политических партий (кроме коммунистической), формально не запрещенная, находилась под контролем военных властей.

Но Яхья-хан не мог не учитывать сложившуюся политическую обстановку в стране. Поэтому в конце ноября 1969 г. он высказал намерение правительства восстановить четыре про-

винции — Панджаб, Синд, Северо-Западную пограничную провинцию и Белуджистан, которые существовали до 1955 г.

В 1970 г. провинции в Западном Пакистане были восстановлены.

Кроме того, Яхья-хан заявил о выборах в Национальную ассамблею в конце 1970 г. Поэтому весь этот год был посвящен предвыборной борьбе различных партий, которых уже было свыше тридцати. Хотя руководители каждой партии, апеллируя к широким трудящимся массам, утверждали, что только они в состоянии осуществить чаяния народа, ни одна партия не могла претендовать на роль всепакистанской.

События 1971 г. — поражение Пакистана в индо-пакистанском конфликте, капитуляция пакистанских войск 16 декабря 1971 г. в Восточном Пакистане и образование Народной Республики Бангладеш — способствовали падению военного режима Яхья-хана. Главой государства стал З. А. Бхутто.

Национальная ассамблея Пакистана 17 апреля 1972 г. одобрила временную конституцию страны, которая 21 апреля вступила в силу. В этот же день в стране было отменено военное положение.

Согласно конституции, страна по-прежнему называется Исламской Республикой Пакистан, но теперь представляет собой федерацию четырех провинций — Панджаба, Синда, Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистана.

Надо сказать, что для многонационального Пакистана первостепенное значение имеет рациональное решение национального вопроса. Так, после выхода Бангладеш из состава Пакистана вновь усилилась борьба синдхов, пуштунов и белуджей за более широкую провинциальную автономию.

* * *

Какими же путями идет национальное развитие отдельных народов Пакистана? На наш взгляд, на этнические процессы в стране влияет целый ряд факторов, из которых три являются основными. Во-первых, стремление крупных народов к более полной региональной автономии, что свидетельствует о все возрастающем национальном самосознании. Во-вторых, массовый приток переселенцев из Индии (по официальным данным, к середине 1963 г. он достиг почти 10 млн. человек), вызвавший целый ряд новых проблем и усложнивший этнический состав страны — появились новые национальные меньшинства. По переписи 1961 г., в Пакистан переселилось 244 тыс. гуджаратцев, 153 тыс. раджастханцев, 143,6 тыс. хиндиязычных выходцев из Северной Индии, 13,3 тыс. ория и 1,5 тыс. маратхов. В-третьих, активная политика правительства по широкому внедрению в стране языка урду и исламской идеологии, что, по мнению правящих кругов, должно укрепить единство страны.

Уровень социально-экономического развития различных народов Пакистана неодинаков. Панджабцы, составляющие подавляющее большинство населения, занимают во многих отношениях привилегированное положение. Еще при англичанах панджабские предприниматели и помещики сильно укрепили свои позиции в экономике и в административном аппарате в Синде, Северо-Западной пограничной провинции, Белуджистане.

В настоящее время крупная панджабская буржуазия и помещики вместе с инациональной буржуазией (выходцы главным образом из Гуджарата и Северной Индии) и частично синдхской господствуют в экономической и политической жизни страны. Панджабцы занимают также ключевые позиции в государственно-управленческом аппарате и в армии. Перевод столицы из Карачи в Исламабад, на территорию Панджаба, несомненно, еще более усилил их экономическое и политическое влияние.

После создания Пакистана почти все панджабцы-сикхи и подавляющая часть панджабцев-индусов переселилась в Индию, в пределы Восточного Панджаба. В то же время панджабцы-мусульмане составили большую часть переселенцев из Индии. Они предпочитали селиться среди родственного им по языку и культуре населения и в какой-то мере органически слились с панджабцами Пакистана. В панджабские районы Западного Пакистана переселилось 5,3 млн. человек. Такое массовое переселение привело к тому, что беженцы составили почти 26% населения этих районов.

Много беженцев-панджабцев (среди них было много богатых и обеспеченных горожан, искусных ремесленников и квалифицированных рабочих) поселилось в городах. Это объяснялось тем, что Панджаб являлся одним из наиболее экономически развитых районов Пакистана (в настоящее время из 16 городов Пакистана с населением свыше 100 тыс. человек 6 расположены в Панджабе).

В западных районах Западного Панджаба издавна жили народности, говорившие на диалектах и говорах, которые не так давно и не совсем правомерно объединяли в особый язык лахнда. Так, по данным переписи 1931 г., на территории современного Западного Пакистана на лахнда говорило около 8,5 млн. человек. Крупнейшими из лахндаязычных групп считались джаты, которых, по переписи того же года, насчитывалось более 3 млн., и аваны — 800 тыс., а также кхокхары, джанджуа и гакхар, живущие в районе Соляных гор. Их численность около 100 тыс. человек³⁹.

Трудно сказать, как обстоит дело с лахндаязычными группами в настоящее время, так как пакистанские переписи 1951 и 1961 гг. включили их в число панджабской этнолингвистической группы, потому что все диалекты и говоры лахнда генети-

чески связаны с панджаби и фактически являются его диалектами. Все они были бесписьменными.

Лахндаязычные народности отличались от панджабцев не только особенностями языка, но и тем, что сохраняли своеобразные черты быта. В настоящее время благодаря более прочным экономическим связям между отдельными районами стал, несомненно, происходить естественный процесс сближения и взаимной ассимиляции джатов и аванов с другими панджабцами. К тому же в материальной и духовной культуре джатов, аванов и панджабцев нет серьезных различий.

Мы уже говорили, что все лахндаязычные народности были бесписьменными. Поэтому после образования Пакистана начальное и среднее образование у них ведется на урду, как и в остальном Западном Панджабе.

Интересный процесс можно наблюдать после введения в 1947 г. графики урду для языка панджаби. Началось сближение различных диалектов лахнда (они все больше становятся говорами только домашнего обихода) и образование единого западнопанджабского литературного языка. В целом тенденция сближения западного панджаби и урду очевидна. Этому способствует близость между этими языками, выражающаяся в сходном грамматическом строе и в наличии в языке панджаби около 50% слов из урду.

Дальнейшее сближение пакистанского панджаби с тем урду, который в Пакистане отличается от первоначальной классической формы, связано с последовательной правительственной политикой вытеснения санскритизмов из обоих языков и широким введением как в панджаби, так и в урду слов, взятых из персидско-арабской лексики.

В первые годы после раздела развитие литературы на панджаби почти приостановилось. Однако в начале 50-х годов на страницах журналов, выходящих на урду, стали появляться стихи на панджаби, а в 1951 г. стал даже выходить журнал «Панджаби». Начала формироваться и мусульманская панджабская проза. Правда, в целом большая часть произведений художественной литературы в Западном Панджабе издается на языке урду, хотя значительная часть авторов — панджабцы. «Панджабская литература в Пакистане развивается под сильным влиянием литературы на урду. Многие поэты-панджабцы двуязычны, пишут как на своем родном языке, так и на урду, отдавая явное предпочтение урду из-за его широкой распространенности»⁴⁰.

Культурным центром панджабцев является старейший в стране Университет в Лахоре (основан в 1882 г.), который готовит национальные кадры. В университете более 6 тыс. студентов, при нем имеется около 50 колледжей с числом студентов, превышающим 31 тыс. Кроме этого, на территории Панджаба размещены еще два высших учебных заведения

университетского типа, созданные в годы независимости,— Западнопакистанский сельскохозяйственный институт в Лаялпуре и Инженерно-технологический в Лахоре⁴¹. Носителями демократических принципов панджабского национализма являются выросший за последнее время рабочий класс, прогрессивная интеллигенция и крестьянство.

В целом же в Пакистане происходит довольно быстрый процесс складывания западнопанджабской нации, которая является господствующей в стране. И совершенно прав, на наш взгляд, П. И. Пучков, когда пишет, что «действие религии как модуса этнообразования можно наблюдать (хотя и редко) и в настоящее время. Например, большую роль в обособлении панджабцев Пакистана от панджабцев Индии играют различия в религии (наряду с государственным размежеванием). Скорее всего панджабцы Пакистана стоят на пути выделения в отдельный этнос»⁴².

* * *

После раздела Индии и включения Синда в состав Пакистана большая часть индусов-синдхов бежала на территорию Индийской республики. Из Синда выехали главным образом мелкие землевладельцы-крестьяне, представители мелкой городской буржуазии, рабочие, интеллигенция и значительная часть индусской крупной буржуазии, т. е. наиболее активная часть населения⁴³. Почти полностью осталась в Синде несиндхская крупная буржуазия, в основном парсы и джайны.

Этот массовый отъезд синдхов из сравнительно мало населенной провинции сопровождался одновременно огромным притоком разнонациональных переселенцев-мусульман из Индии, так называемых мухаджиров.

Последние значительно изменили национальный, религиозный и даже социальный состав населения синдских городов. Мухаджиры заняли многие ключевые позиции в экономике Синда. Третья часть всех квалифицированных фабричных рабочих (особенно в текстильной промышленности, которая в годы независимости получила большое развитие) — мухаджиры. Много их и среди городской интеллигенции, служащих государственных и частных учреждений.

«Группа буржуазии, представленная мухаджирами, будучи пестрой в национальном отношении, не выражает каких-либо определенных интересов. Однако само существование такой мощной инонациональной прослойки в составе городского населения необычайно осложнило национальный вопрос, движение за национальную автономию и весь процесс национальной консолидации синдхов»⁴⁴. Действительно, в результате эмиграции в Индию большого количества синдхов-индусов при большом наплыве мусульман-несиндхов число лиц (в провинции Синд),

для которых язык синдхи являлся родным, значительно уменьшилось.

Таким образом, если в Западном Панджабе произошло в основном замещение одних панджабцев другими и это мало отразилось на этническом составе провинции, то в Синде мы наблюдаем обратную картину.

В Синде относительно высокий процент городского населения — около 30. Отчасти это объясняется тем, что на его территории находилась столица и самый большой город страны — Карачи. Надо отметить, что быстрый процесс урбанизации в Синде происходил в основном в первый период независимости за счет беженцев-мусульман. По переписи 1951 г., они составляли в Карачи 55%. Этот старый политический и культурный центр провинции в значительной мере утратил свой синдхский характер, превратившись в город-космополит.

Такая же картина наблюдается и в других больших и малых городах Пакистана и прилегающих к ним районах. В городах оседали не только квалифицированные рабочие, служащие, ремесленники, но и не имеющие никакой квалификации трудящиеся, которые рассчитывали, что в городах легче найти подходящую работу. Здесь же поселялись крупные предприниматели и торговцы, чьи переведенные из Индии капиталы способствовали повышению развития деловой активности городов.

Быстрый процесс урбанизации продолжался и в последующие годы, но, по-видимому, уже не только за счет беженцев, но и за счет притока из сельских районов.

Обращает на себя внимание еще одно важное обстоятельство, которое в какой-то мере сдерживает процесс национального развития синдхов, — это наличие на территории Синда издавна живущих белуджей и отчасти брагуев. Последних в северной части Синда насчитывается несколько десятков тысяч, и они, по-видимому, ассимилируются белуджами. «Число брагуев здесь за десятилетие 1941—1951 гг. уменьшилось на 13 тыс. человек, или на 36%»⁴⁵.

Численность белуджей в Синде непрерывно возрастает (в 1951 г. — около 450 тыс. и на территории Карачи — около 100 тыс.)⁴⁶.

Во главе национально-демократического движения в Синде стоят либерально настроенные представители местной синдхской буржуазии, широкие круги интеллигенции и прогрессивно настроенные землевладельцы. Справедливые экономические и политические требования находят всегда поддержку со стороны крестьянских организаций, ремесленников и рабочих.

В 50-х годах борьба в Синде велась главным образом за ликвидацию княжеств, за создание единой провинции, против дискриминации языка синдхи.

Одним из основных экономических требований остается, как

и раньше, проведение радикальной аграрной реформы (до сих пор в Синде значительная часть земель принадлежит крупнейшим феодалам-землевладельцам), а также улучшение положения трудящихся и ликвидация безработицы.

Ю. В. Ганковский пишет, что «развивавшееся национальное движение оказывало глубокое влияние на все стороны политической, общественной и культурной жизни Синда. Растет число периодических изданий на языке синдхи (по официальным данным — с 65 в 1954 г. до 96 в 1958 г.). Националистически настроенные историки, писатели, литературоведы усиленно изучают прошлое родной страны и творчество ее народа. Издаются большое число исследований, посвященных истории Синда, синдхскому фольклору, литературе, творчеству крупнейших поэтов. Появляются антологии синдхской поэзии и фольклора. Публикуются критические тексты исторических хроник и произведений классиков синдхской литературы»⁴⁷.

Научным, культурным и политическим центром Синда является Хайдарабад, чему способствует Синдский университет, основанный в 1947 г. в Карачи и переведенный в Хайдарабад в 1951 г. При университете имеется 15 колледжей. В Карачи также расположен крупнейший в Пакистане университет, основанный в 1951 г. Он насчитывает 16 тыс. студентов, и при нем находятся свыше 20 колледжей, главным образом педагогических. Преподаватели и студенты последнего выступают с требованием полного перехода обучения на язык урду.

На своей этнической территории синдхи в школьном образовании пользуются родным языком. Увеличивается также количество часов радиопередач на языке синдхи. Заметный прогресс отмечается и в кинематографии на языке синдхи, которая сделала свои первые шаги всего лишь несколько лет назад. Успех этот объясняется тем, что содержание многих фильмов основывается на богатом фольклоре Синда.

Одновременно с этим ученые Синда проводят интересную работу по изучению истории возникновения и источников литературного языка урду. Недавно здесь вышел в свет труд известного писателя, преподавателя Синдского университета Наби Бакша Хана Балоча «Поэзия на урду в Синде», в котором он утверждает роль Синда как колыбели языка урду. По его мнению (и ряда других исследователей), нет ничего удивительного в том, что урду начал зарождаться в Синде. Он считает, что именно здесь происходило смешение североиндийских диалектов с арабским, персидским и турецким языками, а грамматическую и отчасти лексическую общность (в настоящее время) урду и синдхи объясняет общностью их исторического развития.

Это исследование призвано утвердить роль и значение языка синдхи в Пакистане. Крупная и влиятельная пакистанская газета на английском языке «Доон» писала, что работа Балоча

доказывает, что урду и синдхи — не соперники, а, напротив, дополняют друг друга и что «в тот день, когда будет совершена несправедливость в отношении одного из них, будет подрезан сук, на котором они сидят».

Это высказывание, несомненно, представляет интерес, так как оно в какой-то степени свидетельствует об официальном курсе в языковой политике. Не отрицая самобытность языка синдхи, рецензия в то же время подчеркивает его общность с урду, а следовательно, и возможную перспективу в будущем — постепенное вытеснение синдхи языком урду во многих областях государственно-политической деятельности. Эту же точку зрения достаточно ясно выразил пакистанский журналист Р. Курейши, который писал, что, несмотря на то что каждый район имеет свой собственный характер, язык, обычаи, народную музыку и одежду, пакистанцы — «единый народ» и еще, что «народы каждого района говорят на своем языке, но все же большинство из них может писать, говорить и понимать национальный язык — урду»⁴⁸.

Известно, что защита родного языка является одним из основных проявлений национального самосознания. В этом отношении языковая ситуация в Синде остается и по сей день довольно сложной. В 1972 г. провинциальное собрание Синда одобрило законопроект, объявляющий синдхи официальным языком этой провинции. Это решение вызвало недовольство говорящих на языке урду, которые составляют около 45% населения провинции и живут главным образом в Карачи. Здесь вспыхнули столкновения между двумя группами населения, говорящими на синдхи и урду. Были человеческие жертвы. Сильное недовольство в Синде вызвало намерение правительства расселить бихарцев, которые покидали Бангладеш, на территории синдхов. Это увеличило бы процент говорящих на урду⁴⁹.

* * *

После бурных выступлений пуштунов в конце 40-х — начале 50-х годов против их насильственного включения в Пакистан в Пуштунистане намечается некоторый спад национально-демократического движения. Среди многих причин, которые привели к этому, по-видимому, не последнее место занимают жестокие репрессии в отношении борцов за создание Пуштунистана. Не следует также забывать об относительной экономической слабости и региональной разобщенности пуштунов.

Создание единой провинции в Западном Пакистане вызвало большое недовольство среди пуштунов, которые считали, что это явилось попыткой подорвать их единство и национальную консолидацию. В начале 1960 г. в одном из пуштунских районов состоялась большая джирга племен, которая заявила, что они будут продолжать борьбу за свободу Пуштунистана.

Ни для кого не является секретом, что не племена агентств и княжеств определяют уровень национально-демократического движения в среде пуштунов, что оно в первую очередь определяется уровнем развития капиталистических отношений и численностью рабочего класса и поддерживающего его крестьянства.

После 1947 г. на территории пуштунов осуществлено строительство ряда гидроэнергетических и промышленных объектов, появились и другие, более мелкие предприятия легкой промышленности. Это означает рост численности рабочего класса Пуштунистана, который будет играть все более заметную роль в политической жизни.

После военного переворота в 1958 г. позиции пуштунов несколько усилились. Некоторые группы пуштунских помещиков и буржуазии, связанные с новым правительством и командным составом армии, выдвинулись на руководящие посты в правительственном аппарате, гражданской администрации и вооруженных силах. Как известно, во время второй мировой войны пуштуны усиленно вербовались в англо-индийскую армию. После войны из них образовался значительный контингент офицеров, которые в настоящее время играют значительную роль в армии Пакистана.

Носителями демократического буржуазного пуштунского национального движения выступают прогрессивно настроенная национальная буржуазия и интеллигенция, крестьяне и пока еще не очень многочисленные рабочие.

Центром формирования национальной пуштунской интеллигенции является основанный в 1950 г. Пешаварский университет, в котором обучалось свыше 5 тыс. студентов. При университете имеется 20 колледжей, в том числе Пограничный колледж для женщин. Особенно важно то, что государственные колледжи созданы в некоторых центрах расселения горных пуштунов — в Мардане, Абботабаде, Банну, Кохате и Дераисмайлхане. Для жителей «полосы племен» созданы льготные условия при поступлении на государственную службу. Как отмечает Р. Курейши: «Многие пуштуны теперь стали инженерами, врачами, техниками и государственными служащими»⁵⁰.

Школьное преподавание в этой провинции, как и у синдхов, ведется на родном языке. В настоящее время в ряде городов существуют литературные общества, а в Пешаваре даже Академия пушту. Здесь часто устраиваются литературные конкурсы.

Постепенно развивается драматургия и появилась кинематография на языке пушту. Издаются также журналы и литературные альманахи — «Тахыр», «Ислам», «Тарджумане Афган», «Пушту» и др. Всего на пушту в 1961 г. выходило 8 периодических изданий⁵¹.

Распространению литературы на пушту препятствует низкий

процент грамотных. Это в первую очередь относится к пуштунам, проживающим в агентствах.

Вопрос о создании Пуштунистана, по-видимому, окончательно не снят. Политические деятели все более склоняются к мысли об автономии Пуштунистана в рамках Пакистана.

Надо сказать, что в целом процесс национальной консолидации у пуштунов происходит довольно быстро и идет он, на наш взгляд, независимо от пуштунов Афганистана, или афганцев.

* * *

Четвертым крупным народом Западного Пакистана являются белуджи. Вопрос о вхождении белуджских княжеств и бывшей провинции Британский Белуджистан в состав Пакистана был решен весьма просто — они были присоединены на основе решения малопредставительной джирги ханов племен, состоявшей исключительно из сторонников Мусульманской лиги.

Мы уже говорили, что больше половины белуджей живет в Синде, в Карачи и его окрестностях. Несомненно, ликвидация в 1956 г. белуджских княжеств Харан и Макран, брагуйского княжества Калат и объединение их вместе с Северным Белуджистаном в 1970 г. в единую провинцию Белуджистан будут способствовать росту национального самосознания белуджей. Основное препятствие для этого роста — территориальная разобщенность. Таким образом, пока еще не приходится говорить о каких-либо серьезных процессах национальной консолидации у белуджей, но все же за последние десятилетия некоторые сдвиги произошли. Можно говорить о появлении национального самосознания.

Развитие его у белуджей неразрывно связано с зачатками развития капиталистических отношений в Белуджистане, появления местной буржуазии (главным образом торговой), первых представителей рабочего класса (транспортных и коммунальных рабочих) и белуджской интеллигенции⁵².

О пробуждении национального самосознания свидетельствует появление современной белуджской литературы и прессы. В 40-х годах сформировалась группа белуджских поэтов, получивших современное образование и знакомых с литературами других народов Пакистана и Индии. Поэзия на балучи, известными представителями которой являются Азад Джамалдини (род. в 1918 г.) и Гульхан Насир (род. в 1914 г.), развивается под сильным влиянием поэзии на урду. Особенно велико влияние М. Икбала. Многие поэты белуджи пишут и на балучи и на урду.

Интерес белуджей к родному языку и поэзии привел их к образованию ряда литературных объединений и кружков. В Кветте, столице провинции, создано Общество языка балучи,

опубликованы две грамматики этого языка. В последние годы появились также первые оригинальные прозаические произведения на балучи, значительное место стала занимать и переводная литература. Главными центрами развития литературы на языке балучи являются белуджская редакция «Радио Пакистана», ежемесячный журнал «Уман» (орган Просветительского общества белуджей) и созданная в 1959 г. Белуджская академия⁵³.

Широкому распространению литературы и других знаний в Белуджистане препятствует очень низкий процент грамотности, который намного ниже среднего пакистанского. Поэтому пакистанское правительство стало прилагать усилия для повышения грамотности среди белуджей, сочетая это одновременно с распространением языка урду. Преподавание в школах в настоящее время ведется, как и в Панджабе, на урду. Центральное правительство проводит в Белуджистане активную политику урдуизации. В 1970 г. оно приняло решение о создании Белуджского университета в Кветте. Вне всякого сомнения, этот университет станет очагом для проведения в Белуджистане официальной государственной политики, идеологии и языка урду.

В то же время, как свидетельствуют политические события (развернувшиеся главным образом в Северном Белуджистане), белуджи при поддержке пуштунов активно выступили на защиту своих национальных прав.

Как уже говорилось, для многонационального Пакистана правильное решение национального вопроса имеет первостепенное значение. К чему могут привести ограничения региональной автономии провинций (назначаемые губернаторы), свидетельствуют серьезные беспорядки в декабре 1971 г. в Кветте — главном городе провинции Белуджистан. Причиной беспорядков явилось недовольство населения назначением нового губернатора, сторонника Пакистанской народной партии. Население требовало, чтобы губернатором был назначен председатель Национальной народной партии Вали Хан, получивший на выборах подавляющее большинство мест как в провинциальном собрании, так и в Национальной ассамблее от Белуджистана.

Выступая по этому поводу, Вали Хан заявил, что его партии по праву принадлежат посты губернаторов в Белуджистане и Северо-Западной пограничной провинции, где она получила большинство голосов⁵⁴.

В феврале 1973 г. белуджи начали вооруженную борьбу, протестуя против ареста лидеров оппозиционной Национальной народной партии и роспуска возглавляемой этой партией местного правительства и провинциального собрания. Возвратившийся в декабре 1974 г. из поездки по Белуджистану генеральный секретарь Объединенного демократического фронта (в него входят наиболее влиятельные оппозиционные партии Пакистана) Гафур Ахмад заявил, что проблема Белуджистана может

быть решена только в случае освобождения арестованных лидеров Национальной народной партии и восстановления распущенных провинциальных органов власти. События в Белуджистане (пограничной с Афганистаном провинции), как в свое время в Пуштунистане, очень осложнили пакистано-афганские отношения.

В Белуджистане кроме белуджей, главным образом в бывшем княжестве Калат, живут брагуи, наиболее многочисленные из малых народов Пакистана. У этого народа длительное историческое прошлое, но многовековое политическое и культурное влияние (скорее взаимовлияние) с окружающими их соседями (главным образом белуджами и синдхами) постепенно приводит брагуев к естественному сближению и ассимиляции с белуджами. Этому способствует схожесть и в общественном строе и в быту. До недавнего времени у брагуев не существовало письменности, официальным и литературным языком в княжествах был персидский. В настоящее время на основе арабской графики была создана своя письменность. Преподавание в школах ведется на языке урду.

На севере Пакистана, где живут многочисленные малые народности и племена, в силу сложных географических и исторических особенностей сложилось несколько иное положение. Преждевременно пока говорить о появлении у этих народов национального самосознания и о каких-либо этнических процессах, но это не значит, что у них отсутствует чувство принадлежности к определенной народности или племени. По-видимому, в дальнейшем в этом регионе решающая роль в развитии этнических процессов будет принадлежать государству и влиянию соседних крупных народов. Например, не приходится отрицать экономического, культурного и языкового влияния пуштунов на кохистанцев (и частично на читральцев), что, несомненно, будет способствовать их сближению. Но в то же время это не мешает сближению некоторых малых народов между собой. Так, в последнее время часть буришей переходит на язык соседей кховар⁵⁵.

Создание «Свободного Кашмира», в который был включен ряд малых народов Северного Пакистана, несомненно, является важным фактором, способствующим как хозяйственно-культурному сближению, так и ассимиляционным процессам.

Как уже говорилось, в результате раздела Британской Индии этнический состав Пакистана значительно усложнился в связи с массовым переселением мусульман из Индии. Появились новые национальные меньшинства, наиболее многочисленные из которых — гуджаратцы. Их насчитывается около 250 тыс. Живут они преимущественно в Карачи, Синде и Панджабе. Несмотря на свою относительно малочисленность, гуджаратцы занимают важные позиции в промышленности и торговле страны. Они стремятся не смешиваться с коренным населением и

сохранить свои национальные особенности. У них есть свои школы, в которых гуджарати преподается в качестве основного или второго языка. В 1961 г. на языке гуджарати выходило 11 периодических изданий. На этом языке в Пакистане развивается своя литература.

Не следует недооценивать роль религиозных и сословно-кастовых различий в национальных процессах в Пакистане. Это можно видеть на примере мусульман. Как известно, подавляющее большинство последних индийского происхождения. Ислам отрицал кастовое неравенство, и это было одной из причин быстрого распространения этой религии на территории Индостана. Но характерно, что в местных условиях, где кастовая система являлась и пока еще является одной из основ социальной организации общественной жизни, трансформированная кастовая система в той или иной степени стала составной частью социальной организации мусульманской общины. Прав один из исследователей Пакистана, когда пишет, что «мусульмане в Южной Азии подразделяются на группы, напоминающие касты»⁵⁶. Например, у значительной части мусульман Панджаба и Синда сохранились, хотя и в сильно ослабленной форме, кастовое деление и кастовые организации. Интересно, что Ф. Барт находит кастообразные институты даже в Свате⁵⁷.

Среди огромной массы переселенцев-бедняков из Северной и Западной Индии переселились в Пакистан и представители так называемой гуджрато-марварийской буржуазии, принадлежащей к таким богатым и влиятельным мусульманским кастам, как ходжа, богра и меманы. Именно они в основном и заняли ведущее место в экономике Пакистана и известны под названием «инонациональная буржуазия». Эти выходцы из Индии сохраняют свой замкнутый кастовый характер и свой образ жизни.

Завоеватели-мусульмане, неоднородные в этническом отношении, не только распространили ислам и оказали влияние на этногенез народов Пакистана, но и усложнили социальные отношения на подвластной им территории. Занимая в целом привилегированное положение, они стремились сохранить и закрепить свое особое положение. Так, в Пакистане появилось деление мусульман на «низких» и «высоких». Последние считают себя «благородными», являются действительными (а чаще мнимыми) потомками первых мусульманских завоевателей и делятся на четыре кастоподобные группы — сейидов, шейхов, моголов и патанов⁵⁸, которые противопоставляют себя основной массе мусульман. Мусульмане «чужеземного» происхождения живут главным образом в Панджабе и Синде. В подавляющем большинстве они восприняли культуру и язык народов, среди которых они живут, но все же сохраняют определенную обособленность.

Религиозная принадлежность также оказывает определенное воздействие на этнические процессы. Так, например, среди гуджаратцев есть хотя и немногочисленная, но весьма влиятельная фактически эндогамная группа парсов. Такой же обособленной группой являются джайны. Все приведенные выше обстоятельства в какой-то мере тормозят национальное развитие и консолидацию в Пакистане. Их никоим образом не следует игнорировать.

Важное место в национальной политике правительства Пакистана занимает языковая проблема. Как уже говорилось в свое время, урдуизация встретила решительное противодействие восточнобенгалцев, но в Пакистане теперешних границ она добилась определенных успехов. Если признание родным языком панджабского, пушту, синдхи или балучи не вызывает какого-либо сомнения в национальной принадлежности опрашиваемого, то признание родным языком урду не говорит о ней. Уже отмечалось, что около 3,3 млн. человек в Пакистане назвали родным языком урду, но они пока еще не принадлежат к какой-либо определенной этнической общности. Нет урдуязычного народа, есть только лица, признающие урду своим родным языком, больше всего их насчитывается среди панджабцев и переселенцев из Индии.

Урдуязычные переселенцы живут во многих районах Пакистана, но они нигде, за исключением Карачи, где их около 55% всего населения, не составляют компактного большинства⁵⁹. Не случайно, что еще в 50-х годах студенты и часть преподавателей крупнейшего университета страны в Карачи выступили за замену в системе преподавания английского языка языком урду.

Кроме Карачи наиболее крупный массив урдуязычного населения сосредоточен в районе Лахора. Это понятно: Карачи и Лахор — два главных, наиболее развитых экономических центра, которые привлекали и привлекают многочисленных переселенцев. В последние годы, несомненно, возросла в этом отношении роль Равалпинди и других крупных городов Панджаба и Синда.

Поскольку урду является государственным языком, им в действительности владеет большее число людей, чем указано в справочниках. Наряду с английским урду является языком межнациональных связей в Пакистане, и его роль с каждым годом все возрастает. В противоположность Индии, где попытка сделать хинди единственным государственным языком вызвала бурный протест (в первую очередь среди дравидоязычных штатов), в Пакистане этого не наблюдалось. Здесь, по-видимому, имел место и чисто психологический фактор: урду не является родным языком господствующего народа — панджабцев. Язык урду нейтрален, а потому и более приемлем для остальных народов Пакистана. Характерно, что если в

1961 г. урду назвали родным лишь 7,6% населения, то в 1972 г. — 10% ⁶⁰.

Что касается изданий на языке урду, то в 1961 г. из 823 периодических изданий 542 выходило на языке урду, т. е. больше половины, среди них ежедневные газеты «Имроз», «Машрик» и «Анджам». На этом языке издается большое число книг, он широко используется на радио и в кино. Здесь стоит напомнить, что на урду существует богатейшая классическая средневековая и современная литература, а с ростом общей грамотности приобщение к ней в Пакистане будет возрастать. Как уже говорилось выше, на языке урду ведется преподавание в школах Панджаба и Белуджистана, а в Синде и Северо-Западной пограничной провинции он является обязательным вторым языком.

Целенаправленная правительственная политика на укрепление позиций языка урду приведет, по-видимому, к возникновению какой-то лингвистической общности во главе с панджабцами. Язык урду, несомненно, способствует сближению народов Пакистана. Но, несмотря на это, проблема межэтнических отношений в Пакистане таит много нерешенных вопросов.

БАНГЛАДЕШ

В 1971 г. в результате мощного национально-освободительного движения в Южной Азии появилось новое независимое государство — Народная Республика Бангладеш. Долог и тернист был путь восточных бенгальцев (бангладешцев) к национальному самоопределению. Целый ряд экономических, политических и религиозных причин способствовали тому, что единый бенгальский этнос оказался разделенным между двумя соседними государствами — Индией и Бангладеш.

В этой главе мы остановимся на тех исторических предпосылках, которые помогали сначала объединению бенгальского народа, а потом его разобщению.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
И РОСТ МУСУЛЬМАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Немалую роль в истории бенгальской народности сыграло его географическое положение — северо-восток Индостана в противоположность северо-западу фактически до XIII в. не подвергался иноземным завоеваниям. Менялись лишь правящие династии, но большая часть Бенгалии как историко-географическая область оставалась в рамках одного государства.

Особо важную роль в истории Бенгалии сыграла последняя индусская династия Сенов, выходцев из Южной Индии. Она объединила всю Бенгалию и более ста лет (XII — начало XIII в.) управляла этой страной. В этот период в Бенгалии утвердился ортодоксальный индуизм, ставший господствующей религией, получила развитие санскритская литература и происходило становление бенгальской культуры и языка.

В первой половине XIII в. вся Бенгалия, за исключением Читтагонга, подчинялась дельйским мусульманским правителям [Читтагонг был захвачен Великими Моголами в период правления Аурангзеба (1659—1707)]. В XVII в. Бенгалия стала одной из провинций (субой) империи Великих Моголов. Столицей субы была объявлена Дакка, что, несомненно, способствовало укреплению в ней ислама.

«Мусульманское завоевание не внесло,— как справедливо пишет Ю. В. Ганковский,— в этническую карту Бенгалии никаких серьезных изменений, а сами завоеватели, принадлежавшие к представителям ирано-таджикской, тюркской и пуштунской военно-служилой аристократии, довольно быстро растворились в массе бенгальского населения, усвоили его язык и культуру, это облегчалось относительной малочисленностью завоевателей, тем, что они стояли по своему культурному уровню не выше коренного населения и не имели никаких связей со своей родиной». Через одно-два поколения они стали почти неотличимы «от основной массы бенгальцев»¹.

Подчинение Бенгалии власти мусульманских правителей привело к значительным изменениям в стране. Стараясь расширить в ней социальную опору, правители всячески и не без успеха содействовали распространению ислама. Как и в остальной Индии, ислам в первую очередь принимали те, кто подвергался гонениям со стороны ортодоксального индуизма, или те, кому в кастовой системе индуизма была отведена приниженная роль. Правда, для сохранения своего социального положения переходили в ислам и представители «высоких» индусских каст.

В этот сравнительно длительный период мирного развития расцвела средневековая феодальная литература на языке бенгали.

В дальнейшем, в XIX в., попытки некоторых бенгальских мусульманских просветителей заменить бенгали языком урду не нашли никакой поддержки.

В первой половине XVIII в. независимое развитие Бенгалии было прервано вторжением английских колонизаторов. В битве при Плесси в 1757 г. армия наваба Бенгалии была разбита, и страна почти на 100 лет раньше, чем другие районы Северной Индии, подверглась колониальному захвату и грабежу.

Завоевание Бенгалии, несомненно, привело ее к более раннему превращению в рынок сбыта и аграрно-сырьевой придаток метрополии. Но в то же время она первая в Индии стала втягиваться в сферу капиталистических отношений — в ней появились компрадорско-торговая буржуазия и бенгальская интеллигенция.

Дальнейшее развитие капиталистических отношений и появление собственной буржуазии способствовали росту национального самосознания бенгальцев и превращению Калькутты в крупнейший политический, экономический и культурный центр Бенгалии.

Вплоть до второй половины XIX в. участие мусульман в экономической жизни Бенгалии было незначительным. Торговля, предпринимательская деятельность, административные посты находились главным образом в руках индусов. Они составляли так называемый средний класс. На первых порах индусы-бен-

гальцы формировали бенгальскую интеллигенцию и занимали ведущее положение в политической жизни. Но со второй половины XIX в. в Бенгалии появляются своя мусульманская буржуазия и своя интеллигенция.

Благодаря общности экономических и коммуналистских интересов нарождавшейся мусульманской буржуазии и феодально-помещичьих кругов постепенно происходило их сближение, которое проявилось также и в брачных союзах. Так, в Бенгалии появился свой средний мусульманский класс — «атраф» («ставший благородным») ². Несколько укрепились и бенгальская мусульманская буржуазия, хотя по-прежнему командные посты в экономике принадлежали индусам, главным образом небенгальцам. В деревне также подавляющее большинство крестьян-мусульман эксплуатировалось индусами — крупными землевладельцами-заминдарами. Такое положение создалось в результате особого исторического развития Бенгалии, которая несколько отличалась от других районов Индостана. Таким образом, в Бенгалии создавались условия для разжигания религиозно-общинной розни.

Этим пользовались англичане — во всех сферах экономической, политической и культурной жизни они стали сознательно проводить политику предпочтения мусульманам перед индусами.

Несмотря ни на что, Восточная Бенгалия до 1947 г. развивалась как неотъемлемая часть всей Бенгалии, а бенгальцы, невзирая на религиозные различия, являлись единым этносом. Примером возросшего чувства бенгальского национального самосознания может служить протест против первого раздела Бенгалии по религиозному признаку в 1905 г. Английские колониальные власти стремились путем раздела приглушить рост антиколониальных настроений, затормозить процесс национальной консолидации и усилить рознь между индуистами и мусульманами Бенгалии. В 1911 г. колонизаторы были вынуждены отказаться от этого раздела. Но проект его в какой-то мере подготовил второй раздел 1947 г.

В 1935 г. Актом об управлении Индией англичане закрепили противопоставление мусульманской и индусской общин в стране. Этот Акт обеспечивал мусульманам большинство мест в законодательных органах провинций с преобладающим мусульманским населением. Таковой была и Бенгалия. Таким образом, распространение и укрепление ислама в Бенгалии привело к появлению двух больших этноконфессиональных групп в едином этносе.

В марте 1940 г. на Лахорской сессии Мусульманской лиги была принята резолюция, основной целью которой был раздел Индии по религиозному принципу. Среди угнетенных слоев бенгальцев-мусульман этот проект был встречен с большим сочувствием — с созданием Пакистана они связывали надежды на

улучшение своего экономического положения. Это и предопределило этнополитическое размежевание.

В 1946 г. на выборах в Бенгалии победила Мусульманская лига и ее союзники. Религиозно-общинная рознь приняла характер кровавых столкновений, которые подогревались английскими колонизаторами и различными индусскими и мусульманскими экстремистскими организациями. 20 июня 1947 г. провинциальная ассамблея 56 голосами против 21 высказалась за раздел Бенгалии.

ВОСТОЧНАЯ БЕНГАЛИЯ В СОСТАВЕ ПАКИСТАНА. БОРЬБА ВОСТОЧНОБЕНГАЛЬЦЕВ ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

В колониальный период территория, занимаемая ныне Народной Республикой Бангладеш, была аграрным придатком Калькутты и западных округов Бенгалии, где большинство населения исповедует индуизм. После раздела Британской Индии на Пакистан и Индийский Союз к Пакистану отошло около $\frac{2}{3}$ площади бывшей провинции Бенгалии.

К моменту образования Пакистана (14 августа 1947 г.) Восточная Бенгалия, ставшая восточной провинцией этого государства, по уровню своего экономического развития резко отставала от Западного Пакистана — годовой доход на душу населения был здесь в 1948 г. на 40% ниже, чем в западных областях Пакистана. Этот экономический разрыв не был преодолен и в последующие годы, что связано с некоторыми особенностями социального и политического развития страны.

При образовании Пакистана государственная власть в этой стране перешла при поддержке английских властей к западно-пакистанским земельным магнатам (прежде всего панджабским помещикам) и богатым мусульманским предпринимателям, среди которых преобладали переселенцы из Индии (политические деятели-бенгальцы играли в правящем лагере подчиненную роль).

Основной причиной недовольства бенгальцев было экономическое неравноправие. Действительно, с первых же дней после провозглашения независимости Пакистана в 1947 г. его восточная часть оказалась в неравноправном положении по отношению к Западному Пакистану. Правящий в Пакистане буржуазно-помещичий блок Западного Пакистана тормозил экономическое развитие Восточного Пакистана, стремясь превратить его в аграрно-сырьевой придаток. Об этом свидетельствуют убедительные факты. Население Восточного Пакистана составляло свыше половины всего населения страны, и провинция давала более 70% национального дохода, а получала меньше 30% национального бюджета.

Дискриминация проводилась и в области распределения мест в государственном аппарате, в полиции и вооруженных силах. В федеральных учреждениях восточнопакистанцы составляли меньшинство (около 15%). В целом же из 30% национального бюджета, расходуемых на содержание административного аппарата и государственных служащих, на долю Восточного Пакистана приходилось всего 5%³.

Национальная бенгальская буржуазия проявляла недовольство засильем в Восточном Пакистане выходцев из других районов — гуджаратцев, панджабцев, бихарцев, хиндустанцев и других, т. е. небенгальцев⁴.

Обстановку, сложившуюся в Восточной Бенгалии, осложняло аграрное перенаселение, разорение ремесленников и мелких предпринимателей, не выдерживавших конкуренции с крупными западнопакистанскими фирмами, а также массовая безработица, особенно значительная среди бенгальской интеллигенции.

Результатом стал бурный рост бенгальского национализма и возникновение в Восточной Бенгалии в конце 40-х — начале 50-х годов ряда политических партий, в том числе Народной мусульманской лиги («Авами муслим лиг»), переименованной в 1955 г. в Народную лигу («Авами лиг»), требовавших предоставления этой части Пакистана региональной автономии. Широкие массы трудящихся рассчитывали таким образом улучшить свое бедственное положение, а национальная буржуазия более производительно использовать имеющиеся у них накопления.

Кроме приведенных выше причин бурный рост бенгальского национализма в эти годы был вызван также стремлением правящих кругов Пакистана сделать единственным государственным языком страны урду. Премьер-министр Пакистана Лиакат Али-хан, выступая в 1948 г. против признания бенгальского языка государственным и выражая интересы правящих кругов, сказал, что это является попыткой «расколоть народ Пакистана». «Поскольку Пакистан, — заявлял он, — мусульманское государство, государственным языком может быть лишь язык мусульманской нации, а им является только язык урду, и никакой другой»⁵.

Решение правительства Пакистана ввести в качестве государственного языка только урду привело к взрыву патриотических и национальных чувств в Восточной Бенгалии. Восточно-бенгальцы требовали, чтобы бенгальский язык наряду с урду был признан государственным языком, чтобы была проведена широкая демократизация политической жизни в Восточном Пакистане и предоставлена ему более широкая провинциальная автономия. По городам провинции прокатились мощные демонстрации, свидетельствовавшие о высоком национальном самосознании бенгальцев.

Не встретил поддержки со стороны общественности и проект перевода бенгальской письменности на арабскую графику.

Правые восточнобенгальские лидеры Мусульманской лиги поддержали центральное правительство о признании урду единственным государственным языком, что и явилось одной из причин быстрого падения авторитета Мусульманской лиги в Восточном Пакистане.

Борьба за признание всех прав бенгальского языка продолжалась. В ответ на провозглашение урду единственным государственным языком бенгальские депутаты в Учредительном собрании Пакистана в 1952 г. заявили, что «бенгальский язык — это основа общей культуры мусульман и индусов Восточной Бенгалии», что «вряд ли хоть кто-нибудь из жителей Восточного Пакистана проголосует за то, чтобы урду стал единственным государственным языком страны», что выступления против дискриминации бенгальского языка «не провинциализм, а защита демократии и права самоопределения»⁶.

В конце концов борьба за равноправное положение бенгальского языка увенчалась успехом, и в 1956 г. он был признан наравне с урду одним из государственных языков Пакистана. Это была значительная победа восточнобенгальцев.

О политической зрелости национального восточнобенгальского движения свидетельствуют два обстоятельства: первое — создание из всех оппозиционных партий в декабре 1953 г. Объединенного фронта Восточного Пакистана, нанесшего поражение Мусульманской лиге на выборах в 1954 г.; второе — отказ этих партий (одних раньше, других позже) от религиозно-общинного принципа построения. Это свидетельствовало о демократическом характере новых партий, о росте чувства единства всех восточнобенгальцев независимо от религиозной принадлежности. Основной политической силой Восточного Пакистана становится партия «Авами лиг».

Бенгальское национальное движение неоднократно приводило в Пакистане к кризисным ситуациям (например, в 1952, 1954, 1958 гг.), выход из которых правящие пакистанские круги пытались найти, сочетая отдельные уступки имущей верхушке восточнобенгальского общества с репрессиями против демократических сил.

Рост бенгальского движения в 1962—1968 гг. был одной из причин разразившегося в Пакистане в марте 1969 г. политического кризиса, в результате которого президент М. Айюб-хан передал власть генералу А. М. Яхья-хану и в стране был установлен военный режим. Президент Пакистана Яхья-хан под влиянием общего кризисного положения в стране был вынужден заявить о проведении в конце 1970 г. выборов в Национальную ассамблею, которая должна была выработать новую Конституцию Пакистана, и провинциальные собрания.

В предвыборном обращении «Авами лиг» выдвинула про-

грамму, важное место в которой занимало требование предоставления Восточному Пакистану более полной автономии. Программа предусматривала федеративное устройство Пакистана с предоставлением провинциям, в первую очередь Восточной, широкой автономии с правом на учреждение собственных милицейских и военных подразделений. Функции центрального правительства ограничивались лишь вопросами внешней политики и обороны⁷.

В декабре 1970 г. в Пакистане состоялись первые в истории страны всеобщие выборы, на которых убедительную победу одержала партия «Авами лиг», руководимая шейхом Муджибур Рахманом. Из 162 мест, которые были отведены Восточной Бенгалии в Национальной ассамблее Пакистана (всего было 300 депутатов), «Авами лиг» завоевала 160. За ее депутатов голосовало 13,5 млн. восточнобенгальских избирателей, или 76% принявших участие в голосовании. В провинциальном собрании эта партия получила 288 мандатов из 310.

Национальная ассамблея должна была в течение четырех месяцев разработать проект конституции. При условии одобрения и утверждения ее президентом Пакистана Национальная ассамблея становилась высшим законодательным органом и формировала гражданское правительство, которое должен был возглавить лидер парламентского большинства Муджибур Рахман.

Руководство «Авами лиг» потребовало передачи власти избранному большинству депутатов Национальной ассамблеи и закреплению в Конституции Пакистана права Восточного Пакистана на полную региональную автономию. В тот период Муджибур Рахман не ставил вопроса о предоставлении независимости Восточному Пакистану. Восточнобенгальцы требовали только удовлетворения законных прав и широких демократических преобразований в рамках единого государства, что шло вразрез с корыстными интересами правящих западнопакистанских кругов.

Отказ правящих кругов Пакистана и стоявшей за ними монополистической верхушки западнопакистанской буржуазии и помещиков принять требования «Авами лиг», основанные на демократическом волеизъявлении большинства населения Восточной Бенгалии, до предела накалили обстановку в стране. В начале марта 1971 г. Восточная Бенгалия была охвачена всеобщей забастовкой, которая переросла в кампанию гражданского неповиновения. Прекратили работать предприятия, воздушный, железнодорожный и автобусный транспорт, опустели учебные заведения и закрылись государственные учреждения. Население почти полностью перестало выплачивать налоги.

В ночь с 25 на 26 марта 1971 г. по приказу пакистанской военной администрации Муджибур Рахман и некоторые его помощники были арестованы, а деятельность партии «Авами

лиг» запрещена. Начались массовые репрессии против сторонников этой и других восточнобенгальских партий и организаций.

Многие восточнобенгальцы, как индуисты, так и мусульмане, стали искать убежища в соседней Индии. Число беженцев, по сводным подсчетам достигло к концу 1971 г. свыше 10 млн., почти столько же было и внутренних беженцев, т. е. скрывавшихся на территории самой Восточной Бенгалии. Жестокая антинародная политика Яхья-хана ставила под угрозу само существование восточнобенгальского народа.

В ответ на массовые репрессии военных властей патриотически настроенные восточнобенгальские деятели провозгласили 26 марта 1971 г. независимость Бангладеш, а 17 апреля 1971 г. сумевшие избежать репрессий деятели «Авами лиг» в Муджибнагаре официально провозгласили создание Народной Республики Бангладеш и сформировали временное правительство, во главе которого стал один из руководителей «Авами лиг», Сайед Назрул Ислам. Он заявил: «Я обращаюсь ко всем народам мира, большим и малым, прийти нам на помощь. Военная хунта в Пакистане развязала и навязала нам войну в Бангладеш. Мы не несем ответственности за эту войну»⁸.

Трагические события и все более развертывавшиеся военные действия в Восточной Бенгалии военные власти пытались объяснить вмешательством Индии, которая лишь требовала урегулирования вопроса о беженцах. В декабре 1971 г. широкая антииндийская кампания в Пакистане завершилась тяжелым военным конфликтом между Индией и Пакистаном.

16 декабря 1971 г. почти сотысячная пакистанская армия, находившаяся в Восточной Бенгалии, капитулировала.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В БАНГЛАДЕШ

В настоящее время численность населения в Бангладеш составляет около 75 млн. человек (по данным переписи 1961 г., в стране проживало около 51 млн. человек).

В этническом отношении по сравнению с остальными странами Южной Азии Народная Республика Бангладеш наиболее однородна: почти 98% населения составляют бенгальцы, численно преобладающие во всех административных округах республики. Хотя на территории этой республики живут представители и других народов, но в целом о ней можно говорить как о компактно однородном бенгальском районе со своей древней историей, языком и культурой.

Самой многочисленной группой небенгальского населения являются неоднородные в этническом отношении мусульмане, переселившиеся в Восточный Пакистан после 1947 г. главным образом из Северной Индии, Бихара, Западной Бенгалии и

других районов. Они говорят в основном на языке урду и живут дисперсно, преимущественно в северо-западном и центральном районах Бангладеш, где их часто называют собирательным именем «бихари».

Кроме бихари в Бангладеш живут и другие национальные меньшинства, малые народы и племена, главным образом бирмано-ассамского происхождения (табл. 5). Их общая численность составляет около 500 тыс. человек. Основная масса этих народов живет за пределами Бангладеш, главным образом в Индии.

Таблица 5

МЕСТА РАССЕЛЕНИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ ОСНОВНЫХ МАЛЫХ НАРОДОВ
(по переписи 1961 г.)*

Название	Территория расселения	Численность, тыс.
Чакма	Горный округ области Читтагонг	125
Марма **	» » » »	100
Морунги (мронги)	» » » »	16
Типера (типура)	Север Горного округа, округ Силхет	40
Кхаси	Округ Силхет	50
Гаро	Округ Майменсингх	45
Мунда, санталы	Округа Раджшахи, Богра, Рангпур и Динаджпур	50

* A. B. Rajput, The Tribes of Chittagong Hill Tracts, Karachi, 1965

** Иногда их называют «могх» или «магх». Этот термин, пущенный в обиход, по-видимому, европейцами, означает «пират, разбойник» и т. д. и считается марма оскорбительным и не входит в лексику этого народа.

В Горном округе области Читтагонг малые народности составляют около 30% всего населения. Здесь перечислены только наиболее многочисленные, которые в той или иной мере активно участвуют в политической и экономической жизни страны. Некоторые малые народности и племена насчитывают всего по несколько тысяч человек, а иногда и меньше.

Государственный язык Бангладеш — бенгальский, на нем говорит около 99% всего населения страны, урду распространен главным образом среди бихари. В Бангладеш, как и в других странах Южной Азии, среди интеллигенции и в деловой сфере широко распространен английский язык. Обучение в высших учебных заведениях ведется главным образом на английском. Некоторое распространение (как священный язык Корана) имеет и арабский.

Большая часть жителей Бангладеш — 80,4% — исповедует ислам, 18,4 — индуизм, 0,7% — буддизм. В 1961 г. буддистов насчитывалось около 400 тыс., большинство их живет в Горном округе Читтагонга. Буддизм исповедуют все марма и чакма.

В стране насчитывается около 500 монастырей, различных храмов и святых мест, связанных с буддизмом. Функционируют школы, в которых изучается священный язык буддистов пали⁹. Христианство в Бангладеш широкого распространения не получило. В 1961 г. насчитывалось всего около 150 тыс. христиан. Христианство принимали и угнетенные индусские касты и малые народности. Так, большая часть гаро — католики¹⁰.

Несмотря на то что за период 1947—1956 гг. из Восточной Бенгалии в Индию переселилось около 4 млн. восточнобенгальцев-индуистов, их там остался значительный процент. Таким образом, и в настоящее время в Бангладеш сохранилось деление восточнобенгальцев на две большие этноконфессиональные группы, что создает определенные сложности в национальном развитии и строительстве. Ясно одно: восточнобенгальцы-индуисты, которые составляют довольно значительную часть населения Бангладеш, активно участвовали в политической и экономической жизни Восточной Бенгалии, когда она еще входила в состав Пакистана. Внесли они свой вклад и в национально-освободительную борьбу, в ходе которой окрепло чувство принадлежности к единому бангладешскому народу.

Конечно, военные действия на территории Восточной Бенгалии принесли стране неисчислимые бедствия, но развернувшаяся партизанская война как составная часть национально-освободительного движения способствовала росту национального самосознания восточнобенгальцев и создала предпосылки к объединению их в единую этническую общность.

Не следует, конечно, забывать о том, что раздел Бенгалии в 1947 г. новыми государственными границами и вхождение восточной ее части в течение 25 лет в состав Пакистана привел до некоторой степени к обособленному, самостоятельному развитию восточных бенгальцев как в области языка, так и традиционной культуры. Например, до раздела в основе общенбенгальского литературного языка был калькуттский, т. е. западный, диалект. Так как ведущее место в литературе занимали писатели-индуисты, то их язык отличался обилием санскритизмов. Литературный же язык восточнобенгальцев-мусульман развивался и развивается главным образом на основе восточного даккского диалекта, в словарном составе которого много заимствований из языков урду, фарси и арабского. Эти процессы начались еще в колониальный период.

Различная религиозная принадлежность населения Бангладеш в какой-то мере сдерживает процесс национальной консолидации восточнобенгальцев и, несомненно, оказывает и оказывает влияние на формирование некоторых отличительных черт в материальной и духовной культуре членов двух этноконфессиональных групп.

Несмотря на то что мусульманское духовенство стремится очистить ислам от влияния индуизма, бенгальцы-мусульмане

еще придерживаются ряда индуистских обычаев. Например, часть мусульман в Бангладеш до сих пор отмечает некоторые индуистские праздники, посещает храмы и почитает индуистских богов, придерживается брачных обрядов обеих религий и т. п. В сельской местности мусульмане и индуисты зачастую живут попеременно и всегда все вместе отмечают традиционные сельские праздники.

В свое время военные пакистанские власти и деятели правых реакционных мусульманских партий и организаций пытались разжечь антииндусскую истерию, чтобы расколоть единый блок национально-освободительного движения. Но эти усилия не привели к значительному успеху.

Определенное сдерживающее влияние на национальную консолидацию восточнобенгальцев оказывает существование кастовых (у индусов) и сословных перегородок (у мусульман), т. е. сословно-кастовое самосознание, иногда подменяющее этническое. Но, несмотря на это, провозглашение Бангладеш в какой-то мере подводило определенный итог этнического развития восточнобенгальцев и свидетельствует о начале консолидации их в бангладешскую нацию.

* * *

Как же складываются судьбы малых народов и национальных меньшинств в этом, по существу, мононациональном государстве?

Народы и племена бирманского происхождения живут в Горном округе области Читтагонг, расположенном вдоль индийско-бирманской границы, который делится на три района. В центре лежит Чакма, к северу от него — Монг, а к югу — Бомонг.

Во главе округа, административным центром которого является г. Рангамати (он одновременно и центр района Чакма), стоит назначенный властями области Читтагонг администратор, при котором функционирует Консультативный совет из вождей племен трех районов. Во внутренних делах эти вожди пользуются довольно широкими полномочиями. На местах власть находится в руках местных вождей и старост. Таким образом, в этом округе в основном применяется принцип косвенного управления¹¹.

Чакма живут в одноименном районе, а марма главным образом в Монге и Бомонге, хотя отдельные их племена можно встретить и в районе Чакма. Это объясняется тем, что марма переселились в Восточную Бенгалию тогда, когда чакма уже заняли плодородную долину вдоль р. Карнафули. Миграция марма происходила почти одновременно двумя потоками: по долинам рек на север, в Монг, и на юг, в Бомонг. Обычно в литературе чакма и марма называют «кхисунгтха», что означает

«дети реки». Это название, по-видимому, связано с тем, что большинство их действительно живет на берегах четырех основных водных магистралей округа: Карнафули, Сангу, Фени и Матамахори и в долинах их многочисленных притоков.

У чакма распространена любопытная, но малодостоверная легенда об их происхождении. Они производят свое самоназвание от бирманского слова «чаок», означающее «смешанное происхождение», и считают себя потомками от женщины марма и солдат могольской армии. В этой легенде интересно то, что чакма не отделяют себя полностью от марма.

Правда, длительные контакты чакма с бенгальцами и отчасти европейцами отразились на их языке. В противоположность марма чакма почти полностью утратили свой язык и говорят на бенгали или, точнее, на читтагонгском диалекте этого языка, который заметно отличается от даккского.

Распространению языка бенгали и некоторому сближению между бенгальцами и чакма способствовали длительные экономические и культурные связи. И здесь, по-видимому, не последнюю роль сыграл географический фактор. Почти все деревни и поселки, в том числе и административный центр чакма Рангамати, расположены по течению многоводной реки Карнафули (в ее устье находится Читтагонг), по ее притокам.

Сближение между бенгальцами и чакма, вероятно, будет продолжаться и впредь. Этому, несомненно, способствует осуществление строительства гидроэнергетического комплекса на р. Карнафули в Рангамати. И все же еще не приходится говорить о процессе ассимиляции чакма бенгальцами. Об этом свидетельствует хотя бы численный рост чакма: если в 1901 г. их насчитывалось около 44 тыс., то к настоящему времени эта цифра увеличилась почти втрое. Бенгальское влияние на марма значительно меньше, чем на чакма. Марма говорят, читают и пишут на одном из диалектов бирманского языка (араканском). В светских и духовных школах они изучают бирманский. Об отсутствии у них активных ассимиляционных процессов свидетельствует следующее обстоятельство: если в 1901 г. марма (в теперешних границах) насчитывалось 35 тыс., то, по переписи 1961 г., их численность удвоилась.

Чакма и марма исповедуют буддизм. Несмотря на длительные контакты с бенгальцами, влияние ислама и индуизма почти не прослеживается. Но у них, особенно у марма, в религиозной практике сильны пережитки добуддийских народных верований.

Остальные бирманские народности и племена известны под названием «тоунгхта», или «дети гор». Наиболее многочисленными из них считаются морунги, живущие на склонах гор в глухих лесных районах Бомонга. Такие малочисленные племена бирманского происхождения, как дойгнак, сак, кхианг, банджогги, панкхо, ками и другие, живут в труднодоступных горных

районах на границе с Бирмой и Ассамом и сильно отстали в своем социально-экономическом развитии. У них еще в большей степени, чем у других народностей, сохранились родо-племенные отношения и анимистические религиозные взгляды. В их хозяйственной жизни ведущую роль часто играют собирательство, охота и рыболовство. Но, несомненно, соседство с чакма и марма оказывает на них значительное влияние.

Трудно, конечно, прогнозировать пути дальнейшего этнического развития народов и племен бирманского происхождения. Марма, которые сохранили свой язык, разделены чакма, перешедшими почти полностью на бенгальский. В то же время бенгальский язык для марма все больше становится вторым языком межнациональных связей. Надо учитывать также, что у марма и чакма много общего — общность происхождения, религия, весь быт и обычаи и хозяйственный уклад¹². Поэтому можно предполагать, что в дальнейшем они будут своеобразным этническим ядром, которое явится центром притяжения остальных бирманских народов и племен Бангладеш. Это, конечно, не исключает возможности дальнейшего сближения между бенгальцами и бирманскими народами.

Об остальных малых народах, обитающих в Бангладеш, можно говорить как о национальных меньшинствах, основная часть которых живет на территории Индии. Нельзя, конечно, отрицать, что политическая изоляция этих малых народов в новых государственных границах наложила определенный отпечаток на их этническое развитие.

В Горном округе области Читтагонг, на самом севере района Монг, живут типера (или типура), а к востоку от р. Карнафули в районе Чакма — мизо, или лушей. Типера близкородственны народу чин Бирманского Союза, а мизо входят в группу народов куки-чин. В Бангладеш около 40 тыс. типера (в Индии их свыше 150 тыс.). Язык их близок к бирманскому, особенно к языку марма, но в словарном запасе у них много бенгальских слов¹³.

Впервые на территории современного государства Бангладеш типера появились в середине XIX в. Об их роли в этнических процессах в горных районах области Читтагонг пока еще неизвестно, но укрепление их связей с бирманцами Бангладеш, пожалуй, не вызывает сомнения.

Немногочисленные мизо, живущие в Горном округе, в течение долгого времени подвергались воздействию американских миссионеров и в настоящее время в основном исповедуют христианство (баптисты). У них есть молельни, некоторые носят европейскую одежду, но в целом мизо сохранили свой традиционный образ жизни, обычаи и обряды. На языке мизо существует своя литература, выпускаются учебники и словари, которые печатаются на латинском алфавите. Есть у них и миссионерские школы, где преподавание ведется на языке мизо

и которые являются проводниками неоколониалистской политики определенных империалистических кругов.

В северных пограничных округах Бангладеш живет целый ряд других национальных меньшинств, например кхаси (в Индии их свыше 300 тыс.). Живут они в округе Силхет. В Индии и Бангладеш народность кхаси — единственный представитель мон-кхмерских народов. Кхаси Бангладеш принадлежат к подразделению синтенга, или джайнтья (от названия гор Джайнтья на территории Индии). Уже в XVI—XVII вв. они образовали довольно крупное феодальное государство, известное под названием Джайнтья со столицей Джайнтьяпур. Теперь этот городок находится на территории Бангладеш. Следует отметить, что Джайнтьяпур в течение долгого времени был центром взаимовлияния различных культур, религий и этноэтнического населения.

В Силхете кхаси и бенгалцы, как индусты, так и мусульмане, давно живут бок о бок. По-видимому, между ними происходит постепенное культурное сближение. Этому способствует обучение значительной части молодежи кхаси в бенгальских учебных заведениях.

Кроме кхаси в Силхете живут еще немногочисленные мейтхен, или манипури. Окружающее бенгальское население, несомненно, оказывает на них культурное влияние и постепенно их бенгализирует.

На северо-востоке Бангладеш в округе Майменсингх вдоль индо-бенгальской границы живут гаро. Численность их в Индии превышает 250 тыс. человек. В отличие от ассамских гаро, которых называют горными, гаро, живущих в Майменсингхе, называют равнинными.

Равнинные гаро подвергались сильному воздействию различных миссионерских организаций, и в настоящее время около половины их исповедует христианство, главным образом католицизм. Правда, значительная часть гаро сохранила свои племенные религии.

У равнинных гаро все еще сильно чувство общности с горными гаро Индии. Равнинные гаро поддерживают длительные экономические и культурные связи с бенгальцами, безусловно оказавшими влияние на их развитие. Так, гаро Бангладеш перенимали у бенгальцев плужное земледелие, одежду (дхоти), некоторые отказались от свайных построек. В своих религиозных церемониях гаро иногда используют изображение индуистской богини Кали¹⁴. В настоящее время среди гаро все больше распространяется бенгальский язык и возрастает экономическое и культурное влияние бенгальцев. Пожалуй, есть основания говорить о постепенной естественной ассимиляции гаро.

В четырех северо-западных округах Бангладеш — Раджшахи, Богра, Рангпур и Динаджпур — живут мундаязычные санталы, собственно мунда, а также дравидоязычные ораоны, ко-

которые по культурно-бытовым чертам жизни очень близки к народам мунда.

Появление в Бангладеш мунда, санталов и ораонов связано с развитием там в середине XIX в. плантационного хозяйства (главным образом возделывание индиговых). Английские и местные плантаторы использовали эти народности в качестве дешевой рабочей силы. Теперь некоторые бывшие сельскохозяйственные рабочие стали арендаторами и даже владельцами небольших земельных участков. Вне всякого сомнения, мунда, санталы и ораоны, в течение долгого времени жившие вместе, в значительной мере смешались между собой. Все они двуязычны и довольно быстро ассимилируются окружающим их бенгальским населением.

Малые народы и национальные меньшинства, живущие в Бангладеш, постепенно сближаются с бенгальцами, и, несомненно, между ними происходят ассимиляционные процессы. Пока не ясны дальнейшая судьба переселенцев-бихари и их место в этнических процессах Бангладеш. Они живут дисперсно и не внесли (являясь этнически неоднородными) сколько-нибудь существенных изменений в национальный облик страны. Часть их сыграла неблагоприятную роль в национально-освободительном движении восточнобенгальцев.

После создания независимой Народной Республики Бангладеш некоторые мусульмане-небенгальцы покинули или собираются покинуть страну. Но большинство их, по-видимому, останется и адаптируется в новой обстановке.

НЕПАЛ

Непал — независимое государство с конституционно-монархическим строем правления. Он расположен в Гималайских горах и граничит на востоке, юго-востоке, юге и западе с Индийской республикой, на севере — с КНР.

Его территория составляет 141 тыс. кв. км, население, по оценке на 1966—1967 гг., равняется 10,26 млн. человек¹.

Плотность населения крайне неравномерна — в долине Катманду и близких к ней горных долинах сосредоточена большая часть населения (800 человек на 1 кв. км, тогда как в горах, особенно на северо-западе, 11 человек на 1 кв. км). В восточных предгорьях, на границе с Индией, где развито земледелие, плотность населения доходит до 200 человек на 1 кв. км. Ежегодный прирост населения составляет 1,6%².

Около 80% территории страны составляют горы, изрезанные узкими речными долинами, на склонах которых расположены деревни и обработанные террасированные поля. Южная часть, так называемые тераи — узкая полоса низменной, местами заболоченной земли, вытянувшейся с запада на восток, между хребтом Сивалик и индо-непальской границей.

Водные ресурсы страны чрезвычайно богаты — она покрыта густой сетью рек, ручьев и озер, питаемых ледниками, но ирригационные работы затруднены здесь горным характером местности.

Около половины всей территории страны покрыто лесами — тропическими в низинах и смешанными или хвойными на склонах гор. Леса густо населены дикими животными.

Наиболее пригодные для земледелия почвы залегают в тераях и в долинах горных рек. Древним центром культурно-хозяйственной деятельности непальцев является Большая непальская долина, или долина Катманду, где располагается сейчас столица государства — г. Катманду. В этой долине и в меньшей по площади долине Покхара, расположенной к западу от нее, и в тераях сосредоточена большая часть земледельческого населения страны.

Климатические условия Непала тоже крайне неоднородны — от влажного тропического климата в тераях до холодного сурового в высокогорных районах (3,5 тыс. м над уровнем моря). Человеческие поселения в Непале доходят до высоты 5 тыс. м.

Этнический состав населения Непала очень сложен и сравнительно слабо изучен.

Непал, подобно другим странам Южной Азии, отличается большим этническим своеобразием, которое обусловлено рядом исторических причин, воздействовавших в течение многих столетий на процесс формирования его населения. Начиная с глубокой древности эта страна, лежавшая между Индией и Тибетом, привлекала к себе внимание народов, населявших эти страны. Экономико-политическое и идеологическое проникновение в Непал шло, таким образом, с двух сторон — с севера и с юга.

В древности здесь жили племена, говорившие, по-видимому, на языках тибето-гималайской группы и принадлежавшие антропологически к южным монголоидам. Они селились и за пределами южной границы Непала — на землях, лежавших между Гималаями и Гангом³.

История Непала в целом изучена слабо, не говоря уже об истории отдельных народов, населяющих эту страну. Более или менее точные исторические сведения относятся к середине I тысячелетия н. э.

В памятниках традиционной индийской литературы, датируемых началом I тысячелетия до н. э., уже встречаются упоминания о народах Непала и о том, что жители Индии поддерживали с ними торговый обмен, ввозя к ним соль, зерно и ткани и получая «муравьиное золото», т. е. золотой песок⁴, серебро, полудрагоценные камни и другие минералы, а также мелкий рогатый скот и шерсть⁵. В течение многих веков в Непале существовали пункты транзитной торговли (главным образом в долине Катманду и в тераях).

В раннебуддийской литературе и в пуранах (древнеиндийских хрониках) упоминается о том, что Будда был в Непале и проповедовал там⁶, — значит, с середины I тысячелетия до н. э. буддизм стал распространяться также и в Непале, что способствовало многим последующим контактам между Индией и Непалом.

Судя по данным местных традиционных хроник, в I тысячелетии до н. э. (начиная с VI в. до н. э.)⁷ в Непале было крупное государство, возглавляемое династией из местного народа киратов (носителей одноименного языка тибето-гималайской группы), которые постоянно упоминаются в памятниках древнеиндийской литературы. В этих памятниках киратами («кирата» на санскрите означает «горное племя», «всадник», «карлик») часто называли всех жителей Гималаев вообще. В наше время в восточной части Непала живет народ, известный под этим названием (и, видимо, именно к нему следует относить название «кирата» как этноним).

В III в. до н. э., когда в Индии сложилась одна из величайших империй — империя Ашоки Маурья, южная часть Непала была с ней тесно связана, о чем говорят обнаруженные в этих районах каменные колонны с высеченными на них эдиктами Ашоки⁸.

На рубеже нашей эры стали расширяться связи между непальской и индийской (Северный Бихар) частями народа личхави, на основании массового распространения буддизма в этой этнической среде.

В III—VI вв. Непальское государство было тесно связано вассальными отношениями с индийской империей Гупта, и в эту эпоху в Непале стал широко распространяться индуизм. В VII в. оно, ослабленное внутренними распрями, стало вассалом Тибета (Великой Туфанской империи). В XII в. Непал снова обрел самостоятельность, и в его центральных областях в XIII в. возникло независимое феодальное государство Малла, подавляющее большинство населения которого составлял живущий здесь народ неваров. Оно распалось в XV в. на три взаимно враждующих княжества, центрами которых стали города Бхадгаон, Катманду и Патан.

Начиная с первых массовых мусульманских вторжений в Индию, большие группы населения Гангской равнины и прилегающих к ней областей стали уходить в Гималаи. Многие жители раджпутских княжеств, главным образом сами князья и их дружины, уходили в горы и оседали там навсегда. Целая цепь мелких княжеств, возглавляемых раджпутами, образовалась в горах Непала и на нижних склонах гор, окаймляющих Кашмир и Пенджаб и примыкающих с запада к непальским горам.

Так, по существу, на всем протяжении истории Непала происходило тесное взаимодействие двух крупных языковых массивов — народов носителей тибето-гималайских языков и индийских языков, распространенных в Северной Индии.

В результате древних контактов и описанных выше переселений в Непал больших групп представителей народов Северной Индии в Непале образовалось три типа населения, заметно отличающихся один от другого своими антропологическими чертами. Примерно две трети территории страны, считая с севера на юг, а также весь восток заселены народами, характеризующимися в своем подавляющем большинстве ярко выраженным монголоидным типом; на юге и юго-западе и в долине Катманду (древнем центре непальской цивилизации) — европеоидными чертами. В той же долине Катманду и к западу от нее распространено население смешанного характера, вобравшее в себя черты обоих вышеуказанных типов. Эта примерная схема наглядно иллюстрирует основную линию формирования расового состава населения Непала.

Население, относящееся к первому типу, говорит в основном

на языках тибето-гималайской группы, ко второму и частично к третьему — на языках индоарийской группы.

Государственным языком Непала является непали (или кхаскура, или горкхали), относящийся к индоарийской группе.

На языках индоарийской группы говорит в общей сложности около 78% населения, на разных диалектах языка непали (которые известны также под названием пахарских диалектов), по оценке на 1961 г., 4,8 млн. человек⁹, живущих в основной своей массе в центральных и западных областях страны. К индоарийской группе относится еще диалект кхасов (или чхеттри) — кхас-кура, на основе которого и сложился непали, а также язык малочисленного народа тхару (359,6 тыс.), живущего вдоль границы с Индией, в тераях, и языки представителей североиндийских народов, живущих в Непале: майтхили (918 тыс.), хинди (80,2 тыс.), урду (32,6 тыс.), бходжпури (16,4 тыс.) и бенгали (9,4 тыс.).

На языках тибето-гималайской (тибето-бирманской) группы говорят следующие народы, составляющие 22,1% населения страны: магары (273,8 тыс.)¹⁰; гурунги (162,2 тыс.); таманги, или мурми (294,8 тыс.); сунвары (17,3 тыс.) и кираты, или киранти, или кхамбу, или раи (236,5 тыс.), расселенные в средних землях Непала; невары (383,2 тыс.)¹¹, живущие в основной своей массе в долине Катманду; бхотии, или кхам, обитающие вдоль всей границы с Тибетом; тхакали, занимающие на западе земли между бхотиями и кхасами; шерпа, или кангба, живущие у границы с Тибетом, к северо-западу от долины Катманду (общая численность — 70,2 тыс.); лимбу (145,6 тыс.), селящиеся на крайнем востоке Непала (их иногда называют восточной группой киратов); группа мелких народов — тхами, кусунда, дармия, данвары и др., — расселенная на востоке Непала и не превышающая по своей численности 10—15 тыс. человек каждая; группа малочисленных народов — чепанг, кусунда и вайю, — живущая на южном склоне хребта Махабхарат, к западу от долины Катманду (общая численность около 20 тыс. человек).

Высказывались предположения, что некоторые языки этой группы, распространенные в восточной половине Непала, имеют некоторые черты, роднящие их с языками группы мунда.

Для всех языков Непала используется сейчас североиндийская письменность деванагари, но в прежние времена у некоторых здешних народов были свои особые шрифты (так, у неварского языка было свыше 10 разновидностей письма).

Двуязычие в Непале связано в основном со знанием языка непали как второго: свыше 1,2 млн. человек, для которых он не является родным, показали его при переписи как свой второй язык. Английский язык практически знают только интеллигенция страны и представители административного аппарата.

Религией подавляющей массы населения является индуизм — около 90% жителей страны, около 9% населения — приверженцы ламаистской формы буддизма и примерно 2% — ислама.

И буддизм и индуизм являются древнейшими религиями населения Непала. Буддизм стал распространяться здесь с первых веков своего существования, а индуизм в форме раннего брахманизма — по всей видимости, еще раньше, с начала установления контактов между населением Северной Индии (в эпоху расселения здесь арьев) и населением Гималаев. Массовому распространению индуизма в эпоху средневековья, безусловно, способствовало переселение в Непал раджпутов и установление власти князей-индусов во многих княжествах, а впоследствии и во всей стране.

* * *

Раджпуты, переселявшиеся в Непал из Индии, быстро вошли в контакт с кхасами, говорившими на языке индоарийской группы и издревле этногенетически связанными с населением Северной Индии¹². Кроме того, будучи индусами, кхасы издавна имели представления о кастах, и в их среде сложились касты брахманов и кшатриев, из числа которых и образовалась прослойка феодалов-земледержателей (брахманы во многих деревнях Непала являются и ростовщиками)¹³.

Именно среди этой прослойки увидели раджпуты (и члены других «высоких» каст из числа выходцев из Индии) свою основную поддержку, отчего процесс их смешения с кхасами был гораздо более активным, чем с остальными народами Непала.

В XVI—XVII вв. в результате ряда побед над местными князьями правители одного из раджпутско-кхасских княжеств — княжества Горкха — очень усилились и постепенно подчинили себе многие соседние земли и почти всю территорию Непала.

В процессе этой борьбы была создана военная конфедерация племен Непала, возглавляемая горкхскими князьями и называемая конфедерацией гурков, или гуркхов¹⁴. Основное ядро гуркской армии сложилось из раджпутских дружинников и кхасов и из потомков от их смешанных браков. Вокруг этого ядра и на его основе сложилась своеобразная этническая общность, которая и явилась «собственно гурками», или «первыми гурками», из числа высшей прослойки которой позже сформировались правящие круги феодального Непальского королевства — аристократия, духовенство и значительная часть феодальной интеллигенции.

В конфедерацию гурков вошли также местные народы, говорившие на языках тибето-гималайской группы: сначала магары и гурунги, жившие к западу и северо-западу от долины Катманду, позже сунвары и таманги, селившиеся вокруг долины, и кираты (или раи), обитавшие на востоке Непала.

В XVIII в. династия князей из Горкхи, опираясь на военную

конфедерацию гурков, встала во главе единого Непальского королевства, объединив разрозненные княжества страны.

Захват долины Катманду в XVII—XVIII вв. и утверждение во всей стране власти правящих кругов из числа «первых гурков», с одной стороны, повлек за собой процесс быстрой и активной ассимиляции ими многих других народов Непала, и в первую очередь тех, которые вошли в конфедерацию гурков. С другой стороны, эти «первые гурки» усваивали многие элементы материальной и духовной культуры местных народов, преимущественно жителей западной части Непала и областей, окружающих долину Катманду.

Под власть правителей династии Горкхи попали не только местные князья и вожди племен, но и княжеские роды раджпутов, лишившиеся своей былой независимости. Один из них, род Рана, стал с начала XIX в. захватывать руководящие посты в королевстве.

В 1814 г. Англия начала вести военные действия против Непала и после жестокого подавления сопротивления непальцев навязала им в 1816 г. договор, согласно которому она приобрела право на контроль внешних сношений Непала. По договору 1816 г., значительная часть территории Непала на юге и юго-востоке страны была отторгнута и передана в ведение Ост-Индской компании. Английские резиденты стали активно вмешиваться и во внутренние дела Непала. Именно благодаря их поддержке род Рана смог захватить в 1846 г. фактическую власть в стране и практически господствовать в ней в течение 105 лет.

Процессы этнического самоопределения народов Непала всегда протекали неравномерно и неоднородно. Этнические группы индийского происхождения, по-видимому начиная с глубокой древности, вели изолированный образ жизни в окружении гималайских племен, сохраняя свой язык, обычаи и веру. Смешение с местными жителями протекало медленно. После образования конфедерации гурков оно стало более интенсивным, и обычаи «первых гурков» стали распространяться быстрее. Но ни раньше, ни теперь выходцы из Горкхи не отдают своих женщин за мужчин местного происхождения, хотя сами иногда женятся на их женщинах.

В области материальной культуры доминирующими остались местные элементы — сельскохозяйственные орудия, способы обработки и орошения земли, тип жилища, одежды, характер пищи и т. п. В области же духовной культуры верх одержали многие элементы, принесенные из Индии, и прежде всего индуизм со всеми вытекающими из него общественными уложениями и институтами. В их числе первым должен быть упомянут кастовый строй, который, распространившись в Непале, приобрел своеобразный, очень нечеткий характер благодаря целому ряду трансформаций, которые он претерпел здесь в процессе

своего развития. Практически все воины-гурки являются членами одной большой касты, придерживаются крайне сходных обычаев и религии, которая является синкретическим сочетанием элементов религиозно-культовой практики индуизма, частично ламаизма, а также древнейших культов каждого отдельного народа.

Объединение гурков послужило исторически сложившейся платформой для консолидации значительной части непальского населения в большое ядро, связанное сходством экономической жизни, религии и обычаев.

Историческим и культурно-хозяйственным центром процессов консолидации гуркских народов служила и продолжает служить долина Катманду, или Большая Непальская долина, где сосредоточены почти все потомки «первых гурков» и значительная часть местных народностей, позже вошедших в конфедерацию,— в основном военнотружеников и работников административного аппарата¹⁵.

У этого населения, которое первым стало называть себя словом «непали», т. е. «непальцы»¹⁶, и, главное, у правящей прослойки установились давние и прочные связи с народами, входившими в конфедерацию, но живущими за пределами долины Катманду. И эти связи, как экономического, так и культурного характера, способствуют дальнейшему сближению всех этих народов.

Гурки являются также проводниками внешнего влияния и связующим звеном между населением Непала и другими прилегающими странами, так как многие из них служат, как уже упоминалось, вне пределов Непала главным образом в армии. Начиная с середины XIX в. англичане широко вербовали их в свои колониальные войска.

Следует подчеркнуть, что этот массовый непрерывный отток из страны работоспособных и боеспособных мужчин заметно тормозил как экономическое и национальное развитие гуркских народов Непала¹⁷, так и освободительное движение в стране в целом. Кроме того, экономическая зависимость семей гурков от их военных заработков действовала разлагающе и подрывала изнутри единство непальского народа и рост его самосознания: семьи гурков были сравнительно зажиточны и не имели экономического стимула для выступлений единым фронтом со своими соплеменниками или с другими народами страны на борьбу за демократические права. Они являлись наиболее пассивной частью населения как в сфере антифеодальной и антимперналистической борьбы, так и в сфере проявления национального самосознания. Вместе с тем мужчины-гурки способствовали распространению языка непали. Этим они объективно помогали и помогают росту единства непальского народа в целом.

В ряду гуркских народов местного происхождения особое место по своим этническим характеристикам занимают кираты.

Судя по многим упоминаниям о них в памятниках древнеиндийской литературы, видимо, именно они заселяли предгорную область к северу от Ганга на территории современного штата Бихар и восточной части штата Уттар-Прадеш. Имеются сведения, что группы киратов есть и в Тибете¹⁸; полагают, что к киратам относились (или были им этнически родственны) и широко известные в истории древней Индии личчхави¹⁹. Поскольку в памятниках древнеиндийской литературы всех киратов относят к млеччхам, т. е. варварам, именуют их «низкими народами» и т. п. и указывают, что они заселяют и горы, и предгорья (Бихара), то можно с уверенностью полагать, что это название относилось к целому ряду этносов неарийского происхождения.

Народ киратов Непала состоял из двух крупнейших этнических подразделений — кхамбу и лимбу. Вожди этих двух групп получали от правителей государств Непала титулы раи и субба («правители», «начальники»).

В эпоху гуркских завоеваний кираты были подчинены князьям из Горкхи, но лишь кхамбу вошли в конфедерацию гурков. В составе этой конфедерации ко всем кхамбу в целом стали применять название «раи». С тех пор установилась прочная традиция именовать таким образом тех киратов, которые занимают более западную часть их этнической территории. Лимбу, живущие дальше к востоку (и частично в Сиккиме), не вошли в конфедерацию, и их хозяйственное и культурное развитие не было связано с жизнью гурков. Многие исследователи упоминают о них как об отдельном народе, и это является подтверждением заметных изменений в хозяйстве и быте каждого народа (или его части), наступивших в процессе его превращения в один из гуркских народов. Возможно, что после трехсотлетнего периода истории развития кхамбу в лоне федерации гурков о них можно будет говорить не как о части общего этноса киратов, а как об отдельном этносе.

Особенно заметно усилило наступающие социальные и этнические изменения быстрое распространение индуизма в среде народов, вступавших в конфедерацию гурков. Те группы, или части, этих народов, которые территориально были близки к кхасско-раджпутским княжествам (например, южные гурунги и магары), втягивались в процессы культурной, социальной и политической ассимиляции гораздо быстрее, чем живущие в отдаленных горах и практически гурками не ставшие. Эти удаленные части этносов поддерживали (и поддерживают) древние культурные связи со своими соседями-бхотиями, исповедуют ламаистский буддизм и пользуются местными диалектами своих языков, тогда как многие магары и гурунги, втянутые в процесс формирования и развития гуркской конфедерации, практически утратили свой язык и перешли на непали, или кхас-кура²⁰.

Второй после гурков исторически значимой группой населе-

ния Непала являются невары, расселенные в долине Катманду и близлежащих районах (свыше 20 тыс. неваров живет в Индии и приблизительно столько же — в Тибете).

Невары считаются одной из древнейших народностей страны. Их происхождение и само слово «невар» не объяснены с достаточной убедительностью, хотя уже давно исследователи ведут споры по этим вопросам. Некоторые считают, что в их этногенезе участвовали местные женщины и южноиндийские воины-наяры из народа малайяли, которые появились в Непале в XI в. н. э. в качестве солдат завоевательных армий²¹. Даже в наше время гурки называют неваров словом «нияр». В культуре и языке этого народа находят ряд элементов, общих с культурой и языком малайяли²². С точки зрения антропологии невары принадлежат к европеоидам (европеоидные черты преобладают в их внешности), но есть у них и дравидоидные и монголоидные черты.

Их язык, невари, относится к гималайской группе тибето-бирманских языков, но в большинстве своем они знают и язык непали. В языке невари существует большое количество заимствований из санскрита и из тибетского языка (в нем отражены древние исторические контакты неваров с Индией и Тибетом). На этом языке в течение многих веков создавалась литература преимущественно религиозного характера. Древней религией неваров был буддизм, и памятники их литературы хранились в монастырях (во время гуркских завоеваний многие монастыри были разрушены и памятники литературы истреблены).

Хотя невары и не входили в конфедерацию гурков (до 1950 г. неварам не разрешали даже служить в армии²³) и не заключали с ними браков, они подвергались все же сильному влиянию с их стороны. Результатом культурно-ассимиляционных процессов явилось использование неварями шрифта деванагари, которым пользуется и язык непали. Кроме того, они стали более широко исповедовать индуизм вместо частично сохранившегося в их среде буддизма (за исключением главным образом тех, кто занимался торговлей с Тибетом: они считали, очевидно, более целесообразным придерживаться общей с тибетцами религии). Воспринятое неварями кастовое деление приняло своеобразный характер: буддисты тоже делятся на касты, но ни у буддистов, ни у индусов кастовые ограничения не отличаются строгостью.

К середине XIX в. в долине Катманду (по данным тех лет) жило 225 тыс. неваров и всего только 3,6 тыс. горкхов²⁴, а по данным переписи 1952—1954 гг., невары составляли около 55% населения долины Катманду. Живут они главным образом в городах, в их числе примерно 61% городского населения (занимающегося ремеслами и торговлей) и 39% сельского.

Все три крупнейших города Непала были созданы неварями в древности: Патан, называющийся по-неварски Йела, был из-

вестен уже в V в. н. э.; рядом с ним возник Йем, ставший известным с XVI в. как г. Катманду, и Кхвопа — современный Бхатгаон, известный с VI в.²⁵

В наше время невары составляют свыше 68% жителей столицы Непала, а в г. Бхатгаоне — свыше 97%. Интересно отметить, что даже земледельцы-невары живут в городах, как в трех упомянутых, так и в более мелких — Киртипуре, Санкху или Пхарпинге. Чисто неварских деревень в Непале нет.

Более мелкие народы, говорящие на языках тибето-гималайской группы, расселены в высокогорных районах. Они, как и невары, не входили в конфедерацию гурков и не были, таким образом, активно втянуты в описанный выше процесс исторической консолидации гуркских народов.

Главными их занятиями на протяжении всей их многовековой истории были подсеčno-огневое и террасное земледелие, отгонное скотоводство и караванная торговля с долиной Катманду и Тибетом. Будучи буддистами ламаистского толка, они испытывали на себе двойной феодальный гнет — со стороны светских феодалов и со стороны буддийских монастырей, владевших крупными землями и облагавших население поборами.

Уровень экономического и культурного развития этих народов еще в начале XX в. был очень невысок. Их этническое самосознание в основном не выходило за пределы осознания своей принадлежности к данной небольшой народности, сохранившей в общественном строе сильнейшие пережитки родо-племенных отношений.

Группа племен чепанг-кусунда-вайю вплоть до середины XIX в. занималась охотой и собирательством и не знала земледелия.

Исследователи XX в. отмечали, что по их этнической территории стали постепенно расселяться невары и таманги, живущие в соседних с ними районах²⁶. К этому времени племена уже занимались земледелием и скотоводством, а также занимались на переноску грузов. Непосредственной связи с городскими рынками у них нет, они продают товары перекупщикам, главным образом неварам. Мужчины из этих племен жения только внутри племени, но женщины иногда выходят за тамангов или гурунгов. Дети от этих смешанных браков считаются очень низкими по положению²⁷.

Историческая судьба народов, населяющих низменные тераи на границе с Индией, сложилась иначе, чем у горных народов. Издавна они были втянуты в торгово-обменные отношения с жителями Северной Индии. К тому же в этих районах селилось много выходцев из Индии и потомки «первых гурков». Это население пережило более быстрый и активный процесс этнического развития, чем высокогорные народы. Здесь возникло несколько городов, ставших центрами ремесленно-кустарного производства и транзитной непало-индийской торговли. Здесь

раньше, чем в других областях страны, распространились такие формы капитала, как торговый и ростовщический.

Древние насельники этих областей — тхару живут в основной своей массе в деревнях, занимаясь земледелием, охотой, рыболовством и разными ремеслами, но в районах, близких к городам, в их среде начало развиваться отходничество. Эти отходники стали в середине XX в. одним из этнических компонентов формирующегося непальского пролетариата.

За крайними северными пределами Непала между высочайшими пиками Гималаев на высоте 5 тыс. м расположено входящее в состав Непала маленькое княжество Мустанг. Оно издавна имело тесные исторические связи с Непалом, но до начала 70-х годов имело статус тибетского государства. Официально Непал имеет право контролировать внешние сношения Мустанга, но правитель этого маленького государства сохраняет известную автономию.

В княжестве всего три городка и 23 деревни. Население составляет 8 тыс. человек. Основные занятия — выращивание пшеницы и ячменя, отгонное скотоводство и переноска грузов по караванным тропам. Многие заняты обслуживанием княжеского двора. Язык населения, именующего себя лоба, принадлежит к тибето-гималайским языкам. Их религия — ламаизм тибетского толка²⁸.

Отрезанные от мира, лоба ведут замкнутый образ жизни. Образование, носящее сугубо религиозный характер, получают в их среде только ламы в монастырях.

* * *

Общая экономическая и культурная отсталость населения Непала, многоязычие и географическая разобщенность его отдельных народов, а также кастовый изоляционизм (хотя и существующий здесь в несколько ослабленной форме) тормозили развитие капиталистических отношений в стране и задерживали рост государственно-политического самосознания у ее населения вплоть до середины XX в.

Процессы этнического развития многих народов тоже задерживались из-за тяжелого феодального гнета, низкого жизненного уровня, экономической замкнутости, почти сплошной безграмотности и отрыва от единственного культурного центра страны — долины Катманду.

Историческими причинами, побуждавшими непальцев к взаимному сплочению, были войны. Они показывали, что у большей части населения страны уже было достаточно высоко развито чувство патриотизма и сознание своего единства. Правда, упоминавшийся выше род Рана, поддерживаемый английскими резидентами, боролся против развития общегосударственных общественно-политических институтов. Он стал основным опло-

том сохранения и консервации феодальных отношений в Непале.

Характерным для политики Рана с точки зрения этнической истории страны было проведение четкого деления их собственного рода на три группы. К первой, самой высокой из трех, были причислены только потомки членов рода от внутрикастовых браков с девушками из семей феодально-воинской аристократии «первых гурков», ко второй — потомки от браков с вдовами или разведенными женщинами из той же касты, а к третьей — потомки от браков с женщинами из числа местных народов, говорящих на тибето-гималайских языках. Представители семей третьей группы не имели права на занятие важных государственных постов или на высшие офицерские звания. Им предписывалось нести службу в районах, отдаленных от долины Катманду.

На протяжении 105 лет правления Рана не прекращалась борьба между этими тремя группами. Особенно сильной дискриминации подвергались члены третьей группы, этнически отличавшейся от первых двух.

Представители разветвленного и многочисленного рода Рана подавляли стремление местных (т. е. догуркских) народов Непала к национальному развитию. Так, гуркам из числа магаров или гурунгов (народу, ранее других вступившему в конфедерацию и пользовавшемуся в ее армии высокими правами) запретили занимать офицерские должности, чем закрыли доступ к получению образования; неварам не разрешали занимать высокие административные посты, хотя раньше они их занимали²⁹. Вообще по всей стране были смещены административные лица, происходившие из местных народов, и заменены представителями рода Рана. Таким образом, во всем Непале установилась система тяжелейшего феодального гнета, сочетавшегося с национальным.

Процесс развития и консолидации непальского народа и рост его самосознания был резко заторможен на 100 лет.

В первой четверти XX в. исторический застой в общественной жизни непальского народа сменился началом демократического движения. В Непал проникли идеи национально-освободительной борьбы индийского народа, и особенно в период ее массового подъема после первой мировой войны и после Октябрьской революции в России.

В 10—20-х годах стали появляться первые печатные органы — «Горкхали», «Горкха сансар» («Мир гурков») и «Тарун горкха» («Молодые гурки»). Это были органы молодых гуркских националистов Непала, выступавших против гнета Рана.

Борьба против Рана была выражением и формой борьбы против феодального гнета, и против засилья английских резидентов, т. е. по сути она была национально-освободительной.

Стали возникать также политические партии и организации.

Так, в 1930 г. возникла студенческая организация «Прачанд гуркха» («Крайние гурки»), в 1937 г. — «Непал праджа парিশад» («Общество непальского народа») ³⁰. Все они добивались социально-экономических преобразований в стране и, главное, прекращения власти Рана.

Гуркские народы долины Катманду и близких к ней областей продолжают возглавлять процессы политического и экономического развития непальского народа. В их среде начали постепенно формироваться новые классы — торгово-финансовая и промышленная буржуазия, помещики капиталистического типа и владельцы плантаций и незначительный по численности промышленный пролетариат. Зародилась молодая буржуазная интеллигенция.

Из гурков в подавляющей своей части состоит также и административно-чиновничий аппарат страны, и ее армия (в особенности офицерский состав).

В годы второй мировой войны и особенно после нее в Непал стали широко проникать идеи революционно-освободительной борьбы. Назрела необходимость ликвидации режима Рана. Активную роль в росте освободительного движения играли гурки, вернувшиеся из Индии и с фронтов войны, и политические деятели, бежавшие из Непала в годы разгрома первых организаций. В Индии в 1947 г. ими был создан Непальский национальный конгресс. Под его влиянием в Непале стало развиваться профсоюзное движение и началась первая кампания гражданского неповиновения, принявшая особенно широкий размах после того, как Индия добилась освобождения в августе 1947 г.

В этой борьбе принимало участие главным образом гуркское население долины Катманду и население тераев, требующее национального равноправия. Невары, в среде которых в эти годы тоже стал формироваться класс финансово-предпринимательской буржуазии, начали принимать участие в этом движении, стремясь избавиться от конкуренции «первых гурков» и главным образом Рана в сфере торгово-предпринимательской деятельности. Молодая буржуазная интеллигенция неваров стремилась добиться признания неварского языка и литературы и прав на дальнейшее их развитие.

Феодалы гурунгов, магаров и других местных гуркских народностей и особенно «Рана третьей группы» (Рана, заключавшие браки с местными народами) тоже примкнули к борьбе против засилья правящей группы Рана, проводившей политику национального гнета.

В 1950 г. партия Непальский национальный конгресс слилась с партией, созданной «Рана третьей группы», — «Непал праджатантра конгресс». В это же время крайне левые элементы образовали Коммунистическую партию Непала.

Несмотря на жестокие репрессии, борьба против Рана росла

и пользовалась все более широкой поддержкой народных масс. Король тоже открыто присоединился к этому движению, но, испугавшись всемогущих Рана, бежал в Индию.

Непальский конгресс, опираясь на созданные им вооруженные отряды и поддержанный массовыми выступлениями народа, возглавил открытое восстание против правительства Рана.

Непальские войска начали присоединяться к восставшим, но в самый ответственный момент, накануне победы Непальский конгресс пошел на сговор с Рана, отказавшись сотрудничать с компартией и такими организациями, как Всенепальский конгресс профсоюзов и Всенепальский крестьянский союз.

Король, вернувшись в Непал, после переговоров с главами рода Рана согласился на сохранение за этой семьей ряда видных мест в новом правительстве.

Но народ не хотел прекращать борьбу. Вспыхнули волнения среди населения тераев, продолжавшего добиваться национального равноправия и даже выдвинувшего требование национальной автономии. Движение, говорившее о резком росте национального самосознания, захватило киратов Восточного Непала. Местная знать и формирующаяся буржуазия боролись здесь за упечение своих позиций на внутреннем рынке и за изъятие из рук Рана местных пахотных угодий.

В 1951 г. король провозгласил Временную конституцию, в которой утверждал равенство всех граждан страны перед лицом закона вне зависимости от их расовой принадлежности или места рождения, т. е. фактически от их национальной принадлежности. Это был первый в истории Непала акт, признававший равенство всех народов страны. Несмотря на это, борьба народа за демократические права не прекращалась, крестьяне требовали проведения аграрных реформ.

Прогрессивные партии и организации Непала создали Народный национальный объединенный демократический фронт, к которому примкнул и Непальский национальный конгресс. По стране прокатилась волна демонстраций и митингов. Неутихающие народные волнения вынудили министров Рана в конце 1951 г. подать в отставку.

* * *

В 1959 г. в Непале были проведены первые всеобщие выборы в палату представителей парламента, и большинство мест получил Непальский конгресс. В 1960 г. король ввел систему прямого монархического правления, став во главе нового правительства, в 1962 г. он провозгласил новую конституцию, объявившую традиционные органы местного самоуправления — панчаяты (советы старейшин) основой демократической системы в стране. В 1963 г. был создан Национальный панчаят Непала — законодательная палата страны, — заменивший собою прежний парламент, имевший две палаты.

В Национальном панчаяте 125 членов, большинство которых составляют феодалы и помещики³¹.

Согласно Конституции Непала, всем народам страны предоставлены равные права на получение образования. Практически этими правами пользуются в основном гуркское и неварское население долины Катманду и население тераев. Обучение в школах и государственное делопроизводство ведется на языке непали, на котором публикуется и большая часть газет, журналов и книг и ведутся радиопередачи. На языке невари в Непале издаются две газеты и один журнал и идут радиопередачи (хотя и в гораздо меньшем объеме, чем на непали — не более получаса в день). На языке непали печатаются 94% всех периодических изданий страны, на невари — 2, на хинди — 2 и на английском — 2%. В некоторых учебных заведениях невари изучается как один из языков. В неварских школах обучают также на языке непали.

В последние годы между гуркским населением и неварями стали обостряться национальные противоречия. Это особенно заметно проявляется в долине Катманду. Невары протестуют против политики подавления их национального развития. Они требуют предоставления им права обучать детей на родном языке, вести на нем более широкое радиовещание и права издавать больше газет.

Так в труднейших условиях экономической отсталости и в борьбе за общенациональные интересы протекают в Непале процессы общегосударственной консолидации всех населяющих его народов и одновременно формирование и рост национального самосознания каждого из этих народов.

НАРОДЫ БУТАНА

Королевство Бутан расположено на юго-восточных склонах Гималайских гор. С востока, юга и запада он граничит с Индией, с севера — с КНР (с Тибетским автономным районом). Общая площадь его равна 50 тыс. кв. км.

Эта небольшая территория характеризуется резко сменяющимися природными ландшафтами — от глубоких и плодородных речных долин до высокогорных областей, покрытых вечными снегами. Численность населения Бутана точно не установлена, так как здесь не проводятся переписи населения. Подсчет дал лишь самые приблизительные цифры о числе жителей — они колебались между 300 тыс. и 800—850 тыс. человек¹. По другим данным, численность населения доходит и до 1,3 млн. человек, плотность составляет 16—17 человек на 1 кв. км².

Столица Бутана — небольшой город Тхимпху, расположенный в западной части королевства. Сюда столица была перенесена в конце 60-х годов. Резиденцией короля до этого был городок Пунакха, расположенный восточнее Тхимпху.

Основное население Бутана — бхотии, говорящие на языке бхотия, или тибетском. В силу исторических причин наиболее широкое распространение здесь получил диалект, близкородственный восточно-тибетскому, или кхампа, называемый «друкке». Он признан официальным языком страны, пользуется тибетской письменностью с добавлением специальных знаков.

Бхотии Бутана мало отличаются и от бхотиев Сиккима и имеют с ними много общих черт духовной и материальной культуры. В основе литературного языка всех бхотиев лежит язык буддистско-ламаистской религиозной литературы, центром создания и распространения которой был в течение многих столетий г. Лхаса в Тибете. В Бутане живут еще лепча, говорящие на диалекте ронг-ке.

В юго-западных областях Бутана обосновались переселенцы из Непала, главным образом выходцы из его западных и центральных районов — гурунги, а также раи и лимбу. Непальцы составляют около 25% населения Бутана³.

На востоке страны обитают небольшие этнические группы ака, дафла, мири и мишми, близкие малым народностям, населяющим в Индии крайний север Ассамских гор. Из-за слабой

изученности населения Бутана нельзя точно указать их этнические названия, не говоря уже о численности. Языки всех этих групп населения относятся к тибето-гималайской группе.

Помимо этих народностей в королевстве (преимущественно в южной его части) живет небольшое число выходцев из Индии — бенгалцы, бихарцы и ассамцы, сохраняющие здесь свои национальные языки и знающие в большинстве своем языки хинди и английский, которые они используют при проведении деловых операций с Индией.

* * *

Еще в начале XX в. Бутан был почти совсем не изучен. Древняя история страны не сохранилась даже в форме устных преданий.

Более или менее полно история Бутана освещена в источниках с XVIII в. По традиции считается, что первонаселенниками страны были бхотии из Тибета⁴. Многие исследователи считают, что иммиграция началась с IX в., а до этого времени в Бутан проникало население Северо-Восточной Индии, в среде которого был широко распространен индуизм (в стране есть руины древних индусских храмов). Взаимная ассимиляция двух потомков иммигрантов протекала в процессе активного расселения бхотиев по Бутану, которые занимали пригодные для обработки земли в речных долинах. Между народами, проникшими в Бутан, велась борьба за эти земли, приведшая к тому, что многие более ранние насельники страны были вытеснены из нее в Индию, а возможно, даже и в Непал.

В начале XVII в. в Бутане под влиянием Тибета была утверждена теократическая власть династии дхарма-раджей, т. е. дословно «религиозных царей». Монастыри, носившие название «дзонг» (это название перешло и на города при монастырях), были средоточием духовной культуры народа, а также мощными оборонительными сооружениями. Дзонги возглавлялись дзонгпенами, наблюдавшими вместе со своими советниками за сбором податей с крестьян, приписанных к данному дзонгу, и за проведением разных необходимых работ по строительству новых зданий дзонгов, по прокладке горных дорог, рытью колодцев и т. п.

Бутанские земли были поделены на округа, которыми управляли пенлопы, назначаемые дхарма-раджей. При последних функционировал советник, носитель совещательно-исполнительной власти, именуемый «деб-раджа» и избираемый пенлопами и дзонгпенами из своей среды.

Постепенно эти деб-раджи оттеснили дхарма-раджей от светской власти, предоставив им только сферу религиозной деятельности.

Пенлопы являлись фактическими феодальными властителями

Бутана. Из века в век длились их взаимные распри за захват земель, за право на поборы и установление своего влияния в наиболее сильных и богатых дзонгах, а главное — за право быть избранными в качестве деб-раджи. Эти распри пенлопов, крепостнически-рабовладельческие отношения, царившие в стране, огромное количество монастырей (где жили тысячи лам, существовавших за счет крестьян и ремесленников) — вся социальная структура Бутана довела его народ до полного разорения и нищеты. Тяжким бременем на плечи трудящегося населения ложились также захватнические войны, которые иногда предпринимали правители Бутана, стремясь присоединить к его территории соседние области Северной Индии и Сиккима.

В 1772 г. с территории Индии в Бутан вторглись английские войска. В 1774 г. был подписан первый договор с Англией, по которому она могла назначать в Бутан торговых эmissаров, на деле контролировавших действия администрации страны. Но все же Бутан сохранял независимость, и в эту страну даже не был направлен английский резидент. Правда, в 1910 г. англичане все же добились права контролировать внешние сношения Бутана, но не могли вмешиваться во внутреннюю экономику и политику королевства.

К середине XX в. население Бутана стало консолидироваться в борьбе против абсолютизма. Преодолевая тяжелые условия географической изоляции, народы страны начали искать пути к взаимным контактам, к созданию организаций, которые могли бы возглавить движение за национальный прогресс, национальное освобождение.

В 1953 г. была создана партия Бутанский национальный конгресс, которая вскоре была запрещена королем⁵, но, несмотря на это, демократическое движение продолжало развиваться.

В среде бутанского населения на юге и юго-западе страны, значительную часть которого составляют выходцы из Непала, образовалась партия Непальский национальный конгресс. Главными ее требованиями были: во-первых, немедленная отмена королем закона 1959 г., запрещавшего дальнейшую иммиграцию жителей Непала в Бутан, во-вторых, предоставление непальцам больше мест в правительстве и, в-третьих, прекращение всех форм дискриминации граждан непальского происхождения, являющихся в Бутане национальным меньшинством (например, отмена запрета селиться на плодородных землях центральных долин)⁶.

Непальский национальный конгресс не признается королем. Эта партия фактически существует вне Бутана, опираясь на поддержку со стороны непальцев в соседних с Бутаном индийских штатах и в самом Непале.

В 1962 г. в стране была принята реформа об ограничении земельных владений, сводившая их максимальный размер к

12 га. Эта реформа вызвала взрыв недовольства со стороны крупных феодальных землевладельцев и глав монастырей, результатом чего явился заговор против короля и убийство премьер-министра в 1964 г. Король ликвидировал заговор и продолжал свою политику по развитию в стране современной экономики.

В это же время в стране началось расширенное строительство школ. В этом национальном и культурном строительстве Бутану активно помогает Индия, которая по договору 1949 г. о дружбе является советником Бутана в его внешней политике, помогает ему готовить офицерские кадры, обучает бутанцев и предоставляет денежную помощь (в конце 60-х годов эта помощь достигла 500 тыс. рупий)⁷.

В 1962 г. произошло также важное событие, отметившее выход Бутана на путь международных контактов: он стал одним из членов исторического «Плана Коломбо», а через 6 лет после этого, в 1968 г. Бутан послал своих первых наблюдателей в ООН. В 1971 г. Бутан — уже член ООН.

Эти резкие изменения курса внешней политики совпали и с внутривнутриполитическими мероприятиями, говорившими о том, что рост демократического движения в стране, каким бы ограниченным он ни был, влиял на политику короля. В 1968 г. последний предоставил Ассамблее право назначать министров и снимать их с постов. Был проведен и административный передел земель страны, в соответствии с которым земли королевства делятся на 15 округов, называемых, как и монастыри, дзонгами. Верховным административным лицом в каждом округе является дзонгтсай, который подчиняется непосредственно премьер-министру⁸.

Историческая самоизоляция Бутана завершилась, и с начала 70-х годов началась эра его контактов с другими странами мира.

* * *

Духовная культура населения Бутана в течение веков определялась принадлежностью отдельных этнических групп к той или иной религиозной общине. Подавляющее большинство жителей этой страны — носители тибето-бирманских языков — исповедуют ламаистский буддизм. Единство религиозной системы, которая в течение многих веков играла ведущую роль в жизни почти всех народов Бутана, а также тот факт, что эта система была одинаковой и общей для всех социальных слоев населения этого государства (за исключением небольшого числа индусов), и, кроме того, безусловное признание власти дхарма-раджи способствовали сближению этносов страны, исповедующих ламаизм, и упрочению внутренней идеологической сплоченности ее населения. Свойственное эпохе феодализма социально-экономическое неравноправие и разногласия между пра-

вящими и зависимыми слоями населения, между имущими и неимущими, не осложнялись в этой стране неотделимой от индуизма кастовой раздробленностью и межкастовыми противоречиями. Поэтому все население Бутана по своим этническим характеристикам более однородно, чем население стран, где распространен индуизм, прежде всего более однородна его духовная культура.

Искусство, связанное здесь с культовыми отправлениями ламаизма, развивалось в течение многих столетий по традиционному пути. Религиозная литература — молитвы, мифы и жития — передавались в народе изустно от поколения к поколению, так как носителями грамотности были только ламы, население же в целом было безграмотным.

Как уже упоминалось выше, в Бутане живут выходцы из Индии, сосредоточенные на юге Бутана. Они исповедуют индуизм и в соответствии с этим сохраняют деление на касты. Основная масса этих каст относится к числу торгово-предпринимательских.

В течение последнего десятилетия в результате роста контактов Бутана с другими странами его национальная культура начала развиваться и приобретать черты современности. В стране появились школы — в 1966 г. уже было 108 государственных школ, рассчитанных на 15 тыс. учащихся, в числе этих школ есть и школы второй ступени, которых до 1964 г. здесь вообще не было (первую такую школу открыли в 1965 г. иезуитские миссионеры)⁹. К середине 70-х годов открыто уже около 200 школ с числом учащихся 18 тыс.¹⁰.

В школах Бутана кроме родного языка учат также английский и хинди. В стране открываются и училища для подготовки специалистов-инструкторов по развитию ремесел, сельского хозяйства, ветеринарии и т. п. Часть молодежи учится в местных колледжах, но юноши из зажиточных семей, как правило, уезжают получать образование в Индию. В Бутане постепенно создается своя национальная интеллигенция.

В заключение следует отметить, что на данном уровне знакомства с этой страной не представляется возможным изучить и описать этнический состав ее населения и выявить интенсивность этнического развития того или иного народа. Но все же можно сказать, что наиболее отсталыми являются жители удаленных горных районов, расположенных вдалеке от культурных центров и от дорог, ведущих к городам.

Городское же население, естественно, развивается быстрее, чем сельское, оно активнее освобождается от гнета феодальных институтов. Правда, в этот процесс стали втягиваться и отходники — первые группы пролетариата, занятые на строительстве дорог и городских предприятий, а также население тех сельских районов, которые расположены вблизи растущих городов и связаны с ними торгово-экономическими отношениями.

ШРИ ЛАНКА

После второй мировой войны, в результате коренных изменений в соотношении сил на мировой арене, колонизаторы были вынуждены предоставить Цейлону государственную независимость. Он получил статус доминиона и вошел в Содружество наций на правах самостоятельного государства.

Важной вехой в истории Цейлона было принятие новой конституции, согласно которой 22 мая 1972 г. остров был провозглашен Республикой Шри Ланка. Так было покончено с остатками политической зависимости от Великобритании¹.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ДО НАЧАЛА XIX в.

Близость Шри Ланка к Южноазиатскому субконтиненту определила и этническую принадлежность древнейшего населения острова. Автохтонами его, несомненно, являются ведды, принадлежащие к экваториальной (австралоидной) большой расе.

Трудно установить, когда на острове впервые появились веддонды, но, безусловно, это произошло в очень отдаленные времена. В 1956 г. ланкийские ученые обнаружили хорошо сохранившуюся неолитическую стоянку. Основным занятием людей этой стоянки была охота на слонов и буйволов, собирательство и, как отмечают исследователи, возможно, примитивные формы земледелия. Антропометрическое и антропологическое изучение сохранившихся скелетов и костных останков привело ланкийских ученых к выводу, что насельники этой стоянки были протоавстралоидами.

Надо отметить, что часть современных немногочисленных веддов, которые в какой-то мере сохранили свой древний уклад жизни, имеют много общего в образе жизни с рядом народностей, проживающих в Южной Индии, таких, например, как палиян, улладан, мудувар, урали, кадары, бадага. По антропологическому типу ведды также близки к одной из крупных народностей западной части Центральной Индии — бхилам.

Самоназвание веддов неизвестно. Существуют две основные точки зрения на этимологию слова «ведда». Согласно первой

из них, термин «ведда» произошел от тамильского слова «ведан», означающего «охотник». Согласно другому предположению, оно восходит к сингальскому слову «ведда», которое, в свою очередь, берет начало от санскритского термина «вьядха» — «тот, кто пронзает или ранит»². Отсюда также производят слово «охотник».

Некоторые исследователи считают, что к моменту появления на острове индоарьев и дравидов у веддов были укрепленные поселки, а во главе племен стояли вожди, и ведды частично занимались неполивным земледелием³. Ведды были многочисленны, но, по-видимому, быстрый процесс вытеснения, ассимиляции и в какой-то мере истребления не только приостановили дальнейшее социально-экономическое развитие аборигенов, но и отбросили его назад.

Время появления первых индоарийцев и дравидов на острове пока не установлено. Мнения ученых относительно времени их появления противоречивы. Английский ученый Г. Паркер в 1909 г. высказал предположение, что индийцы знали и посещали остров задолго до того, как там обосновались сингалы и тамилы.

Хотя возникновение ланкийской государственности все ученые совершенно справедливо связывают с прибытием на остров индоарийцев-сингалов, но многие из них, на наш взгляд, обоснованно допускают возможность, что до прибытия последних отдельные дравидийские поселения существовали на побережье острова. Более того, вероятно, что первые дравиды вступали здесь в контакт с древним населением — предками современных веддов⁴.

Почти все ланкийские и европейские ученые связывают начальную веху ланкийской истории с первыми индоарийскими пришельцами, заложившими ядро сингальской народности. Все они исходят главным образом из сведений, почерпнутых из сингальской хроники «Махавамса», составление которой относится к гораздо более позднему времени.

Согласно ланкийской традиции в I тысячелетии до н. э. из Северной Индии, из царства Лала, правители которого происходили из «львиного рода», в результате внутренних междоусобиц бежал старший сын одного из правителей, Виджая, и его сторонники. Они покинули на кораблях страну своих предков и после многих приключений в 543 г. до н. э. прибыли на остров, который Виджая назвал по имени своего рода Синхалад-ви́па.

Большинство исследователей считает, что они прибыли из Северо-Восточной Индии, некоторые предполагают, что эти переселенцы или часть их прибыли из Северо-Западной Индии из района современного Гуджрата. По-видимому, индоарийские поселенцы прибывали на остров отдельными волнами как с северо-востока, так и с северо-запада Индии. Известный ученый

и переводчик с языка пали на английский язык «Махавамсы» В. Гейгер считает, что было три последовательных волны переселения⁵. Возможно, их было даже больше.

Хотя вопрос о происхождении сингалов окончательно не решен, их антропологическое изучение показывает, что в формировании сингальской народности принимали участие многие этнические компоненты.

На первом этапе значительную роль в расогенезе и этногенезе сингалов, несомненно, сыграли веддоны.

Сингалы, высадившись на острове, столкнулись с многочисленными племенами веддов. «Махавамса» содержит ряд сведений о близких контактах сингалов с веддами. Даже Виджая, согласно ей, взял в жены дочь вождя Кувени. Это косвенно свидетельствует о том, что аборигены были многочисленны и индоарийские пришельцы были вынуждены с ними считаться. По-видимому, основная масса веддов была ассимилирована сингалами и вошла в ее социальную организацию.

Интересно отметить, что в настоящее время одна из этнографических групп сингалов, известная под названием «ванни» («вана» — лес, джунгли и, по-видимому, означает «лесные люди» или «лесные колонисты»), имеет особенно большое внешнее сходство с веддами. Сейчас ванни живут в районе, известном под названием Ванни Хатхапаттува, который лежит к югу от Анурадхапуры почти до Курунегалы, т. е. в засушливой зоне. Основное их занятие — сельское хозяйство. То же самое можно сказать о киннара (плетельщики матов), которые в сингальской кастовой иерархии занимают одно из самых низких мест.

Последующие напластования, речь о которых пойдет дальше, внесли свою долю в формирование сингальской народности, но их роль, на наш взгляд, значительно меньше.

Сингалы осваивали главным образом два основных района: один — на северо-западе вокруг Анурадхапуры, ставшей первой столицей сингальского государства Раджаратта («страна царя»), другой — на юго-востоке острова, где образовалось государство Рохана, или Рохуна.

Роль переселенцев из Северной Индии — искусных земледельцев — была огромна. Это был новый этап в истории острова.

Большое значение для укрепления государственной власти на острове имело распространение буддизма с III в. до н. э., который стал официальной государственной религией. Постепенно буддийское духовенство (сангха) становится значительной политической и экономической силой в стране.

На острове была также значительная прослойка дравидов, главным образом тамилы, которые, несомненно, оказывали значительное влияние на этнический облик основного сингальского населения. Они были главным образом наемниками в

сингальской армии, часто причинявшими много беспокойства своим нанимателям. Среди них были не только тамилы, но также выходцы из Кералы и Карнатака. В XIII в. в армии были даже раджпуты⁶.

К X в. сингалы создали мощное централизованное монархическое государство, которое охватило почти весь остров. Но в этот период в Южной Индии возросло влияние и могущество тамильского государства Чола, правитель которого в 993 г. захватил Анурадхапуру и занял государство Раджаратта. Его сын Раджендра I захватил весь остров и превратил его в провинцию Чолы. Столицей провинции сделали Полоннаруву — второй наиболее крупный город сингальского государства, расположенный в северной, засушливой зоне, к юго-востоку от Анурадхапуры. Это, несомненно, усилило как культурное и языковое, так и этническое влияние тамиллов на сингалов. Так закончился первый период сингальской государственности.

Но сингалы не желали примириться с иноземным господством и в 1070 г. изгнали тамиллов с острова. Вновь образованное государство просуществовало недолго — с 1070 по 1215 г., но, несмотря на такой сравнительно кратковременный период, оставило яркий след в истории и культуре Шри Ланка.

Особого расцвета государство добилось во время правления царя Паракрама I (1153—1186), прозванного современниками Великим. Он преодолел сопротивление правителей Рохуны и многочисленных мелких полунезависимых феодалов и сумел объединить под своей властью весь остров.

В 1215 г. на острове высадилась армия тамильского правителя Магхи из династии Калинга. В ходе войны, в которой ослабленное сингальское государство не смогло добиться победы, тамилы заняли Полоннаруву и все северные районы — центры древней сингальской цивилизации.

В результате ожесточенных войн сингальские цари сумели оттеснить тамиллов на п-ов Джафия и в прилегающие к нему районы. Они отвоевали Полоннаруву, но эта вторая столица потеряла экономическое и политическое значение, и ее постигла судьба Анурадхапуры.

Мы не случайно так подробно остановились на сингало-тамильских войнах. Их значение для дальнейшей этнической истории и социально-экономических отношений на острове огромно. Эти войны существенно изменили географическое размещение населения острова. Тамилы оказали значительное влияние на этногенез сингалов. Контакты с первыми до какой-то степени изменили даже социальную структуру сингальского общества. Но кроме этого массовые вторжения тамиллов на остров привели в конце концов к формированию наиболее многочисленного национального меньшинства, а вернее, даже народа, известного теперь под названием ланкийских тамиллов.

Во время сингало-тамильских войн от голода, болезней и

притеснений погибла значительная часть населения засушливой зоны. Многие сингалы бежали в мало или почти не заселенные районы Центрального нагорья и в юго-западную влажную зону. Эти области стали центрами сосредоточения сингальского населения; северное, северо-западное и восточное побережья были оставлены тамилам.

На п-ове Джафна ланкийские тамилы создали свое государство, а сингалы свое — Котте (западные, юго-западные районы острова). После этого каких-либо серьезных политических и экономических сингало-тамильских противоречий не существовало. Более того, хотя оба государства жили независимо друг от друга, между ними намечалось политическое сближение путем династических браков. Особенно надо отметить укрепление культурных контактов.

Что же касается социальной структуры сингалов, то у них оформилась кастовая система. У исследователей еще нет единого мнения относительно времени образования сингальских каст, но, по-видимому, прав ланкийский ученый М. Б. Арьяпала, который пишет, что до VIII в. касты на Шри Ланка не играли существенной роли⁷. Это, конечно, не противоречит тому, что кастоподобные профессиональные группы начали оформляться среди них гораздо раньше. В настоящее время у сингалов насчитывается немногим более 20 каст⁸.

Самая «высокая» и в то же время самая многочисленная каста — гогама, или гоивансе (земледельцы и землевладельцы); вторая по численности и значению — карава (рыбаки); третья — салагама (сборщики корицы) и дурава (сборщики пальмового сока). Члены касты карава, салагама и дурава живут главным образом в деревнях и поселках западного и юго-западного побережий острова.

Известный ланкийский этнограф М. Д. Рагхаван, по-видимому, вполне справедливо отводит значительную роль в кастообразовании сингалов переселенцам — ланкийским тамилам и другим выходцам из Южной Индии, которые, прибывая большими группами, расселялись в различных районах Шри Ланка среди сингалов⁹. Они постепенно усваивали язык своих соседей-сингалов и их культуру, сохраняя, однако, некоторые черты в укладе жизни, свои религиозные верования, связанные с индуизмом, и культурные ценности.

Как считает упоминавшийся выше ученый, члены современной сингальской касты карава являются потомками одной из таких групп, прибывших на военную службу на Шри Ланка из Индии. Постепенно большинство наемников-тамилов окончательно перешло к более мирным занятиям: рыболовству, ремеслам, земледелию.

В формировании сингальской народности принимали участие не только свободно переселившиеся тамилы, но и военнопленные — рабы. Ряд современных сингальских каст сравнительно

недавнего южноиндийского происхождения, и их трансформация легко прослеживается. Так, в XIII в. из Южной Индии переселились члены каст ткачей, известные теперь под названием «салагама» и «дурава». Большой вклад внесли южноиндийцы и в формирование сингальской ремесленной касты наванданне.

Позднее, в течение веков, органически войдя в сингало-буддийскую социальную структуру, южноиндийцы сохранили многие черты в своих общественных отношениях и религиозных воззрениях, вывезенные когда-то с материка.

Начиная с VIII в. на Шри Ланка начали появляться арабы. Особенно много их поселилось на острове в XII—XIII вв. Проникали они не в качестве завоевателей, а в роли купцов-посредников. Сингальские правители, заинтересованные в развитии внешней торговли, оказывали им свою поддержку и покровительство. Современные мавры являются потомками от смешанных браков между арабами (вообще выходцами с Ближнего Востока) и местными женщинами. Не исключена возможность, что часть теперешних мавров являются потомками исламизированных сингалов и тамиллов.

С 1518 по 1658 г. Шри Ланка (прибрежные районы) находилась под властью португальских колонизаторов, а с 1658 по 1793 г. — голландских. Но следует подчеркнуть, что после завоевания португальцами западных и юго-западных районов (государство Котте) и п-ова Джафны в центральных районах, составляющих большую часть территории Шри Ланка, возникло сильное централизованное Кандийское государство. Лишь англичанам, которые в 1793 г. пришли на Шри Ланка на смену голландцам, с большим трудом удалось в 1815 г. аннексировать последнее независимое сингальское государство.

Почти 300-летнее португало-голландское господство не привело к каким-либо существенным сдвигам в социально-экономических отношениях у сингалов и ланкийских тамиллов, но внесло серьезные изменения в этнический состав и религиозную принадлежность.

С правлением португальцев и голландцев на острове связано появление новой смешанной этнической группы — бюргеров. Название «бюргер» происходит от голландского слова «бюргер», что означает горожанин. Бюргеры, в свою очередь, подразделяются на португальских и голландских. Последние составляют подавляющее большинство. Немногочисленные португальские бюргеры в настоящее время исповедуют католицизм и считают себя прямыми потомками португальцев. Основное их занятие — ремесла, в быту они пользуются португальским языком, который сохранил много общего со средневековым и сильно отличается от современного.

Португальские колонизаторы, создавая социальную базу, активно внедряли — огнем и мечом — католицизм. Его принима-

ли главным образом члены каст карава, салагама и дурава, что объясняется, конечно, в первую очередь некоторыми особенностями их социально-экономического развития.

Здесь хотелось бы отметить, что сотни тысяч сингалов имеют португальских предков, так как португальцы привезли с собой мало женщин и свободно смешивались с прибрежным населением. Второе поколение «португальского» населения появилось в основном от смешанных браков. Лишь немногим известны их португальские предки. Это привело к тому, что большинство потомков португальцев должны считать себя сингалами или тамилами, хотя они являются евразийцами¹⁰.

Следует сказать, что с течением веков португальские фамилии стали неотъемлемой частью сингало-ланкатамильского именного словарного запаса. Обладатели этих португальских фамилий не обязательно являются потомками далеких португальских «родственников». Они либо сингалы, либо тамилы. Иногда, но не обязательно, эти люди исповедуют католицизм.

Несколько иначе дело обстоит с голландскими бюргерами, которые теперь в переписях проходят просто как бюргеры. Они тоже являются потомками от смешанных браков европейцев с сингалками и тамилками. Но в отличие от португальских колонизаторов голландские власти на Шри Ланка проводили более жесткую политику в отношении браков с местным населением. Особенно часто женились на сингалках и тамилках солдаты голландской Ост-Индской компании. Это вызывало тревогу у властей, которые не хотели, чтобы немногочисленные голландцы растворялись среди окружающего населения. Стремясь сохранить особое положение голландцев и их потомков от смешанных браков, власти ввели ряд ограничений. Браки разрешались лишь при условии, если пастор удостоверял, что невеста исповедует христианство, как правило, реформаторского толка. Под страхом лишения жалования мужья должны были следить, чтобы их жены не менее одного раза в месяц посещали церковь и т. д. Все бюргеры носят голландские фамилии.

Несмотря на то что из поколения в поколение происходила ланкаизация бюргеров, голландские власти сумели создать и воспитать из них прослойку по своему образцу и подобию. Бюргеры, получив голландское воспитание и образование, служили преимущественно в правительственных и коммерческих учреждениях. Английский автор в начале XIX в. отмечал их чопорность, застойный быт, приверженность к голландским традициям, их жестокое обращение со своими слугами-рабами¹¹.

Во время португальского и голландского правления на Шри Ланка появились еще две этнические группы: африканцы-рабы и малайцы. Первые появились до португальцев, мавры доставляли их на остров, и они становились слугами и телохранителями. Ибн Баттута сообщал, что у наместника Коломбо Джалисты было 500 абиссинцев¹². Приток африканцев на Шри

Ланка усилился в период португальского господства. Их ввозили в основном из Мозамбика в качестве рабов и солдат. Голландцы и англичане придерживались той же традиции. Голландцы, например, ввезли около 9 тыс. африканцев, которых на Шри Ланка обычно называют «кафирами». Из них был сформирован полк. В английский период африканцы составляли значительный процент в третьем и четвертом ланкийских полках.

Перепись 1901 г. сообщала, что 318 человек причислили себя к кафирам, 53 — к неграм; по переписи 1911 г. получилось 253 и 19 соответственно. Сколько их в настоящее время — неизвестно, но они внесли свой вклад в этногенез сингалов. На западном побережье иногда можно встретить сингалов с явно выраженными негроидными чертами. Географ Е. К. Кук объясняет это следующим образом: «Солдаты „кафирского“ полка, который стоял в прошлом веке в округе Путталам, вступили в брак с сингалками, и это, без сомнения, привело к тому, что среди населения изредка встречаются люди с черной кожей и курчавыми волосами, более похожие на жителей Африки»¹³.

Примечательна судьба малайцев. Они являются потомками солдат, которых голландские и английские колонизаторы в XVIII—XIX вв. использовали против ланкийского народа. Практически их можно, как и мавров, встретить во всех районах страны, но основная их часть живет в Коломбо и горных районах. В результате браков малайцев с сингалскими и тамильскими женщинами монголоидные черты у них почти исчезли.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И РОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ в XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В 1815 г. английские колонизаторы аннексировали Кандийское государство, и весь остров подпал под власть Великобритании. Укрепление английского господства, развитие капиталистических отношений и широкое внедрение плантационного хозяйства в экономику острова привели не только к серьезным социально-экономическим изменениям, но и к появлению нового компонента в этническом составе Шри Ланка.

Бурное развитие плантационного хозяйства потребовало большого количества свободной рабочей силы. Традиционная привязанность сингалов к своему наследственному участку земли привела к тому, что они отнюдь не спешили стать плантационными кули. Более того, если сингал принадлежал к высшей касте гогама, он считал ниже своего достоинства стать оплачиваемым сельскохозяйственным рабочим.

Попытка английских властей использовать китайских кули экономически себя не оправдала. Англичане нашли выход —

стали ввозить рабочих из Индии. Решение англичан о ввозе тамилы из Южной Индии имело важное значение не только для экономического развития Шри Ланка, но и для межэтнических и религиозно-общинных отношений.

Переселению тамилы из Индии способствовали тяжелые условия жизни на родине и многообещающие рассказы вербовщиков-посредников (кангани). Первые иммигранты прибывали на остров с самой определенной целью: заработать, а после окончания срока контракта вернуться домой. Но проходили годы, а многие тамилы не возвращались, они решили остаться на острове навсегда. Индийских тамилы главным образом использовали в качестве сельскохозяйственных рабочих сначала на кофейных, а затем на чайных и каучуковых плантациях. Много тамилы было занято на строительстве дорог, мостов и других сооружений, очистке джунглей и подготовке земли для посадки плантационных культур. Но все же подавляющая их масса стала сельскохозяйственными рабочими. В результате к концу кофейного бума община индийских тамилы насчитывала уже свыше 200 тыс. человек.

Особенно сильный приток южноиндийских переселенцев приходился на период с конца XIX и до середины XX в. С 1953 г. стала намечаться другая тенденция — не только к уменьшению иммигрантов, но и к реэмиграции индотамилы. Число индийских тамилы, проживающих на острове, за последние десятилетия увеличивается главным образом за счет естественного прироста. Соотношение изменилось в пользу ланкийских тамилы, о чем свидетельствуют следующие данные (в тыс.):

	1921 г.	1946 г.	1953 г.	1956 г.	1971 г.
Ланкийские тамилы	517	738	884	1000	1400
Индийские тамилы	602	780	974	959	1114

Следует сказать, что статистика в графу индийских тамилы включает (хотя и незначительное число) представителей остальных дравидийских народов Южной Индии — телугу, каннада, малаяли.

Индийские тамилы компактно сосредоточены в горных районах и Коломбо. В некоторых кандийских округах они составляют 20% и более.

С укреплением английского господства на Шри Ланка кроме индийских тамилы появились и другие этнические группы, наиболее многочисленны из них индийские мавры. Их насчитывается несколько десятков тысяч. Если для ланкийских мавров «мавры» — это этническое наименование, то на индийских оно распространяется условно и обозначает собирательно индийцев-

мусульман разной этнической принадлежности. Значительную часть жизни они проводят на Шри Ланка, но все, как правило, имеют у себя на родине в Индии дома, и их семьи обычно живут там. Индийские мавры селятся преимущественно в крупных прибрежных городах, занимаются торговлей, различного рода предпринимательской деятельностью и ростовщическими операциями.

На Шри Ланка насчитывается также несколько тысяч белуджей и патанов (трудно установить, какие это патаны: они могут быть и пуштунами, и представителями сословной группы патанов из Пакистана). Живут они преимущественно в Коломбо и Тринкомали и занимаются главным образом торговыми операциями и ростовщичеством, но их роль в экономической жизни Шри Ланка вряд ли велика.

На острове насчитывается еще несколько тысяч евразийцев. Их появление связано с пребыванием англичан на Шри Ланка. Евразийцы — потомки от смешанных браков англичан с ланкийками. Их образ жизни и занятия мало чем отличаются от образа жизни и занятий бюргеров. Ланкийские переписи учитывают бюргеров и евразийцев совместно.

* * *

Интересно проследить, отразилось ли установление европейского господства на этнических процессах Шри Ланка.

Каждая народность, этнические и этнографические группы острова имели свои исторические судьбы в долгом развитии, а следовательно, и в социальной организации. Как мы видели, португальские, голландские и английские колонизаторы не только оставили след в этногенезе сингалов, но и способствовали появлению и возникновению новых этнических групп, между которыми существовали культурные и другие контакты. Все они вносили свой вклад не только в этнические процессы, но и в общеланкийскую культуру.

После завоевания португальцами прибрежных районов единая сингальская народность оказалась разделенной между колониальными владениями в прибрежной зоне и Кандийским государством. Кандийцы считали себя защитниками сингальской культуры, буддизма и традиций. Сама обстановка заставляла кандийских правителей противодействовать идеологической и социально-экономической экспансии португало-голландских, а потом и английских колонизаторов. И в этой политике кандийские цари пользовались определенной поддержкой всех сингалов. Но политическая и экономическая изоляция Канди привела к тому, что обе части сингалов развивались параллельно.

Долгая изоляция Кандийского государства способствовала тому, что этническое развитие его населения происходило в не-

сколько специфических условиях. В настоящее время сингалов принято делить на две этнические группы: прибрежных, или равнинных, и горных, или кандийцев. Это деление весьма условно. Вернее бы было их подразделять на тех, которые до 1815 г., т. е. момента завоевания Кандийского государства англичанами, входили в его состав, и прибрежных, т. е. тех сингалов, которые в течение веков находились под влиянием португальских и голландских колонизаторов. Правда, в состав Кандийского государства входили и равнинные сингалы, хотя, конечно, общая численность их, по-видимому, сильно уступала в целом кандийцам горным.

Английские путешественники и администраторы первой половины XIX в., например Р. Персиваль, писали в самом начале XIX в. и о разнице, существующей между горными и прибрежными сингалами: «Я уже отмечал состояние постоянной враждебности, в которой кандийцы пребывают по отношению к европейцам, и независимость, которую помогают им сохранять горы. Характер их смелый и решительный, в то время как зависимость и спокойствие прибрежных жителей придали им больше мягкости. Хотя кандийцы управляют с большим деспотизмом, их обычаи уважаются монархами, и первые гордятся своей независимостью от иностранного ярма. Отсюда несколько пренебрежительное отношение к прибрежным сингалам»¹⁴.

Об этом говорят и современные историки. Так, Л. Перера пишет: «Сингалы горных районов (кандийцы), которые отстаивали свою независимость в упорной борьбе против европейских колонизаторов, смотрели с некоторым пренебрежением на равнинных сингалов. Так началось деление самих сингалов на кандийских и равнинных»¹⁵.

Перепись 1881 г. включала всех сингалов в одну рубрику, но англичане, по-видимому, учтя эти особенности в развитии двух групп единого сингальского народа, в дальнейших своих переписях начали разделять их на равнинных и горных.

Для сопоставления см. табл. 6.

Процесс возникновения национального самосознания и становления нации — вопрос сложный и многогранный. В каждой стране этот процесс проходил и проходит в своих особых условиях и имеет специфические черты. Этническое самосознание не противоречит национальному, но последнее более развитое по своему характеру и присуще народу в период его консолидации в нацию.

Первыми на этот путь на острове вступили сингалы, самый многочисленный и экономически развитый народ. На первом этапе носителями самосознания у сингалов выступили кандийцы, которые в течение веков с оружием в руках защищали свою независимость против европейских захватчиков. Если можно так выразиться, кандийское самосознание носило консервативно-феодалный характер, черты которого до некото-

Таблица 6

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ШРИ ЛАНКА ПО ПЕРЕПИСЯМ 1881, 1921 и 1953 гг.*,
тыс.

Народ	1881 г.	1921 г.	1953 г.
Равнинные сингалы . . .	1846,6	1927,1	3469,5
Кандийские сингалы . . .		1089,1	2147,2
Все сингалы . . .	1846,6	3016,2	5616,7
Ланкийские тамилы . . .	687,2	517,3	884,7
Индийские тамилы		602,7	974,1
Все тамилы . . .	687,2	1120,0	1858,8
Ланкийские мавры	184,5	251,9	464,0
Индийские мавры		33,0	47,5
Все мавры . . .	184,5	284,9	511,5
Бюргеры и евразийцы . .	17,5	29,4	46,0
Малайцы	8,9	13,4	25,4
Ведды	2,2	4,5	0,8
Европейцы	4,8	8,0	6,5
Прочие	7,5	22,0	32,2
Итого . . .	2759,7	4498,6	8097,9

* N. K. S a r k a r, The demography of Ceylon, Colombo, 1957
По данным переписи 1971 г., численность населения Шри Ланка.
составляет около 13 млн., в том числе: сингалы—свыше 9 млн.
(71%), ланкийские и индийские тамилы— 2,5 млн. (20%).

рой степени сохранились и сейчас. Не составляет секрета, что часть равнинных сингалов в надежде получить от новых хозяев материальные блага пошла в услужение к европейцам.

Равнинные сингалы первыми подпали под власть европейских колонизаторов. При голландцах появились первые плантации, строились дороги и каналы, возникли различные мастерские. Здесь быстрее происходил процесс разложения традиционной сельской общины, обезземеливания крестьян и появления первых трудящихся, лишенных всех средств производства. Особенно значительные изменения в социальной структуре ланкийского общества начались с установлением английского господства. Прибрежные районы все более втягивались в новые капиталистические отношения.

После аннексии Кандийского государства и жестокого подавления антианглийского восстания в 1818 г., во главе которого стояли представители буддийского духовенства и часть кандийских феодалов, английские колониальные власти начали в кандийских районах проводить более гибкую политику. Подавляя с большой жестокостью народные выступления, они одновременно с этим пошли на ряд серьезных уступок духовно-феодальной знати. Англичане даже в какой-то степени начали консервировать полуфеодальные социально-экономические отношения у кандийцев. К неравномерному экономическому развитию прибрежных и горных районов, таким образом, прибавилось и социальное.

В XIX в. остров окончательно превратился в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Но, несмотря на уродливый однобокий характер развития экономики страны, все же в ней возникали некоторые промышленные предприятия, связанные главным образом с переработкой сельскохозяйственной продукции, судоремонтные и железнодорожные мастерские. С развитием капиталистических отношений на Шри Ланка появились и новые классы — национальная буржуазия и рабочий класс. Появилась и своя сингальская интеллигенция.

Новые классы стали играть все более заметную роль в политической и экономической жизни страны. Рост противоречий между метрополией и колонией приводил к усилению антианглийских настроений среди части сингалов, что в первую очередь свидетельствовало о появлении национального самосознания.

В течение всего XIX в. происходила невиданная в истории Шри Ланка пауперизация крестьян. Это сопровождалось неоднократными массовыми выступлениями трудящихся против колониального ига. Выступления крестьян, несомненно, способствовали росту не только национального, но и классового самосознания.

Пробуждение национального самосознания сингалов отразилось и в развитии литературы. Это была уже другая литература, которую не устраивали средневековые традиции феодального общества и установившиеся литературные нормы. Новая литература отражала процесс развития капиталистических отношений, появление новых классов, рост классовых противоречий и подъем национально-освободительного движения.

В 1860 г. начали выходить первые две газеты на сингальском языке — «Ланка локая» («Мир Цейлона») и «Лак риви кирана» («Солнечный луч Цейлона»). К концу XIX столетия на Шри Ланка издается свыше дюжины газет и журналов. Большие усилия были приложены к повышению грамотности населения. По переписи 1894 г., она достигла свыше 25%¹⁶.

Пробуждение национального самосознания затронуло и буддийскую церковь, которая с большой тревогой наблюдала за

все расширяющейся деятельностью христианских миссионерских организаций. Они наводнили остров бесчисленным количеством антибуддийской литературы. Кроме того, фактически все образование английские колониальные власти передали в руки миссионерских школ. Три газеты на английском языке, которые начали издаваться в первой половине XIX в., «Коломбо Геральд», «Обсервер» и «Гавернмент Газетт», также служили делу защиты английских интересов и являлись проводником официальной идеологии.

Еще в 30-х годах XIX в. англичане создали Законодательный совет, который состоял из девяти европейцев-англичан (официальные члены) и шести членов от различных групп населения (неофициальные члены). Последние назначались губернатором. Из них трое должны были представлять интересы английских предпринимателей и трое — ланкийской торговой буржуазии и имущих классов. По национальной принадлежности они соответственно должны были принадлежать к сингалам, тамилам и бюргерам. Этим актом английские колониальные власти стремились привлечь на свою сторону верхушку ланкийского общества.

В 60—80-х годах XIX в. окрепшая ланкийская буржуазия, в основном равнинные сингалы, начала борьбу за конституционные реформы. Она требовала предоставления ей больших экономических и политических прав. Ее требования поддержала формировавшаяся ланкийская интеллигенция, значительная часть которой критиковала колониальные порядки. В 1864 г. все шесть неофициальных членов Законодательного совета, не согласившись с предложением губернатора по некоторым статьям бюджета, отказались от своих постов.

В конце того же года они основали первую ланкийскую общественно-политическую организацию — Цейлонскую лигу, одним из основателей которой был крупный адвокат бюргер Ч. А. Лоренц. Он первый ввел понятие «цейлонцы», в которое вкладывал идею общности всех жителей Шри Ланка, необходимость их сплочения и единства в борьбе за политические и социальные права вне зависимости от национальных и кастовых различий или религиозной принадлежности. Большую просветительскую и общественную деятельность вел сподвижник Ч. А. Лоренца Джеймс де Альвис, сингал по национальности¹⁷. Они и их единомышленники, несмотря в целом на весьма умеренные требования, многое сделали для внедрения общеланкийского самосознания.

Борьба за конституционные реформы продолжалась и в первые десятилетия XX в. Но наряду с этим в связи с ростом численности средних слоев и буржуазной интеллигенции и втягиванием в антиколониальную борьбу более широких слоев двух основных народов — сингалов и тамиллов — на политическую арену стали выходить сторонники более радикальных полити-

ческих требований, а также деятели так называемого буддийского возрождения. Все это способствовало развертыванию национально-освободительного движения ланкийцев, во главе которого стояли сингалы. Несмотря на целый ряд объективных трудностей, у сингалов шел быстрый процесс формирования нации.

Одновременно с этим у ланкийских тамиллов также наблюдалась тенденция к этнической консолидации. Но до поры до времени общие интересы в национально-освободительном движении против колониального ига объединяли все народы Шри Ланка. В 1919 г. на острове возникла первая крупная политическая организация — Цейлонский национальный конгресс. Характерно, что среди его первых руководителей были сингалы-буддисты из касты гоаяма — Д. С. Сенанаяке и Д. Б. Джаятилака, сингал-католик из касты карава Дж. Пирис, ланкийский тамил-индус Поннамбалам Аруначалам, который стал первым его президентом, и др.

Цейлонский национальный конгресс выражал интересы буржуазии всех народов острова: сингалов, тамиллов, мавров и бюргеров, но ведущее место принадлежало первым. Значение его в том, что он в какой-то мере способствовал укреплению общеланкийского самосознания. Важную роль в этом отношении сыграл также Цейлонский университет, открытый по требованию ланкийцев.

Английские колониальные власти шли на отдельные мелкие уступки ланкийской буржуазии и одновременно с этим не без успеха пытались разобщить народы Шри Ланка.

С ростом национально-освободительного движения, антианглийских выступлений и укреплением ланкийской буржуазии английские власти решили прибегнуть к традиционному маневру своей колониальной политики «разделяй и властвуй». Противопоставляя друг другу отдельные группы населения Шри Ланка, английские власти пытались тем самым внести раскол в ряды участников национально-освободительного движения.

Следует отметить, что попытка противопоставить мусульман-мавров сингалам-буддистам не принесла англичанам существенного успеха. Экономическая подоплека столкновений между сингалами и маврами, которые на Шри Ланка занимались главным образом торговлей и ростовщическими операциями, не имела достаточно реальной основы, чтобы превратиться в национальную и религиозно-общинную рознь. Для религиозных распрей не было серьезных оснований, так как в отношении ислама на острове фактически никогда не проводилось дискриминационных мер. А сами мавры, рассеянные по всему острову и нигде не составляющие большинства, сохраняя свою религиозно-общинную обособленность, а в связи с этим и некоторые своеобразные черты в быту, никогда и не претендовали на какие-то особые национальные права.

Более того, мавры, страдая от конкуренции английских монополистов, в дальнейшем, как правило, блокировались с сингалами и тамилами против английских колонизаторов. Они стояли за единство всех народов острова, понимая, конечно, такое единство как господство всей ланкийской крупной и средней буржуазии. Это в значительной мере объясняется тем, что мусульманская буржуазия, занимаясь главным образом посреднической и розничной торговлей, была тесно связана своими деловыми интересами с сингальской и в меньшей степени с тамильской буржуазией.

Гораздо сложнее складывались отношения между сингалами и тамилами. На первом этапе борьбы против английских колонизаторов за независимость страны Северная и Восточная провинции, населенные преимущественно ланкийскими тамилами, оставались сельскохозяйственными районами, в которых почти отсутствовала промышленность, а рабочий класс был немногочислен. Поэтому тамильская буржуазия, более слабая по сравнению с сингальской, играла второстепенную роль в национально-освободительном движении. Впоследствии она окрепла и стремилась получить равные права с сингальской.

Правда, тамильский вопрос гораздо сложнее, чем мог бы показаться на первый взгляд. Разногласия между лидерами тамиллов и сингалов в Цейлонском национальном конгрессе и выход из Конгресса П. Аруначалама, который создал в 1921 г. в Джафне организацию тамильской буржуазии — «Тамил махаджана сабха», в какой-то мере отражали начало розни между сингалами и тамилами. Выход тамильской буржуазии из Конгресса заметно ослабил позиции этой организации, которая фактически превратилась в партию буржуазии равнинных сингалов¹⁸.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. захватил и остров. В связи с этим усилилось национально-освободительное движение, которое сопровождалось обострением классовых противоречий. Учитывая сложившуюся обстановку, английские власти пошли на дальнейшие уступки ланкийской буржуазии. В 1931 г. была введена новая конституция, согласно которой члены Государственного совета (новое название Законодательного совета) избирались по территориальному принципу на основе всеобщего избирательного права. Был также отменен принцип общинного представительства.

Дальнейший подъем национально-освободительного движения и вовлечение в него широких масс трудящихся в 1935 г. привели к возникновению партии «Ланка сама самадж» (Социалистическая партия Ланки). Она была основана наиболее радикально настроенными представителями интеллигенции и передовыми рабочими. Показателем роста классового и национального самосознания ланкийских трудящихся является создание в июле 1943 г. Коммунистической партии Шри Ланка.

В 1944 г. Г. Г. Паннамбалам основал партию Всецейлонский тамильский конгресс, выражавшую интересы крупной тамильской буржуазии и интеллигенции. Эта партия требовала равного с сингалами представительства в Государственном совете, что обеспечило бы ей популярность среди тамилы.

Перед угрозой массового народного движения ланкийская буржуазия решила создать свою партию, которая смогла бы возглавить это движение. В 1946 г. Д. С. Сенанаяке основал Объединенную национальную партию («Ексатх джатика пакша», но под этим названием она почти не фигурировала). В эту партию вошли сторонники Д. С. Сенанаяке из Государственного совета Цейлонского национального конгресса, Цейлонская мусульманская лига и партия Соломона Бандаранаике «Синхала махасабха» («Великая сингальская партия»).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Как уже говорилось выше, под напором национально-освободительного движения народов Шри Ланка английское правительство было вынуждено 4 февраля 1948 г. предоставить острову независимость. Он был признан «независимым и самоуправляющимся» доминионом в рамках Британского содружества наций.

Проанглийская, антинародная политика правительства Объединенной национальной партии, выражавшей интересы крупной буржуазии, значительной части плантаторов и в известной мере феодально-клерикальных кругов, вызвала важные изменения в расстановке политических сил в стране и кризис внутри самой Объединенной национальной партии.

Какие же основные факторы играли определяющую роль в национальных процессах после достижения независимости?

На наш взгляд, следующие: во-первых, дальнейшее размежевание политических сил, что привело к укреплению и в конце концов к победе более радикальных, демократических слоев национальной буржуазии; во-вторых, обострение сингало-тамильской розни, которая на многие годы определила политический климат в стране, препятствуя выработке общеланкийского самосознания и свидетельствуя о возросшем национальном самосознании ланкийских тамилы; в-третьих, проблема индийских тамилы, не разрешенная до сих пор; в-четвертых, положение малых этнических групп на острове; в-пятых, вопрос о государственном языке и, в-шестых, религиозная проблема, которую вкратце можно охарактеризовать как «государство и религия». Все эти проблемы тесно взаимосвязаны, и все они в той или иной степени влияют на этническое, экономическое, политическое и культурное развитие Шри Ланка.

Кажущееся единство всех национальных сил страны не выдержало серьезных испытаний после завоевания островом независимости. Этому способствовали начавшиеся противоречия между двумя основными народами — сингалами и тамилами.

Как уже говорилось, тамилы на Шри Ланка не представляют единого целого. Об этом пишет американский исследователь А. Дженнингс: «Цейлонские и индийские тамилы — представители одной „расы“, дети одного корня. Они говорят на тамильском языке, исповедуют индуизм и составляют часть организации индусского общества», однако обе эти группы «разделены географически, исторически и экономически. Они принадлежат также и к различным кастам. Цейлонские тамилы охотно получают английское образование, индийские тамилы в основном неграмотны»¹⁹.

Во время первых всеобщих выборов 1947 г. индийские тамилы, как британские подданные, приняли активное участие в выборах. При их поддержке от Тамильского конгресса в парламент было избрано семь депутатов, которые вошли в парламентскую оппозицию.

Правительство решило нанести удар оппозиционному и рабочему движению и одновременно с этим закрепить свой успех, достигнутый во время выборов 1947 г. В 1948 г. был принят Закон № 18 о гражданстве, согласно которому право ланкийского гражданства получили только те лица, которые могли доказать свое ланкийское происхождение. В эту группу вошли лишь сингалы, ланкийские тамилы и другие этнические общности, которые в течение столетий жили на острове.

В 1949 г. правительство внесло в избирательный закон поправку, в силу которой избирательное право предоставлялось только гражданам Шри Ланка. Одновременно ланкийское правительство крайне затруднило индийским тамилам переход в ланкийское гражданство. Лишь только 100 тыс. из них получили цейлонское подданство и избирательное право²⁰.

В 1948 г. из рядов Тамильского конгресса вышла группа С. Челванаягама. Она организовала Федеральную партию, которая вскоре стала самой крупной и влиятельной тамильской буржуазной партией на Шри Ланка. Программа и деятельность этой партии, претендуя на защиту интересов всех тамиллов, в действительности предусматривала защиту интересов окрепшей тамильской буржуазии.

Индийские тамилы поддерживали требование Федеральной партии о предоставлении им ланкийского гражданства и избирательного права, но националистические требования ланкийских тамиллов были далеки от истинных интересов трудящихся масс индийских тамиллов. Перед ними стояли свои классовые задачи: завоевание политических прав и улучшение своего экономического положения.

В начале 1956 г. правящая Объединенная национальная пар-

тия решила на своей ежегодной конференции, что сингальский язык должен быть единственным государственным языком на Шри Ланка, и каких-либо уступок тамильскому меньшинству не предусматривалось. Резолюция конференции встретила резкий протест со стороны ряда демократических организаций и партий. Но особенно ожесточенно критиковала ее Тамильская федеральная партия. Партия федералистов потребовала не только языкового равенства, но и создания автономных тамильских районов в составе Шри Ланка.

Неоднократные заявления лидеров Объединенной национальной партии о том, что их партия защищает интересы сингалов, преследовали далеко идущие цели. Национальная партия, растерявшая свой авторитет из-за антинародной и проимпериалистической политики своих лидеров, думала удержать и привлечь голоса новых националистически настроенных сингальских избирателей на предстоящих выборах в парламент в 1956 г. С одной стороны, это был предвыборный маневр Национальной партии, а с другой — продолжение ее традиционной политики разжигания сингало-тамильской розни и дискриминации индийцев. Вообще Объединенная национальная партия стала выступать с позиций сингальского шовинизма, что, естественно, вызвало взрыв недовольства и противодействие со стороны тамиллов.

Одновременно с этим происходила консолидация оппозиционных и демократических сил страны. В конце 1955 г. они создали Объединенный народный фронт («Махаджана ексатх перамуна»), в который вошли следующие партии: Партия свободы Шри Ланка (ее лидер Соломон Бандаранаике стал во главе Объединенного народного фронта), Революционная социалистическая партия Ланки («Виплавакари Ланка сама самадж») и Сингальская языковая лига («Сингала бхаша перамуна»), составившая националистическое крыло Объединенного народного фронта. Кроме того, в Народный фронт вошли некоторые независимые группы.

Программа экономических и политических преобразований, выдвинутая Народным фронтом, нашла широкую поддержку среди населения страны. Коммунистическая партия Шри Ланка также поддержала Объединенный народный фронт.

Однако в предвыборной программе Народного фронта был один очень уязвимый пункт, который вызвал много осложнений в стране и приобрел, пожалуй, первостепенное значение во внутренней жизни острова. Это был вопрос о государственном языке, а следовательно, о сингало-тамильских взаимоотношениях.

Хотя в предвыборной программе и говорилось, что правительство Народного фронта будет защищать права национальных меньшинств, но одновременно предполагалось провозгласить сингальский язык единственным государственным языком.

Однако в противоположность лидерам Национальной партии С. Бандаранайке заявил, что Народный фронт поддерживает приемлемое употребление тамильского языка и считает существенным сделать некоторые уступки тамилам. Эти неопределенные обещания не удовлетворили федералистов.

После прихода к власти правительства Объединенного народного фронта премьер-министр С. Бандаранайке поддержал законопроект о провозглашении сингальского языка единственным государственным языком. Это встретило резкую оппозицию Федеральной и ряда других тамильских партий, призвавших тамиллов начать сатьяграху, т. е. кампанию гражданского неповиновения, если парламент приступит к обсуждению законопроекта. Как только началось обсуждение законопроекта о государственном языке, десять федералистов, членов парламента, объявили сатьяграху.

В Коломбо произошли столкновения между сингалами и тамилами. Забастовки протеста вспыхнули в Северной и Восточной провинциях. Крупные волнения произошли в г. Баттикалоа.

Несмотря на массовую и активную оппозицию в стране, палата представителей в июне 1956 г. 66 голосами против 25 приняла законопроект о провозглашении сингальского языка единственным государственным языком страны. С этого времени сингал-тамильские отношения чрезвычайно осложнились. Преодоление этого кризиса заняло важное место в жизни страны.

Возникает вполне естественный вопрос, почему правительство Народного фронта столь последовательно отстаивало идею об одном государственном языке — сингальском.

Б. Фармер подчеркивает, что С. Бандаранайке в своей программе на первый план выдвинул лозунг «религия, язык, нация», пользовавшийся особой популярностью в сельских сингальских районах. Он говорит о «второй волне национализма», которую возглавили влиятельные в деревне буддийские священнослужители, ростовщики, мелкие землевладельцы, народные учителя и местные знахари, как он пишет — «новые деревенские вожди». Они были националистически настроены, выступали за возрождение традиционной сингальской культуры и литературы и считали, что только сингальский язык может быть языком новой независимой нации²¹.

В этих словах есть значительная доля правды. Мы упоминали о том, что в состав Народного фронта вошла Сингальская языковая лига, которая, поддерживая прогрессивные мероприятия правительства в области экономической политики и выступая за политику нейтрализма на международной арене, в то же время являлась партией националистических сил, сторонников привилегированного положения сингальского населения в стране.

С. Бандаранаике, получив голоса националистически настроенных кругов, но не являясь сам ортодоксальным националистом, все же был вынужден считаться с их требованиями. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением одного из журналов, который писал: «Несчастье в том, что буддийские священники и различные другие крайние сингальские ультра-националистические организации, сыгравшие большую роль в победе партии Бандаранаике, теперь требуют плату за свою поддержку»²².

Нельзя, конечно, отрицать и некоторых исторических и социально-экономических корней сингало-тамильской розни. Тамилы, главным образом ланкийские, составляют меньшинство в Коломбо и в других крупных городах, но играют заметную роль в торговле и составляют довольно значительный процент служащих в государственно-административном аппарате. Это вызывает недовольство у части сингалов (особенно у интеллигенции), которые считают, что тамилы господствуют в экономической и политической жизни страны.

Антитамильские настроения, которыми частично заражены также наиболее отсталые слои трудящихся-сингалов, усиленно подогреваются националистическими кругами. В антитамильской кампании с 1956 г. активно участвовала оппозиционная Объединенная национальная партия.

Все попытки премьер-министра С. Бандаранаике найти какой-либо выход из тупика и заключить компромиссное соглашение с лидерами Федеральной партии встречали резкое противодействие со стороны оппозиции и ультраправых националистических организаций, как сингальских, так и тамильских.

Правительство Соломона Бандаранаике, стремясь каким-то образом выйти из создавшегося тупика и оздоровить положение в стране, начало переговоры с лидером Федеральной партии Челванаягамом.

Наконец после долгих дебатов было достигнуто компромиссное соглашение, известное под названием пакта Бандаранаике — Челванаягама. Обе стороны решили, что будущее законодательство должно признать тамильский язык в качестве языка основного меньшинства на Шри Ланка и административным языком в Северной и Восточной провинциях, но не затрагивать каким-либо образом государственный язык. В соглашении были и другие пункты: тамилам предоставлялось право получать образование на родном языке, сдавать экзамены для поступления на государственную службу на тамильском языке при обязательном знании сингальского, вести на тамильском деловую переписку с правительственными учреждениями и т. д. На таких условиях Федеральная партия соглашалась не проводить массовую кампанию гражданского неповиновения.

Соглашение между правительством и Федеральной партией было горячо одобрено населением острова. Большинство об-

щественных организаций в стране выразило свое удовлетворение в приветственных телеграммах, посланных премьер-министру. Но против этих, по существу незначительных, уступок выступили националистически настроенные сингалы. Они направились с демонстрацией протеста к резиденции премьер-министра и были остановлены лишь крупными полицейскими силами.

Правительство, почувствовав поддержку широкой общественности, пошло дальше в намечаемых мероприятиях в деле урегулирования тамильской проблемы. Федералисты требовали создания региональных (областных) советов, обладающих значительной долей автономии. Хотя правительство только в дальнейшем намечало создание подобных советов, в данном случае оно пошло навстречу пожеланиям лидеров Федеральной партии. Как отмечал журнал «Нью Комменвелтс», «переговоры между премьер-министром и федералистами происходили в очень сердечной атмосфере и с искренним желанием обеих сторон достичь соглашения»²³.

Правительство считало, что региональная структура поможет если не разрешить, то хотя бы подойти к разрешению языковой проблемы, так как предполагалось, что региональным советам в районах с преобладающим тамильским населением будет разрешено вести дела на тамильском языке.

Однако эти уступки требованиям тамилы вызвали новый взрыв недовольства и возмущения среди националистически настроенной части сингальской интеллигенции и священнослужителей. Вновь усилились нападки на соглашение со стороны Объединенной национальной партии, лидеры которой утверждали, что премьер-министр предал сингалов. Все это вновь подогрело антитамильскую истерию.

Одновременно с этим в районах, населенных ланкийскими тамилами, также произошел важный сдвиг — ведущую роль в Федеральной партии приобрели крайние элементы. Они осудили Чelvанаягама за уступчивость.

Политическое кредо крайних федералистов изложил в речи 13 апреля 1958 г. член парламента С. Раджадураи. Он заявил, что тамилы в Индии, Африке, Малайе и на Цейлоне борются за свободу и происходит рождение Тамилнаду: «Мы на Цейлоне не можем надеяться сохранить наш язык и культуру до тех пор, пока не добьемся собственного автономного района внутри федеральной системы»²⁴.

Так среди ланкийских тамилы в начале 1958 г. оформилось движение, известное под названием «Мы — тамилы».

Все это опять вызвало сингало-тамильскую рознь, которая приняла характер национального бедствия. С обеих сторон были многочисленные жертвы. Правительство даже предприняло меры по эвакуации тамилы из Коломбо в Северную провинцию и вывозу оттуда сингалов на юг. Все соглашения правительства

с Федеральной партией, достигнутые до этого, были аннулированы.

В такой сложной обстановке 27 мая 1958 г. в стране было объявлено чрезвычайное положение²⁵. Одновременно с этим была запрещена деятельность Федеральной партии и ультра-националистической сингальской общинной партии Фронта национального освобождения («Джатика вимукти перамуна»), который, используя шовинистический лозунг «Цейлон для сингалов», апеллировал в основном к недовольным слоям мелкой буржуазии и их антитамильским настроениям.

Несмотря на противодействие крайних тамильских и сингальских националистов, правительство вновь подтвердило свою готовность придерживаться тех условий, которые были достигнуты во время переговоров Бандаранаике с Челванаягамом.

В выступлении 5 августа 1958 г. Соломон Бандаранаике, давая оценку положению в стране после введения чрезвычайного положения, разъяснил, что подразумевается под понятием свободы для той или иной этнической группы. Он заявил: «Свобода для сингалов — да, но следует также помнить и о том, что это и свобода для тамиллов, мусульман, малайцев и бюргеров»²⁶.

Весной 1959 г. обстановка в стране несколько стабилизировалась, но в сентябре 1959 г. от пули наемного убийцы трагически погиб выдающийся деятель ланкийского государства Соломон Бандаранаике. После затяжного правительственного кризиса осенью 1960 г. правительство возглавила Сиримаво Бандаранаике — жена и последовательный преемник политики погибшего премьера.

Мы видели, что вопрос о сингало-тамильских отношениях на Шри Ланка стал проблемой номер один во внутренней жизни страны. И если не учитывать действия и заявления некоторых крайних экстремистских тамильских деятелей, которые всячески обостряли сингало-тамильские отношения, то в целом требования тамиллов о предоставлении им языкового равенства и определенной культурной автономии и самостоятельности во внутренних делах надо считать вполне справедливыми.

Ланкийские тамилы в течение многих веков осваивали засушливые земли на севере и востоке страны, создали высокопродуктивное колодезно-поливное земледелие, активно участвовали в антиколониальной борьбе и обладают своей высоко-развитой национальной культурой.

В развитии национального самосознания тамиллов значительное место принадлежит творчеству выдающегося представителя нового тамильского культурного возрождения Субраманья Бхарати (1882—1921). Новая ланкотамильская литература представлена целой плеядой писателей и поэтов (Саргунар Поннугурам, Премджи, Канага Сентинатана и др.), которые успешно разрабатывают социальную тематику.

В Джафне находится один из четырех национальных музеев Шри Ланка, где ведется особенно большая работа в этнографической секции. В последней много памятников материальной культуры ланкийских тамиллов. В Джафне также находится Индуистский колледж с религиозным уклоном (изучаются религиозные дисциплины). На тамильском языке в Шри Ланка выходят две ежедневные газеты — «Виракесари» («Лев»), «Тхиннакаран» («Заря») и два еженедельника — «Десабхимани» («Патриот») и «Радха» («Радость»). «Десабхимани» является органом Коммунистической партии Шри Ланка на тамильском языке.

За годы национальной независимости тамильская буржуазия значительно усилилась и укрепила свои позиции, появился свой промышленный рабочий класс (крупный цементный завод в Канкесантурае), окрепла национальная интеллигенция. Все это, несомненно, сопровождалось ростом национального самосознания ланкийских тамиллов.

Образование в 1944 г. Тамильского конгресса, а в 1948 г. Федеральной партии также явилось показателем роста национального самосознания и политической активности тамиллов острова. Федеральная партия выступала со своей программой на всех парламентских выборах. Эта программа предусматривала признание тамильского языка вторым официальным языком страны, превращение Шри Ланка из унитарного в федеративное государство с широкой автономией тамильского меньшинства и предоставление гражданских и политических прав индийским тамилам. Широко используя растущее самосознание тамиллов, Федеральная партия, по существу, защищает интересы тамильской буржуазии, землевладельцев и плантаторов, спекулируя на национальном вопросе.

Коммунистическая партия Шри Ланка, объединяющая передовой отряд трудящихся, как сингалов, так и тамиллов и представителей остальных народов острова, неоднократно заявляла в своих программных документах о том, чтобы сингалам и тамилам предоставили равные права развиваться как нациям, чтобы уважали их языки и культурные традиции.

* * *

1 января 1961 г. закон о государственном языке вступил в силу, а 9 января лидер Федеральной партии Челванаягам опубликовал заявление, где вновь утверждал, что цель правительства — создать на Шри Ланка «теократическое буддийско-сингальское государство» и что «его языковая политика была шагом к уничтожению тамилоязычного населения»²⁷. 20 февраля Федеральная партия начала в Джафне сатьяграху.

17 апреля 1961 г. в стране ввели чрезвычайное положение, а немного позже — цензуру на печать, что было связано с анти-

национальной деятельностью ряда газет, выпускаемых главным образом крупнейшим издательским концерном «Ассошиэтед Ньюспейперс оф Силон» (так называемый «Лейк-хауз») и вновь запрещена деятельность Федеральной партии. Премьер-министр Сиримаво Бандарананке заявила, что ее кабинет будет решительно бороться против всех попыток, направленных на раскол страны.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что национальные процессы протекают на Шри Ланка в трудных условиях сингало-тамильской розни, в которую было втянуто в той или иной степени все население острова. Надо сказать, что серьезных оснований для глубокой розни между трудящимися сингалами и тамилами нет. Они совместно боролись против колониального ига и добились независимости. Они зачастую совместно выступают в защиту своих классовых интересов. Много ланкийских тамиллов и индотамиллов живет в настоящее время в Коломбо и особенно в новых строящихся и развивающихся промышленных центрах, что помогает, несомненно, преодолевать национальную рознь и разобщенность.

Не вызывает сомнения, что к моменту завоевания независимости острова в общих чертах сформировалась сингальская нация. Но, как известно, консолидация народа в нацию — процесс длительный и зависит в значительной степени от уровня экономического развития и социальных различий.

Н. Д. Виджесекера в работе «Население Цейлона» отмечает, что нет никаких оснований делить сингалов на прибрежных и горных и что это является продолжением традиционной политики европейцев «разделяй и властвуй». Нельзя, пожалуй, не согласиться с этим мнением Виджесекеры, хотя в то же время он сам отмечает, что «в духовной и материальной культуре и в общественных отношениях у кандийцев сохранились черты некоторой архаичности и своеобразия»²⁸.

Значительным тормозом в национальной консолидации сингалов являются кастовые и религиозные различия. Но, несомненно, по мере дальнейшего экономического развития и прогрессивных преобразований будут исчезать те некоторые черты, которые в какой-то мере отличают кандийцев от равнинных сингалов.

Можно также говорить о становлении ланкотамильского самосознания. Не исключено, что в дальнейшем сформируется и ланкотамильская нация. Как мы видели, для этого есть все предпосылки. Многое, по-видимому, будет зависеть от того, каким путем пойдет преодоление сингало-тамильской розни.

Проблема индийских тамиллов остается пока еще не решенной. И, по-видимому, до окончательного ее разрешения далеко. Это в первую очередь относится к плантационным рабочим. Те индийские тамилы, которые получили ланкийское гражданство, постепенно органически входят в структуру ланкийского обще-

ства. Они являются уже ланкийскими тамилами, хотя коренные тамилы относятся к ним с некоторым предубеждением. Большинство индийских тамиллов пополняет ряды рабочего класса.

Прогрессивные силы Шри Ланка всегда осуждали политику дискриминации по отношению к индийским тамилам. Не вызывает сомнения, что демократическому и справедливому решению этого вопроса препятствуют националистически-реакционные силы страны. Они пытаются использовать старый принцип английской колониальной политики «разделяй и властвуй» и искусственно поддерживать антагонизм между индийцами и сингалами, с тем чтобы подорвать единство рабочего класса, его растущую политическую активность. С этой целью сингалам-рабочим стараются внушить, что тамилы-рабочие вытесняют их из производственной деятельности. Действительно, на положении трудящихся тяжело отражается безработица. Но даже экономические трудности не в состоянии посеять глубокую рознь между сингалами и индийскими тамилами. Наоборот, общие экономические трудности и политические интересы трудящихся Шри Ланка являются теми факторами, которые постепенно преодолевают национальные и религиозные различия.

В заключение остановимся на остальных малых народах Шри Ланка, их роли и месте в независимой республике.

Самой многочисленной группой среди них являются мавры. Внешне ланкийские мавры, за исключением некоторых деталей в одежде, мало отличаются от сингалов и тамиллов.

Португальцы и голландцы, видя в маврах конкурентов, запрещали им заниматься торговлей. Англичане сняли все запреты.

Ланкийских мавров обычно делят на две группы: в первую входят те мавры, которые живут во внутренних районах (они переселились в Кандийское государство в основном из-за преследований) и занимаются сельским хозяйством, среди них много крупных земельных собственников, сдающих землю в аренду; во вторую, более многочисленную группу мавров входят мавры, обитающие в прибрежных городах и деревнях. Небольшая часть их занимается рыболовством и ремеслами, большинство же — торговлей, предпринимательской деятельностью и ростовщическими операциями.

Они рассеяны по всему острову и почти нигде не составляют большинства. Мавры сохранили и сохраняют свою эндогамную религиозно-общинную обособленность. Пользуются они, в зависимости от окружающего населения, или сингальским, или тамильским языками. Все они считают себя потомками арабов, и многие из них знают или говорят на арабском языке. В Коломбо у них есть свой колледж, но наиболее обеспеченные семьи посылают своих детей получать университетское образование в Египет или Сирию.

Хотя ланкийские мавры и не претендуют на какие-либо особые национальные права, но чувство принадлежности к единой этнической общности у них развито сильно. Несмотря на относительно малочисленность, они играют значительную роль в экономике Шри Ланка. Ланкийские мавры определяют также общий настрой остального мусульманского населения на острове. Кроме ланкийских мавров на острове есть еще индийские мавры.

Для Индии термин «мавр» не характерен. По-видимому, в эту группу включаются те индийцы-мусульмане, которые постоянно или временно живут на Шри Ланка. Они владеют на острове различными предприятиями и плантациями. Этническая принадлежность их также различна. Тут можно встретить богатых предпринимателей-гуджратцев из каст ходжа и богра, мопла из Кералы и др. Их деловые интересы связаны не только с Шри Ланка, но и с Индией, Пакистаном, Бангладеш и даже странами Восточной Африки. В целом об индийских маврах можно говорить как об «инонациональной» буржуазии на острове.

Второй наиболее многочисленной мусульманской группой на Шри Ланка являются малайцы. Живут они главным образом в Коломбо, Бадулле и Нуvara Элии, но практически их можно встретить во всех районах страны. Многие малайцы заняты в сельском хозяйстве и предпринимательской деятельности, некоторые владеют чайными плантациями. Часть малайцев работает на плантациях надсмотрщиками и в вооруженной охране. Много их и в качестве слуг по найму.

Ислам в какой-то мере объединяет всех мавров и малайцев на Шри Ланка. У них есть свои политические, общественные и спортивные организации.

Особое место на Шри Ланка занимают бюргеры. В силу своего экономического и общественного положения часть их всегда была тесно связана с колониальными властями. Завоевание независимости и решение правительства ввести в качестве государственного языка (вместо английского) сингальский внесли сильный разброд в среду бюргеров. Для этой малочисленной общины рушился привычный уклад жизни. Некоторые бюргеры не знали ни сингальского, ни тамильского языка.

Один из лидеров этой общины писал в статье «Будущее бюргеров»: «Многие бюргеры боялись, что для них нет никаких перспектив на возрождающемся националистическом Цейлоне. Те из них, кто мог себе это позволить, навсегда покинули или планировали оставить родину. Они верили, что найдут в Канаде или Австралии более благоприятные возможности для продолжения образа жизни согласно своим традициям. Хотя в последние годы число таких эмигрантов возросло, но все же они представляют очень незначительную и привилегированную часть общины»²⁹.

Большинство бюргеров осталось на Шри Ланка и живет

главным образом в крупных городах среди сингальского населения. У них есть ряд политических организаций. Правительство гарантирует им, как и остальным национальным меньшинствам, право на культурное и социальное развитие.

В настоящее время больше всего бюргеров в Коломбо и в прибрежных городах на юге острова. В своем быту они стараются придерживаться европейских норм. Многие бюргеры занимаются торговлей, имеют лавки и различные мастерские, а также содержат частные школы и составляют значительную прослойку интеллигенции. Среди них и теперь много служащих различных учреждений и людей свободных профессий.

Судьба веддов, которые сыграли столь большую роль в этнической истории Шри Ланка, схожа с судьбой многих малых народов земного шара. Численность их точно не установлена, данные очень противоречивы. Переписи сообщают: 1881 г. — 2,2 тыс. человек, 1921 г. — 4,5 тыс., 1946 г. — 2,7 тыс. и 1953 г. — 0,8 тыс. В январе 1958 г. журнал «Силон Тудей» сообщал, что на острове проживает 3 тыс. веддов³⁰. Они давно утратили свой язык и говорят либо по-сингальски, либо по-тамильски.

Здесь хотелось бы поставить вопрос: кого считать «настоящими» веддами? По-видимому, разноречие в определении численности веддов проистекает оттого, что сам критерий принадлежности к веддам оставляет желать лучшего.

Ведды, для которых охота и собирательство остаются основными источниками существования, теперь составляют небольшие группы. Ведды собирают различные дикорастущие фрукты и плоды, кору некоторых деревьев и корни растений. Важное значение имеет для них бортничество. Мелкие торговцы-разносчики охотно выменивают мед на различные предметы, необходимые веддам.

В настоящее время все ведды расселены в районе Бинтенне (Восточная провинция) к востоку от г. Алутнувера. Этот район называют страной веддов. До появления европейских колонизаторов на Шри Ланка ареал их расселения был значительно шире, но при европейцах (особенно после завоевания англичан) началось быстрое вытеснение, частичное вымирание, а главным образом ассимиляция веддов сингалами и тамилами. Создавая плантации, европейцы уничтожили леса, тем самым подрывая основу существования веддов — охоту и вынуждая их переселяться в менее благоприятные для охоты восточные районы.

Ведды не без борьбы уступали свои позиции английским колонизаторам. Так, они поддержали в 1817 г. антанглийское восстание кандийцев.

Быстрая ассимиляция веддов и переход их к другим занятиям объясняются целым рядом причин, из которых, пожалуй, следует отметить две основные. Во-первых, кандийскими правителями ведды были включены в «высшую» сингальскую касту гоаягама. Это обеспечило возможность и предпосылки для сме-

шанных браков. По этому поводу Р. Пирис пишет: «Интересный факт, что ведды были включены в касту гоягама и помогали царю в военное время и в походах против голландцев»³¹. Во-вторых, в XIX—XX вв. район расселения веддов подвергся сильному воздействию колонизационной волны сингалов и тамиллов, что способствовало более быстрой их ассимиляции.

Подавляющее большинство так называемых лесных веддов в настоящее время сочетает примитивное сельское хозяйство со своими древними традиционными занятиями — охотой, рыбной ловлей во внутренних водоемах и собирательством. Многие ведды вообще утратили характерные черты своей этнической принадлежности. Так, Р. Спиттел, который много времени провел в различных деревнях веддов, пишет, что в районе Периатхураи у многих из них в физическом облике были сильно заметны следы тамильской примеси, особенно у женщин. Украшения женщин, одежда веддов и даже их собственные имена были тамильскими. Однако он отмечает, что видел здесь трех мужчин маленького роста с ярко выраженными веддоидными чертами³².

Небольшая часть веддов-земледельцев окончательно перешла к сельскому хозяйству. Р. Спиттел сообщает, что в Кандакаду вместо грубых хижин, которые они надеялись увидеть, были обнаружены хорошо построенные дома и достаточное количество крупного скота и домашней птицы. Это, по-видимому, его настолько удивило, что он отметил: «Население, хотя оно называло себя веддами, было, судя по всему, тамильским»³³.

На Восточном побережье, главным образом в районе Баттикалоа, есть ряд деревень так называемых прибрежных веддов. Сами себя они называют «вердами» и появились в этом районе издавна, хотя и не отрывают себя полностью от остальных веддов. Их, видимо, можно считать этнографической группой веддов. Они земледельцы, но вместо охоты и собирательства занимаются рыбной ловлей в прибрежных водах³⁴.

В настоящее время процесс ассимиляции веддов ускоряется. Это вызвано тем, что правительство Шри Ланка всячески способствует их переселению в район нового орошения, где живут сингалы и тамилы. Новое неудержимо вторгается в жизнь современных веддов, и, вероятно, вскоре их придется изучать лишь по литературным памятникам³⁵.

МАЛЬДИВЫ

Примерно в 700 км к юго-западу от Шри Ланка в экваториальных водах Индийского океана лежит Мальдивский архипелаг, протянувшийся узкой полосой с севера на юг по 73° восточной долготы. Он представляет собой цепь из 19 атоллов, включающих в себя свыше 1 тыс. коралловых островов (из них населены меньше 300), климат его носит экваториальный, муссонный характер.

Общая площадь Мальдивских островов — около 300 кв. км, население — около 120 тыс. человек (1973 г.)¹. Столица Мальдивов г. Мале, политический, культурный и торговый центр, единственный город и порт архипелага, расположен на одноименном острове атолла Мале. Площадь столицы — 2 кв. км, число жителей свыше — 12 тыс., т. е. составляет свыше 1/10 части населения страны.

Промышленных предприятий на Мальдивских островах пока еще нет, но в столице развиты отдельные виды ремесленного производства и домашние промыслы, удовлетворяющие внутренние потребности страны. Столица — это ворота, через которые поддерживаются внешние сношения с миром и осуществляются все торговые связи.

Основное население страны — мальдивцы, некоторое количество индийцев, пакистанцев, арабов и сингалов. Все они живут главным образом в Мале. Мальдивцы говорят на мальдивском языке, официально именуемом дивехи, в котором значительное место занимает сингальская лексика. В формировании этого языка сыграл большую роль арабский язык. В XVII в. на Мальдивах появилась своя собственная письменность «тана», основанная на арабско-персидской графике.

В стране около 6% населения объясняется на английском языке, некоторые говорят на урду или хинди (по-видимому, распространены традиционные хиндустани), многие знают арабский язык. Те, кто владеет этим языком, живут главным образом в Мале.

По религиозной принадлежности жители Мальдивов — мусульмане-сунниты.

Земля на острове — государственная собственность, и любой осваивающийся новый участок или даже остров вносит в каз-

ну строго установленный налог. Но, несмотря на благоприятные климатические условия, мальдивцы почти не занимаются земледелием. Основное их занятие — рыболовство, которое ведется главным образом в открытом океане. Основная промысловая рыба — «бонито», так мальдивцы называют тунца. Особым, известным только мальдивским рыбакам способом просоленный, прокопченный и провяленный тунец, известный под названием «мальдив фиш», приносит около 95% валютных поступлений. Эта продукция вывозится главным образом на Шри Ланка. Экспорт «мальдив фиш» является государственной монополией.

По политическому устройству Мальдивы — республика (с 1968 г.) во главе с президентом. Высший законодательный орган — народное собрание (меджлис). На каждом обитаемом острове департаментом внутренних дел назначен катиб (управляющий). Им является обычно один из наиболее влиятельных местных жителей деревни. Он проводит в жизнь законы страны и следит за порядком.

В административном отношении деревни (как правило, на острове расположена одна деревня) входят в один из 19 атоллов, которые составляют 19 районов. Катибы непосредственно подчиняются верину (председателю комитета атолла), которого на два года назначает президент республики, исходя из результатов выборов в комитет.

* * *

Древняя история страны является пока что почти сплошным белым пятном. Время заселения островов и происхождение мальдивцев неизвестны. По-видимому, первоначальные насельники Мальдивских островов были по происхождению индийцами. Традиция связывает заселение архипелага с Шри Ланка. По всей вероятности, сингалы явились предшественниками современных мальдивцев, о чем свидетельствуют данные археологии, культуры и языка.

Раскопки, произведенные в последние годы, говорят о высокой древней культуре островитян, имеющей много общего с сингальской. Возможно, мальдивцы поддерживали тесные морские связи с Шри Ланка (откуда они получали рис) и многое заимствовали от нее. Один из исследователей даже отмечает, что в социальной структуре у мальдивцев можно найти некоторые черты, напоминающие черты древнесингальской структуры².

Началом своей истории мальдивцы считают 1153 г. Согласно традиции именно тогда на Мальдивах высадился проповедник ислама Абдул Барактул Барбарни, которому сравнительно быстро удалось обратить буддийское население островов и их правителя в ислам. Он стал султаном и принял имя Мухаммад ул Абдул, Мальдивы же стали султанатом. По-видимому, этот

период можно считать началом складывания мальдивской народности.

Мальдивцы, далеко оторванные от основных очагов мировой цивилизации в течение веков, создали свою собственную культуру, которая является сложным синтезом арабской цивилизации и доисламской культуры. Они поддерживали более или менее регулярные связи с арабским миром, совершали хадж в Мекку и в то же время не теряли связей с ланкийскими правителями. Есть даже документальный отчет о посольстве на Шри Ланка в 1645 г. Позднее эти связи еще более окрепли и сопровождались символической данью сингальским правителям. Последние, в свою очередь, снабжали Мальдивы рисом и другими необходимыми им товарами.

Португальцы в поисках новых земель наткнулись на Мальдивские острова. Бедный природными богатствами архипелаг не привлек особого внимания первых европейских колонизаторов. Но португальцы, оценив его важное стратегическое положение, построили на нем форт в Мале и установили там пушки.

Мальдивцы начали героическую борьбу против португальских захватчиков. Не имея огнестрельного оружия, они отважно сражались под водительством Тхакурфар аль Азама. В 1573 г. португальцы, бросив пушки, были вынуждены оставить Мальдивы. Изгнание португальцев способствовало сохранению и развитию национальной культуры и росту национального самосознания. Годовщину избавления от португальских завоевателей мальдивцы отмечают как национальный праздник.

В последней четверти XIX в. Мальдивские острова привлекли внимание английских колонизаторов. Как в свое время и португальцы, англичане учли стратегическую важность этих островов и в 1887 г. под предлогом защиты Суэцкого канала навязали султану статут протектората. Верховный контроль над Мальдивами до 1948 г. осуществлял английский губернатор на Шри Ланка.

Англичане, опираясь на мальдивскую аристократию, тесно связанную с султаном, пытались изолировать Мальдивы от тех политических изменений, которые происходили в странах Южной Азии. Верными союзниками англичан были нищета, отсталость и неграмотность мальдивцев. Однако изменения в мире, которые произошли после второй мировой войны, коснулись и Мальдивов.

В 1956 г. ланкийское правительство потребовало от англичан ликвидации военно-воздушной базы в Катунаяке и военно-морской в Тринкомали. Это заставило английских военных стратегов срочно подыскивать место для новой базы. Их взор остановился на самом южном атолле Адду Мальдивского архипелага — о-ве Ган, который уже использовался англичанами во время второй мировой войны в качестве аэродрома.

В это время правительство Мальдивских островов возглав-

лял проанглийски настроенный представитель аристократического клана Диди. Премьер-министр быстро подписал соглашение о передаче англичанам о-ва Ган, и они приступили к строительству военной базы, насильно выселяя оттуда население и вырубая кокосовые пальмы.

Проанглийская и антinationальная политика правительства вызвала широкое недовольство всех слоев населения. В декабре 1957 г. оно было свергнуто. Вновь сформированное правительство возглавил патриотически настроенный Амир Ибрагим Насир, отказавшийся признать соглашение с Англией о сооружении военно-воздушной базы на о-ве Ган и потребовавший немедленного прекращения всех работ.

Попытки англичан оказать давление на мальдивское правительство вызвали всеобщее возмущение населения Мале. Тогда англичане прибегли к старой, не раз помогавшей им политике «разделяй и властвуй». С помощью одного из местных мальдивских вождей, Абдуллы Аффифа, они в начале 1959 г. спровоцировали мятеж. Абдулла Аффиф, получив от англичан оружие и другую помощь, объявил о создании «независимого государства» под названием «Объединенные Сувадивские острова». В это государство вошли два южных атолла: Сувадив и Адду и о-в Фуа-Мулака. Аффиф обратился к Англии с просьбой о признании этого государства и одновременно дал согласие предоставить англичанам в аренду о-в Ган.

Это вызвало резкий протест мальдивского правительства и рост антианглийских настроений в стране. Все это свидетельствовало о появлении у мальдивцев не только национального самосознания, но и чувства коллективной ответственности за судьбы атоллов.

Мальдивская народность начала формироваться в антиколониальной борьбе сначала против португальцев, а в XX в. против английских колонизаторов.

В середине 1959 г. население атолла Сувадив и о-ва Фуа-Мулака отказалось поддерживать мятежников, и от «независимого государства» осталась только группа мятежников на атолле Адду. Против последних выступило все население острова. Англия, попирая нормы международного права, ввела на остров войска и начала репрессии. Среди мирного населения атолла было много убитых и раненых. Мальдивское правительство выразило правительству Англии резкий протест.

Последняя была вынуждена пойти на некоторые уступки. В январе 1960 г. в Коломбо было подписано соглашение, по которому правительству Мальдивов предоставлялась «свобода осуществлять экономические, торговые, культурные и просветительные отношения с другими странами и международными организациями»³. Англия получила о-в Ган и часть о-ва Хитаду того же атолла Адду в аренду на 30 лет, за что Мальдивам была обещана экономическая помощь.

Несмотря на соглашение, англичане продолжали поддерживать мятежников, чинили всяческие препятствия деятельности законного представителя мальдивского правительства на атолле Адду и продолжали политику устрашения.

Они без разрешения мальдивского правительства вводили в мальдивские территориальные воды один военный корабль за другим. Но подобная политика давления лишь способствовала дальнейшему росту антианглийских настроений и национально-освободительного движения. Сотни жителей столицы отправились на лодках к о-ву Куниду около Мале, где находилась резиденция английского представителя, с требованием о прекращении провокационных заходов военных судов в Мале и раздувания беспорядков на атолле Адду.

Выражая волю мальдивцев, премьер-министр Ибрагим Насир в октябре 1963 г. потребовал предоставить архипелагу независимость и признать Мальдивы суверенным государством. Английские колонизаторы всячески оттягивали выполнение законного требования мальдивцев.

В апреле 1964 г. жители Мальдивских островов, главным образом атолла Мале, подняли восстание против английского колониального господства. В нем приняли участие портовые рабочие, рыбаки и ремесленники, рабочие мелких кустарных мастерских по обработке продуктов кокосовой пальмы, учащиеся и интеллигенция столицы (промышленного пролетариата на Мальдивах пока еще нет). Повстанцы разрушили английскую посадочную площадку на аэродроме на о-ве Хулуле, неподалеку от Мале, и осадили резиденцию английского представительства.

В 1965 г. английское правительство было вынуждено предоставить Мальдивскому архипелагу политическую независимость. Мальдивцы одержали большую победу, что явилось результатом роста их политической активности и национального самосознания.

Другим важным историческим и политическим событием стало провозглашение 11 ноября 1968 г. Мальдивов республикой, первым президентом и премьер-министром которой стал Амир Ибрагим Насир.

* * *

В последние десятилетия, особенно после завоевания странами Южной Азии политической независимости, мальдивцы все больше отходят от своей политической и культурной изоляции. Это связано в первую очередь с появлением своей мальдивской интеллигенции и ростом национального самосознания, особенно сильно проявившегося в борьбе с английскими колонизаторами.

Вплоть до 1948 г. в стране не было светских школ. Дети в обеспеченных семьях обычно получали домашнее образование,

в которое входило заучивание наизусть Корана, основ арифметики и родного языка. Но уже в 30-е годы некоторые богатые семьи начали посылать своих детей учиться на Шри Ланка и даже в Египет. Эти воспитанники впоследствии заняли руководящие посты в правительственном аппарате.

1948 год стал переломным в народном образовании. В четырех районах столицы было открыто по две школы в каждом — одна мужская и одна женская. Кроме того, были созданы две центральные школы: «Маджидия» для мальчиков и «Аминия» для девочек. Одновременно стали организовываться учебные классы на всех населенных островах. Пока на островах не было своих подготовленных учительских кадров, преподавателей приглашали с Шри Ланка на договорных началах. Некоторые из них навсегда остались там.

Обучение в школах ведется на родном мальдивском языке, и мальдивские языковеды создали учебники по грамматике.

Подъем национальной культуры страны проявлялся во всех областях. В 40-х годах на мальдивском языке появилась первая газета, а в последние годы их выходило уже три. Была создана ассоциация писателей, первым председателем которой стал государственный чиновник Мальдивских островов Ибрагим Шихаб, получивший образование в Египте и принявший участие в издании первой книги стихов. Получили признание мальдивские поэты и поэтессы Хуссейн Афифуддин, Ал Кази Абдуллахи Джалалуддин, Фатьма Саид, Айминатх Хусейн, которые пишут на родном языке⁴.

На Мальдивах появились первые художники, старейшим из которых был Мухаммед Диди, получивший образование в Шри Ланка. Он работал в реалистической манере и создал богатую коллекцию портретов мальдивцев — людей из народа.

Добились мальдивцы первых успехов и в области здравоохранения. В Мале был открыт государственный госпиталь, в котором среди врачей было два мальдивца, окончивших советский медицинский институт.

Несомненно, что, завоевав полную политическую независимость, мальдивцы более быстрыми темпами пошли вперед по пути экономического, политического и культурного прогресса. Таковы основные этапы национального развития мальдивцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Дельтой называют место соединения трех линий, образуемых гребешками кожных узоров.

² В. И. Ленин, Военная программа пролетарской революции,— Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 132.

³ В. И. Ленин, О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»,— Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 116.

⁴ В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу,— Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 124.

⁵ Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973.

⁶ Там же, стр. 38.

⁷ «Страны и народы Востока», XIV, 1972, стр. 33. Кос — мера длины, равная приблизительно 4 км.

Глава I

¹ J. Marshall, Mohenjo Daro and the Indus Civilization, I—III, London, 1931.

² М. В. Емелеев, Linguistic Prehistory of India,— «Tamil Culture», т. V, Madras, 1956, № 1; М. Mayerhofer, Die Indo-Arier in Vorderasien, mit einer analitischen Bibliographie, Wiesbaden, 1966; «Proto Indica», М., 1968; «Proto Indica», М., 1972.

³ Д. Д. Косамби, Культура и цивилизация Древней Индии, М., 1968, стр. 63—74.

⁴ И. М. Оранский, Введение в иранскую филологию, М., 1963; И. М. Дьяконов, Восточный Иран до Кира,— «История Иранского государства и культуры», М., 1971; Б. В. Горнунг, К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. Расширенная редакция доклада на VII МКАЭН, М., 1964; Т. Я. Елизаренкова, Ригведа. Избранные гимны, М., 1972.

⁵ См.: И. М. Дьяконов, Восточный Иран до Кира; Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970; Т. В. Гамкрелидзе, Анатолийские языки и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен,— «Доклад на VII МКАЭН», М., 1964; М. А. Дандамаев, Клинописные данные об ариях,— «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968; В. И. Абаев, К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов,— «Древний Восток и античный мир», М., 1972, стр. 26—37.

⁶ D. C. Sirkar, Studies in the Geography of Ancient and Medieval India, Delhi, 1960.

⁷ К. М. Паниккар, Очерк истории Индии, М., 1961, стр. 95.

⁸ См.: К. З. Ашрафян, Делийский султанат, М., 1960.

⁹ G. Dumézil, La Préhistoire Indo-Iranienne des Castes,— «Journal Asiatique», t. CCXVI, Janvier—Mars, 1930; Э. А. Грантовский, Индоиранские касты у скифов,— «Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов», М., 1960.

¹⁰ «Законы Ману», М., 1960.

- ¹¹ A. Hillebrandt, *Vedische Mythologie*, Breslau, 1927—1929.
- ¹² M. Cappieri, *Die Bevölkerung der Indus-Civilisation*, — «American Anthropologist», October 1965.
- ¹³ См.: В. С. Воробьев-Десятовский, К вопросу о роли субстра-га в развитии индоарийских языков, — «Советское востоковедение», 1956, № 1.
- ¹⁴ Об этих народах см.: В. Ch. Law, *India as Described in Early Texts of Buddhism and Jainism*, London, 1941; R. Shafer, *Ethnography of Ancient India*, Wiesbaden, 1954.
- ¹⁵ В. Ch. Law, *India as Described...*
- ¹⁶ И. Баларама мурти, *Краткая история народа андхра*, М., 1956.
- ¹⁷ «Bihar through the Ages», Calcutta, 1958, стр. 191.
- ¹⁸ См.: М. В. Еменеау, *Brahui and Dravidian Comparative Grammar*, Berkeley — Los Angeles, 1962.
- ¹⁹ М. С. Андронов, *Дравидийские языки*, М., 1965.
- ²⁰ В. Ch. Law, *Ancient Mid-Indian Kṣatriya Tribes*, vol. I, Calcutta—Sim-la, 1924.
- ²¹ В. В. Иванов, В. Н. Топоров, *Санскрит*, М., 1960, стр. 9.
- ²² Там же, стр. 11.
- ²³ Камтапрасад Гуру, *Грамматика хинди*, М., 1957, стр. 31—34.
- ²⁴ Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров, *Язык пали*, М., 1965, стр. 9—10.
- ²⁵ Г. А. Зограф, *Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала*, М., 1960, стр. 15.
- ²⁶ См.: Ю. А. Смирнов, *Язык ленди*, М., 1970.
- ²⁷ Ю. В. Ганковский, *Народы Пакистана*, М., 1964, стр. 108—109.
- ²⁸ S. K. Chatterji, *Indo-Aryan and Hindi*, Calcutta, 1960.
- ²⁹ Махабхарата, III, гл. 52—79, Ашхабад, 1959.
- ³⁰ См.: М. Wheeler, *Early India and Pakistan to Ashoka*, London, 1959, стр. 118—125; Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин, *Древняя Индия*, М., 1969, стр. 215—218; Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик, К пробле-ме происхождения народов мунда (в свете археологических исследований последних лет), — «Советская этнография», 1957, № 1.
- ³¹ E. Thurston, *Castes and Tribes of Southern India*, vols. I—VII, Mad-ras, 1909.
- ³² О населении островов см.: «Народы Южной Азии», М., 1963. Раздел, посвященный малым народам, см. также в данной монографии.
- ³³ См.: «Пакистан». Справочник, М., 1966, стр. 73.
- ³⁴ См.: «Народы Южной Азии», стр. 301—302; Ю. В. Ганковский, *Народы Пакистана*, стр. 94—96, 107.
- ³⁵ См.: К. З. Ашрафян, *Делийский султанат*, стр. 49, 51 и сл.
- ³⁶ См.: В. А. Чернышев, *Диалекты и литературный хинди*, М., 1969, стр. 7—9; Г. А. Зограф, *Хиндустани на рубеже XVIII и XIX вв.*, М., 1961, стр. 4; Н. Глебов, А. Сухочев, *Литература урду*, М., 1967.
- ³⁷ Л. Б. Алаев, *Южная Индия*, М., 1964, стр. 16.
- ³⁸ К. М. Паниккар, *Очерк истории Индии*, стр. 234—238.
- ³⁹ И. М. Рейснер, *Народные движения в Индии XVII—XVIII вв.*, М., 1961, стр. 32.
- ⁴⁰ Л. Б. Алаев, *Южная Индия*, стр. 34—35; И. М. Рейснер, *На-родные движения...*, стр. 45—58.
- ⁴¹ И. М. Рейснер, *Народные движения...*, стр. 44.
- ⁴² К. А. Антонова, *Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605)*, М., 1952, стр. 138—140.
- ⁴³ См.: «История Индии в средние века», М., 1968, стр. 34—51, 57.
- ⁴⁴ К 1855 г. число учащихся в школах, где преподавался английский язык, возросло до 49 тыс. (Н. А. Константинов, *Школьная политика в коло-ниальных странах*, М., 1948, стр. 33).
- ⁴⁵ Н. Р. Гусева, *Особенности национального развития*, — «Народы Юж-ной Азии», стр. 222—223.
- ⁴⁶ См.: В. И. Ленин, *Критические заметки по национальному вопросу*, — Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 124.

- ⁴⁷ «Новая история Индии», М., 1961, стр. 265.
- ⁴⁸ См.: Г. К. Широков, Экономическое развитие чайных плантаций в Индии, М., 1959.
- ⁴⁹ Пальм Датт, Индия сегодня, М., 1948, стр. 476.
- ⁵⁰ К. М. Ашрафян, Представители мусульманского возрождения и события 1857 г.,— «Народное восстание в Индии 1857—1859 гг.», М., 1957.
- ⁵¹ «Новая история Индии», стр. 537—543, 546—555 и сл.
- ⁵² См. «Национально-освободительное движение в Индии и деятельность Б. Г. Тилака. Сборник, посвященный Б. Г. Тилаку, 1856—1956», М., 1958.
- ⁵³ В. И. Ленин, Горючий материал в мировой политике,— Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 179.
- ⁵⁴ А. М. Дьяков, Национальный вопрос и английский империализм в Индии, М., 1948, стр. 76.
- ⁵⁵ В. И. Казаков, Борьба народа каннара,— «Экономика и история Индии и Пакистана», М., 1966, стр. 125.
- ⁵⁶ Ю. В. Ганковский, Особенности бенгальского национального движения,— сб. «Экономика и история Индии и Пакистана», стр. 110.
- ⁵⁷ См.: А. М. Дьяков, Национальный вопрос в современной Индии, М., 1963, стр. 47—48; его же, История Индии, М., 1973, стр. 393.
- ⁵⁸ «Новейшая история Индии», М., 1959, стр. 72.
- ⁵⁹ В. Балабушевич, Г. Геллер, Х. Эйдуз, Рабочие организации Востока, М., 1927, стр. 61—62.
- ⁶⁰ Маздур И. (Романов И.), Аграрный вопрос и крестьянское движение на Северо-Западе Индии (Пограничная провинция и Белуджистан), М., 1933.
- ⁶¹ «История Индии», стр. 395—397.
- ⁶² Л. Р. Гордон-Полонская, Деятельность мелкобуржуазных террористических организаций во время подъема антиимпериалистического движения народов Индии в 1928—1933 гг.,— «Краткие сообщения Института востоковедения», вып. XXIII, М., 1957.
- ⁶³ «Новейшая история Индии», стр. 162—163; «История Индии», стр. 405—410.
- ⁶⁴ «Новейшая история Индии», стр. 165—166.
- ⁶⁵ В. В. Балабушевич, Рабочий класс и национальное движение Индии в 1923—1927 гг.,— «Ученые записки Института востоковедения», т. 10, М., 1954, стр. 3—56.
- ⁶⁶ А. М. Дьяков, Национальный вопрос и английский империализм в Индии, стр. 77—78.
- ⁶⁷ В. И. Казаков, Борьба за создание национальных штатов в независимой Индии, М., 1967, стр. 32—33.
- ⁶⁸ Дж. Неру, Автобиография, М., 1955, стр. 258—260.
- ⁶⁹ Пальм Датт, Индия сегодня, стр. 370.
- ⁷⁰ См.: Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана, стр. 216—228.
- ⁷¹ Дж. Неру, Автобиография, стр. 313.
- ⁷² Т. Ф. Девяткина, А. М. Дьяков, Создание штатов по лингвистическому принципу,— «Независимая Индия», М., 1958, стр. 86—87.
- ⁷³ Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 396.
- ⁷⁴ Конституции буржуазных стран, т. IV, М., 1936, стр. 248—254.
- ⁷⁵ Пальм Датт, Индия сегодня, стр. 478.
- ⁷⁶ Ю. В. Ганковский, Особенности бенгальского национального движения, стр. 114.
- ⁷⁷ «Новейшая история Индии», стр. 326—328.
- ⁷⁸ А. М. Дьяков, Национальный вопрос и английский империализм в Индии, стр. 81—87; А. М. Дьяков был первым из советских ученых, предложившим именовать эти крупные народы нациями, исходя из оценки уровня развития в их среде капиталистических отношений. Этой точки зрения придерживается ряд советских ученых.
- ⁷⁹ См. ниже раздел «Малые народности Индии».
- ⁸⁰ Ю. В. Ганковский, Особенности бенгальского национального дви-

жения, стр. 119; И. В. Сахаров, Краткий очерк этнической географии Индии, — «Страны и народы Востока», вып. XIV, стр. 55.

⁸¹ Джайнизм — одно из древних вероучений Индии. Распространен главным образом в городах. Джайнская этика запрещает нанесение вреда живым существам, поэтому земледелие считается занятием, которое джайнам противопоказано, так как во время пахоты гибнут мелкие грызуны и насекомые. Сферой основной деятельности джайнов в течение многих веков было ростовщичество и торговля. Из этой религиозной общины вышли многие крупные представители современной индийской буржуазии. Джайны составляют меньше 2% населения Индии (см. Н. Р. Гусева, Джайнизм, М., 1968).

⁸² А. М. Дьяков, Индия во время и после второй мировой войны (1939—1949 гг.), стр. 29—30, 34.

⁸³ Там же, стр. 32.

⁸⁴ Там же, стр. 32—33.

⁸⁵ «История Индии», стр. 475—476.

⁸⁶ «Новейшая история Индии», стр. 460.

Глава II

¹ B. B. Majumdar, The Indian Political Associations and Reforms of Legislature, Calcutta, 1963.

² А. И. Левковский, Развитие капитализма в Индии, М., 1963; его же, Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока, М., 1972; Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин, Древняя Индия, М., 1969.

³ Исклучение составляет Кашмир, который, несмотря на преобладание в нем мусульманского населения, был присоединен к Индии.

⁴ S. Banerjee, A Nation in Making, Bombay, 1963.

⁵ А. М. Дьяков, Национальный вопрос в современной Индии, М., 1963, стр. 31.

⁶ A. R. Tyagi, The Civil Service in Developing Society, New Delhi, 1964.

⁷ Там же.

⁸ J. M. Kaul, Problems of National Integration, New Delhi, 1963.

⁹ А. К. Majumdar, Advent of Independence, Calcutta, 1963.

¹⁰ Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1956, стр. 51.

¹¹ Названия штатов приведены ниже. См. также «Census of India, 1951», 1953.

¹² У североиндийских народов есть только один общий этноним — хиндустанцы, однако это звучит и как индийцы вообще. Поэтому, говоря о народах Северной Индии, мы вынуждены рассматривать их по районам или штатам расселения. У народов, заселяющих другие районы Индии, более четкие этнонимы и этническое самосознание.

¹³ A. Mitra, Census of India, — «Indian and Foreign Affairs Review», vol. 5, August 1968, № 21, стр. 17—19.

¹⁴ Достаточно сказать, что среди более 280 этнонимов, содержащихся в томе переписей 1961 г., более 20 имеют кастовое или клановое происхождение, 7 — конфессиональное и профессиональное, некоторые другие имеют очень приблизительное и транскрипционно не устоявшиеся написание. В целом включение диалектальных и жаргонных различий в этнообразующую лексику намного превысило среднее принятое в индологии число этнонимов. Характерно также, что, например, в штате Уттар-Прадеш около 20% составляют так называемые регистрируемые касты и нет регистрируемых племен. В то же время в соседнем штате Мадхья-Прадеш регистрируемые касты составляют 13% населения и около 20% отнесены к категории регистрируемых племен. При этом часть кастовых названий Уттар-Прадеша встречается в Мадхья-Прадеше в качестве племенных названий (см.: Bushgam, Linguistic Situation in India, New Delhi, 1973).

¹⁵ «Census of India, 1971», Preliminary Report, New Delhi, 1972.

¹⁶ В. В. Покшишевский, Новейшие данные о миграционной подвижности населения Индии, — «Советская этнография», 1975, № 1, стр. 113.

¹⁷ «Census of India, 1971».

¹⁸ Мы знаем, что с 1956 г. административное деление Индии постоянно перестраивается и все более совпадает с границами расселения лингвистических и этнических общностей.

¹⁹ «Education and Unemployment in Industrial India», Bombay, 1970, стр. 11—12.

²⁰ Язык урду принят в первую очередь мусульманской общиной, поэтому численность говорящих на этом языке следует приравнять к числу индийских мусульман в каждом районе.

²¹ И. В. Сахаров, Основные особенности этнолингвогеографии Индии, — «Доклад на I всесоюзной конференции индологов (Москва, декабрь 1970 г.)», Л., 1970.

²² «State Politics in India», Meerut, 1969, стр. 236.

²³ «Election Commission», Government of India, 1967.

²⁴ S. N. Agarwala, Population, New Delhi, 1967.

²⁵ S. N. Agarwala, Population, стр. 70—76.

²⁶ Вне Индии сикхи редко соблюдают религиозный обет — не стричься и не бриться в течение жизни и поэтому мало отличаются от членов других индийских общин за пределами страны.

²⁷ I. Narain, The Rajasthan Experiment, — «Asian Survey», vol. IV, 1964, № 8, стр. 1013—1022.

²⁸ Подробнее об этом см. раздел «Малые народы Индии».

²⁹ «Rajasthan Year Book, 1973», Jaipur, 1973.

³⁰ Этноним маратх означает прежде всего эндогамную общность, принадлежащую к касте южных раджпутов (маратхов). Термин «маратх» и в настоящее время имеет кастовое значение, т. е. не каждый, кто считает родным языком маратхи, является маратхом по этнической принадлежности. В данном случае мы видим этнообразующую роль касты. В контексте данной статьи будем называть маратхами все население, в основном расселенное в штате Махараштра и говорящее на языке маратхи. Помимо собственно маратхов включаем сюда отчетливо выделенных маратхоязычных браминов, не считающих себя маратхами, а также такие этнические общности, как шимпи, прадешни, махарцы, чамбхары, манги и др. Еще в XIX в. население ряда областей Индии называлось по имени ведущей группы. Так, говорили о раджпутах и Раджпутане, маратхах и Махараштре. В настоящее время в употреблении входит термин «махараштриец», охватывающий все указанные группы и, возможно, уже надо говорить о махараштрийской нации, ядром консолидации которой служат маратхи — кастово-субэтническая группа махараштриев.

В то же время гуджаратцы, тамилы и другие народы Индии, проживающие в Махараштре, пусть даже в течение нескольких поколений, еще не считаются махараштрийцами, хотя часть этих давних жителей из числа гуджаратцев объективно уже близка к смешению с ними.

³¹ D. J. Bogue, K. C. Zakhariah, Urbanization and Migration in India, Bombay, 1972.

³² «Status Images Changes in India», Bombay, 1968.

³³ «Caste in Indian Politics», New Delhi, 1970, стр. 29.

³⁴ Переход в буддизм и в христианство имеет, однако, и некоторые отрицательные последствия. Так, члены регистрируемых каст пользуются согласно конституции рядом привилегий (квота на обучение, специальные места в госаппарате и администрации, резервируемые места в законодательных собраниях и парламенте и т. п.). С переходом в другую религию члены кастовых общин могут лишиться этих привилегий.

³⁵ «Dhar Commission Report, Government of India», 1952.

³⁶ «Caste in Indian Politics», стр. 129.

³⁷ C. Annadurai, DMK as I see it, — «State Politics in India», стр. 45.

³⁸ A. K. Gopalan, Kerala. Past and Present, London, 1959.

³⁹ E. M. S. Nambudiripad, The National Question in Kerala, Bombay, 1952.

⁴⁰ Среди керальских кшатриев (наяров) матрилинейные порядки посте-

ленно вытесняются, а у «высших» каст (намбудури), хотя и в меньшей степени, чем у ежавов, сохранены некоторые традиции матриархата; они выражаются в гипергамных браках, потомки которых входят в матрилинии своих матерей.

⁴¹ «Government of India Act», 1936.

⁴² В западных горных районах Ориссы кроме адиваси проживают племена гондов, колхов, хо, мунда и др.

⁴³ Цифровые данные взяты из кн.: «Problems of National Integration», New Delhi, 1963.

⁴⁴ «Orissa Year Book», 1972.

⁴⁵ См., например: В. А. Чернышев, К вопросу о формировании национальных языков в Бихаре, — «Языковая ситуация в странах Азии», М., 1967, стр. 87; «Индия», Ташкент, 1973, стр. 33—44.

⁴⁶ В. А. Чернышев, К вопросу..., стр. 88.

⁴⁷ Данные переписи 1961 г.

⁴⁸ Выступая в Гаухати 17 июля 1960 г., Дж. Неру вынужден был заявить: «Это [беспорядки] что-то новое для нашего государства: наши граждане вынуждены становиться бездомными беженцами у себя на родине и жить в охраняемых лагерях».

⁴⁹ «Census of India», 1961, Paper № 1, 1962, стр. 60; по оценке на 1967 г. — 183 тыс. (А. П. П. а з а у с к а с, Бутан. Сикким, М., 1970, стр. 50).

⁵⁰ Boon Jan, Nepal mit Sikkim, München, 1973, стр. 112.

⁵¹ «Census of India», 1961, pt II-C(ii), стр. 26—27, 41, 121—122, 163, 176.

⁵² «Census of India», Paper № 1, 1963, стр. 43.

⁵³ Boon Jan, Nepal mit Sikkim, стр. 113.

⁵⁴ L. M. Shrikant, Classification of Tribals, — «Tribal Souvenir», New Delhi, [6. г.], стр. 13.

⁵⁵ «Народы Южной Азии», М., 1963, разделы «Религия», «Касты», стр. 135—166.

⁵⁶ «Handbook of Scheduled Castes and Scheduled Tribes», New Delhi, 1968, стр. 35.

⁵⁷ L. K. Gorey, The Adivasis of Maharashtra, — «Modern Review», vol. 111, 1962, № 5, стр. 395; P. S. Sharma, Indian's Criminal Tribes, — «Modern Review», vol. 112, 1962, № 1, стр. 65—66.

⁵⁸ Н. Н. Чебоксаров, Новые данные по этнической антропологии Индии, — «Очерки экономической и социальной истории Индии», М., 1973, стр. 8—9.

⁵⁹ Там же, стр. 8.

⁶⁰ «Census of India», 1961, vol. IX, Madras, pt V-B(ii), 1964, стр. 95.

⁶¹ «Census of India», 1961, Paper № 1, 1962. Final Population Totals, стр. IXVI—IXII.

⁶² L. P. Vidyarthi, Cultural Changes in the Tribes of Modern India, — «Journal of Social Research», vol. XI, 1968, № 1, стр. 5.

⁶³ Там же, стр. 6.

⁶⁴ J. H. Hutton, Ethnographical Notes, — «Census of India», 1931, vol. I, pt III-B, Simla, 1935, стр. 11.

⁶⁵ J. D. Mehra, Tribal India in Continuity and Changes, — «Indian and Foreign Review», vol. 5, 1968, № 13.

⁶⁶ L. P. Vidyarthi, Cultural Changes..., стр. 9.

⁶⁷ «Census of India», 1961, vol. IV, Bihar, pt V-A, стр. XXV.

⁶⁸ J. D. Mehra, Tribal India..., стр. 15.

⁶⁹ «Report on Scheduled Castes and Scheduled Tribes», 1960—1961, стр. 466.

⁷⁰ S. K. Navlakha, Puritanistic Cults (A Brief Study of Causation Effects and Prospect in Bhil Society), — «Changing Tribes», Indore, 1961, стр. 39.

⁷¹ «On Tribal Political Problem», — «New Age», August 18, 1968, стр. 3.

⁷² P. G. Shah, Tribal Organization of India, — «Tribal Souvenir», New Delhi, [6. г.], стр. 20.

⁷³ Там же, стр. 25.

⁷⁴ B. K. Burman, National Movements Among the Tribes, — «Sekular Democracy», vol. IV, 1971, № 3—4, стр. 29.

- ⁷⁵ B. K. R. Burman, *National Movements...*, стр. 29.
- ⁷⁶ Там же, стр. 31.
- ⁷⁷ «Census of India», 1961, vol. I, pt V-A, стр. 88.
- ⁷⁸ «New Age», vol. IX, 1960, № 6, стр. 36.
- ⁷⁹ Там же, стр. 35.
- ⁸⁰ «Census of India», 1961, vol. I, pt XI-E, стр. 155.
- ⁸¹ Христианизированные мунда иногда даже женятся на девушках-раджпутках (такие браки зафиксированы в Роуркеле), ораоны женятся на девушках-савара.
- ⁸² M. K. Raha, *Cultural Change in Tribal Sunderban*,— «Modern Review», vol. 116, 1964, № 5, стр. 326—363.
- ⁸³ J. Sen, *Problems in Tribal Transformation*,— «Man in India», vol. 46, 1966, № 4, стр. 329.
- ⁸⁴ B. K. R. Burman, *Perspective of Nagaland*,— «Journal of the Institute for Defence Studies and Analysis», vol. I, 1969, № 2, стр. 22.
- ⁸⁵ «Известия», 8.VIII.1967.
- ⁸⁶ См. подробнее: Л. И. Юревич. Нагаленд,— «Экономика и история Индии и Пакистана», М., 1966.
- ⁸⁷ Jyoti Sen, *Problem in Tribal Transformation in India*,— «Man in India», vol. 46, 1966, стр. 321—322.
- ⁸⁸ «New Age», October 22, 1972, стр. 6.
- ⁸⁹ B. K. R. Burman, *National Movements...*, стр. 33.
- ⁹⁰ J. D. Mehra, *Tribal India...*
- ⁹¹ L. P. Vidyarthi, *Cultural Changes...*
- ⁹² S. Soren, *Tribal Education in India*,— «Report on 2nd Conference for Scheduled Castes and Scheduled Tribes», 1953, стр. 129.
- ⁹³ S. Soren, *Tribal Education...*, стр. 127.
- ⁹⁴ «Census of India», 1961. *Bibliography of Publications in Tribal Languages*, New Delhi, 1965.
- ⁹⁵ M. K. Chauchan, *Scheduled Castes and Scheduled Tribes*,— «Economic and Political Weekly», vol. IV, January, 1969, № 1, стр. 261.
- ⁹⁶ «Census of India», 1961, vol. IX, Madras, pt V-B(ii), стр. 48.
- ⁹⁷ «Census of India», 1961, vol. III, Assam, pt V-A, стр. 282—283.
- ⁹⁸ «Census of India», 1961, Paper № 1, 1962. *Final Population Totals*, стр. IXVI—IXVII.
- ⁹⁹ Б. Я. Волчок, *Онге Андаманских островов*,— «Советская этнография», 1965, № 3.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Этнографические исследования среди онге начиная с 1948 г. проводит Департамент антропологии Индии; большой материал собран двумя этнографическими экспедициями — одна под руководством итальянского этнографа Л. Чиприани (1951—1954) и другая — индийского ученого Р. С. Нигама (1955—1956).
- ¹⁰² K. Kaushal Kumar Mathur, *Nicobar Islands*, New Delhi, 1967, стр. 49.
- ¹⁰³ A. R. Brown, *The Andaman Islanders*, Cambridge, 1922, стр. 20.
- ¹⁰⁴ E. C. Buchi, *The Onge of Little Andaman*,— «The Adivasis», Delhi, 1960, стр. 60.
- ¹⁰⁵ Там же, стр. 60—61.
- ¹⁰⁶ «Report of the Study Team on the Negrito Tribes of the Andaman Islands», vol. XVIII, Vanyajati, 1970, № 1, стр. 19.
- ¹⁰⁷ K. Kaushal Kumar Mathur, *Nicobar Islands*, стр. 146—147.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ «Census of India», 1961, vol. I. *Monograph Series*, pt VI, стр. 7.
- ¹¹⁰ Там же, стр. 4.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же, стр. 53.
- ¹¹³ Там же, стр. 38.
- ¹¹⁴ Там же, стр. 7.
- ¹¹⁵ Там же, стр. 128—133.

¹ В 1971 г. из состава Пакистана вышел Восточный Пакистан, который стал независимой Народной Республикой Бангладеш. В данной главе речь идет о Пакистане в новых границах. Бангладешу посвящена специальная глава.

² Надо отметить, что вопросы этногенеза и этнической истории народов Пакистана в советской науке изучены довольно подробно, хотя и здесь есть еще свои белые пятна. Из последних наиболее полных работ см.: Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана (основные этапы этнической истории), М., 1964.

³ Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана, стр. 107.

⁴ H. M. Elliot, *The Races of N. W. Provinces of India*, London, vol. I, 1869, Appendix D, стр. 366—367.

⁵ И. М. Рейснер, Развитие феодализма и образование государства у афганцев, М., 1954, стр. 28—29.

⁶ Там же, стр. 277.

⁷ Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана, стр. 150.

⁸ Там же, стр. 154.

⁹ Там же, стр. 156.

¹⁰ «Gujrat District Gazerreer», Lahore, 1883—1884, стр. 41.

¹¹ «Parliamentary Papers Punjab», Lahore, 1847—1849, стр. 655.

¹² M. M. Ahluwalia, Kukas. *The Freedom Fighters of the Punjab*, Bombay, 1965.

¹³ Ю. В. Ганковский, Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане, М., 1967, стр. 232.

¹⁴ Н. И. Семенова, История сикхского движения в Индии, М., 1963, стр. 30.

¹⁵ М. Т. Степанянц, Философия и социология в Пакистане, М., 1967, стр. 13.

¹⁶ Ю. В. Ганковский, Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане, стр. 241.

¹⁷ Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана, стр. 213.

¹⁸ Ю. В. Ганковский, Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане, стр. 210—211.

¹⁹ «Пакистан», Справочник, М., 1966, стр. 36, 38 (далее «Пакистан»). Весь цифровой материал здесь и далее приводится, главным образом, по этому справочнику, который пользуется данными переписи 1961 г.

²⁰ «Пакистан», стр. 39.

²¹ Численность племен везде указана по приблизительным подсчетам, которые сильно расходятся в разных источниках. Основные данные взяты из «Tribal Areas of West Pakistan», Karachi, 1963.

²² W. A. Wilcox, *The Consolidation...*, стр. 82—83.

²³ «Пакистан», стр. 41.

²⁴ М. Г. Пикулин, Белуджи, М., 1959, стр. 191—201.

²⁵ W. A. Wilcox, *The Consolidation...*, стр. 82—83.

²⁶ «Пакистан», стр. 35, 41.

²⁷ М. Г. Пикулин, Брауи, М., 1967, стр. 30—32.

²⁸ См. «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 779—783.

²⁹ R. Lang, *The Land and People of Pakistan*, Philadelphia — New York, 1974, стр. 12.

³⁰ «Пакистан», стр. 35.

³¹ Там же, стр. 42.

³² Там же, стр. 43.

³³ Там же.

³⁴ «Minorities in Pakistan», Karachi, 1964, стр. 23—24.

³⁵ Там же, стр. 34—46.

³⁶ «Guru Nanak and Sikh Shrines in Pakistan», Karachi, 1969, стр. 16—21.

³⁷ «Bulletin of the International Committee on Urgent Anthropological and Ethnological Research», Vienna, 1959, № 12, стр. 90.

- ³⁸ Ю. В. Ганковский, Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане, стр. 159.
- ³⁹ «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 711—714.
- ⁴⁰ «Пакистан», стр. 444.
- ⁴¹ Там же, стр. 406, 408.
- ⁴² «Советская этнография», М., 1973, № 6, стр. 64.
- ⁴³ По данным переписи 1971 г., в Индии (преимущественно в западных районах страны) проживало 1,7 млн. синдхов.
- ⁴⁴ «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 724.
- ⁴⁵ «Пакистан», стр. 41.
- ⁴⁶ Там же, стр. 40.
- ⁴⁷ Ю. В. Ганковский, Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане, стр. 230.
- ⁴⁸ R. Kureishi, The Nation of Pakistan, Oxford, 1969, стр. 29, 56, 58.
- ⁴⁹ «New Age», 2.IV.1972, стр. 13.
- ⁵⁰ R. Kureishi, The Nation..., стр. 57.
- ⁵¹ «Пакистан», стр. 419.
- ⁵² С. Ф. Левин, Формирование крупной буржуазии Пакистана, М., 1970, стр. 69—70.
- ⁵³ «Пакистан», стр. 444, 445, 446.
- ⁵⁴ «Правда», 31.XII.1971.
- ⁵⁵ «Bulletin of the International Committee on Urgent Anthropological and Ethnological Research», стр. 90.
- ⁵⁶ K. von Vorys, Political Development in Pakistan, Princeton, New Jersey, 1965, стр. 28—29.
- ⁵⁷ «Aspects of Caste in South India, Ceylon and Northwest Pakistan», Cambridge, 1960, стр. 113—146.
- ⁵⁸ Сейиды считают себя потомками дочери Мухаммеда — Фатимы и возводят свое происхождение к сейидам, пришедшим в Индостан в качестве воинов или религиозных наставников. Шейхи также считают себя потомками арабов из племени курейши. Как известно, из этого племени вышел сам основатель ислама — Мухаммед. Моголы и патаны — привилегированное служилое сословие в период империи Великих Моголов.
- ⁵⁹ «Пакистан», стр. 42.
- ⁶⁰ R. Lang, The Land and People..., стр. 12.

Глава IV

- ¹ Ю. В. Ганковский, Народы Пакистана (основные этапы этнической истории), М., 1964, стр. 161—162.
- ² N. Karim, Changing Society in India and Pakistan, Oxford, 1956, стр. 121—127.
- ³ «Why Bangla Desh? Government of the People's Republic of Bangla Desh», 1971, стр. 5—8; Chitta Biswas, Bangla Desh Calling, New Delhi, 1971, стр. 15.
- ⁴ С. Ф. Левин, Формирование крупной буржуазии Пакистана, М., 1970, стр. 58—60.
- ⁵ Ю. В. Ганковский, Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане, М., 1967, стр. 121.
- ⁶ Там же, стр. 123.
- ⁷ «Why Bangla Desh?», стр. 2—3.
- ⁸ «Why Bangla Desh?», стр. 18.
- ⁹ «Народная Республика Бангладеш». Справочник, М., 1974, стр. 12; «Minorities in Pakistan», Karachi, 1964, стр. 47—52.
- ¹⁰ «Social Research in East Pakistan», Dacca, 1960, стр. 147.
- ¹¹ A. B. Rajput, The Tribes of Chittagong Hill Tracts. Karachi, 1965, стр. 7.
- ¹² Там же, стр. 12—13.
- ¹³ «Social Research in East Pakistan», стр. 124—125.
- ¹⁴ Там же, стр. 150.

- ¹ «Современный Непал», М., 1967, стр. 25.
- ² Там же, стр. 27—28.
- ³ V. A. Smith, *The Oxford History of India*, Oxford, 1923, стр. 7; S. K. Chatterji, *Kirata-jana-krti. The Indo-Mongoloids*.—JRASB, vol. XVI, 1950, № 2.
- ⁴ E. A. Blunt, *The Caste-System of Northern India*, Madras, 1931.
- ⁵ W. Kirkpatrick, *An Account of the Kingdom of Nepal*, London, 1811.
- ⁶ Kuladharma Ratna, *Buddhism and Nepal*, Kathmandu, [6. г.].
- ⁷ D. R. Regmi, *Ancient Nepal*, Calcutta, 1969, стр. 56.
- ⁸ D. R. Regmi, *Ancient and Mediaeval Nepal*, London, 1952, стр. 2.
- ⁹ «Современный Непал», стр. 46.
- ¹⁰ По оценке на 1961 г., численность наиболее крупных народов была следующей: магари — 310 тыс., таманги — 570 тыс., кираты — 270 тыс. и невары — 450 тыс. («Современный Непал», стр. 46).
- ¹¹ Есть мнение, что часть неваров при проведении переписи указала на язык непали как на родной, отчего цифра переписи занижена, на самом же деле неваров было больше (G. S. Nepali, *The Newars*, Bombay, 1965, стр. 19).
- ¹² Горный народ кхас, или кас, упоминается в таких древних памятниках индийской литературы, как «Махабхарата», «Вишну-пурана» и «Вайу-пурана». Некоторые исследователи полагают, что его происхождение можно связывать с процессом смещения индоарьев с автохтонным населением Гималаев (см.: А. А. Прусаускас, Социальные и экономические предпосылки политической раздробленности в Непале в XVI — первой половине XVIII в., — «Непал: история, этнография, экономика», М., 1974, стр. 27).
- ¹³ Дж. Моррис, Зима в Непале, М., 1966.
- ¹⁴ Позже, в XIX и XX вв., это название распространилось на непальских солдат в англо-индийской армии и на всех непальцев, служивших полицейскими или охранниками вне пределов Непала. Все они были, как правило, выходцами из народов, вошедших в конфедерацию гурков. «Гурками» называют также всех жителей бывшего княжества Горкха, вне зависимости от их этнической принадлежности. В данной работе слово «гурки» будет относиться только к солдатам — выходцам из шести народов военной конфедерации; сами эти народы будут именоваться «гуркскими народами», а каждый из них будет упоминаться еще под своим этническим названием; кроме того, раджпуты и другие народы (кхасы), создавшие и возглавившие конфедерацию, будут условно именоваться «первыми гурками».
- ¹⁵ F. T. uker, *Gorkha*, London, 1957.
- ¹⁶ Словом «непали» обозначаются и все жители Непала вообще, вне зависимости от их этнической принадлежности.
- ¹⁷ «Political Development in Nepal», — «Daily News» (Karachi), 29.VIII. 1967.
- ¹⁸ L. Bajracharya, *Nepal. 1960—61. Trade and Information Directory*, New Delhi, [6. г.].
- ¹⁹ G. S. Nepali, *The Newars*, стр. 11—12; S. K. Chatterji, *Kirata-jana-krti*...
- ²⁰ А. А. Прусаускас, Социальные и экономические предпосылки..., стр. 30; J. T. Hitchcock, *The Magars of Banyan Hills*, New York, 1966.
- ²¹ D. Wright, *The History of Nepal*, London, 1877, стр. 167.
- ²² G. S. Nepali, *The Newars*, стр. 28—29 (Обзор материалов по этому вопросу см.: И. М. Ошуркова, Некоторые гипотезы этногенеза неваров, — «Непал: история...», стр. 66—67).
- ²³ G. S. Nepali, *The Newars*, стр. 19.
- ²⁴ B. H. Hodson, *Illustrations of the Literature and Religion of the Buddhists*, Serampur, 1847, стр. 2. Судя по контексту, под горкхами автор понимает здесь вообще членов конфедерации гурков.

²⁵ Jest Corneille, Les Chepang ethnies népalaise de langue tibéto-birmane, — «Objets et Mondes», Eté, 1966, t. VI, fasc. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ М. Песель, Страна, укрытая Гималаями, — «За рубежом», 1972, № 18.

²⁹ G. S. Nepali, The Newars, стр. 17.

³⁰ И. Редько, Непал после второй мировой войны. Антифеодалное и антиимпериалистическое движение. 1945—1956 гг., М., 1960, стр. 96—99.

³¹ Г. И. Яковлев, Экономическое развитие Непала, М., 1970, стр. 34.

Глава VI

¹ Pradyumna P. Kagan, Bhutan. A Physical and Cultural Geography, Lexington, 1947, стр. 49.

² А. Празаускас, Бутан. Сикким, М., 1970, стр. 16; Бутан — королевство в сердце Гималаев, — «За рубежом», 1974, № 26.

³ Pradyumna P. Kagan, Bhutan..., стр. 67.

⁴ Pedro Carrasco, Land and Polity in Tibet, Seattle, 1959, стр. 13.

⁵ А. Празаускас, Бутан. Сикким, стр. 8.

⁶ Pradyumna P. Kagan, Bhutan..., стр. 19, 67.

⁷ Там же, стр. 19—21.

⁸ C. Olchak Blanche, Bhutan. Land of Hidden Treasures, London, 1971, стр. 57.

⁹ Pradyumna P. Kagan, Bhutan..., стр. 75.

¹⁰ Бутан — королевство в сердце Гималаев.

Глава VII

¹ Название о-ва Цейлон явилось модификацией древнего названия Синхаладвипа, т. е. «остров синхалов» (львов). Арабы на свой манер переименовали Синхаладвипу в Серендиб. Под этим названием остров стал широко известен на Ближнем Востоке в период раннего средневековья. Сингалы же для названия своей страны часто пользовались санскритским словом «Ланка», что означает «земля», «остров».

Правительство независимой республики восстановило древнее название о-ва Ланка и назвало свое государство Шри Ланка, т. е. «благословенная земля». Как в прессе, так и в научных публикациях термины «ланкийцы», «ланкийский» и другие производные все более вытесняют название «Цейлон», «цейлонцы», «цейлонский» и т. п.

В этой главе мы также в основном придерживаемся новой терминологии. Старые названия сохранены в тех случаях, когда они употребляются самими авторами и исследователями.

² W. C. Osman Hill, The Physical Anthropology of the Existing Veddahs of Ceylon, Colombo, 1941, стр. 31.

³ H. Parker, Ancient Ceylon, An Account of the Aborigens and of the Part of the Early Civilisation, London, 1909, стр. 1.

⁴ N. D. Wijesekera, The People of Ceylon, Colombo, 1950, стр. 49.

⁵ W. Geiger, Culture of Ceylon in Mediaeval Times, Wiesbaden, 1960, стр. 28.

⁶ M. D. Raghavan, The Karava of Ceylon. Society and Culture, Colombo, 1961, стр. 3.

⁷ M. B. Ariyaratna, Society in Mediaeval Ceylon, Colombo, 1956, стр. 284—285.

⁸ Bryce Ryan, Caste in Modern Ceylon, New Brunswick, 1953, стр. 93—94.

⁹ M. D. Raghavan, The Karava of Ceylon..., стр. 62—68.

¹⁰ I. Jennings, Nationalism and Political Development in Ceylon, New York, 1950, стр. 3.

¹¹ R. Percival, An Account of the Island of Ceylon, Containing its History, Geography, Natural History, London, 1805, стр. 158—164.

- ¹² Ibn Battuta, *Travels in Asia and Africa, 1325—1354*, London, 1939, стр. 260.
- ¹³ E. K. Cook, *Ceylon, its Geography, its Resources, and its People*, London, 1951, стр. 272.
- ¹⁴ R. Percival, *An Account of the Island of Ceylon...*, стр. 256.
- ¹⁵ L. Perera, *Ceylon under Western Rule*, Madras, 1959, стр. 63.
- ¹⁶ В. В. Выхухолов, *Сингальская литература*, М., 1970, стр. 108.
- ¹⁷ Э. Д. Талмуд, *История Цейлона, 1795—1965*, М., 1973, стр. 90—95.
- ¹⁸ Там же, стр. 129.
- ¹⁹ I. Jennings, *Nationalism and Political Development...*, стр. 3.
- ²⁰ B. H. Farmer, *Ceylon. A divided Nation*, Oxford, 1963, стр. 61.
- ²¹ Там же, стр. 63—64.
- ²² «New Commonwealth», London, vol. 35, 1958, № 10, стр. 477.
- ²³ «New Commonwealth», London, vol. 34, 1957, № 2, стр. 86.
- ²⁴ «Sri Lanka», Colombo, 1958, № 6, стр. 2.
- ²⁵ Подробнее см.: Tarzie Vittachi, *Emergency* '58, London, 1958.
- ²⁶ S.W.R.D. Bandaranaike, *Towards a New Era (Selected Speeches)*, Colombo, 1961, стр. 506—507.
- ²⁷ «Commonwealth survey», vol. 7, 1961, № 9, стр. 406.
- ²⁸ N. D. Wijesekera, *The People of Ceylon*, стр. 31.
- ²⁹ «Ceylon Today», 1958, № 7, стр. 10.
- ³⁰ «Ceylon Today», 1958, № 1.
- ³¹ R. Pieris, *Sinhalese Social Organization, The Kandyan Period*, Colombo, 1956, стр. 181.
- ³² R. L. Spittel, *Wild Ceylon. Describing in Particular the Lives of the Present Day Veddass*, Colombo, 1946, стр. 8.
- ³³ Там же, стр. 10.
- ³⁴ C. G. Seligmann and B. Z., *The Veddass*, Cambridge, 1911, стр. 331—340.
- ³⁵ Ульрих Макош, *Шри Ланка*, М., 1974, стр. 39—74.

Глава VIII

- ¹ Л. В. Печуров, *Мальдивская республика*, М., 1973, стр. 12.
- ² William H. Gilbert, *The Sinhalese Caste-System*, — «The Ceylon Historical Journal», vol. 2, Colombo, 1953, № 3—4, стр. 302.
- ³ В. Кассис, *Мальдивы — архипелаг без тайн*, М., 1963, стр. 106.
- ⁴ Там же, стр. 78—79.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение. Южноазиатская историко-этнографическая провинция	4
Глава I. Этническое развитие народов Южноазиатского субконтинента (до 1947 г.)	40
Глава II. Этнические процессы в Индии (1947—1974)	80
Глава III. Пакистан	172
Глава IV. Бангладеш	214
Глава V. Непал	229
Глава VI. Народы Бутана	244
Глава VII. Шри Ланка	249
Глава VIII. Мальдивы	278
Примечания	284

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АЗИИ

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор *Г. М. Юдина*
Младший редактор *И. А. Бодянская*
Художник *В. В. Петров*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *Л. И. Письман*

Сдано в набор 23/XII 1975 г. Подписано к печати 15/VI 1976 г. А-06620. Формат 60×90^{1/16}
Бум. № 1. Печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 20,34. Тираж 1650 экз. Изд. № 3828. Зак. 1004
Цена 2 р. 14 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, К-45, ул. Жданова 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
51	9 сн.	народов бхилов	бхилов
147	8 сн.	ассоциациях	ассоциаций
148	17 сн.	утхлу, бирхоров	утхлу бирхоров
159	7 сн.	общественного	общинного
161	3 сн.	гор. Аннамалаи	гор Аннамалаи
163	19 сн.	сметей	семей

Зак. 586

Цена 2 р. 14 к.